

Том 18. № 4 2021

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Я. Вальшинер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М.Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Подоляков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щебетенко (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголовский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабаников (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
П. Лучисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергинко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как интердисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- интердисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор Р.М. Байрамян
Редакторы О.В. Шапошникова, О.В. Петровская,
Д. Вонсбро. Корректура Н.С. Самбу
Переводы на английский К.А. Чистопольская,
Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка Е.А. Валуевой

Адрес редакции:
101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.
E-mail: psychology.hse@gmail.com
Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Психологическая диагностика: новые подходы и методики

А.А. Корнеев. Вступительное слово	661
А.Ю. Смирнова. Апробация русскоязычной версии методики самовосприятия трудоспособности	664
М.А. Окатова. Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии	685
Н.В. Кисельникова, Т.Н. Альмухаметова, М.М. Данина, Е.А. Куминская, Е.В. Лаврова, Д.Э. Крашенинников, В.А. Поджио. Русскоязычная версия Шкалы оценки самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов	700
А.А. Корнеев, А.Н. Кричевец, К.В. Сугоняев, Д.В. Ушаков. Использование метода модерируемого конфирматорного факторного анализа в исследовании нелинейных эффектов результатов интеллектуального тестирования	718
С.Н. Ениколопов, Ю.М. Кузнецова, Г.С. Осипов, И.В. Смирнов, Н.В. Чудова. Метод реляционно-ситуационного анализа текста в психологических исследованиях ..	748
Статьи	
М.А. Падун, С.С. Белова, Т.А. Нестик. Установки приверженности масочному режиму российских респондентов в период пандемии COVID-19	770
Л.О. Ткачева, М.А. Флаксман, Ю.Г. Седёлкина, Ю.В. Лавицкая, А.Д. Наследов. Исследование визуального опознания звукоизобразительных слов русского языка на разных стадиях деиконизации	792
Е.Б. Старовойтенко. Отождествление-разотождествление с собой посредством Другого: парадокс самотождества Я	813
В.Б. Шумский, Е.М. Уколова. Предпосылки и основания становления персоналистической антропологии современного экзистенциального анализа: от идеи к практике	837
В.Н. Шляпников. Особенности волевой регуляции молодых людей – пользователей социальных сетей	858
А.И. Шпаков, Л.Г. Климацкая, Н.А. Скоблина, Й. Бай-Корпак, А. Скарбалене, О.Е. Федорцов, Т.Ю. Крестьянникова, Е.В. Знатнова, О.Е. Кузнецова, Ю.А. Черкасова. Распространенность переживания одиночества среди студентов университетов пяти европейских стран во время пандемии COVID-19 (на английском языке)	871
Обзоры и рецензии	
Л.А. Асламазова, Р.Ж. Мухамедрахимов, К.Г. Туманьян. Преждевременное прерывание воспитания приемных детей в замещающих семьях: обзор российских и зарубежных исследований	888
А.В. Чистопольская, А.Д. Савинова, Н.Ю. Лазарева. Экспликация критериев инсайта и обзор методов их измерения	907
В.Ф. Петренко, О.В. Митина, А.П. Супрун. К проблеме сознания и бессознательного в психосемантике (на английском языке)	930

Publisher

HSE University

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslav, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoly Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Elena Starozeytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanschikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Länge, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE University, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology;
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya*,

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya*,

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskij pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2021 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Psychological Diagnostics: New Approaches and Methods

A.A. Korneev. Editorial (<i>in Russian</i>)	661
A.Yu. Smirnova. Approbation of the Russian Version of Self-Perceived Employability Scale (<i>in Russian</i>)	664
M.A. Okatova. Approbation of the Russian Version of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (<i>in Russian</i>)	685
N.V. Kiselnikova, T.N. Almukhametova, M.M. Danina, E.A. Kuminskaya, E.V. Lavrova, D.E. Krasheninnikov, V.A. Poggio. Russian adaptation of the Self-Efficacy Rating Scale for Psychologists-Consultants and Psychotherapists (<i>in Russian</i>)	700
A.A. Korneev, A.N. Krichevets, K.V. Sugonyaev, D.V. Ushakov. Moderated Confirmatory Factor Analysis and Non-Linear Effects in Intelligence Testing (<i>in Russian</i>)	718
S.N. Enikolopov, Y.M. Kuznetsova, G.S. Osipov, I.V. Smirnov, N.V. Chudova. The Method of Relational-Situational Analysis of Text in Psychological Research (<i>in Russian</i>)	748

Articles

M.A. Padun, S.S. Belova, T.A. Nestik. Adherence Attitudes towards Mask Wearing Regulations in Russia during COVID-19 Pandemic (<i>in Russian</i>)	770
L.O. Tkacheva, M.A. Flaksman, Yu.G. Sedelkina, Yu.V. Lavitskaya, A.D. Nasledov. The Study of Visual Recognition of Russian Sound Imitative Words at Different Stages of De-Iconization (<i>in Russian</i>)	792
E.B. Starovoytenko. Identification and De-identification with I Through Other: Paradox of Self-Identity (<i>in Russian</i>)	813
V.B. Shumskiy, E.M. Ukolova. Background and Basis of Personalistic Anthropology of Modern Existential Analysis: From Idea to Practice (<i>in Russian</i>)	837
V.N. Shlyapnikov. Specifics of Volitional Regulation of Young Users of Social Network Sites (<i>in Russian</i>)	858
A. Shpakou, L. Klimatckaia, N. Skobolina, J. Baj-Korpak, A. Skarbalienė, O. Fedorciv, T. Krestyaninova, A. Znatnova, A. Kuzniatsou, J. Cherkasova. The Prevalence of Loneliness among University Students from Five European Countries during the Covid-19 Pandemic	871

Reviews

L.A. Aslamazova, R.J. Muhamedrahimov, K.G. Tumanyan. Disruption of Substitute Care: A Review of Russian and Foreign Studies (<i>in Russian</i>)	888
A.V. Chistopolskaya, A.D. Savinova, N.Yu. Lazareva. The Explication of Insight Criteria and Overview of Their Measurement Methods (<i>in Russian</i>)	907
V.F. Petrenko, O.V. Mitina, A.P. Suprun. Conscious and Unconscious Cognition in Psychosemantics	930

*Специальная тема выпуска:
Психологическая диагностика:
новые подходы и методики*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Специальная тема нового номера журнала связана с важным направлением психологических исследований — разработкой и анализом инструментов психодиагностики и психологического измерения. Эта тема всегда актуальна и востребована, и работы, вошедшие в тематическую подборку, вносят важный вклад в ее развитие.

Помимо разработки и оценки качества новых методов психодиагностики, необходимо критическое рассмотрение уже существующих методов, приемов и путей их использования. Чтобы сориентироваться в обилии психодиагностических инструментов, важно не только проводить стандартные процедуры их аprobации (что, безусловно, важно и необходимо), но и анализировать уже существующие методы, уточняя их возможности и ограничения.

Среди статей, публикуемых в этом номере журнала, можно найти и результаты аprobации новых психодиагностических инструментов (такие работы расширяют поле возможностей психологов-исследователей и психологов-практиков), и анализ используемых в практике психологических исследований новых методов обработки и анализа данных. На наш взгляд, подобное сочетание делает этот выпуск особенно интересным.

Специальный выпуск открывает статья А.Ю. Смирновой, в которой изложены результаты аprobации русскоязычной версии «Шкалы самовосприятия трудоспособности», позволяющей оценить самоотношение респондента в контексте его работы в организации и на рынке труда. С помощью такого инструмента можно проводить исследования, направленные на оценку сотрудников внутри организации, а также при подборе персонала. Шкала достаточно компактна, она состоит из 11 пунктов; по результатам проведенного анализа их структуры авторы выделяют три субшкалы. Работа содержит бланк разработанной шкалы и нормативные показатели, полученные на группах респондентов разного возраста.

Статья М.А. Окатовой также посвящена аprobации русскоязычной версии новой методики «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии». Несмотря на большой интерес к исследованиям в области эмпатии, как справедливо указывает автор, русскоязычные методики, направленные на ее измерение, недостаточно

проверены с точки зрения психометрических свойств. Публикуемая статья призвана закрыть эту лакуну. Результаты аprobации нового измерительного инструмента получены на достаточно большой выборке респондентов. Анализ структуры опросника подтверждает правомерность выделения, помимо общей оценки эмпатии, пяти субшкал, три из которых связаны с когнитивным, а две — с аффективным компонентом эмпатии. Описанная версия методики может использоваться для самых разнообразных исследований структуры эмпатии. В приложении приведены формулировки пунктов и ключи, что облегчает доступность методики для заинтересованного читателя.

Завершает часть спецвыпуска, посвященную разработке новых методик, статья коллектива авторов — Н.В. Кисельниковой, Т.Н. Альмухаметовой, М.М. Даниной, Е.А. Куминской, Е.В. Лавровой, Д.Э. Крашенинникова и В.А. Поджио. В ней изложены результаты создания и аprobации русскоязычной версии «Шкалы самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов». Как отмечают авторы, до сегодняшнего дня не было разработано стандартизованных методов оценки самоэффективности практических психологов на русском языке. Анализ структуры русскоязычной версии опросника позволил выделить две группы шкал — оценивающие воспринимаемую самоэффективность психолога-практика в относительно несложных ситуациях консультирования, а также две шкалы, связанные с оценкой самоэффективности в более сложных консультативных ситуациях. Таким образом, созданный опросник позволяет провести подробный и разноуровневый анализ самоэффективности психолога-консультанта. Отдельным достоинством методики, как подчеркивают авторы, является ее независимость от контекста и специфики конкретных ситуаций консультирования, что делает ее полезной для исследования общих закономерностей и состояния самоотношения психологов-консультантов с различным опытом работы, использующих различные методы работы и т.д. Как и в предыдущих работах, в приложении к статье можно найти протокол методики — формулировки пунктов шкалы и инструкцию по ее заполнению.

Статья А.А. Корнеева, А.Н. Кричевца, К.В. Сугоняева и Д.В. Ушакова содержит критический анализ относительно нового метода модерируемого конфирматорного факторного анализа на материале реальных и смоделированных данных теста интеллекта. Авторы проводят сопоставление результатов модерируемого конфирматорного фактора, получаемых на реальных результатах тестирования интеллекта большой выборки респондентов, и искусственно созданных данных с контролируемыми свойствами, соответствующими возможным свойствам психометрического инструментария и выборки респондентов. Это позволяет оценить чувствительность метода с точки зрения различия особенностей выборки, вызванных содержательными причинами, связанными со структурой интеллекта, или зависящих от специфики процедуры тестирования, особенностей строения интеллектуальных тестов и т.д. Данная работа может быть интересна тем, кто занимается обработкой данных психологического тестирования и хочет глубже разобраться как в общих идеях метода модерируемого конфирматорного факторного анализа,

так и в специфике его применения при тестировании интеллекта. Это одна из первых подробных работ, посвященных модерируемому конфирматорному анализу.

В статье С.Н. Ениколопова, Ю.М. Кузнецовой, Г.С. Осипова, И.В. Смирнова и Н.В. Чудовой описан анализ текстов с помощью методов искусственного интеллекта для получения информации о психологических особенностях их авторов. Благодаря развитию современных технологий эта тема становится особенно перспективной. С одной стороны, исследователи получают возможность широко использовать искусственный интеллект при анализе данных. С другой — рост числа коммуникаций и доступность самых разнообразных текстовых материалов позволяют проводить разнообразные исследования, в том числе по оценке психологических характеристик автора текста. Статья содержит краткий обзор состояния дел в области автоматического анализа текста с помощью искусственного интеллекта. Достаточно подробно и доступно описаны принципы метода реляционно-ситуативного анализа текста, разработанного авторами статьи и предназначенного для решения разнообразных задач. Помимо теоретических оснований метода, статья также содержит достаточно обширный и интересный перечень примеров использования описанной технологии в психологических исследованиях, который показывает перспективность развития этого подхода к анализу текстов в контексте психодиагностики. Данная работа может быть полезна, в первую очередь, психологам, занимающимся анализом текстов, а также намечает важные направления развития методов обработки текстов с точки зрения самых разнообразных психодиагностических задач.

Публикуемые статьи достаточно разнообразны по тематике, но их объединяет направленность на развитие психометрического и психодиагностического инструментария. Разнообразие же дает возможность широкому кругу читателей найти в материалах специального выпуска что-то интересное именно для себя. Кто-то обнаружит новый психодиагностический инструмент, который сможет применить в своей исследовательской или практической работе. Кто-то познакомится с новыми методами обработки или анализа данных, которые сможет приложить к волнующим его задачам и проблемам. Кто-то определит новое направление исследований, которое следует развивать. Надеемся, что все представленные в специальной подборке материалы найдут своих заинтересованных читателей, и приглашаем познакомиться с ними.

*А.А. Корнеев,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

АПРОБАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ МЕТОДИКИ САМОВОСПРИЯТИЯ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

А.Ю. СМИРНОВА^a

^a Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Approbation of the Russian Version of Self-Perceived Employability Scale

A.Yu. Smirnova^a

Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты апробации русскоязычной версии Шкалы самовосприятия трудоспособности (Self-Perceived Employability Scale). Русскоязычная версия методики была апробирована на выборке 715 человек. Результаты апробации подтвердили факторную структуру, валидность и надежность психодиагностического инструмента. Факторная структура методики была подтверждена при помощи конфирматорного факторного анализа ($\chi^2 = 77.577$, $df = 29$, CMIN/DF 2.675, $p = 0.000$, GFI = 0.944, AGF = 0.893, CFI = 0.819, RMSEA = 0.057 [90% CI 0.042–0.072], PCLOSE = 0.216, HOELTER = 285). 3-факторная структура методики включает шкалы, надежность-согласованность которых следующая: Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации ($\alpha = 0.642$), Самооценка работником себя на внешнем рынке труда ($\alpha = 0.595$), Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда ($\alpha = 0.761$). Коэффициент корреляции при анализе тест-ретестовой надежности составил от $r = 0.56$ до $r = 0.72$, $p < 0.001$. Конвергентная и дискриминантная валидность методики подтверждена результатами корреляционного анализа, обнаружившего выраженную связь всех суб-

Abstract

The paper presents the results of approbation of the Russian Version of the Self-Perceived Employability Scale. 715 employees completed the Russian version of the SPE Scale. Research on the representative Russian sample revealed good consistency and test-retest reliability of the SPE Scale (the correlation ranged from 0.56 to 0.72), confirmed the factor structure, validity and reliability of the psychodiagnostic tool. Confirmatory factor analysis (CFI) supported the factor structure of the SPE Scale. The CFI results are following: $\chi^2 = 77.577$, $df = 29$, CMIN/DF 2.675, $p = 0.000$, GFI = 0.944, AGF = 0.893, CFI = 0.847, RMSEA = 0.057 [90% CI 0.042–0.072], PCLOSE = 0.216, HOELTER = 285. The consistency of the subscales as follows: the internal self-perceived employability (alpha reliability coefficients, $\alpha = 0.642$), the self-valuation outside current organization ($\alpha = 0.595$), the perceived value of the occupation outside current organization ($\alpha = 0.761$). The results on convergent and discriminant validity of the scale are confirmed by the correlation analysis, which shows high score of all subscales of the SPE Scale with a sense of success in professional

шкал методики самовосприятия трудоспособности с чувством успешности в профессиональной деятельности (от $r = 0.442$ до $r = 0.288$, $p < 0.001$ для субшкалы Оценка востребованности профессии на рынке труда), Внутренним спокойствием и равновесием ($r = 0.308$, $p < 0.001$), Активной стратегией решения проблем ($r = 0.385$, $p < 0.001$), Уровнем профессиональных притязаний ($r = 0.395$, $p < 0.001$), Чувством поддержки социального окружения ($r = 0.300$, $p < 0.001$). Стремление к совершенству и субъективное значение деятельности демонстрируют значимую корреляцию со Способностью трудоустроиться именно внутри организации ($r = 0.364$, $p < 0.001$), но не вне ее. Все субшкалы, в особенности Оценка себя как специалиста в организации ($r = -0.499$, $p < 0.001$), отрицательно связаны с Переживанием незащищенности. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что шкала обладает достаточной надежностью и ее применение позволяет получить валидные результаты в эмпирических исследованиях и практике.

Ключевые слова: способность трудоустроиться, самооценка, трудоспособность, субъективная незащищенность в сфере труда, валидность, шкала, переживания, связанные с работой.

Смирнова Анна Юрьевна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, факультет психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная психология, организационная психология, субъективная незащищенность в сфере труда, самовоспринимаемая трудоспособность, валидность, переживания, связанные с работой. Контакты: anna-smirnova-sgu@mail.ru

Современный рынок труда подвержен значительным трансформациям. По прогнозам компании McKinsey (2017), к 2030 г. может потерять работу каждый пятый из ныне трудящихся. Непрерывное обучение и многократная смена профессии становятся неотъемлемой характеристикой профессиональной карьеры работника, а его занятость больше не гарантирована, на протяжении своей профессиональной деятельности многие работники не раз переживают ненормативный кризис занятости (Бендюков, 2007). При этом имеется

activities (ranging from 0.442 to 0.288 for the perceived value of the occupation outside current organization, $p < 0.01$), the calm and balance (from 0.308), the active problem-solving strategy (0.385, $p < 0.01$), the level of professional aspirations (0.395, $p < 0.01$), the sense of the social environment support (0.300, $p < 0.01$). The pursuit of excellence and the subjective value of the activity demonstrates significant correlation with the internal self-perceived employability (0.364, $p < 0.01$), but not the external self-perceived employability. All subscales, especially the internal self-perceived employability are negatively correlated with the job insecurity (-0.499 , $p < 0.01$). According to the results of our approbation, the Self-Perceived Employability Scale can be considered a reliable and valid psychodiagnostic tool in Russia.

Keywords: self-perceived employability, self-esteem, job insecurity, validity, scale, work-related experiences.

Anna Yu. Smirnova — Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Psychology, Saratov National Research State University, PhD in Psychology.

Research Area: social psychology, organizational psychology, job insecurity, perceived employability, validity, work-related experiences.

Email: anna-smirnova-sgu@mail.ru

достаточно исследований, подтверждающих, что в одной и той же рабочей ситуации одни работники могут быть подвержены значительному стрессу и переживать из-за угрозы потерять занятость, другие — реализуют блестящую карьеру (Klandermans, van Vuuren, 1999), в том числе не ограничивая себя рамками одной организации (Greenhaus et al., 1990). В связи с этим становится актуальным изучение ресурсов личности в ситуации угрозы потери работы, безработицы, а также восприятия человеком собственной способности сохранить занятость в организации или в ситуации вынужденного увольнения найти новую, не худшую по своим характеристикам работу, в том числе исследование восприятия человеком собственной трудоспособности.

Исследование проблемы восприятия собственной трудоспособности работником может внести вклад в понимание особенностей профессионального самоопределения людей на разных этапах жизненного пути, мотивации профессиональной деятельности, удовлетворенности ею, однако в отечественной психологической литературе не представлены исследования, посвященные самовосприятию трудоспособности, равно как и отсутствуют инструменты для ее измерения, использование которых потенциально возможно в контексте отмеченных тенденций занятости, необходимо в карьерном консультировании, работе организационного психолога, что обуславливает теоретическую и практическую актуальность данной темы.

Трудоспособность традиционно анализируется в правовом поле и в юриспруденции выступает как объективная категория, содержание которой определено ФЗ № 125-ФЗ от 24 июля 1998 г., согласно которому профессиональная трудоспособность — способность человека к выполнению работы определенной квалификации, объема и качества; степень утраты профессиональной трудоспособности, выраженное в процентах стойкое снижение способности работника осуществлять профессиональную деятельность до наступления препятствующего работе заболевания или травмы. В контексте определения возраста, с которого допускается заключение трудового договора (ТК РФ, ст. 63), гарант при временной нетрудоспособности (ТК РФ, ст. 183), а также дополнительных гарантов занятости инвалидов в рамках ФЗ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В вопросе повышения трудоспособности инвалидов сделано уже немало: в 2012 г. Россией ратифицирована Конвенция ООН о правах инвалидов, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации реализует программы сопровождаемой занятости инвалидов (Минтруд, 2017).

По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы на конец 2020 г. в среднем по Российской Федерации составил 6.1% от трудоспособного населения, в регионе, где выполнялось исследование, — 6.3%.

Среди безработных доля женщин в январе 2020 г. составила 47.4%, молодежи до 25 лет — 18.5%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности, — 21.2%, а в декабре 2020 г. процент безработных женщин составил уже 48.1%, не имеющих опыта трудовой деятельности — 19.4%.

Эти, казалось бы, невысокие цифры составляют 3487.2 тыс. человек (Федеральная служба государственной статистики, 2020). Официальная статистика

приводится без учета скрытой безработицы, а также тех работников, чья занятость находится под угрозой.

Нестабильность рынка труда в конце XX в., характерная для ряда европейских стран, привлекла в конце XX – начале XXI в. пристальное внимание зарубежных психологов к трудоспособности как субъективной категории (Hillage, Pollard, 1998; Mallough, Kleiner, 2001; Forrier, Sels, 2003; Fugate et al., 2004; Berntson et al., 2006; Berntson, 2008), хотя попытки анализировать смежные конструкты предпринимались и ранее.

Как субъективная категория трудоспособность (самовоспринимаемая трудоспособность – self-perceived employability) определяется Эндрю Ротвелом и Джоном Арнолдом как оценка работником своей способности сохранить занятость или получить новую, соответствующую личным ожиданиям работу (Rothwell, Arnold, 2007; Rothwell et al., 2008). Именно на это определение мы опираемся в своем исследовании, валидизированная в нашем исследовании методика разработана этими авторами (Rothwell, Arnold, 2007).

В анализе воспринимаемой трудоспособности можно выделить два направления: индивид-центрированный подход, связанный с самооценкой субъектом собственного потенциала для сохранения занятости и поиска новой работы (Fugate et al., 2004; Berntson et al., 2006; Mallough, Kleiner, 2001; Berntson, 2008; Rothwell et al., 2009; Mazalin, Parmac Kovacic, 2015; Pitan, Muller, 2020), и ситуационный, направленный на анализ восприятия субъектом ситуационных факторов: экономической ситуации, особенностей локального рынка труда и организационных факторов (Forrier, Sels, 2003; Kluytmans, Ott, 1999; Vargas et al., 2018; и др.), и именно учет ситуационных факторов отличает воспринимаемую трудоспособность от близкого, но не тождественного конструкта – самоэффективности. Структура рынка труда имеет свои региональные особенности. Ситуации экономического спада или подъема неодинаковы по своим возможностям для трудоустройства, однако действия субъектов труда в одних и тех же условиях значительно различаются: одни выбирают пассивную стратегию, другие активно ищут возможности.

Отмеченные нами тенденции актуализируют важность оценки и развития ресурсов личности, представлений работника о себе как способном эффективно противостоять субъективной незащищенности в сфере труда.

Помимо описанного нами возвращения на рынок труда безработных граждан, самовоспринимаемая трудоспособность также анализируется в следующих ракурсах:

а) выпускников, совершающих первый выход на рынок труда после окончания учебных заведений (Rothwell et al., 2008; Rothwell et al., 2009; Lowden et al., 2011; Mazalin, Parmac Kovacic, 2015; Pitan, Muller, 2020);

б) в контексте изменчивости организационной структуры как способность сохранить занятость в изменяющейся организации, быстро переключаться с выполнения одного вида работы на другой (Rothwell, Arnold, 2007; Berntson, 2008);

в) как способность успешно найти работу после увольнения по инициативе работодателя (Hillage, Pollard, 1998; Forrier, Sels, 2003);

г) как способность сделать карьеру (Berntson, 2008).

Для российского общества рациональное привлечение молодежи на рынок труда (трудоустройство по специальности, способность быстро найти работу) имеет критическое значение из-за достаточно высокого уровня безработицы среди выпускников, а также массовой практики их ухода из профессии.

Э. Ротвел с соавт. выделяют следующие характеристики, формирующие трудоспособность: знания и навыки, способность управлять собственной карьерой и искать работу (Rothwell, Arnold, 2007). Согласно представленным в литературе эмпирическим данным, восприятие рабочей ситуации и способность трудоустроиться во многом зависят от внутреннего локуса контроля, позитивной аффективности, самооценки, и самоэффективности, а такженей-ротизма (Kanfer et al., 2001; Pinquart et al., 2003; Moynihan et al., 2003; Forrier, Sels, 2003; Krause, Broderick, 2006; Rothwell et al., 2008; Berntson, 2008; Gardner et al., 2010; Lowden et al., 2011; Mazalin, Parmac Kovacic, 2015).

Имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о гендерных различиях в уровне самовоспринимаемой трудоспособности (мужчины оценивают себя как более трудоспособные, чем женщины (Rothwell, Arnold, 2007; Vargas et al., 2018; Pitan, Muller, 2020)).

Воспринимаемая трудоспособность рассматривается в контексте способности сохранить длительную занятость, гибко адаптируя свои возможности под требования внутриорганизационного рынка труда (Rothwell et al., 2007) или как способность продвигаться по карьерной лестнице (Berntson, 2008). Именно анализ трудоспособности в контексте ее самовосприятия является основным направлением исследований в данный момент (Berntson, 2008; Rothwell et al., 2009; Mazalin, Parmac Kovacic, 2015; Vargas et al., 2018; Pitan, Muller, 2020; Paviotti, 2020).

В контексте теории социального конструционизма самовосприятие трудоспособности как способности субъекта определить и реализовать свои карьерные перспективы (Berntson, 2008; Fugate et al., 2004; Mazalin, Parmac Kovacic, 2015) зависит от социокультурной группы, к которой принадлежит индивид, что делает необходимым обращение к феноменам конструирования социальных проблем в представлении граждан и коллективной памяти (Емельянова, 2016), а также дихотомии феноменов «психологической защищенности — незащищенности», в том числе субъективной трудовой незащищенности (Смирнова, 2018). Воспринимаемая трудоспособность является многогранным феноменом и может быть понята как функция взаимовлияний между объективной ситуацией, ее ментальной реконструкцией и субъективными характеристиками личности. Высокая воспринимаемая трудоспособность выступает альтернативой гарантий занятости «employability security» (Kanter, 1993) и позволяет работнику обрести психологическую защищенность в условиях флексибильности организационной и внешнеорганизационной ситуации (Bernström et al., 2019).

Согласно определению Э. Бернтона (Berntson, 2008), самовоспринимаемая трудоспособность — индивидуальное восприятие собственной возможности получить новую работу с аналогичными имеющимися или лучшими условиями.

В отечественной науке подобному ракурсу анализа трудоспособности, к сожалению, не уделяется достаточное внимание. Анализируется влияние кризиса на субъективное благополучие, а также ресурсы совладания с экономическим кризисом, такие как смысложизненные ориентации, оптимизм, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, самоэффективность (Иванова и др., 2016) и динамика субъективного благополучия в условиях экономического кризиса. Уделяется внимание психологии безработного (Кабардов и др., 2010; Бенджиков, 2007; Орлова, 2018).

Организация и методики исследования

Дизайн и эмпирическая выборка исследования

Э. Ротвел и Дж. Арнольд — авторы методики самовосприятия трудоспособности (Rothwell, Arnold, 2007). В данной статье приводятся результаты валидизации русскоязычной версии шкалы. Ротвел и Арнольд исходили из влияния индивидуальных особенностей на категоризацию социальной ситуации и оценку индивидуальных ресурсов ее преодоления, поэтому вопросы шкалы связаны с оценкой субъектом собственных возможностей. С учетом этих акцентов, а также с целью условного контроля внешних факторов (переменных локального рынка труда, экономической ситуации и иных внешних условий и организационных факторов) эмпирическую выборку нашего исследования составили работники крупного промышленного предприятия Поволжья.

Половозрастные и образовательные характеристики выборки исследования следующие: всего 715 чел., из них 477 мужчин, 238 женщин, возрастной диапазон — 18–75 лет, средний возраст — 36.2, высшее образование имеют 37.8% респондентов, среднее профессиональное — 48.8%, основное общее — 13.9%. Отметим, что половозрастные и образовательные параметры выборки близки к параметрам генеральной совокупности работающих граждан России (Федеральная служба государственной статистики, 2019).

Исследование носило срезовый характер, включало два этапа, на первом этапе анализировались надежность и факторная структура методики. Бланки методик были размещены в локальной сети организации, с целью снижения вероятности социально желательных ответов респондентам предоставлялась возможность заполнить их анонимно или указать имя (при желании).

На втором этапе исследования с интервалом в 1 месяц выполнялась проверка ретестовой надежности шкалы. В исследовании на данном этапе приняли участие 105 респондентов из числа указавших свое имя.

Методики исследования

Опросник самовосприятия трудоспособности Э. Ротвела и Дж. Арнольда изначально содержал 16 утверждений, в ходе валидизации авторы англоязычной версии сократили число утверждений до 11. Мы переводили и валидизировали на русском 11-пунктовую версию методики (выполнялся прямой и обратный перевод двумя независимыми билингвальными экспертами). Далее

«рабочий» вариант методики был предложен для заполнения группе из 5 русскоязычных экспертов, с последующим обсуждением на предмет понятности формулирования утверждений, что позволило обеспечить семантическое тождество англоязычной и русскоязычной версий методик).

Описывая конструкцию методики, Ротвел и Арнолд приводят схему, которую образуют две оси: Самооценка (себя как специалиста и профессии), Рынок труда (внешний и внутриорганизационный).

Сочетание этих параметров образует четыре оцениваемые в методике субшкалы:

- 1) Оценка себя как специалиста в организации,
- 2) Самооценка собственной конкурентоспособности на рынке труда,
- 3) Воспринимаемая ценность должности в организации,
- 4) Оценка конкурентоспособности профессии на рынке труда.

Респонденты оценивают утверждения методики по 5-балльной шкале Лайкера.

Самооценка способности трудоустроиться вне организации (*External self-perceived employability*) оценивается на основании суммы параметров 2 и 4.

Самооценка способности трудоустроиться внутри организации (*Internal self-perceived employability*) (данная субшкала названа нами «Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации») оценивается как сумма параметров 1 и 3. Оговоримся, что параметр 3 — Воспринимаемая ценность должности в организации — авторы оценивают на основании одного утверждения, что, на наш взгляд, не вполне соответствует логике конструирования психо-диагностических методик, поэтому в нашем исследовании мы не диверсифицируем самооценку способности трудоустроиться внутри организации на шкалы, это, пожалуй, является наиболее существенным нареканием в адрес валидизируемой нами версии методики и, возможно, требует дополнительных исследований, направленных на включение в методику новых утверждений, с одной стороны, отражающих четыре выделенных Ротвелом и Арнолдом аспекта самовосприятия трудоспособности, с другой, опирающихся на особенности российской социально-экономической ситуации и культурного контекста.

Несмотря на отмеченное ограничение, методика оценки самовосприятия трудоспособности является экономичным и информативным инструментом.

Для валидизации шкалы мы использовали методики:

1. Удовлетворенности карьерой (Greenhaus et al., 1990) в адаптации А.Ю. Смирновой. Вслед за разработчиками оригинальной англоязычной версии мы предположили, что самовосприятие трудоспособности положительно связано с субъективной удовлетворенностью карьерой и что обе эти шкалы выступают своеобразными показателями субъективного карьерного успеха.

2. Диагностики воспринимаемой организационной поддержки (SPOS; Eisenberger et al., 1986) в адаптации А.Ю. Смирновой (2015б). Наше предположение: высокая оценка специалистом своей ценности для организации будет положительно связана с уровнем воспринимаемой поддержки, поскольку организационная поддержка отражает ценность сотрудника для организации и готовность инвестировать в него.

3. Опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM), в адаптации Т.И. Ронгинской (2002). Мы предположили, что самовосприятие трудоспособности положительно связано с чувством успешности в профессиональной деятельности, внутренним спокойствием и равновесием, активной стратегией решения проблем, уровнем профессиональных притязаний, чувством поддержки социального окружения, что диагностируемая по методике AVEM тенденция к отказу в ситуации неудачи отрицательно связана с самовосприятием трудоспособности.

4. Методика диагностики субъективной незащищенности в сфере труда X. Де Витта (JI Scale; Piernaar et al., 2013; Смирнова, 2015a). В данном случае наше предположение состояло в том, что работники, низко оценивающие свою трудоспособность, будут больше подвержены переживанию субъективной незащищенности в сфере труда.

Описательные статистики для методик исследования приведены в таблице 1.

Описание эмпирических результатов исследования

По большинству шкал статистика критерия Колмогорова–Смирнова показала значимый высокий результат на уровне $p = 0,0001$, для выявления статистических связей между переменными применялся коэффициент ранговой корреляции r Спирмена, приблизительно свободный от распределения метод конfirmаторного факторного анализа, для оценки различий между половозрастными и профессиональными группами применялся критерий У Манна–Уитни. Обработка данных проводилась с использованием программ SPSS Statistica 17, AMOS SPSS 22.

Валидность шкалы

Для проверки конвергентной и дискриминантной валидности субшкал шкалы Самооценки способности трудоустроиться рассчитывались корреляции с показателями других методик (таблица 1).

Общий уровень самовоспринимаемой трудоспособности не на высоком уровне, но значимо ($r = 0.183, p < 0.001$) связан с удовлетворенностью карьерой, при этом из всех субшкал методики самовосприятия трудоспособности наиболее выражена связь субшкалы Оценки себя как специалиста в организации с удовлетворенностью карьерой ($r = 0.386, p < 0.001$), что соответствует, как мы считаем, содержанию обеих шкал – субъективный карьерный успех.

Воспринимаемая организационная поддержка также связана с субшкалой «Оценки себя как специалиста в организации» ($r = 0.407, p < 0.001$) и не связана с субшкалами «Самооценка собственной конкурентоспособности на внешнем рынке труда» или «Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда», что подтверждает конвергентную и дискриминантную валидность методики.

Как мы и предполагали, тенденция к отказу в ситуации неудачи отрицательно связана с самовосприятием трудоспособности. Ярким подтверждением валидности данных, получаемых посредством методики самовосприятия

Таблица 1

Локальная валидность и связи субшкал

	17	18	19	20	21	M	SD	A
1	0.033	0.194**	0.225**	0.300**	0.215**	21.88	2.95	0.479
2	0.154**	0.334**	0.329**	0.358**	0.359**	22.75	3.96	0.714
3	0.288**	0.353**	0.377**	0.367**	0.442**	20.90	3.89	0.744
4	0.192**	0.275**	0.225**	0.257**	0.308**	20.35	3.46	0.608
5	0.113**	0.273**	0.235**	0.385**	0.314**	23.81	2.98	0.751
6	-0.081*	-0.086*	-0.089*	-0.132**	-0.132**	14.23	3.34	0.726
7	0.037	0.024	-0.026	-0.081*	0.002	19.18	4.38	0.807
8	0.031	0.261**	0.256**	0.364**	0.251**	24.74	3.4	0.754
9	0.155**	0.221**	0.275**	0.279**	0.294**	20.36	3.64	0.673
10	0.172**	0.322**	0.353**	0.395**	0.373**	22.82	3.15	0.616
11	-0.087*	0.061	0.142**	0.257**	0.079*	18.82	4.0	0.769
12	-0.127**	-0.269**	-0.378**	-0.499**	-0.382**	9.31	2.83	0.734
13	-0.121**	-0.155**	-0.163**	-0.189**	-0.207**	7.55	2.36	0.792
14	-0.128**	-0.320**	-0.378**	-0.462**	-0.378**	15.31	4.78	0.715
15	-0.041	0.091*	0.196**	0.407**	0.167**	32.55	7.08	0.878
16	0.001	0.075	0.164**	0.386**	0.183**	17.33	3.52	0.86
17	1.000	0.410**	0.412**	0.170**	0.762**	12.68	2.78	0.760
18	0.410**	1.000	0.367**	0.400**	0.753**	11.77	1.95	0.595
19	0.412**	0.367**	1.000	0.437**	0.639**	3.52	0.86	—
20	0.170**	0.400**	0.437**	1.000	0.627**	11.43	1.90	0.529
21	0.762**	0.753**	0.639**	0.627**	1.000	39.41	5.51	—

Примечание. 1 — SU (Чувство социальной поддержки), 2 — LZ (Удовлетворенность жизнью), 3 — ЕЕ (Чувство успешности в профессиональной деятельности), 4 — IR (Внутреннее спокойствие и равновесие), 5 — OP (Активная стратегия решения проблем), 6 — RT (Тенденция к отказу в ситуации неудачи), 7 — DF (Способность поддерживать дистанцию по отношению к работе), 8 — PS (Стремление к совершенству), 9 — VB (Готовность к энергетическим затратам), 10 — ВЕ (Профессиональные притязания), 11 — BA (Субъективное значение деятельности), 12 — Когнитивная субъективная незащищенность, 13 — Аффективная субъективная незащищенность, 14 — Субъективная незащищенность в целом, 15 — Воспринимаемая поддержка, 16 — Удовлетворенность карьерой, 17 — Оценка востребованности профессии на рынке труда, 18 — Оценка собственной конкурентоспособности на рынке труда, 19 — Оценка важности должности в организации, 20 — Самооценка себя как специалиста в организации, 21 — Самовосприятие трудоспособности общее.

* — $p < 0.05$, ** — $p < 0.001$.

трудоспособности, выступает ее отрицательная связь с переживанием субъективной незащищенности в сфере труда (от $r = -0.499$ до $r = -0.121$, $p < 0.001$).

Данные корреляции в некоторой степени служат подтверждением критериальной валидности, хотя для ее полной проверки, предполагающей соотношение диагноза и прогноза, получаемого посредством методики, в связи с объективно измеряемым показателем, требовался бы совершенно иной дизайн исследования, а именно лонгитюдное исследование респондентов, находящихся под угрозой увольнения, уволенных, сопоставления результатов самооценки способности найти работу и фактического быстрого трудоустройства, однако такой дизайн тоже не лишен недостатков (не включает внутриорганизационного аспекта трудоспособности, исключает респондентов, для которых угроза увольнения не реализовалась в фактическом увольнении); таким образом, корреляции же служат и для подтверждения критериальной валидности методики, хотя это и накладывает определенные ограничения, типичные для подобных методик, связанные с проблемой оценки своей эффективности и фактической эффективностью.

Подтверждением конструктной валидности методики выступает надежность-согласованность методики (рассчитанная на основании α Кронбаха), результаты приведены в таблице 2, а также конфирматорный факторный анализ (таблица 3). Метод — приблизительно свободный от распределения (asymptotically distribution-free); (Наследов, 2013).

Таблица 2
Надежность-согласованность методики

№	Наименование параметра	M	SD	α	α при удалении пункта	A, основанное на стандартных пунктах
1	Оценка востребованности профессии на рынке труда	12.68	2.78	0.761	0.796***	0.763
2	Самооценка собственной конкурентоспособности на внешнем рынке труда	11.77	1.95	0.595	0.393–0.591	0.606
3	Оценка важности должности в организации	3.52	0.86	—	—	—
4	Самооценка себя как специалиста в организации	11.47	1.90	0.529	0.37–0.47	0.53
5	Самовосприятие трудоспособности общее	39.41	5.28	0.771	0.746 – 0.782****	0.772
6	Воспринимаемая способность трудоустроиться вне организации	24.55	3.95	0.754	0.761*	0.753
7	Воспринимаемая способность трудоустроиться в организации	15.0	2.42	0.638	0.642**	0.640

Примечание. * — при удалении п. 2; ** — при удалении п. 4; *** — при удалении пункта 10; **** — при удалении п. 2.

Таблица 3

Результаты проверки факторной структуры методики

Параметр	3-факторная модель полная	3-факторная модель, удаленный п. 2	2-факторная модель	1-факторная модель
χ^2	129.60	77.577	145.536	131.821
df	40	29	26	31
CMIN/DF	3.240	2.675	5.598	4.252
GFI	0.912	0.944	0.905	0.920
AGFI	0.855	0.893	0.835	0.859
CFI	0.688	0.819	0.590	0.680
RMSEA	0.066	0.057	0.096	0.081
PCLOSE	0.02	0.216	0.000	0.000
RMSEA (HI 90)	0.053–0.020	0.042–0.072	0.081–0.112	0.67–0.095

Надежность α не по всем субшкалам превышает уровень 0.7, считающийся минимально приемлемым, однако отметим, что α имеет тенденцию недооценки надежности шкал с малым количеством пунктов, в отличие от его аналога — омеги Макдональда, применение которого позволяет получить похожие результаты (Deng, Chan, 2017), но также нередко не улучшает показатели при работе со шкалами с ограниченным количеством пунктов (Сергеева и др., 2016).

Следует отметить, что при удалении п. 2 «Мое окружение в организации (где я работаю) помогает мне в карьере»; п. 4 «Навыки, которые я получил(а) на моей теперешней работе, пригодятся и в другой должности вне организации, где я работаю», и п. 10 «Любой с моим уровнем навыков и знаний, подобным опытом работы будет высоко цениться работодателями» α повышается, однако последующий анализ факторной структуры методики (и ухудшение показателей CMIN/DF, GFI, AGFI, CFI, RMSEA, PCLOSE) свидетельствовал в пользу сохранения п. 4 и 10, и удаления из методики только п. 2. Это единственный пункт, не столько ориентированный на оценку себя как профессионала или должности, сколько апеллирующий к практике взаимодействия сотрудников между собой, которая может быть конкурентной, в особенности в ситуации нестабильности в организации; данный пункт скорее действительно не отражает восприятия работником собственной трудоспособности.

Отметим, что приведенные в таблице 3 индексы 3-факторной модели являются достаточно низкими с позиции строгой математической теории, чтобы делать вывод о соответствии модели данным (Hu, Bentler, 1998). Однако в современной математической статистике, практике разработки и адаптации иноязычных тестов вопрос выбора порога критических значений является дискуссионным, равно как и выбор индексов оценки соответствия модели, которые одни специалисты предлагают строго регламентировать (American Educational Research Association, 2014), другие допускают вариативность математической логики (International Test Commission, 2017). В нашем случае для

оценки соответствия апостериорной математической модели исходным данным могут быть применены более «мягкие» значения индексов согласия, поскольку размер выборки достаточен (Наследов, 2013, с. 356). Отсутствие многомерной нормальности распределения переменных накладывает ограничения на применение метода максимального правдоподобия для выполнения КФА, однако в качестве альтернативы может быть использован приблизительно свободный от распределения метод (asymptotically distribution-free), что также делает возможным размер выборки нашего исследования ($N = 715$, более 400–500 наблюдений) (Там же, с. 349). Решение о соответствии модели исходным данным, согласно А.Н. Наследову, принимается на основе не менее трех-пяти критериев КФА, выбирается модель с наилучшими числовыми значениями индексов. При этом наиболее робастным является RMSEA (Наследов, 2013). В нашем случае наилучшими показателями отличается 3-факторная модель. Она характеризуется приемлемым соответствием эмпирическим данным $\chi^2 = 77.577$, $df = 29$, $CMIN/DF = 2.675$, $P = 0.000$, $GFI = 0.944$, $AGFI = 0.893$, $CFI = 0.819$, $RMSEA = 0.057$ [90% CI 0.042–0.072], $PCLOSE = 0.216$. Так, на основании оценки факторной структуры методики методом КФА нами была эмпирически обоснована 3-факторная структура методики, включающая шкалы: Самооценка работников себя как специалиста и должности в организации ($\alpha = 0.642$), Самооценка работников себя на внешнем рынке труда ($\alpha = 0.595$), Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда ($\alpha = 0.761$). Утверждение 2 было нами исключено из методики. Не все показатели α более 0.7 мы обсуждали выше, однако отметим, что адаптированные версии тестов, имеющие аналогичные показатели, нередко рассматриваются как достаточно надежные (Hogrefe LTD, 2020; и др.).

Тест-ретестовая надежность шкалы

Ретестовая надежность методики, рассчитанная по данным корреляции результатов повторного тестирования 105 респондентов с интервалом в один месяц, составила от 0.56 для субшкалы Воспринимаемая ценность должности в организации до 0.72 для субшкалы Самооценка собственной конкурентоспособности на внешнем рынке труда, что подтверждает тест-ретестовую надежность шкалы. Русскоязычная версия методики самовосприятия трудоспособности (Self-Perceived Employability Scale; Rothwell, Arnold, 2007) может применяться в исследовательских и практических целях, организационном и индивидуальном консультировании.

Нормирование методики самовосприятия трудоспособности

Так как распределение сырых оценок в нашей выборке не соответствует нормальному, мы провели нелинейную нормализацию. Следует отметить, что наиболее распространенным способом такой нормализации является перевод сырых баллов в систему степей, предполагающую выделение 4, 7, 12, 17% низких и высоких, а также 20% центральных значений. Однако данная система

не лишена субъективности в отнесении первичных эмпирических значений к конкретным стейнайнам, поскольку количество респондентов с определенными баллами может превосходить эти процентные группы. Обнаружив такие затруднения, мы предпочли шкалу процентиелей, а также анализ медианных значений. Вместе с тем среднее значение и стандартное отклонение, которые обычно не показательны в случае несоответствия нормальному распределению, в нашем случае достаточно приближены к значению медианы, а потому также могут быть учтены. Результаты шкалирования приведены в таблице 4.

Таблица 4
Статистические нормы методики самовосприятия трудоспособности

N	Наименование показателя	1	2	3	4
N = 715 всего	Среднее	11.17	11.80	12.74	35.70
	Медиана	11.00	12.00	13.00	35.00
	Мода	11.00	12.00	12.00	36.00
	Стандартное отклонение	1.89	1.94	2.73	5.14
	Дисперсия	3.58	3.75	7.43	26.42
	Процентили: 25	10.00	11.00	11.00	32.00
	50	11.00	12.00	13.00	35.00
	75	12.00	13.00	14.00	39.00
	Среднее	11.39	11.91	12.91	36.22
N = 477, муж.	Стандартная ошибка среднего	0.088	0.094	0.13	0.24
	Медиана	11.00	12.00	13.00	36.00
	Мода	11.00	12.00	12.00	36.00
	Стандартное отклонение	1.91	2.05	2.80	5.28
	Дисперсия	3.664	4.190	7.82	27.86
	Процентили: 25	10.00	11.00	11.50	33.00
	50	11.00	12.00	13.00	36.00
	75	13.00	13.00	14.00	39.00
	Асимптотическое значение различий мужской и женской выборки	0.00	0.01	0.03	0.00
N = 238, жен.	Среднее	10.71	11.56	12.38	34.65
	Медиана	10.00	12.00	12.00	34.00
	Мода	10.00	12.00	12.00	31.00
	Стандартное отклонение	1.76	1.67	2.54	4.69
	Дисперсия	3.10	2.80	6.47	21.99
	Процентили: 25	9.00	10.00	11.00	31.00
	50	10.00	12.00	12.00	34.00
	75	12.00	13.00	14.00	37.00

Примечание. 1 — Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации, 2 — Самооценка собственной конкурентоспособности на рынке труда, 3 — Оценка конкурентоспособности профессии на рынке труда, 4 — Самовосприятие трудоспособности, общий уровень.

Таблица 4 (продолжение)

N	Наименование показателя	1	2	3	4
N = 557, до 30 лет	Среднее	10.92	11.59	12.7199	35.23
	Медиана	11.00	12.00	13.00	35.00
	Мода	11.00	12.00	12.00	36.00
	Стандартное отклонение	1.75	1.75	2.485	4.56
	Дисперсия	3.06	3.07	6.17	20.76
	Процентили: 25	10.00	11.00	11.00	32.00
	50	11.00	12.00	13.00	35.00
	75	12.00	13.00	14.00	38.00
	Асимптотическое значение различий между выборками до 30 и от 30 до 50	0	0	0.345	0
	Асимптотическое значение различий между группами до 30 и после 50	0.001	0.002	0.978	0.021
N = 108, 30–50 лет	Среднее	12.13	12.54	12.84	37.51
	Медиана	12.00	13.00	13.00	37.00
	Мода	11.00	12.00a	14.00	36.00
	Стандартное отклонение	2.20	2.47	3.45	6.75
	Дисперсия	4.86	6.12	11.910	45.523
	Процентили: 25	11.00	11.00	11.00	33.00
	50	12.00	13.00	13.00	37.00
	75	14.00	14.00	15.00	40.75
	Асимптотическое значение различий 30–50 и старше 50	0.517	0.764	0.756	0.99
N = 50, 50 и старше	Среднее	11.82	12.50	12.68	37.00
	Медиана	12.00	13.00	13.00	37.00
	Мода	11.00	15.00	16.00	37.00
	Стандартное отклонение	1.91	2.04	3.49	6.21
	Дисперсия	3.66	4.17	12.22	38.61
	Процентили: 25	10.00	11.00	10.00	31.75
	50	12.00	13.00	13.00	37.00
	75	13.00	14.00	15.25	42.00

Обсуждение результатов

Резюмируя анализ эмпирических результатов, можно сделать заключение о приемлемой надежности Шкалы самовосприятия трудоспособности, а также валидности получаемых при помощи этой шкалы данных. Выполненный конфирматорный факторный анализ подтверждает факторную структуру методики, хотя не все критерии переходят критические значения, однако именно предложенная нами трехфакторная структура методики подтверждается критериями согласия в сравнении с одно- и двухфакторной структурами. Надежность-согласованность субшкал «Самооценка собственной

конкурентоспособности на внешнем рынке труда», «Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда» преодолевает критическое значение $\alpha = 0.7$, таким образом, русскоязычная версия Шкалы самовосприятия трудоспособности (Self-Perceived Employability Scale; Rothwell, Arnold, 2007) позволяет получить достаточно валидные данные о внешнеорганизационном ракурсе самовосприятия трудоспособности. Не достигли соответствующего показателя α субшкалы, предназначенные для оценки способности трудоустроиться внутри организации. К сожалению, дизайн нашего исследования, для которого мы намеренно выбрали одну организацию, чтобы условно контролировать внешние переменные, не позволяет предположить, является ли это следствием особенностей конкретной организации или того, что мы объединили в одну субшкалку утверждения, предназначенные для диагностики двух субшкал оригинальной версии методики, направленных на оценку работником собственной способности трудоустроиться внутри организации: субшкалку «Самооценка себя как специалиста в организации» и субшкалку «Воспринимаемая ценность должности в организации».

Остается открытым вопрос о влиянии организационного контекста на оценку работниками собственной трудоспособности внутри организации, но для этой цели необходимо сопоставление данных разных организаций, что также не предусмотрено условиями нашего исследования. Конвергентная, дискриминантная, критериальная валидность и ретестовая надежность шкалы удовлетворительны, что подтверждается данными корреляционного анализа.

Как мы и предположили, методика AVEM позволила получить широкий спектр данных. Показательна выраженная связь всех субшкал Шкалы самовосприятия трудоспособности с чувством успешности в профессиональной деятельности, внутренним спокойствием и равновесием, активной стратегией решения проблем, уровнем профессиональных притязаний, чувством поддержки социального окружения. Стремление к совершенству и субъективное значение деятельности демонстрируют значимую корреляцию со способностью трудоустроиться внутри организации, но не вне ее. Это такжеrationально объясняется с позиции теорий межличностного взаимодействия как обмена: дорожащие своей работой и выполняющие задания на наиболее высоком уровне качества работники обретают в организации большие перспективы. Обнаруженные связи подтверждают, что особенности поведения и переживаний, связанных с работой, могут выступать ресурсами личности в ситуации угрозы потери работы и необходимости сохранения занятости или поиска новой работы (шкалы AVEM: Активная стратегия решения проблем, Стремление к совершенству, Готовность к энергетическим затратам, Внутреннее спокойствие и равновесие, Чувство поддержки социального окружения).

Полученные нами данные о связи воспринимаемой организационной поддержки ($r = 0.407, p < 0.001$) с самооценкой специалистом себя в рамках организации подтверждают предположение об инвестировании организации в наиболее ценных для нее сотрудников. То, что организационная поддержка

менее связана с ценностью профессиональной позиции в организации ($r = 0.196$, $p < 0.001$), в сравнении с оценкой специалистом себя в рамках организации, на наш взгляд, еще раз подчеркивает тенденции быстрого устаревания знаний. Профессиональные компетенции требуют постоянного обновления, и именно индивидуальные особенности работника ценятся современным работодателем, профессиональные же компетенции наращиваются в ходе непрерывного обучения.

Выявленная более высокая самооценка респондентами-мужчинами своей самовоспринимаемой трудоспособности, как в целом по методике, так и по отдельным субшкалам, выступает дополнительным свидетельством более высокой ценности на рынке труда и карьерного успеха мужчин-работников.

Сотрудники в возрасте до 30 лет оценивают свою способность трудоустроиться ниже, чем сотрудники в возрасте от 30 до 50 лет, за исключением параметра «Оценка конкурентоспособности профессии на рынке труда». Действительно, молодые люди осваивают новые востребованные на рынке труда профессии, однако ценность молодых работников нередко ниже, чем работников среднего возраста, из-за отсутствия должного опыта работы.

Сотрудники в возрасте от 30 до 50 лет и сотрудники старше 50 лет в нашей выборке не различаются по самовосприятию трудоспособности. Однако в других исследованиях можно найти данные, что сотрудники более старшего возраста ниже оценивают свою трудоспособность (Rothwell et al., 2006; Vantilborgh et al., 2013).

Следует отметить, что обе эти группы в нашей выборке не столь многочисленные, как группа работников до 30 лет, в связи с чем требуется дополнительное накопление эмпирических данных, которое может внести уточнение в сравнение этих групп. Именно немногочисленность «средней» и «старшей» возрастных групп составляет ограничение нашего исследования. В связи с этим намечаются возможные направления дальнейших исследований — анализ самовосприятия трудоспособности работников старшей возрастной категории в аспекте связи возраста и образовательного уровня, иерархического статуса работника в организации, гендерных особенностей самовосприятия трудоспособности в российской выборке, а также влияния на самовосприятие трудоспособности семейного статуса работников и наличия детей.

Литература

- Бендуков, М. А. (2007). Стадиальная модель ненормативного профессионально-обусловленного кризиса занятости. *Известия Российской государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 9(47), 149–154.
- Емельянова, Т. П. (2016). Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? *Психологические исследования*, 9(47). <http://psystudy.ru>
- Иванова, Т. Ю., Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2016). Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(2), 323–346.

- Кабардов, М. К., Аминов, Н. А., Гусев, С. А. (2010). Исследование специфики переживания события потери работы. *Психологические исследования*, 6(14). <http://psystudy.ru>
- Минтруд России. (2017, 21 декабря). *Госдума России одобрила в третьем чтении законопроект о сопровождаемой занятости инвалидов*. <https://mintrud.gov.ru/social/invalid-defence/403>
- Наследов, А. Н. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. СПб.: Питер.
- Орлова, М. М. (2018). Объективные и субъективные факторы ситуации бедности у мужчин и женщин. В кн. Л. Н. Алсеновская (ред.), *Организационная психология: Люди и риски* (с. 135–140). Саратов: ИЦ «Наука».
- Ронгинская, Т. И. (2002). Синдром «выгорания» в социальных профессиях. *Психологический журнал*, 23(3), 85–95.
- Сергеева, А. С., Кириллов, Б. А., Джумагулова, А. Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Смирнова, А. Ю. (2015а). Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 4, 99–106.
- Смирнова, А. Ю. (2015б). Роль организационной поддержки в профессиональном развитии персонала. *Акмеология*, 4(56), 142–150.
- Смирнова, А. Ю. (2018). Значение поддержки социального окружения в сохранении психологической защищенности работником в ситуации угрозы потери работы. *Психологические исследования*, 11(58), 10. <http://psystudy.ru>
- Федеральная служба государственной статистики. (2019). *Труд и занятость в России 2019. Статистический сборник*. М.: Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
- Федеральная служба государственной статистики. (2020). *Занятость и безработица в Российской Федерации в октябре 2020 года*. <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/109518>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education (Eds.). (2014). *Standards for educational and psychological testing*. American Educational Research Association.
- Bendyukov, M. A. (2007). Phasic model of non-normative profession-determined employment crisis. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 9(47), 149–154. (in Russian)
- Bernström, V. H., Drange, I., & Mamelund, S. E. (2019). Employability as an alternative to job security. *Personnel Review*, 48(1), 234–248.
- Berntson, E. (2008). *Employability perceptions. Nature, determinants, and implications for health and well-being*. Stockholm: Stockholm University.

- Berntson, E., Sverke, M., & Marklund, S. (2006). Predicting perceived employability: Human capital or labour market opportunities? *Economic and Industrial Democracy*, 27(2), 223–244.
- Deng, L., & Chan, W. (2017). Testing the difference between reliability coefficients Alpha and Omega. *Educational and Psychological Measurement*, 77(2), 185–203. <https://doi.org/10.1177/0013164416658325>
- Eisenberger, R., Huntington, R., Hutchinson, S., & Sowa, D. (1986). Perceived organizational support. *Journal of Applied Psychology*, 71, 500–507.
- Emelyanova, T. P. (2016). Collective memory about the Soviet past: back in USSR? *Psichologicheskie Issledovaniya*, 9(47). Retrieved from <http://psystudy.ru> (in Russian)
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. (2019). *Trud i zanyatost' v Rossii 2019. Statisticheskii sbornik* [Labor and employment in Russia]. Moscow: Rosstat. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. (2020). *Zanyatost' i bezrabotitsa v Rossiiskoi Federatsii v oktyabre 2020 goda* [Employment and unemployment in the Russian Federation in January 2020]. <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/109518>
- Forrier, A., & Sels, L. (2003). The concept employability: a complex mosaic. *International Journal of Human Resources Development and Management*, 3, 102–124.
- Fugate, M., Kinicki, A. J., & Ashforth, B. E. (2004). Employability: a psycho-social construct, its dimensions, and applications. *Journal of Vocational Behavior*, 65(1), 14–38.
- Gardner, D. G., Huang, G., Pierce, J. L., Niu, X., & Lee, C. L. (2010). Organization-based self-esteem: Relationships with psychological contracts and perceived employment opportunities. *Academy of Management Best Papers Proceedings*, 1, 1–6.
- Greenhaus, J. H., Parasuraman, S., & Wormley, W. M. (1990). Effects of race on organizational experiences, job performance evaluations, and career outcomes. *Academy of Management Journal*, 33(1), 64–86.
- Hillage, J., & Pollard, E. (1998). *Employability: developing a framework for policy analysis* (Research report RR85). Institute for Employment Studies, DfEE, Brighton. https://www.researchgate.net/publication/225083565_Employability_Developing_a_framework_for_policy_analysis
- Hogrefe LTD. (2020). *Business-Focused Inventory of Personality (BIP)*. https://eu.hogrefe.com/shop/media/downloads/sample-reports/5507002_mr.pdf
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1998). Fit indices in covariance structure modeling: Sensitivity to under-parameterized model misspecification. *Psychological Methods*, 3(4), 424–453. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.3.4.424>
- International Test Commission. (2017). *The ITC guidelines for translating and adapting tests* (2nd ed.). https://www.intestcom.org/files/guideline_test_adaptation_2ed.pdf
- Ivanova, T. Yu., Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2016). Functions of personality resources in a situation of economic crisis. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 3(2), 323–346. (in Russian)
- Kabardov, M. K., Aminov, N. A., & Gusev, S. A. (2010). The study of losing a job experience. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 6(14). <http://psystudy.ru> (in Russian)
- Kanfer, R., Wanberg, C. R., & Kantrowitz, T. M. (2001). Job search and employment: A personality-motivational analysis and meta-analytic review. *Journal of Applied Psychology*, 86(5), 837–855.
- Kanter, R. M. (1993). Employability Security. *Business and Society Review*, 87, 11–14.
- Klandermans, B., & van Vuuren, T. (1999). Job insecurity: Introduction. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 8(2), 145–153.

- Kluytmans, F., & Ott, M. (1999). The management of employability in The Netherlands. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 8(2), 261–272.
- Krause, J. S., & Broderick, L. (2006). Relationship of personality and locus of control with employment outcomes among participants with spinal cord injury. *Rehabilitation Counseling Bulletin*, 49(2), 111–114.
- Lowden, K., Hall S., Elliot D., & Lewin J. (2011). *Employers' perceptions of the employability skills of new graduates*. London: Millbank/Edge SCRE Centre at the University of Glasgow.
- Malloough, S., & Kleiner, B. H. (2001). How to determine employability and wage earning capacity. *Management Research News*, 24(3/4), 118–122.
- Mazalin, K., & Parmac Kovacic, M. (2015). Determinants of higher education students' self-perceived employability. *Drustvena Istrazivanja*, 24(4), 509–529.
- McKinsey Global Institute. (2017). *Getting ready for the future of work*. <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/getting-ready-for-the-future-of-work>
- Mintrud Rossii. (2017, December 21). *Gosduma Rossii odobrila v tret'em chtenii zakonoproekt o soprovozhdaemoi zanyatosti invalidov* [The State Duma of Russia approved in the third reading the bill on the accompanied employment of people with disabilities]. <https://mintrud.gov.ru/social/invalid-defence/403>
- Moynihan, L. M., Roehling, M. V., LePine, M. A., & Boswell, W. R. (2003). A longitudinal study of the relationships among job search self-efficacy, job interviews, and employment outcomes. *Journal of Business & Psychology*, 18(2), 207–233.
- Nasledov, A. N. (2013). *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical analysis]. Saint Petersburg: Piter.
- Orlova, M. M. (2018). Ob"ektivnye i sub"ektivnye faktory situatsii bednosti u muzhchin i zhenshchin [Objective and subjective factors of the situation of poverty for both men and women]. In L. N. Alsenovskaya (Ed.), *Organizatsionnaya psikhologiya: Lyudi i riski* [Organizational psychology: people and risks] (pp. 135–140). Saratov: Nauka.
- Paviotti, G. (2020). Self-perceived employability and implications for learning design: An exploratory case study. *Education Sciences and Society*, 2, 170–193.
- Pienaar, J., De Witte, H., Hellgren, J., & Sverke, M. (2013). The cognitive/affective distinction of job insecurity: Validation and differential relations. *Southern African Business Review*, 7(2). <https://www.ajol.info/index.php/sabr/article/view/110912/100675>
- Pinquart, M., Juang, L. P., & Silbereisen, R. K. (2003). Self-efficacy and successful school-to-work transition: a longitudinal study. *Journal of Vocational Behavior*, 63(3), 329–346.
- Pitan, O. S., & Muller, C. (2020). Students' self-perceived employability (SPE): Main effects and interactions of gender and field of study. *Higher Education, Skills and Work-based Learning*, 10(2), 355–368.
- Ronginskaya, T. I. (2002). Syndrome of burning-out in social professions. *Psychological Journal*, 23(3), 85–95. (in Russian)
- Rothwell, A., & Arnold, J. (2007). Self-perceived employability: development and validation of a scale. *Personnel Review*, 36(1), 23–41. <https://doi.org/10.1108/00483480710716704>
- Rothwell, A., Herbert, I., & Rothwell, F. (2008). Self-perceived employability: Construction and initial validation of a scale for university students. *Journal of Vocational Behavior*, 73, 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.12.001>
- Rothwell, A., Jewell, S., & Hardie, M. (2009). Self-perceived employability: Investigating the responses of post-graduate students. *Journal of Vocational Behavior*, 75, 152–161.

- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Eksperimental'naya Psichologiya [Experimental Psychology]*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (in Russian)
- Smirnova, A. Yu. (2015a). The two-dimensional approach to job insecurity in foreign literature: Psychological content and measurement. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika*, 4, 99–106. (in Russian)
- Smirnova, A. Yu. (2015b). The perceived organizational support as a factor of professional development of the personnel. *Akmeologiya*, 4(56), 142–150. (in Russian)
- Smirnova, A. Yu. (2018). The impact of social support on psychological security of the employee in job loss threatened situation. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 11(58), 10. <http://psystudy.ru> (in Russian)
- Vantilborgh, T., Bidee, J., Pepermans, R., Willems, J., Huybrechts, G., & Jegers, M. (2013). From “getting” to “giving”: Exploring age-related differences in perceptions of and reactions to psychological contract balance. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 22(3), 293–305.
- Vargas, R., Sánchez-Queija, M. I., Rothwell, A., & Parra, Á. (2018). Self-perceived employability in Spain. *Education + Training*, 60(3), 226–237. <https://doi.org/10.1108/ET-03-2017-0037>

Приложение 1**Бланк методики**

Оцените степень вашего согласия с каждым из утверждений по шкале от 1 — «Совершенно не согласен» до 5 — «Совершенно согласен» ($p = 0.0001$).

Утверждения методики	Принадлежность к фактору	SRW*
1. Даже если в организации (где я работаю) будет сокращение, я уверен, что останусь		0.369
2. Мое окружение в организации (где я работаю) помогает мне в карьере	Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации	—
3. Я считаю, что мои возможности в организации, где я работаю, возрастут, даже если то, что я буду делать, будет отличаться от того, чем я занимаюсь сейчас	Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации	0.428
4. Навыки, которые я получил(а) на моей теперешней работе, пригодятся и в другой должности вне организации, где я работаю		0.461
5. Я могу легко переобучиться, чтобы стать более трудоспособным	Самооценка работником себя на внешнем рынке труда	0.532
6. Я хорошо знаю, что вне организации, где я работаю, для меня есть масса возможностей, даже если они отличаются от того, чем я занимаюсь сейчас	Самооценка работником себя на внешнем рынке труда	0.667
7. Среди работников, которые делают ту же самую работу, что и я, я высоко ценюсь в своей организации	Самооценка работником себя как специалиста и должности в организации	0.608
8. Если мне понадобится, я легко найду такую же работу, как та, на которой сейчас работаю, в такой же организации		0.860
9. Я легко найду такую же работу в любой организации	Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда	0.822
10. Любой с моим уровнем навыков и знаний, подобным опытом работы будет высоко цениться работодателями	Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда	0.530
11. Я найду любую работу, где угодно, пока мои навыки и опыт соответствуют требованиям	Воспринимаемая ценность профессии на внешнем рынке труда	0.569

АПРОБАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА КОГНИТИВНОЙ И АФФЕКТИВНОЙ ЭМПАТИИ

М.А. ОКАТОВА^a

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1

Approbation of the Russian Version of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy

M.A. Okatova^a

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты апробации Опросника когнитивной и аффективной эмпатии Р. Реньерса на русскоязычной выборке. В отличие от других направленных на диагностику эмпатии методик, доступных русскоязычному исследователю, данный опросник демонстрирует хорошие психометрические показатели, а также пригоден для измерения как когнитивной, так и аффективной эмпатии. В исследовании приняли участие 788 человек в возрасте от 18 до 66 лет ($M = 26$, $SD = 10.1$; 707 женщин и 81 мужчины). Методом конфирматорного факторного анализа была подтверждена заявленная в оригинальной версии опросника факторная структура, обе проверенные модели демонстрируют удовлетворительный уровень соответствия данным. Шкалы методики показывают высокие значения надежности-согласованности, составляющие их субшкалы — удовлетворительные значения надежности-согласованности. Конвергентная валидность подтверждается наличием корреляций со шкалами эмоционального интеллекта, психопатии, макиавелизма. Когнитивная эмпатия положительно связана со всеми субшкалами эмоционального интеллекта, аффективная

Abstract

The article presents the results of approbation of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy in Russia. Unlike other methods aimed at diagnosing empathy available to a Russian-speaking researcher, this questionnaire demonstrates good psychometric properties and is suitable for measuring both cognitive and affective empathy. 788 participants aged 18-66 ($M = 26$, $SD = 10.1$; 707 females and 81 males) took part in the study. Confirmatory factor analyses supported the factor structure of the original QCAE, both models tested demonstrate acceptable goodness of fit indices. Its scales showed good internal consistency, its subscales demonstrated satisfactory internal consistency. Convergent validity is confirmed by correlations with scales of emotional intelligence, psychopathy, Machiavellianism. Cognitive empathy correlated positively with all subscales of emotional intelligence, affective empathy correlated positively with interpersonal emotional intelligence, but negatively with intrapersonal emotional intelligence. Psychopathy and Machiavellianism correlated negatively with affective empathy.

эмпатия положительно связана с межличностным эмоциональным интеллектом, но отрицательно — с внутриличностным эмоциональным интеллектом. Психопатия и макиавеллизм отрицательно связаны с аффективной эмпатией и одной из субшкал когнитивной эмпатии. Женщины демонстрируют более высокий уровень аффективной эмпатии, чем мужчины, гендерных различий в уровне когнитивной эмпатии выявлено не было. Полученные результаты позволяют рассматривать предложенную версию методики в качестве инструмента оценки когнитивной и аффективной эмпатии. Наличие надежного и валидного русскоязычного инструмента диагностики эмпатии может расширить возможности практической и исследовательской деятельности, в том числе кросс-культурных исследований.

Ключевые слова: эмпатия, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, QCAE, эмоциональный интеллект, Темная триада.

Окатова Мария Александровна — аспирант, кафедра возрастной психологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: психометрика, эмпатия, детско-родительские отношения. Контакты: maokatova@mail.ru

and one subscale of cognitive empathy. The levels of affective empathy were found to be higher in women than men; no gender differences in the levels of cognitive empathy were found. The results make it possible to consider the suggested version of the questionnaire as a tool for assessing cognitive and affective empathy. Russian version of QCAE can be used for future assessment of empathy in both clinical and research practice, including cross-cultural studies.

Keywords: empathy, cognitive empathy, affective empathy, QCAE, emotional intelligence, Dark Triad.

Maria A. Okatova — PhD student, Department of Developmental Psychology, Lomonosov Moscow State University. Research Area: psychometrics, empathy, parent-child relationship. E-mail: maokatova@mail.ru

Введение

Несмотря на многообразие определений, приписываемых понятию эмпатии, большинство исследователей сходятся на том, что эта способность играет значимую роль в межличностном взаимодействии. С высоким уровнем развития эмпатии связывают просоциальное поведение (Eisenberg, Miller, 1987; Lockwood et al., 2014), дружелюбие как один из факторов Большой пятерки (Graziano, Eisenberg, 1997), лидерство (Kellett et al., 2006). Дефицит способности к эмпатии наблюдается в ряде психических расстройств, таких как психопатия (Blair, 2005), расстройство аутистического спектра (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004), шизофрения (Lee et al., 2004). Недостаток эмпатических способностей также связан с эмоциональной холодностью, агрессивным и антисоциальным поведением (Miller, Eisenberg, 1988).

Столь широкое распространение данного конструктора остро ставит задачу нахождения валидного и надежного инструмента для его измерения. Среди доступных отечественному исследователю методик на данный момент можно выделить «Многофакторный опросник эмпатии» М. Дэвиса (IRI; Davis,

1983), аprobация которого была выполнена коллективом автором относительно недавно (Карягина и др., 2013), и «Уровень сопереживания» С. Барон-Коэна и С. Уилрайта (EQ; Baron-Cohen, Wheelwright, 2004), также прошедший аprobацию на русскоязычной выборке (Kosonogov, 2014). Оба опросника демонстрируют хорошие психометрические показатели и широко используются для измерения эмпатии, однако имеют некоторые ограничения. EQ содержит 60 вопросов, 20 из которых направлены на отвлечение респондента от содержания остальных вопросов, 40 — на измерение общего уровня эмпатии. Таким образом, получить информацию о выраженности когнитивного или аффективного компонентов эмпатии посредством данного опросника нельзя. IRI предоставляет подобную возможность: опросник содержит четыре шкалы, *Эмпатическая забота* и *Личный дистресс* направлены на измерение аффективного компонента эмпатии, *Децентрация* и *Фантазия* позволяют сделать вывод о выраженности ее когнитивного компонента. Ряд исследователей, однако, отмечают, что содержание вопросов шкалы Личного дистресса в большей степени отражает степень тревожности как личностного свойства, нежели степень эмпатического дистресса, вызванного эмоциями другого (Карягина, Придачук, 2017; Jolliffe, Farrington, 2004), тогда как шкала Фантазии в большей степени отражает способности, связанные с воображением, нежели эмпатические способности (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004; Baldner, McGinley, 2014).

Среди русскоязычных исследователей также распространена методика диагностики эмпатических способностей В.В. Бойко. Опросник содержит шесть шкал, две из которых, согласно автору, дают возможность сделать вывод о выраженности у респондента эмоционального и рационального компонентов эмпатии. Ряд исследователей, однако, обращают внимание на отсутствие информации о психометрических характеристиках данной методики, а также на неоднозначность теоретических конструктов, на которые опирался автор при создании опросника (Карягина и др., 2013).

Одним из зарекомендовавших себя инструментов измерения эмпатии является созданный Р. Реньерс с коллегами «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии» (QCSE; Reniers et al., 2011). Авторы сделали акцент на разделении когнитивной эмпатии, понимаемой как способность построить рабочую модель эмоциональных состояний других, и аффективной эмпатии, понимаемой как сензитивность к чувствам других и способность разделять эти чувства. Важность подобного разграничения определяется относительной независимостью двух компонентов эмпатии друг от друга, что подтверждается исследованиями развития эмпатии при патологиях и локализации этих процессов в головном мозге. Так, исследования, проведенные с участием лиц с психопатическими расстройствами, позволяют заключить, что для данной группы людей характерным является дефицит аффективной стороны эмпатии при сохранности когнитивного ее компонента (Jones et al., 2010; Seara-Cardoso et al., 2012). Обратная картина наблюдается у людей с расстройствами аутистического спектра: при сохранности эмоционального компонента эмпатии у них заметно слабее развит ее когнитивный компонент (Jones et al.,

2010; Rueda et al., 2015). Соотносятся с данной позицией и исследования, демонстрирующие различия в плотности серого вещества разных отделов головного мозга в зависимости от выраженности когнитивной или аффективной эмпатии (Banissy et al., 2012; Eres et al., 2015; Uribe et al., 2019) а также исследования, в которых показана разница в активации отделов головного мозга в зависимости от протекания того или иного эмпатического процесса (Kogler et al., 2020). Таким образом, многомерность данного конструкта делает актуальной задачу разработки такого инструмента, который позволит сделать вывод отдельно о каждом компоненте эмпатии.

При конструировании QCAE использовались утверждения, взятые из ряда зарекомендовавших себя опросников, в том числе EQ и IRI. Каждое утверждение оценивалось с точки зрения принятых авторами определений когнитивной и аффективной эмпатии, в случае согласованной оценки утверждение включалось в опросник. Первая версия QCAE составила 65 пунктов, после проведенного факторного анализа количество пунктов сократилось до 31, выделенные факторы составили 5 субшкал. *Способность к децентрации* (Perspective Taking) позволяет оценить, насколько хорошо человеку удается определить, что чувствует другой; *Склонность к децентрации* (Online Simulation) в большей степени характеризует нацеленность человека на то, чтобы попытаться представить, как чувствует себя другой, вместе они составляют шкалу когнитивной эмпатии. Различие между этими двумя субшкалами иллюстрируется используемыми в вопросах глаголами: «легко могу», «быстро понимаю», «хорошо предугадываю», — которые применяются при оценке *Способности к децентрации*, «стараюсь посмотреть», «пытаюсь представить» — при оценке *Склонности к децентрации*. *Отзеркаливанию эмоций* (Emotion Contagion) соответствует автоматическая реакция в ответ на чувства другого человека, характеризующаяся разделением этих чувств; *Чувствительность к близким* (Proximal Responsivity) позволяет оценить эмоциональную отзывчивость, сензитивность к чувствам ближайшего окружения человека; *Общая чувствительность* (Peripheral Responsivity) в большей степени оценивает сензитивность к чувствам персонажей фильмов или книг, эти три субшкалы вместе составляют шкалу аффективной эмпатии.

Опросник демонстрирует хорошие психометрические показатели, на данный момент существуют его апробации на итальянском (Giromini et al., 2016), французском (Myszkowski et al., 2017), португальском (Queirys et al., 2018) и китайском (Liang et al., 2019) языках. Общей целью данной работы является апробация его русскоязычной версии; к конкретным задачам нашего исследования относятся установление факторной структуры опросника, проверка надежности шкал и субшкал, входящих в него, проверка его конвергентной валидности.

Метод

Участники исследования. В исследовании приняли участие 788 человек в возрасте от 18 до 66 лет ($M = 26$, $SD = 10.1$; 707 женщин и 81 мужчина), из них

319 человек с высшим образованием, 254 человека с неоконченным высшим образованием, 136 человек со средним специальным образованием, 79 человек со средним образованием. Средние значения по возрасту для женщин $M = 25.5$, $SD = 9.6$, для мужчин $M = 30.1$, $SD = 13.2$, указанные различия статистически значимы ($p < 0.05$). Выборка формировалась по принципу «снежного кома».

Опросник когнитивной и аффективной эмпатии. Опросник состоит из 31 утверждения и 5 субшкал, его заполнение предполагает использование 4-балльной шкалы, где 1 – полностью не согласен, 4 – полностью согласен. Помимо коэффициента общей эмпатии, опросник предполагает получение коэффициентов когнитивной (2 субшкалы) и аффективной (3 субшкалы) эмпатии.

Два психолога, свободно владеющие русским и английским языками, независимо друг от друга перевели текст опросника на русский язык. Из представленных вариантов с привлечением третьего независимого эксперта составили финальную версию перевода. Русскоязычный вариант опросника затем был передан на обратный перевод другому владеющему обоими языками специалисту. Обратный перевод был проверен и одобрен автором оригинального опросника.

Проверка конвергентной валидности опросника предполагает использование методик, измеряющих тот же конструкт, однако два наиболее зарекомендовавших себя в области измерения эмпатии опросника – IRI и EQ – были задействованы при создании QCAE. В связи с этим было решено включить в набор методик опросники, направленные на измерение схожих конструктов.

Опросник ЭмИн Д.В. Люсина. Опросник состоит из 46 утверждений, 5 субшкал, предполагает использование 4-балльной шкалы Лайкерта. Направлен опросник на измерение межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта, включает в себя следующие субшкалы: понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии (Люсин, Ушаков, 2009).

Опросник «Темная дюжина». Опросник состоит из 12 утверждений, 3 шкал, его заполнение предполагает использование 5-балльной шкалы Лайкерта. Направлен опросник на измерение основных черт Темной триады, содержит следующие шкалы: макиавеллизм, психопатия, нарциссизм (Jonason, Webster, 2010). Русскоязычная версия опросника демонстрирует хорошие психометрические показатели (Корнилова и др., 2015).

У людей с выраженными чертами психопатии и макиавеллизма, как правило, наблюдается дефицит эмпатических способностей, что позволяет нам использовать опросник «Темная дюжина» в целях проверки конвергентной валидности QCAE.

Результаты

Факторная структура и надежность

Конfirmаторный факторный анализ структуры опросника был проведен в программе EQS for Windows v. 6.4. В соответствии с исходной статьей авторов

(Reniers et al., 2011) были проверены две модели: Модель 1, в которую были включены пять коррелирующих между собой факторов, и Модель 2, в которую, помимо пяти факторов, были включены два коррелирующих между собой фактора второго порядка (когнитивная и аффективная эмпатия).

Все корреляции пунктов со шкалами оказались значимы, однако значения факторных нагрузок пунктов 1 и 17 оказались недостаточно высокими (0.16 для обоих пунктов). Последующий анализ указанных вопросов продемонстрировал их теоретическую несостоительность, в связи с чем было решено исключить их из русскоязычной версии опросника.

При построении моделей нами были изучены индексы модификации Лагранжа. В обе модели были внесены ковариации между остаточной дисперсией пунктов, вызванной схожестью формулировок вопросов (рисунок 1).

При оценке показателей соответствия мы опирались на следующие значения: CFI, TLI > 0.95, SRMR < 0.08, RMSEA < 0.06 (Hu, Bentler, 1999), $\chi^2/df < 5$ (Watkins, 1989). Представленные в таблице 1 показатели позволяют сделать вывод об удовлетворительном уровне соответствия данным обеих моделей. Модель 1, как и в оригинальном исследовании, продемонстрировала чуть более высокий уровень соответствия данным.

Рисунок 1
Факторная структура протестированных моделей: Модель 1 (слева), Модель 2 (справа).
Все коэффициенты значимы на уровне $p < 0.05$

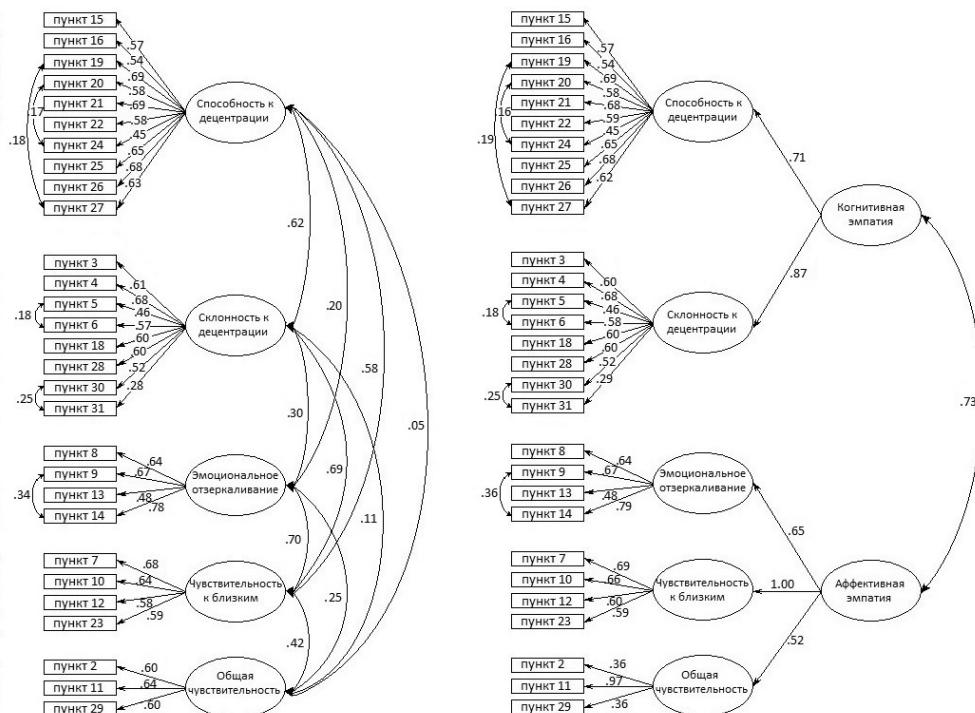

Таблица 1

Показатели соответствия протестированных моделей

Модель	χ^2	df	χ^2/df	CFI	SRMR	RMSEA	AIC	TLI
1	1202.91	362	3.32	0.953	0.071	0.054	478.9	0.948
2	1267.93	361	3.51	0.950	0.071	0.056	545.9	0.943

В результате анализа надежности опросника (с помощью IBM SPSS Statistics 23.0) были получены следующие коэффициенты внутренней согласованности α Кронбаха: Способность к децентрации – 0.86, Склонность к децентрации – 0.77, Отзеркаливание эмоций – 0.72, Чувствительность к близким – 0.71, Общая чувствительность – 0.64. Коэффициенты для шкал когнитивной и аффективной эмпатии – 0.86 и 0.78 соответственно.

Коэффициенты надежности ω Макдоналда для субшкал (подсчитанные с помощью пакета «psych» в R) также находятся в пределах удовлетворительных значений: Способность к децентрации – 0.87, Склонность к децентрации – 0.83, Отзеркаливание эмоций – 0.75, Чувствительность к близким – 0.73, Общая чувствительность – 0.65. Показатели для шкал когнитивной и аффективной эмпатии – 0.89 и 0.83.

Конвергентная валидность

Для оценки конвергентной валидности в качестве внешних критериев были использованы опросники ЭмИн и «Темная дюжина» (коэффициенты корреляций приведены в таблице 2).

Шкала Психопатии оказалась отрицательно связана со всеми компонентами эмпатии, кроме Способности к децентрации, наиболее сильной оказалась связь со шкалой Аффективной эмпатии ($r = -0.33, p < 0.01$). Шкала Макиавеллизма положительно связана со Способностью к децентрации, отрицательно – со Склонностью к децентрации, а также с Общей чувствительностью. Также были обнаружены очень слабые положительные связи между шкалой Нарциссизма и шкалами Способности к децентрации и Отзеркаливания эмоций.

Все субшкалы опросника ЭмИн оказались положительно связаны со шкалой Когнитивной эмпатии, наиболее сильной оказалась связь шкалы Понимания чужих эмоций и шкалы Способности к децентрации ($r = 0.73, p < 0.01$). Также Понимание чужих эмоций – единственная шкала, по которой не наблюдается отрицательной связи с аффективной эмпатией или одним из ее компонентов.

Гендерные различия

В таблице 3 приведены средние значения и стандартные отклонения показателей шкал и субшкал опросника. Применение t -критерия для независимых

Таблица 2

Анализ конвергентной валидности Опросника когнитивной и аффективной эмпатии

	Общий балл по КАЭ	Когнитивная эмпатия			Аффективная эмпатия			
		Общий балл	СпД	СклД	Общий балл	ОЭ	ЧБ	ОЧ
Макиавеллизм	-0.02	0.02	0.13**	-0.13**	-0.07*	-0.01	-0.07	-0.1**
Психопатия	-0.24**	-0.12**	0.00	-0.23**	-0.33**	-0.18**	-0.3**	-0.28**
Нарциссизм	0.12**	0.1**	0.16**	-0.01	0.11**	0.18**	0.04	0.01
Понимание чужих эмоций	0.55**	0.66**	0.73**	0.36**	0.17**	0.02	0.33**	0.02
Управление чужими эмоциями	-0.24**	0.32**	0.41**	0.11**	0.01	-0.16**	0.17**	0.03
Понимание своих эмоций	0.04	0.17**	0.19**	0.09**	-0.18**	-0.27**	-0.07	-0.02
Управление своими эмоциями	0.1**	0.26**	0.28**	0.16**	-0.18**	-0.27**	0.00	-0.13**
Контроль экспрессии	-0.05	0.12**	0.1**	0.11**	-0.3**	-0.3**	-0.15**	-0.22**

Примечание. КАЭ – Опросник когнитивной и аффективной эмпатии, СпД – Способность к децентрации, СклД – Склонность к децентрации, ОЭ – Отзеркаливание эмоций, ЧБ – Чувствительность к близким, ОЧ – Общая чувствительность.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Таблица 3

Описательная статистика субшкал Опросника когнитивной и аффективной эмпатии

Шкалы	Мужчины		Женщины	
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
Общий балл	76.2	14.66	80.24	13.03
Когнитивная эмпатия	47.1	10.85	47.73	9.34
Способность к децентрации	26.54	6.98	26.78	6.06
Склонность к децентрации	20.56	5.2	20.95	4.79
Аффективная эмпатия	29.1	5.81	32.51	6.02
Отзеркаливание эмоций	9.3	2.87	10.82	3.01
Чувствительность к близким	10.96	2.99	11.96	2.85
Общая чувствительность	8.83	2.21	9.74	2.15

выборок позволяет сделать вывод о большей выраженности аффективной эмпатии в всех составляющих ее субшкал у женщин ($M = 32.5$, $SE = 0.23$), чем у мужчин ($M = 29.1$, $SE = 0.65$): $t(786) = -4.85$, $p = 0$, $d = 0.83$. Значимых гендерных различий в показателях когнитивной эмпатии получено не было: $t(786) = -0.568$, $p = 0.57$, $d = 0.06$, при $M = 47.7$, $SE = 0.35$ у женщин и $M = 47.1$,

SE = 1.2 у мужчин. Обнаруженные различия являются значимыми с учетом возраста в качестве ковариаты (при построении общей линейной модели).

Обсуждение результатов

В данном исследовании нами была апробирована русскоязычная версия Опросника когнитивной и аффективной эмпатии. Анализ факторной структуры опросника позволяет подтвердить предложенную авторами пятифакторную структуру методики, входящие в опросник шкалы характеризуются высоким уровнем надежности-согласованности и значимо коррелируют со шкалами других методик, направленных на измерение связанных с эмпатией конструктов. В целом эти результаты свидетельствуют о возможности использования Опросника когнитивной и аффективной эмпатии для диагностики эмпатических способностей.

Высокие значения факторных нагрузок были получены для всех пунктов опросника, кроме 17-го («Мне трудно понять, почему некоторые вещи так сильно расстраивают людей»), составляющего часть субшкал Общего чувствительности, и 1-го («Иногда мне бывает тяжело посмотреть на ситуацию с позиции другого человека»), входящего в субшкалу Склонности к децентрации. Низкий показатель факторной нагрузки для 17-го пункта наблюдался и при апробации опросника португальскими исследователями (Queiros et al., 2018). Возможным объяснением является разная теоретическая направленность составляющих субшкал утверждений: три входящих в субшкалу пункта отражают выраженность эмоциональных реакций человека при просмотре фильма, спектакля, чтении книги, 17-й же пункт в большей степени затрагивает понимание и разделение ценностей и эмоций других людей. Как следствие, наличие данного пункта снижает показатели надежности-согласованности субшкал, что также было замечено проводящими апробацию опросника французскими исследователями (Myszkowski et al., 2017). 1-й вопрос отличается от входящих в субшкалу пунктов своей формулировкой: большинство вопросов содержат слова «стараюсь», «пытаясь», отражая нацеленность респондента на понимание другого человека, учет его позиции, формулировка же данного вопроса более общая. В результате в силу выявленных рассогласований было решено исключить 17-й и 1-й пункты из русскоязычной версии опросника.

Согласно результатам анализа конвергентной валидности методики, когнитивная эмпатия оказалась положительно связана со всеми субшкалами эмоционального интеллекта, тогда как аффективная эмпатия с большей частью субшкал была связана отрицательно. Субшкалы, по отношению к которым были выявлены отрицательные корреляции, принадлежат шкале Внутриличностного эмоционального интеллекта. Другими словами, повышенной сензитивности человека к чувствам других соответствуют сниженные способности понимать свои собственные эмоции и управлять ими. Наибольший вклад в обнаруженные отрицательные корреляции с аффективной эмпатией внесла входящая в нее субшкала Отзеркаливания эмоций, связь которой

со сложностями в регуляции собственных эмоций отмечается рядом авторов (Miguel et al., 2017; Di Girolamo et al., 2019). Межличностный же эмоциональный интеллект — субшкалы понимания чужих эмоций и управления ими — оказался положительно связан с Чувствительностью к близким. Таким образом, более внимательные к своим друзьям люди оказываются в большей степени способными понимать, что чувствуют другие, и влиять на это.

Как и предполагалось, эмпатия оказалась отрицательно связана с двумя компонентами Темной триады — психопатией и макиавеллизмом. Высоким значениям психопатии соответствуют низкие значения по всем субшкалам эмпатии, кроме Способности к децентрации. Это соотносится с представленным в литературе положением о дефиците аффективной эмпатии при относительно сохранной способности понимать, что думает и чувствует другой, у лиц с выраженным показателями психопатии (Blair, 2005). Обнаруженные между эмпатией и макиавеллизмом связи хорошо иллюстрируют различие двух компонентов когнитивной эмпатии: люди с более высокими показателями по макиавеллизму оказались более способными, но менее склонными к децентрации. Другими словами, определить, что думает и чувствует другой, люди с высокими показателями по макиавеллизму могут, однако прикладывать каких-либо усилий для того, чтобы встать на позицию другого, им не свойственно. Очень слабая отрицательная связь между макиавеллизмом и Общей чувствительностью свидетельствует о пониженной склонности лиц с высокими показателями по макиавеллизму эмоционально втягиваться в события фильма, спектакля или книги. Положительные взаимосвязи Способности к децентрации и Отзеркаливания эмоций с нарциссизмом расходятся с данными о сниженных эмпатических способностях лиц с высокими показателями нарциссизма (Jonason et al., 2013). Возможно, это связано с формулировками утверждений опросника («Я быстро понимаю ...», «Я легко определяю ...»), которые могут провоцировать высоко оценивающие свои интеллектуальные способности нарциссические личности выбирать более социально желательный вариант ответа.

В отличие от результатов Р. Реньерс с соавт. (Reniers et al., 2011) на нашей выборке в показателях когнитивной эмпатии не было обнаружено гендерных различий, лишь значения аффективной эмпатии у женщин оказались значимо выше, чем у мужчин. Схожий результат наблюдался при апробации на русскоязычной выборке опросника М. Дэвиса (Карягина и др., 2013), где также значимых гендерных различий в способности к децентрации обнаружено не было, хотя в оригинальном исследовании они присутствовали. В обоих случаях наблюдается сильный количественный перевес респондентов женского пола, возможно, это могло сказаться на результатах.

Наше исследование не лишено ограничений. Одним из них является упомянутый выше количественный перевес респондентов женского пола, что, в свою очередь, могло несколько исказить полученные нами результаты. Другим ограничением является достаточно скромный набор методик, использованных для проверки конвергентной валидности опросника. Как мы упоминали ранее, это связано с тем, что при создании QCAE использовались вопро-

сы из EQ и IRI — двух доступных отечественным исследователям опросников, психометрические показатели которых не вызывают вопросов, что делает невозможным включение их в набор методик для проверки конвергентной валидности. Ценным дополнением нашего исследования также было бы включение инструментов измерения эмпатических способностей, не базирующихся на самоотчете респондентов.

Несмотря на упомянутые ограничения, нам удалось реализовать поставленные нами задачи и достичь цели нашего исследования. Анализ психометрических характеристик русскоязычной версии Опросника когнитивной и аффективной эмпатии позволяет сделать вывод о том, что это надежный и валидный инструмент, который может быть использован для измерения эмпатических способностей на русскоязычной выборке. Представленная в оригинальном исследовании факторная структура была верифицирована, надежность и конвергентная валидность шкал продемонстрированы. Русскоязычная версия «Опросника когнитивной и аффективной эмпатии» расширяет возможности практической и исследовательской деятельности, в том числе проведения кросс-культурных исследований.

Литература

- Карягина, Т. Д., Будаговская, Н. А., Дубровская, С. В. (2013). Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса. *Консультативная психология и психотерапия*, 21(1), 202–227.
- Карягина, Т. Д., Придачук, М. А. (2017). Эмпатически обусловленный дистресс и возможности его диагностики. *Консультативная психология и психотерапия*, 25(2), 8–38.
- Корнилова, Т. В., Корнилов, С. А., Чумакова, М. А., Талмач, М. С. (2015). Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*, 36(2), 99–112.
- Люсин, Д., Ушаков, Д. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Baldner, C., & McGinley, J. J. (2014). Correlational and exploratory factor analyses (EFA) of commonly used empathy questionnaires: New insights. *Motivation and Emotion*, 38(5), 727–744.
- Banissy, M. J., Kanai, R., Walsh, V., & Rees, G. (2012). Inter-individual differences in empathy are reflected in human brain structure. *NeuroImage*, 62(3), 2034–2039.
- Baron-Cohen, S., & Wheelwright, S. (2004). The empathy quotient: an investigation of adults with Asperger syndrome or high functioning autism, and normal sex differences. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 34(2), 163–175.
- Blair, R. J. R. (2005). Responding to the emotions of others: Dissociating forms of empathy through the study of typical and psychiatric populations. *Consciousness and Cognition*, 14(4), 698–718.

- Davis, M. H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126.
- Di Girolamo, M., Giromini, L., Winters, C. L., Serie, C. M., & de Ruiter, C. (2019). The questionnaire of cognitive and affective empathy: a comparison between paper-and-pencil versus online formats in Italian samples. *Journal of Personality Assessment*, 101(2), 159–170.
- Eisenberg, N., & Miller, P. A. (1987). The relation of empathy to prosocial and related behaviors. *Psychological Bulletin*, 101(1), 91–119.
- Eres, R., Decety, J., Louis, W. R., & Molenberghs, P. (2015). Individual differences in local gray matter density are associated with differences in affective and cognitive empathy. *NeuroImage*, 117, 305–310.
- Giromini, L., de Campora, G., Brusadelli, E., D'Onofrio, E., Zennaro, A., Zavattini, G. C., & Lang, M. (2016). Validity and reliability of the interpersonal competence questionnaire: Empirical evidence from an Italian study. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 38(1), 113–123.
- Graziano, W. G., & Eisenberg, N. (1997). Agreeableness: A dimension of personality. In R. Hogan, J. A. Johnson, & S. R. Briggs (Eds.), *Handbook of personality psychology* (pp. 795–824). Academic Press.
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: a Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55.
- Jolliffe, D., & Farrington, D. P. (2004). Empathy and offending: A systematic review and meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 9(5), 441–476.
- Jonason, P. K., & Webster, G. D. (2010). The dirty dozen: A concise measure of the dark triad. *Psychological assessment*, 22(2), 420–432.
- Jonason, P. K., Lyons, M., Bethell, E. J., & Ross, R. (2013). Different routes to limited empathy in the sexes: Examining the links between the Dark Triad and empathy. *Personality and Individual Differences*, 54(5), 572–576.
- Jones, A. P., Happé, F. G., Gilbert, F., Burnett, S., & Viding, E. (2010). Feeling, caring, knowing: different types of empathy deficit in boys with psychopathic tendencies and autism spectrum disorder. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 51(11), 1188–1197.
- Karyagina, T. D., & Pridachuk, M. A. (2017). Empathically caused distress and the possibilities of its diagnostics. *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 25(2), 8–38. (in Russian)
- Karyagina, T. D., Budagovskaya, N. A., & Dubrovskaya, S. V. (2013). Adaptation of multyafactor questionnaire empathy M. Davis. *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 21(1), 202–227. (in Russian)
- Kellett, J. B., Humphrey, R. H., & Sleeth, R. G. (2006). Empathy and the emergence of task and relations leaders. *The Leadership Quarterly*, 17(2), 146–162.
- Kogler, L., Müller, V. I., Werminghausen, E., Eickhoff, S. B., & Derntl, B. (2020). Do I feel or do I know? Neuroimaging meta-analyses on the multiple facets of empathy. *Cortex*, 129, 341–355. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2020.04.031>
- Kornilova, T. V., Kornilov, S. A., Chumakova, M. A., & Talmach, M. S. (2015). The Dark Triad personality traits measure: Approbation of the Dirty Dozen questionnaire. *Psichologicheskiy Zhurnal*, 36(2), 99–112. (in Russian)
- Kosonogov, V. (2014). The psychometric properties of the Russian version of the empathy quotient. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(1), 96–104. <https://doi.org/10.11621/pir.2014.0110>
- Lee, K. H., Farrow, T. F. D., Spence, S. A., & Woodruff, P. W. R. (2004). Social cognition, brain networks and schizophrenia. *Psychological Medicine*, 34(3), 391–400.

- Liang, Y. S., Yang, H. X., Ma, Y. T., Lui, S. S., Cheung, E. F., Wang, Y., & Chan, R. C. (2019). Validation and extension of the questionnaire of cognitive and affective empathy in the Chinese setting. *PsyCh Journal, 8*(4), 439–448. <https://doi.org/10.1002/pchj.281>
- Lockwood, P. L., Seara-Cardoso, A., & Viding, E. (2014). Emotion regulation moderates the association between empathy and prosocial behavior. *PLoS ONE, 9*(5), Article e96555.
- Lyusin, D., & Ushakov, D. (Eds.). (2009). *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measurements]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Miguel, F. K., Giromini, L., Colombaroli, M. S., Zuanazzi, A. C., & Zennaro, A. (2017). A Brazilian investigation of the 36 and 16 item Difficulties in Emotion Regulation Scales. *Journal of Clinical Psychology, 73*(9), 1146–1159.
- Miller, P. A., & Eisenberg, N. (1988). The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior. *Psychological Bulletin, 103*(3), 324–344. <https://doi.org/10.1037/0033-2950.103.3.324>
- Myszkowski, N., Brunet-Gouet, E., Roux, P., Robieux, L., Malüzieux, A., Boujut, E., & Zenasni, F. (2017). Is the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy measuring two or five dimensions? Evidence in a French sample. *Psychiatry Research, 255*, 292–296.
- Queirys, A., Fernandes, E., Reniers, R., Sampaio, A., Coutinho, J., & Seara-Cardoso, A. (2018). Psychometric properties of the questionnaire of cognitive and affective empathy in a Portuguese sample. *PLoS ONE, 13*(6), Article e0197755.
- Reniers, R. L., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N. M., & Völlm, B. A. (2011). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment, 93*(1), 84–95.
- Rueda, P., Fernández-Berrocal, P., & Baron-Cohen, S. (2015). Dissociation between cognitive and affective empathy in youth with Asperger Syndrome. *European Journal of Developmental Psychology, 12*(1), 85–98.
- Seara-Cardoso, A., Neumann, C., Roiser, J., McCrory, E., & Viding, E. (2012). Investigating associations between empathy, morality and psychopathic personality traits in the general population. *Personality and Individual Differences, 52*(1), 67–71.
- Uribe, C., Puig-Davi, A., Abos, A., Baggio, H. C., Junque, C., & Segura, B. (2019). Neuroanatomical and functional correlates of cognitive and affective empathy in young healthy adults. *Frontiers in Behavioral Neuroscience, 13*, 85.
- Watkins, D. (1989). The role of confirmatory factor analysis in cross-cultural research. *International Journal of Psychology, 24*(6), 685–701.

*Приложение 1***Опросник когнитивной и аффективной эмпатии**

Инструкция. Пожалуйста, оцените степень своего согласия с каждым из приведенных утверждений, используя шкалу от 1 (Полностью не согласен) до 4 (Полностью согласен). Для каждого утверждения обведите соответствующую цифру.

		Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
1	При просмотре фильма или спектакля мне обычно удается оставаться объективным, я редко полностью погружаюсь в происходящее	1	2	3	4
2	Я стараюсь посмотреть на разногласие с точки зрения каждого участника, прежде чем принять решение	1	2	3	4
3	Иногда я пытаюсь лучше понять своих друзей, представляя, как все выглядят с их точки зрения	1	2	3	4
4	Когда меня кто-то расстраивает, я стараюсь поставить себя на его место	1	2	3	4
5	Прежде чем кого-то критиковать, я пытаюсь представить, как бы я себя чувствовал(а) на его месте	1	2	3	4
6	Я часто эмоционально втягиваюсь в проблемы моих друзей	1	2	3	4
7	Когда люди вокруг нервничают, я тоже начинаю нервничать	1	2	3	4
8	Окружающие меня люди сильно влияют на мое настроение	1	2	3	4
9	Я не могу остаться равнодушным(ой), если кто-то из моих друзей выглядит расстроенным	1	2	3	4
10	Я часто эмоционально втягиваюсь в переживания героя фильма, спектакля или книги	1	2	3	4
11	Я очень расстраиваюсь, когда вижу, как кто-то плачет	1	2	3	4
12	Мне радостно в веселой компании и грустно, когда все вокруг хмурые	1	2	3	4
13	Меня беспокоят, когда другие волнуются и паникуют	1	2	3	4
14	Я легко могу сказать, хочет ли кто-то еще присоединиться к беседе	1	2	3	4
15	Я быстро понимаю, когда человек говорит одно, но имеет в виду другое	1	2	3	4

		Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
16	Мне легко поставить себя на место другого человека	1	2	3	4
17	Я хорошо предугадываю, что почувствует другой человек	1	2	3	4
18	Я быстро замечаю, когда кто-то в группе чувствует себя неловко или некомфортно	1	2	3	4
19	По словам других людей, я хорошо определяю, что они чувствуют и о чем думают	1	2	3	4
20	Я легко могу сказать, интересно человеку то, что я говорю, или нет	1	2	3	4
21	Друзья делятся со мной своими проблемами, так как, по их словам, я очень понимающий(ая)	1	2	3	4
22	Я чувствую, если мешаю, даже если другой человек мне об этом не говорит	1	2	3	4
23	Я легко могу определить, о чем может захотеть поговорить другой человек	1	2	3	4
24	Я вижу, когда кто-то скрывает свои настоящие эмоции	1	2	3	4
25	Я хорошо предугадываю, как поступит другой человек	1	2	3	4
26	Обычно я могу оценить точку зрения другого, даже если я с ней не согласен(на)	1	2	3	4
27	Обычно при просмотре фильма я остаюсь эмоционально отстраненным	1	2	3	4
28	Я всегда стараюсь учитывать чувства других, прежде чем что-либо сделать	1	2	3	4
29	Прежде чем что-либо сделать, я стараюсь принять во внимание то, как на это отреагируют мои друзья	1	2	3	4

Ключ

Когнитивная эмпатия:

Способность к децентрации: 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25

Склонность к децентрации: 2, 3, 4, 5, 16, 26, 28, 29

Аффективная эмпатия:

Отзеркаливание эмоций: 7, 8, 12, 13

Чувствительность к близким: 6, 9, 11, 21

Общая чувствительность: 1(-), 10, 27(-)

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ ШКАЛЫ ОЦЕНКИ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ

Н.В. КИСЕЛЬНИКОВА^a, Т.Н. АЛЬМУХАМЕТОВА^a,
М.М. ДАНИНА^a, Е.А. КУМИНСКАЯ^a, Е.В. ЛАВРОВА^a,
Д.Э. КРАШЕНИННИКОВ^a, В.А. ПОДЖИО^a

^a ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», 125009, Россия,
Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

Russian adaptation of the Self-Efficacy Rating Scale for psychologists-consultants and psychotherapists

N.V. Kiselnikova^a, T.N. Almukhametova^a, M.M. Danina^a, E.A. Kuminskaya^a, E.V. Lavrova^a,
D.E. Krasheninnikov^a, V.A. Poggio^a

^a FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 9, Bld 4, Mokhovaya Str., Moscow, 125009,
Russian Federation

Резюме

В литературе представлены данные о связи самоэффективности психолога-консультанта (психотерапевта) с его профессиональной и образовательной успешностью. При использовании имеющихся шкал оценки самоэффективности возникают проблемы, связанные с самооценкой навыков по решению консультативных задач разного уровня подготовки. Отсутствует русскоязычный инструмент оценки самоэффективности психолога-консультанта (психотерапевта). Авторы разработали русскоязычный инструмент по измерению самоэффективности в трех областях деятельности психолога-консультанта (психотерапевта): навыки предпрактической подготовки, навыки по управлению сессией, навыки по управлению сложными клиническими ситуациями. Исследование включало следующие этапы: 1) перевод и адаптацию

Abstract

Studies show the connection between the self-efficacy of a counselor (or psychotherapist) and his success in professional and educational spheres. There are several self-efficacy assessment scales, but they have some problems associated with the situation, when entry-level professionals cannot assess their self-efficacy in high-level complexity tasks. There is no Russian-language tool to assess psychologist's self-efficacy. The aim of the article is to develop a Russian-language tool for measuring counselor's self-efficacy in three types of skills: problem-solving skills (explore/insight/action), session management skills, and skills for managing complex clinical situations. This aim was achieved in the three steps: 1. Counselor Activity Self-Efficacy Scale (CASES) was translated and adapted; 2. The reliability-consistency and structure

опросника Counselor Activity Self-Efficacy Scales (CASES – Шкала самоэффективности консультанта); 2) проверку надежности-согласованности и структуры шкал в переведенном опроснике при помощи методов математической статистики; 3) проверку валидности при помощи опросника эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, опросника эмпатии Дэвиса в адаптации Т.Д. Карагиной, Н.В. Кухтовой и шкалы позитивного и негативного аффекта (ШПАНА) в адаптации Е.Н. Осина. Выборку исследования составили 412 практикующих психотерапевтов и психологов-консультантов. Полученные результаты сопоставимы с данными по оригинальной версии опросника CASES и позволяют говорить о конструктной валидности русскоязычной Шкалы самоэффективности. Разработанный опросник может быть использован для оценки самоэффективности русскоязычных психологов-консультантов (психотерапевтов). Полученный опросник позволяет решать следующие практические и теоретические задачи: мониторинг естественного прогресса в консультировании обучающихся, изучение факторов, способствующих повышению самоэффективности психологов-консультантов (психотерапевтов), исследование степени варьирования оценок самоэффективности в зависимости от конкретных клиентских случаев.

Ключевые слова: самоэффективность, психологическое консультирование, психотерапия, помогающие навыки, эффективность психотерапии.

Кисельникова Наталья Владимировна – заведующая лабораторией, лаборатория консультативной психологии и психотерапии; заместитель директора по научно-организационному развитию, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психотерапия, консультативная психология, терапия и профилактика депрессии, психология решения личностных проблем.

Контакты: nv_psy@mail.ru

of the subscales in the translated questionnaire were checked using methods of mathematical statistics; 3. Translated questionnaire was validated using the following questionnaires: Emotional Intelligence questionnaire by D.V. Lyusin, Interpersonal Reactivity Index (IRI) by Davis in adaptation by T.D. Karyagina, N.V. Kuhrtova, and Positive and Negative Affect Schedule (PANAS) in the adaptation by E.N. Osin. Sample of the study consisted of 412 practicing counselors and psychotherapists. The results are comparable with the data on the original version of the CASES questionnaire and allow us to talk about the construct validity of the Russian-language Self-Efficacy Scale. The developed questionnaire can be used to assess the self-efficacy of the Russian-speaking counselors and psychotherapists. The obtained questionnaire can be used to solve the following practical and theoretical problems: monitoring the educational progress in psychotherapeutic trainings, studying the factors that increase the self-efficacy and studying the degree to which self-efficacy assessments vary depending on specific client cases.

Keywords: self-efficacy, psychological counseling, psychotherapy, helping skills, the effectiveness of psychotherapy.

Natalya V. Kiselnikova – Head of the Laboratory, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education, PhD in Psychology.

Research Area: psychotherapy, counseling psychology, therapy and prevention of depression, psychology of solving personal problems.

E-mail: nv_psy@mail.ru

Альмухаметова Татьяна Николаевна — научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования».

Сфера научных интересов: эффективность психотерапии, профессиональные компетенции психотерапевта и психолога-консультанта, интегративные подходы в психотерапии.

Контакты: kardoula@yandex.ru

Tatiana N. Almukhametova — Research Fellow, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education. Research Area: the effectiveness of psychotherapy, professional competence of a psychotherapist and a counselor psychologist, integrative approaches in psychotherapy.
E-mail: kardoula@yandex.ru

Данина Мария Михайловна — старший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук».

Сфера научных интересов: психотерапия, консультативная психология, терапия и профилактика депрессивных состояний.

Контакты: mdanina@yandex.ru

Mariya M. Danina — Senior Research Fellow, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education, PhD in Psychology. Research Area: psychotherapy, counseling psychology, therapy and prevention of depression.

E-mail: mdanina@yandex.ru

Куминская Евгения Андреевна — научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования».

Сфера научных интересов: психотерапия, консультативная психология, терапия и профилактика депрессивных состояний.

Контакты: j-aquarius@bk.ru

Evgeniya A. Kuminskaya — Research Fellow, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education. Research Area: psychotherapy, counseling psychology, therapy and prevention of depression.

E-mail: j-aquarius@bk.ru

Лаврова Елена Васильевна — старший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психотерапия, консультативная психология, терапия и профилактика депрессивных состояний.

Контакты: may_day@list.ru

Elena V. Lavrova — Research Fellow, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education, PhD in Psychology.

Research Area: psychotherapy, counseling psychology, therapy and prevention of depression.

E-mail: may_day@list.ru

Крашенинников Дмитрий Эдуардович — лаборант, лаборатория психологии одаренности, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования».

Сфера научных интересов: психотерапия, психологическое консультирование, гештальтерапия, эффективность психотерапии, профессиональные компетенции психотерапевта и психолога-консультанта.

Контакты: krasheninnikov.psy@mail.ru

Dmitriy E. Krasheninnikov — Laboratory Assistant, Laboratory of Psychology of giftedness, Psychological Institute of Russian Academy of Education.

Research Area: psychotherapy, psychological counseling, gestalt therapy, the effectiveness of psychotherapy, professional competence of a psychotherapist and counseling psychologist.

E-mail: krasheninnikov.pay@mail.ru

Поджио Виктория Александровна — стажер, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования». Сфера научных интересов: эффективность психотерапии и психологического консультирования, эмоциональное выгорание. Контакты: victoria.poggio@gmail.com

Victoria A. Poggio — Laboratory intern, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of Russian Academy of Education. Research Area: counseling, the effectiveness of psychotherapy, burnout. E-mail: victoria.poggio@gmail.com

Вопрос диагностики и возможностей повышения эффективности специалистов помогающих профессий остается высокоактуальным для исследователей с момента начала изучения психологического консультирования и психотерапии (Russell et al., 1984). Наиболее широко распространенный подход ранее заключался в применении общей социально-когнитивной теории А. Бандуры к изучению развития консультантов (Bandura, 1986, 1997). Согласно теории самоэффективности, ожидания относительно своего мастерства являются основными детерминантами поведенческих изменений. Было показано, что оценки самоэффективности положительно связаны с профессиональным и образовательным успехом (Sherer et al., 1982).

Развитие данного подхода нашло отражение в исследованиях в области консультативной психологии, направленных на изучение когнитивной структуры самоэффективности, т.е. убеждений консультантов о своих способностях реализовывать определенное поведение и использовать те или иные навыки, связанные с консультированием (Larson, Daniels, 1998). Самоэффективность консультантов исследовалась с помощью оценки тренерами, супервизорами и самими обучающимися консультантами собственных навыков — как общих, т.е. не связанных с конкретными направлениями работы с клиентами (Larson et al., 1992), так и специфических, связанных с реализацией узких профессиональных задач (O'Brien et al., 1997). Л.М. Ларсон, Дж.А. Дэниелс (Larson, Daniels, 1998) пришли к выводу, что существующие показатели самоэффективности психолога-консультанта положительно коррелируют с результатами работы, удовлетворенностью, а также с опытом работы — специалисты с большим стажем сообщают о более высокой эффективности, чем те, у кого меньше опыта. Отрицательные связи были обнаружены с беспокойством относительно своей деятельности. Кроме того, исследование показало, что вовлечение в практику, особенно в формате ролевых игр и моделирования, а также получение положительной обратной связи — как от клиентов, так и от супервизоров — способствует повышению самоэффективности у начинающих специалистов (Larson, Daniels, 1998; Reese et al., 2009). На примере студентов-консультантов также была продемонстрирована связь уровня их подготовки и самоэффективности в использовании базовых навыков консультирования (Sipps et al., 1988). Исследование Уотсона подтвердило, что опыт, связанный с консультированием, является важным предиктором самоэффективности (Watson, 1992), как и удовлетворенность жизнью (Pamukçu, 2011).

В то же время отмечается недостаточность существующих на сегодняшний день исследований самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов, определен ряд проблем в измерении самоэффективности и связанных с ней конструктов. Р.У. Лент, Дж. Хакетт и С.Д. Браун (Lent et al., 1998) говорят о нескольких проблемах в определении и измерении самоэффективности, отмечая, в частности, что существующие шкалы оценки самоэффективности консультанта часто: а) предполагают такой уровень понимания консультативных задач, который превышает знания начинающих и проходящих обучение специалистов; б) могут неправильно определять самоэффективность относительно более сложных навыков консультирования (например, способности консультировать клиента с клинической депрессией), поскольку не содержат отдельных пунктов, направленных на их оценку.

Целью данного исследования была разработка русскоязычного инструмента по измерению самоэффективности в нескольких областях деятельности психолога-консультанта, включающих воспринимаемую способность: 1) применять относительно структурированные помогающие навыки (Hill, O'Brien, 1999); 2) обрабатывать более интегративные, хотя и рутинные, задачи управления консультативной сессией (например, построение концептуальной модели проблемы клиента); 3) справляться с относительно продвинутыми или сложными клиническими ситуациями (например, эффективно работать с клиентом с клинической депрессией). Распределение шкал в разрабатывающем опроснике в соответствии с двумя основаниями — задачами консультирования и консультативными ситуациями — является обоснованным способом оценки деятельности консультанта, поскольку согласуется с точкой зрения на особенности развития и функционирования таких специалистов. Так, Р.К. Гудье, С.Р. Гуззардо (Goodyear, Guzzardo, 2000) полагают, что начинающие специалисты заняты овладением базовыми навыками помощи, которые со временем выступают основой чувства ролевой эффективности в ситуациях консультирования. Дальнейшее развитие связано в большей степени с освоением навыков, требующих повышения уровня сложности и творчества (например, управление кризисными ситуациями или работа с трудными типами клиентов).

Метод

С письменного согласия авторов Р.У. Лента и К.Е. Хилл были осуществлены перевод и адаптация опросника, являющегося признанным в мире инструментом оценки самоэффективности. Это опросник Counselor Activity Self-Efficacy Scales (CASES — Шкалы самоэффективности консультанта) (Lent et al., 2003), позволяющий помогающим практикам оценивать свои навыки консультирования. Он также используется при прохождении обучения психотерапии для самооценивания развивающихся навыков.

Опросник состоит из трех частей, соответствующих трем субдоменам. Каждая часть содержит вопросы о представлениях консультанта относительно его способности выполнять те или иные действия и решать различные профессиональные

задачи. Первая часть посвящена общим компетенциям психолога-консультанта (психотерапевта), вторая часть — специальным компетенциям, а третья касается поведения в различных сложных ситуациях, с которыми специалист может столкнуться в работе. Респонденту предлагается оценить свою уверенность в той или иной компетенции по 10-балльной шкале (от 0 до 9).

Всего в опроснике выделяется 6 шкал. В первой части три подшкалы соответствуют трехступенчатой модели помогающих навыков К.М. О'Брайена (Hill, O'Brien, 1999). Шкала «Навыки выработки нового видения» содержит 6 пунктов, шкала «Навыки исследования» — 5 пунктов и шкала «Навыки действия» — 4 пункта. Вторая часть опросника содержит одну шкалу «Управление ходом сессии», состоящую из 10 пунктов, посвященных навыкам управления консультацией. В третьей части — две шкалы: «Конфликт отношений» (к ней относятся компетенции, помогающие справиться с конфликтом отношений, — 10 пунктов) и «Переживание дистресса клиентом» (компетенции, помогающие клиенту переживать дистресс, — 6 пунктов). Таким образом, всего в оригинальном опроснике содержится 41 пункт.

Перевод опросника на русский язык осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе 4 исследователя предлагали свои варианты перевода пунктов. Затем коллегиально согласовывался конечный вариант перевода. На втором этапе опросник рассыпали фокус-группе психотерапевтов (3 человека). Экспертами выступили психологи, получившие базовое психологическое образование, а также прошедшие подготовку по одному из направлений психотерапии (системный семейный, интегративный и когнитивно-бихевиоральный подход). В группу экспертов были включены психологи, имеющие опыт работы более 7 лет. На последнем, третьем, этапе опросник подвергался обратному переводу с помощью русскоязычных экспертов, работающих на английском языке более 5 лет (2 человека). По итогам трех этапов в перевод были внесены корректировки с учетом реалий российской психотерапевтической практики. Например, пункт «challenges» в прямом переводе можно было бы назвать «вызовы», но такой термин широко не используется русскоязычными психологами, поэтому данный пункт был переформулирован следующим образом: «Работа с ограничениями, препятствиями, затруднениями». Раздел навыков, который в английском называется «Insight», на русский был переведен как «Навыки выработки нового видения», поскольку термин «инсайт» оказался во многом связан с философией гештальтподхода, что вызывало непонимание у психологов других направлений.

Дизайн шкал самоэффективности консультанта (CASES) опирается на следующие концепции: модель помогающих навыков (Hill, O'Brien, 1999) и связанные с ней исследования (Hill et al., 1999; Larson, 1998; Larson, Daniels, 1998; Lent et al., 1998), обобщение профессионального опыта тренеров и супервизоров психологов-консультантов. Оценка самоэффективности, по версии авторов, представляет собой самооценку трех доменов разных по содержанию навыков и способностей, куда входят, в частности, способности: а) применять базовые навыки помощи; б) управлять сессией; с) работать в сложных ситуациях консультирования.

В оригинальной версии опросника первый субдомен («Самоэффективность помогающих навыков») включает «способность применять 18 навыков... которые относятся к уровню предпрактической подготовки» (Lent et al., 2003). В модели обучения (Hill, O'Brien, 1999) базовые навыки подразделяются на три группы: 1) исследовательские навыки, в которых основное внимание уделяется построению терапевтических отношений и получению необходимой информации от клиента; 2) навыки, направленные на понимание клиентских проблем; 3) навыки действия, которые направлены на содействие изменениям в эмоциях, мышлении или поведении клиента.

Второй субдомен («Управление сессией») включает воспринимаемую консультантами способность интегрировать основные навыки помощи в управлении специфическими задачами консультирования. Основное концептуальное различие между этим доменом и предыдущим — в оценке способности применять базовые помогающие навыки в условиях реальной сессии. Эта часть состоит из 17 пунктов.

Третий субдомен охватывает ряд ситуаций консультирования, которые могут оказаться сложными как для начинающих, так и для опытных консультантов. От участников требуется оценить, насколько они уверены в своей способности эффективной работы с разными типами клиентов, проблем или ситуаций. Под эффективностью работы подразумевается способность разработать успешный план, дать точные ответы на вопросы, использовать навыки саморегуляции, чтобы помочь клиенту решить свои проблемы. 24 пункта включают навык эффективно работать с клиентом, который пережил травмирующее жизненное событие, находится в клинической депрессии, не видит изменений в своем состоянии в процессе терапии и т.д. Этот субдомен рассматривается как относящийся к более продвинутым навыкам консультирования, тогда как первые два субдомена включают базовые навыки.

Выборка

В исследовании приняли участие 412 практикующих психотерапевтов и психологов-консультантов в возрасте от 18 до 67 лет (распределение по возрастным группам: 26 человек в возрасте от 18 до 25 лет, 117 человек — 25–35 лет, 128 человек — 35–45 лет, 103 человека — 45–55 лет, 32 человека — 55–65 лет, 6 человек — 65 лет и старше), из них 350 женщин, 62 мужчины. Распределение по стажу работы следующее: меньше 1 года — 38 человек, от 1 до 3 — 74 человека, от 4 до 7 — 89 человек, от 7 до 10 — 68 человек, 10 и больше — 143 человека.

Методики

Для проверки валидности использовались следующие опросники:

1. Опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина (Люсин, 2009). Шкалы: Управление чужими эмоциями (УЧЭ), Понимание своих эмоций (ПСЭ), Управление своими эмоциями (УСЭ), Понимание чужих эмоций

(ПЧЭ), Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), Внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), Управление эмоциями (УЭ), Понимание эмоций (ПЭ), контроль экспрессии (КЭ), Общий эмоциональный интеллект (Общий ЭИ).

2. Опросник эмпатии Дэвиса в адаптации Т.Д. Калягиной, Н.В. Кухтовой (Калягина, Кухтова, 2016). Шкалы: Децентрации (PT), Сопереживания (FS), Личного дистресса (PD), Эмпатической заботы (EC).

Шкала Perspective-Taking (дословно «Смена перспективы», в русском переводе — «Децентрация», PT) направлена на измерение оценки индивидом своей склонности учитывать точку зрения других людей в повседневной жизни. Шкала оценивает тенденцию восприятия, понимания, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека.

Шкала Fantasy (в русском переводе — «Сопереживание», FS) отражает тенденцию к воображаемому отождествлению с чувствами и действиями вымышленных героев книг, фильмов, спектаклей и т.д.

Шкала Empathic Concern («Эмпатическая забота», EC) оценивает тенденцию человека испытывать чувства теплоты, сострадания и беспокойства по отношению к другим людям, выявляет «помогающее» отношение и симпатию к чьим-либо чувствам. В утверждениях шкалы описываются позитивные или негативные эмоциональные реакции на неудачу и проблемное состояние другого человека.

Шкала Personal Distress («Личный дистресс», PD) позволяет выявить чувства неловкости и дискомфорта при реакции на эмоции других людей в ситуациях оказания помощи, в напряженном межличностном взаимодействии и при наблюдении переживаний других людей, а также чувства неловкости и дискомфорта, направленные, в отличие от эмпатической заботы, на себя.

3. Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА) в адаптации Е.Н. Осина (2012). Шкалы: Позитивный аффект (ПА), Негативный аффект (НА). Разработана на основе англоязычной методики PANAS (Positive and Negative Affect Schedule). Методика PANAS операционализирует два основных измерения эмоций, которые воспроизводятся в различных исследованиях, посвященных факторному анализу самооценки настроения, а также многомерному шкалированию выражений лица и прилагательных, обозначающих эмоции.

Все участники заполнили указанный выше пакет опросников вместе с краткой анкетой с демографическими данными и информацией об опыте консультирования.

Результаты

На первом этапе была осуществлена проверка надежности-согласованности и структуры шкал. Проверка надежности-согласованности пунктов опросника была проведена путем расчета коэффициента альфа Кронбаха для каждого пункта. За критическое значение был принят коэффициент 0.7 (Митина, 2015). Шкалы, показавшие большее значение, вошли в итоговую версию

опросника (см. приложение 1). В результате проверки надежности-согласованности опросника все пункты были оставлены (см. таблицу 1).

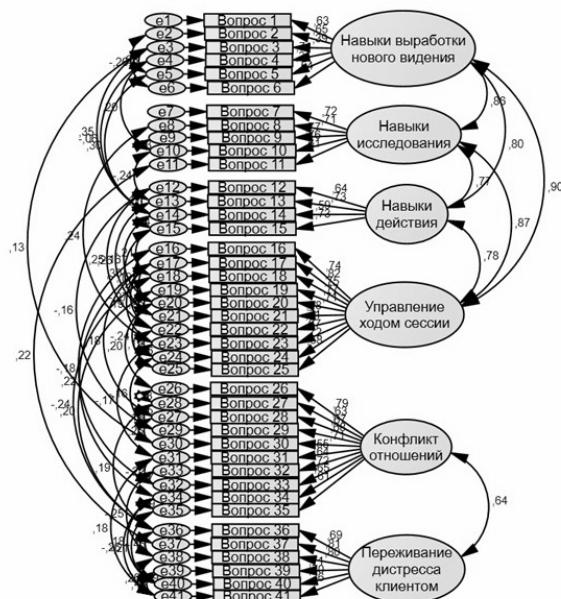
Для моделирования структуры опросника использовался метод конfirmаторного факторного анализа, который применялся ко всем пунктам. Моделирование структурными уравнениями было проведено при помощи Amos Graphics, версия 19.0, метод максимального правдоподобия. В ходе анализа проверялось соответствие структуры русскоязычного опросника структуре оригинального. В результате была подтверждена исходная шестифакторная модель (рисунок 1).

Таблица 1
Проверка надежности русскоязычной версии Шкалы оценки самоэффективности
психологов и психотерапевтов

Шкала	α Кронбаха
Навыки выработки нового видения	0.71
Навыки исследования	0.82
Навыки действия	0.81
Управление ходом сессии	0.92
Конфликт отношений	0.90
Переживание дистресса клиентом	0.85

Рисунок 1

Шестифакторная модель опросника

хи квадрат=1175,146; df=720; CFI=.924;
RMSEA=.049; P=,000; pcLose=.595

Показатель CFI не ниже 0.90 указывает на хорошее соответствие модели данным. Также в пользу полученной модели свидетельствуют показатели RMSEA, который должен быть меньше 0.05 (в нашей модели он равен 0.049), и PCLOSE, превышающий 0.5 (в нашей модели он равен 0.595). Соотношение χ^2 к степеням свободы (DF) должно быть меньше двух, что также соблюдено в данной модели.

На следующем этапе проводилось исследование конструктной валидности методики. В частности, исследовались связи показателей Опросника самоэффективности с показателями Шкалы позитивного и негативного аффекта, Опросника эмпатии и Опросника эмоционального интеллекта. На основе известных эмпирических фактов были сформулированы следующие корреляционные гипотезы: показатели по субшкалам Опросника самоэффективности будут положительно коррелировать с показателями шкал эмпатической заботы и сопереживания (по опроснику М. Дэвиса) и отрицательно коррелировать с показателями эмпатического дистресса (по опроснику М. Дэвиса), положительно коррелировать с показателями субшкал эмоционального интеллекта (по опроснику Д.В. Люсина).

Корреляционные гипотезы проверялись посредством расчета коэффициента корреляции Пирсона. Результаты опросников были представлены в балах. В таблице 2 показаны значимые связи, полученные в результате корреляционного анализа по критерию Пирсона ($p < 0.001$).

Таблица 2
Результаты корреляционного анализа

	Cases 1.1	Cases 1.2	Cases 1.3	Cases 2	Cases 3.1	Cases 3.2
УЧЭ	0.226	0.357	0.320	0.366	0.355	0.229
ПСЭ	0.233	0.364	0.278	0.391	0.365	
УСЭ	0.221	0.382	0.319	0.395	0.369	
ПЧЭ		0.280		0.308		0.203
МЭИ		0.355	0.260	0.376	0.294	0.241
ВЭИ	0.228	0.398	0.277	0.417	0.367	0.209
ПЭ	0.223		0.246	0.398	0.313	0.209
УЭ	0.233	0.382	0.331	0.393	0.375	0.225
КЭ		0.219		0.217		
Общий ЭИ	0.231	0.396	0.281	0.416	0.349	0.234
РТ		0.202				
FS	0.197	0.311	0.245	0.339	0.382	0.222
PD	-0.201		-0.320	-0.286	-0.396	
ЕС		0.266		0.227	0.180	
ПА		0.338	0.215	0.332	0.279	0.181
НА					-0.260	

Примечание. Cases 1.1 — шкала «Навыки выработки нового видения», Cases 1.2 — шкала «Навыки исследования», Cases 1.3 — шкала «Навыки действия», Cases 2 — шкала «Управление ходом сессии», Cases 3.1 — шкала «Конфликт отношений», Cases 3.2 — шкала «Переживание дистресса клиентом».

Обсуждение

Мы получили результаты, сопоставимые с данными оригинальной версии опросника CASES. Шкалы «Исследование», «Новое видение», «Действия» и «Управление сессией» оценивают самоэффективность консультанта, или воспринимаемую способность выполнять конкретные задачи консультирования в относительно несложных условиях. Масштабы клиентского дистресса (шкала «Переживание дистресса клиентом») и конфликта отношений (шкала «Конфликт отношений»), напротив, отражают воспринимаемое умение справляться с более сложными ситуациями консультирования (Bandura, 1997; Lent et al., 2000; Lent et al., 1998). Оба типа самоэффективности являются необходимыми для профессионального развития психолога-консультанта.

Важной особенностью данного исследования является то, что оно ориентировано на свободное от контекста использование определенных навыков, т.е. не связано с конкретной информацией о клиенте, презентацией его или ее проблемы, с поведением на сессии и т.д. Такая внеконтекстная оценка может быть полезна в работе с консультантами, находящимися на начальной стадии профессионального развития и имеющими мало опыта работы с разными типами клиентов.

Адаптированные шкалы CASES продемонстрировали сильные корреляции с отрицательным и положительным аффектом и умеренные — в оригинальной версии. Предполагается, что с ростом опыта и самоэффективности профессионалы должны испытывать меньше стресса, чувствовать себя более комфортно в ситуациях консультирования и, соответственно, отчитываться о меньшем негативном аффекте.

Подтвержденные гипотезы о связи показателей опросника с баллами по Опроснику эмпатии и Опроснику эмоционального интеллекта позволяют говорить о конструктивной валидности русскоязычной Шкалы самоэффективности. Так, показатели по субшкалам Опросника самоэффективности положительно коррелируют с показателями шкал эмпатической заботы и сопререживания и отрицательно — с показателями эмпатического дистресса (по опроснику М. Дэвиса), а также положительно коррелируют с показателями субшкал эмоционального интеллекта (по опроснику Д.В. Люсина).

Полученные результаты согласуются с исследовательскими предположениями, здравым смыслом и практической интуицией.

Схожие данные были получены турецкими (Pamukçu, Demir, 2013) и малайзийскими (Bagheri et al., 2011) исследователями при валидизации и проверке надежности версий Опросника самоэффективности на соответствующих языках. Так, для турецкой версии, апробированной на 470 интернах-консультантах, были получены высокие коэффициенты внутренней согласованности, подтверждена исходная факторная модель на уровне трех частей опросника и их подшкал, а проверка конвергентной валидности показала значимые положительные корреляции CASES со шкалой навыков консультанта и другими подобными субшкалами. Предварительная проверка надежности опросника

на малазийском языке, проведенная на 30 учащихся последнего года обучения по программе консультирования, подтвердила общую внутреннюю надежность шкалы (альфа Кронбаха 0,98) и отдельных субшкал опросника. Это дает определенные основания полагать, что шкалы измеряют некоторые инварианты деятельности психолога-консультанта, не зависящие от культурных факторов.

Итак, Опросник самоэффективности может рассматриваться как удобный и валидный инструмент для самооценки психологами-консультантами своих компетенций — как в процессе обучения, так и в ходе профессиональной деятельности. Помимо этого, на основе данного опросника могут быть разработаны шкалы или карты наблюдений для оценки навыков психолога-консультанта другими специалистами (супервизорами, тренерами, преподавателями) в реальной работе с клиентами. Сопоставление самооценок и оценок могло бы дать более объемную картину проявления тех или иных компетенций. Следует отметить, что подобные методики широко применяются в образовательной, супервизионной и намеренной (*deliberate*) практике за рубежом, однако отсутствуют на русском языке. В силу этого полученный опросник обладает ценностью не только как исследовательский, но и практический инструмент.

Ограничения исследования

Существует ряд ограничений относительно возможности обобщать или распространять полученные выводы на широкий класс случаев. Во-первых, в данном исследовании отсутствует проверка тест-ретестовой надежности опросника. Во-вторых, в выборке преобладают консультанты с большим стажем работы. В-третьих, гендерный состав выборки не сбалансирован (хотя и отражает реальные пропорции специалистов разных гендеров в консультировании). В-четвертых, хотя самоэффективность отчасти определяет, насколько хорошо люди организуют и используют свои навыки (Bandura, 1986), она не рассматривается в качестве замены фактического или объективно оцениваемого навыка. Люди иногда неправильно воспринимают или искажают оценку своих возможностей, особенно в определенных условиях, например, когда им не хватает знаний об условиях задачи (Bandura, 1997).

Одним из ключевых ограничений опросника выступает его концептуальная «привязанность» к модели навыков помогающих практиков К. Хилл и Р. Лента, которая может рассматриваться только как частично подходящая модель для описания значимых составляющих работы психологов-консультантов разных направлений и школ. Несмотря на указанные ограничения, опросник обладает рядом преимуществ. Так, базовые помогающие навыки содержат поведенческие описания каждого компонента, которые могут применяться даже неопытными консультантами. Наконец, формулирование пунктов опросника согласуется с аналогичными формулировками в других концепциях самоэффективности (Chow et al., 2015; Larson, Daniels, 1998) и отражает содержание поведенческих и когнитивных навыков, что обеспечивает конструктивную валидность инструмента.

Заключение

Данное исследование предполагает несколько направлений для будущих исследований, профессиональной подготовки и практики, ориентированной на повышение эффективности работы психологов-консультантов. В частности, данный опросник можно использовать для мониторинга естественного прогресса в консультировании у обучающихся. Также самостоятельным направлением выступает изучение факторов, которые способствуют повышению самоэффективности консультантов. Результаты Р. Лента, К. Хилл показывают, что оценки CASES растут с получением дополнительного опыта консультирования. Другой вопрос, заслуживающий внимания, — это степень, в которой оценки самоэффективности специфичны для конкретных клиентских случаев. Р. Лент и соавт. предположили, что самоэффективность может варьироваться в зависимости от конкретных клиентов, с которыми имеет дело консультант (Lent et al., 1998). В таком случае оценки самоэффективности по отношению к конкретным клиентам, вероятно, будут более изменчивыми, чем глобальные оценки не зависящей от контекста самоэффективности. Также может быть, что по сравнению с общими оценками самоэффективности специфичные для клиентских случаев оценки являются лучшими предикторами поведения в профессиональной деятельности. Исследования этих проблем могут расширить текущее понимание эффективности консультирования и того, как оно протекает на практике на уровне сессий.

Также полезно соотнести данные оценки самоэффективности с объективными показателями навыков (например, оценками наблюдателей) и с оценками работы консультанта на реальных консультациях. Важно изучить влияние самоэффективности консультанта на реальный процесс и результат изменений у клиента, а также проанализировать механизмы этого влияния. Например, существуют ли определенные поведенческие «сигналы» у консультанта с высокой самоэффективностью, которые повышают уровень доверия клиента и его приверженности лечению?

Подобные исследования могут, в частности, пролить свет на полезность дополнительных аспектов поведения консультанта и расширить понимание того, как консультанты воспринимают конкретные проблемы клиентов, например, напряженные отношения и другие трудности, возникающие на сессии, а затем реагируют на них.

Литература

- Карягина, Т. Д., Кухтова, Н. В. (2016). Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 33–61.
- Люсин, Д. В. (2009). Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные. В кн. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.), *Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям* (с. 264–278). М.: Институт психологии РАН.

- Митина, О. В. (2015). Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать. В Н.А. Батурина и др. (ред.), *Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностики* (Т. 1, с. 95–104). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
- Осин, Е. Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Bagheri, E., Jaafar, W. M. W., & Baba, M. (2011). Reliability analysis of the Counselor Activity Self-Efficacy Scale (CASES) in a Malaysian context: A preliminary study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 30, 871–875.
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Prentice-Hall.
- Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control*. Freeman.
- Chow, D. L., Miller, S. D., Seidel, J. A., Kane, R. T., Thornton J. A., & Andrews, W. P. (2015). The role of deliberate practice in the development of highly effective psychotherapists. *Psychotherapy*, 52(3), 337–345.
- Goodyear, R. K., & Guzzardo, C. R. (2000). *Psychotherapy supervision and training*. In S. D. Brown & R. W. Lent (Eds.), *Handbook of counseling psychology* (pp. 83–108). John Wiley & Sons Inc.
- Hill, C. E., & O'Brien, K. M. (1999). *Helping skills: Facilitating exploration, insight, and action*. American Psychological Association.
- Hill, C. E., O'Brien, K. M., Kolchakian, M. R., Quimby, J. L., Kellems, I. S., Zack, J. S., & Herbenick, D. L. (1999). *Training undergraduate students to become helpers: An investigation of changes in performing helping skills, self-efficacy about helping, and anxiety about helping* (Unpublished manuscript). University of Maryland, College Park.
- Karyagina, T. D., & Kukhtova, N. V. (2016). Test empatii M. Devisa: soderzhatel'naya validnost' i adaptatsiya v mezhekul'turnom kontekste [The Empathy Test by M. Davis: content validity and adaptation in the intercultural context]. *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya*, 24(4), 33–61.
- Larson, L. M. (1998). The social cognitive model of counselor training. *The Counseling Psychologist*, 26, 219–273.
- Larson, L. M., & Daniels, J. A. (1998). Review of the counseling self efficacy literature. *The Counseling Psychologist*, 26, 179–218.
- Larson, L. M., Suzuki, L. A., Gillespie, K. N., Potenza, M. T., Bechtel, M. A., & Toulouse, A. (1992). Development and validation of the Counseling Self-Estimate Inventory. *Journal of Counseling Psychology*, 39, 105–120.
- Lent, R. W., Brown, S. D., & Hackett, G. (2000). Contextual supports and barriers to career choice: A social cognitive analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 47, 36–49.
- Lent, R. W., Hackett, G., & Brown, S. D. (1998). Extending social cognitive theory to counselor training: Problems and prospects. *The Counseling Psychologist*, 26, 295–306.
- Lent, R. W., Hill, C. E., & Hoffman, M. A. (2003). Development and validation of the Counselor Activity Self-Efficacy Scales. *Journal of Counseling Psychology*, 50(1), 97–108.
- Lyusin, D. V. (2009). Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional Intelligence questionnaire EmIn: new psychometric data]. In D. V. Lyusin & D. V.

- Ushakov (Eds.), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from models to measures] (pp. 264–278). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Mitina, O. V. (2015). Al'fa Kronbaha: kogda i zatem ee schitat' [Cronbach's alpha: when and why to calculate it]. In N.A. Baturin et al. (Eds.), *Sovremennaya psihodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sbornik materialov III Vserossijskoj konferencii po psihologicheskoy diagnostike* [Modern psychodiagnostics of Russia. Overcoming the crisis: collection of materials of the 3d all-Russian conference on psychological diagnostics] (Vol.1, pp. 95–104). Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU.
- O'Brien, K. M., Heppner, M. J., Flores, L. Y., & Bikos, L. H. (1997). The Career Counseling Self-Efficacy Scale: Instrument development and training applications. *Journal of Counseling Psychology*, 44, 20–31.
- Osin, E. N. (2012). Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(4), 91–110. (in Russian)
- Pamukçu, B. (2011). *The investigation of counseling self-efficacy levels of counselor trainees* (Unpublished master's thesis). Department of Educational Sciences, Middle East Technical University, Ankara. (in Turkish)
- Pamukçu , B., & Demir, A. (2013). The validity and reliability study of the Turkish version of counseling self-efficacy scale. *Journal of Turkish Psychological Counseling and Guidance*, 5(40), 212–221.
- Reese, R. J., Usher, E. L., Bowman, D. C., Norsworthy, L. A., Halstead, J. L., Rowlands, S. R., & Chisholm, R. R. (2009). Using client feedback in psychotherapy training: An analysis of its influence on supervision and counselor self-efficacy. *Training and Education in Professional Psychology*, 3(3), 157–168. <https://doi.org/10.1037/a0015673>
- Russell, R. K., Crimmings, A. M., & Lent, R. W. (1984). Counselor training and supervision: Theory and research. In S. D. Brown & R. W. Lent (Eds.), *Handbook of counseling psychology* (pp. 625–681). Wiley.
- Sherer, M., Maddux, J. E., Mercandante, B., Prentice-Dunn, S., Jacobs, B., & Rogers, R. W. (1982). The Self-Efficacy Scale: Construction and validation. *Psychological Reports*, 51(2), 663–671. <https://doi.org/10.2466/pr0.1982.51.2.663>
- Sipps, G. J., Sugden, G. J., & Faiver, C. M. (1988). Counselor training level and verbal response type: Their relationship to efficacy and outcome expectations. *Journal of Counseling Psychology*, 35(4), 397–401.
- Watson, D. P. (1992). *Counseling self-efficacy and counseling competence: A comparative study of clergy and counselors-in-training*. (Unpublished doctoral dissertation). Purdue University, West Lafayette, IN. Retrieved from Dissertations & Theses: Full Text. (Publication No. AAT 9314098)

Приложение 1**Шкала оценки самоэффективности психологов-консультантов и психотерапевтов****Инструкция**

Перед вами вопросы, касающиеся ваших представлений о профессиональных компетенциях — ваших способностях выполнять те или иные действия в качестве консультирующего психолога и решать различные профессиональные задачи. Опросник состоит из трех частей. Первая часть посвящена общим компетенциям психолога-консультанта (психотерапевта), вторая часть — специальным компетенциям, а третья касается поведения в различных сложных ситуациях, с которыми вы можете столкнуться в работе. Пожалуйста, старайтесь отвечать максимально честно и в соответствии с представлениями о своих компетенциях в данный момент. Здесь нет правильных и неправильных ответов. Отметьте на шкале ту цифру, которая в большей степени отражает вашу уверенность в наличии у вас той или иной компетенции на данный момент.

Часть 1**Часть 1.1. Навыки выработки нового видения**

Пожалуйста, отметьте на шкале, насколько вы уверены в своей способности эффективно применять такие общие навыки в работе с большинством ваших клиентов в течение следующей недели:

- 1) непосредственность (умение раскрывать свои чувства, возникающие в связи с работой с клиентом: по отношению к клиенту, терапевтическим отношениям или к себе самому);
- 2) интерпретация (умение высказывать идеи, которые выходят за рамки того, что клиент говорит открыто, и позволяют ему по-новому увидеть свои поведение, мысли или чувства);
- 3) умение рассказывать о собственных инсайтах (умение описывать свой личный опыт, после которого вам удалось увидеть нечто по-новому);
- 4) работа с ограничениями, препятствиями, затруднениями (умение указать на несоответствия, противоречия или иррациональные убеждения, которые клиент не замечает, не может или не хочет изменить);
- 5) самораскрытие (умение раскрывать перед клиентом факты из истории собственной жизни, делиться чувствами);
- 6) преднамеренное молчание (умение брать паузу, чтобы дать клиенту времени соприкоснуться с мыслями или чувствами).

Часть 1.2. Навыки исследования

Пожалуйста, отметьте на шкале, насколько вы уверены в своей способности эффективно применять такие общие навыки в работе с большинством ваших клиентов в течение следующей недели:

- 1) открытые вопросы (умение задавать вопросы, которые помогают клиенту прояснить или исследовать мысли и чувства);
- 2) слушание (умение услышать и понять смысл сообщения, высказанного клиентом);
- 3) отражение чувств (умение повторить или перефразировать утверждения клиента, акцентируя внимание на его или ее чувствах);

- 4) перефразирование (умение повторить или перефразировать кратко, конкретно и ясно то, что сказал клиент);
- 5) невербальное соприсутствие (умение проявлять невербальное внимание к клиенту).

Часть 1.3. Навыки действия

Пожалуйста, отметьте на шкале, насколько вы уверены в своей способности эффективно применять такие общие навыки в работе с большинством ваших клиентов в течение следующей недели:

- 1) информирование (умение знакомить клиента с данными, точками зрения, фактами, источниками информации);
- 2) ролевая игра и тренировка поведения (умение помочь клиенту в отработке определенного поведения или роли во время сессии);
- 3) прямое руководство (умение дать клиенту рекомендации, предписания, которые подразумевают конкретные действия);
- 4) домашнее задание (умение разработать и дать терапевтические задания для их выполнения клиентами между сессиями).

Часть 2. Управление ходом сессии

Пожалуйста, отметьте на шкале, насколько вы уверены в своей способности эффективно выполнять перечисленные ниже задачи при взаимодействии с большинством ваших клиентов в течение следующей недели:

- 1) помогать клиенту понимать его/ее мысли, чувства и действия;
- 2) знать, как отреагировать (что сделать или сказать) на высказывание клиента;
- 3) помогать клиенту говорить о его проблемах на более глубоком уровне;
- 4) выстраивать четкое представление о вашем клиенте и его трудностях;
- 5) помогать клиенту исследовать его/ее мысли, чувства и действия;
- 6) использовать наиболее подходящий помогающий навык соответственно актуальным потребностям клиента;
- 7) помогать клиенту ставить реалистичные цели в консультировании;
- 8) следить за ходом сессии и быть сосредоточенным;
- 9) осознавать цели своих действий в ходе консультирования;
- 10) помогать клиенту решить, какие действия предпринять относительно его/ее проблем.

Часть 3

Часть 3.1. Конфликт отношений

Пожалуйста, отметьте на шкале, насколько вы уверены в своей способности эффективно работать в описанных ниже ситуациях в течение следующей недели. Действовать эффективно – означает разрабатывать план лечения, придумывать подходящие ответы на консультациях, сохранять самообладание и поддерживать контакт с клиентом во время сложных взаимодействий и, в конечном итоге, помогать клиенту решать его или ее проблемы.

Насколько вы уверены, что сможете эффективно работать в течение следующей недели с клиентом, если...

- 1) ...у вас возникают по отношению к клиенту негативные реакции (например, скука, раздражение)?
- 2) ...терапия с клиентом зашла в тупик?
- 3) ...клиент хочет от вас больше, чем вы готовы дать (в том числе советов о том, как ему поступить, контактов между встречами)?
- 4) ...клиент имеет дело с проблемами, с которыми вам лично тяжело справляться?
- 5) ...клиент ведет себя манипулятивно во время сессии?
- 6) ...клиент обладает низким уровнем рефлексии?
- 7) ...клиент сексуально привлекает вас?
- 8) ...клиент испытывает сексуальное влечение к вам?
- 9) ...клиент сильно отличается от вас по одному или нескольким значимым для вас параметрам (например, раса, вероисповедание, пол, возраст, социальный статус и др.)?
- 10) ...ценности и убеждения клиента в корне противоречат вашим (например, религиозные убеждения или убеждения относительно гендерных ролей в обществе)?

Часть 3.2. Переживание дистресса клиентом

Насколько вы уверены, что сможете эффективно работать в течение следующей недели с клиентом, если...

- 1) ...в недавнем прошлом клиент пережил травматическое событие (например, физическое или психологическое насилие)?
- 2) ...клиент подвергался сексуальному насилию?
- 3) ...у клиента клиническая депрессия?
- 4) ...клиент имеет суицидальные наклонности?
- 5) ...клиент в высшей степени тревожен?
- 6) ...клиент проявляет признаки серьезно нарушенного мышления?

Данные по шкалам CASES

Таблица 1.1

	Навыки выработки нового видения	Навыки исследования	Навыки действия	Управление ходом сессии	Конфликт отношений
Средние	40.9	37.3	26.3	69.9	98.9
Минимум	19.0	15.0	4.0	22.0	21.0
Максимум	54.0	45.0	36.0	90.0	144.0
Среднее квадратичное отклонение	6.1	4.8	5.8	10.7	20.0
Дисперсия	37.1	23.1	34.2	113.9	401.2
Низкий уровень	Меньше 35	Меньше 32	Меньше 20	Меньше 60	Меньше 79
Средний уровень	35–47	32–42	20–32	60–80	79–119
Высокий уровень	Больше 47	Больше 42	Больше 32	Больше 80	Больше 119

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА МОДЕРИРУЕМОГО КОНФИРМАТОРНОГО ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ НЕЛИНЕЙНЫХ ЭФФЕКТОВ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

А.А. КОРНЕЕВ^a, А.Н. КРИЧЕВЕЦ^a, К.В. СУГОНЯЕВ^b,
Д.В. УШАКОВ^{a,b}

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1

^b ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Moderated Confirmatory Factor Analysis and Non-Linear Effects in Intelligence Testing

A.A. Korneev^a, A.N. Krichevets^a, K.V. Sugonyaev^b, D.V. Ushakov^{a,b}

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

^b Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Резюме

Статья посвящена возможностям и ограничениям метода модерированного конфирматорного факторного анализа (MCFA) при исследованиях структуры интеллекта в контексте анализа закона убывающей отдачи Ч. Спирмена (Spearman's Law of Diminishing Returns, SLODR). В рамках работы с помощью MCFA проверяется простая однофакторная модель на больших выборках симулированных данных и реальных результатах тестирования интеллекта. Симулированные данные представляют большие наборы (около 10 000 «респондентов» каждый) и моделируют несколько специфических ситуаций: эффект SLODR, гетероскедастичность остатков модели (увеличение ошибки с ростом общего фактора интеллекта), асимметрию

Abstract

In this work we discuss the advantages and limitations in using moderated confirmatory factor analysis (MCFA) in studies of intelligence structure in the context of Spearman's Law of Diminishing Returns (SLODR). A simple one-factor model was estimated on large samples of simulated data and real results of intelligence tests using MCFA. The simulated data represent large datasets (about 10,000 "respondents" in each dataset) and simulate some specific situations: the SLODR effect, the heteroscedasticity of the residuals (an increase in error along with an increase in the general IQ factor), asymmetry in the distribution of the g-factor, and a high density of easy tasks in the test. The real data consist of the

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-07030.

The reported study was funded by RFBR, project N 17-29-07030.

распределения общего фактора интеллекта и большую плотность легких заданий в психометрической методике. Реальные данные, используемые в работе, — результаты тестирования 11 388 респондентов. Модель была оценена на каждом из наборов данных, в качестве модератора использовались факторные значения, полученные с помощью метода главных компонент, модерировались факторные нагрузки и ошибки модели как по отдельности, так и совместно. Результаты показали, что (1) одновременное модерирование факторных нагрузок и ошибок в модели может давать в некоторых случаях неадекватные результаты; (2) эффект SLODR может выражаться разными комбинациями асимметрии распределения факторных значений и возрастания дисперсий ошибок вдоль главного фактора; (3) в рамках классической психометрики различие реального эффекта SLODR и ложного, порожденного отбором респондентов, вероятно, невозможно; (4) два известных источника асимметрии распределений в тестировании интеллекта — неравная плотность заданий разной трудности и отбор респондентов — «в чистом виде» легко различаются, однако в реальных данных это сделать нелегко; (5) метод MCFA недостаточно прозрачен для прямых интерпретаций, показано, что модерация дисперсии ошибки может быть заменена анализом регрессионных остатков, а интерпретация модераций факторных нагрузок выигрывает, если сопровождается анализом асимметрий распределений переменных и факторных значений.

Ключевые слова: структура интеллекта, закон убывающей отдачи Спирмена, структурное моделирование, модерируемый конфирматорный факторный анализ.

Корнеев Алексей Андреевич — старший научный сотрудник, лаборатория нейропсихологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: когнитивная психология, экспериментальная психология, нейропсихология, статистические методы обработки данных в психологии.

Контакты: korneeff@gmail.com

Кричевец Анатолий Николаевич — профессор, кафедра методологии психологии,

results of IQ testing of 11,388 adult respondents. The model was estimated on each of the datasets, with factor scores obtained by the principal component analysis used as a moderator. Factor loadings and residuals were moderated, both separately and simultaneously. The results showed that (1) the simultaneous moderation of factor loadings and residuals may give inadequate results in some cases; (2) the SLODR effect can be expressed by various combinations of the distribution asymmetry of factor scores and an increase in error variances along the g-factor; (3) within the framework of classical psychometrics, it is probably impossible to distinguish between the real SLODR effect and the false one generated by the selection of respondents; (4) two known sources of asymmetry of distributions in intelligence testing - unequal density of tasks of varying difficulty and selection of respondents are easily detected in simulated pure form, but it is not so easy to do with the real data. (5) It may be difficult to interpret directly the results of MCFA due to its closeness and opacity: it is shown that the moderation of the error variance can be replaced by the analysis of regression residuals, and the interpretation of the moderation of factor loadings can be improved if it is accompanied by an analysis of the asymmetries of the distributions of variables and factor scores.

Keywords: structure of intelligence, Spearman's law of diminishing returns, structural modeling, moderated confirmatory factor analysis.

Aleksei A. Korneev — Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: cognitive psychology, experimental psychology, neuropsychology, statistical methods of data processing in psychology.

E-mail: korneeff@gmail.com

Anatoly N. Krichevets — Professor, Department of Psychological Methodology,

факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук.

Сфера научных интересов: методология психологии, когнитивная психология, статистические методы обработки данных в психологии.

Контакты: ankrich@mail.ru

Сугоняев Константин Владимирович – ассоциированный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, кандидат технических наук.

Сфера научных интересов: психология интеллекта, психодиагностика, психометрика.

Контакты: skv-354@yandex.ru

Ушаков Дмитрий Викторович – директор, заведующий лабораторией, лаборатория психологии и психофизиологии, Институт психологии Российской академии наук; заведующий кафедрой, кафедра общей психологии, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, академик РАН.

Сфера научных интересов: общая психология, психология интеллекта, методология психологии, когнитивная психология.

Контакты: dv.ushakov@gmail.com

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, DSc in Philosophy, PhD in Physics and Mathematics, Professor.

Research Area: methodology of psychology, cognitive psychology, statistical methods of data processing in psychology.

E-mail: ankrich@mail.ru

Konsatantin V. Sugonyaev – Associate Researcher, Laboratory of psychology and psychophysiology of creativity, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences PhD in Technical Sciences.

Research Area: psychology of intelligence, psychodiagnostics, psychometrics.

E-mail: skv-354@yandex.ru

Dmitriy V. Ushakov – Director, Head of the laboratory of psychology and psychophysiology of creativity, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Head of the department, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, DSc in Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences.

Research Area: general psychology, psychology of intelligence, methodology of psychology, cognitive psychology.

E-mail: dv.ushakov@gmail.com

Тема нашей статьи – так называемый закон убывающей отдачи, в современных публикациях обозначаемый аббревиатурой SLODR (Spearman's Law of Diminishing Returns). Ч. Спирмен сформулировал его в работе 1927 г. (Spearman, 1927): корреляции между тестами интеллекта оказываются более высокими на выборках менее интеллектуальных испытуемых. Отметим, что первоначально Спирмен иллюстрировал закон на выборках детей разного возраста, но сформулирован он был для интеллекта вообще, вне связи с возрастом. Работать же с законом в этой последней формулировке оказывается гораздо труднее, потому что невозможно представить корректный способ получения выборок, с одной стороны, представляющих разный уровень развития интеллекта, а с другой, эквивалентных в смысле расчета корреляций между результатами разных тестов интеллекта. Напротив, очень легко представить одну выборку, в которой присутствуют респонденты с различным уровнем развития интеллекта, но в этом случае трудно операционализировать понятие корреляции в разных регионах одной выборки. Таким образом, задача подтверждения закона Спирмена является в значительной степени методологической. В последнее время исследователи получили возможность использовать очень большие выборки и компьютерные программы для их

обработки (см., например: Arden, Plomin, 2007; Dombrowski et al., 2018), что вернуло тему в фокус интереса сообщества.

Исследователи интеллектуальных способностей активно обсуждают проблему обнаружения эффекта SLODR и близких к нему вопросов дифференциации когнитивных способностей при изменении общего уровня развития (Breit et al., 2020; Molenaar et al., 2017; Murray et al., 2013; Reynolds, 2013; Hildebrandt et al., 2016; и др.). Метаанализ (Blum, Holling, 2017), показал в целом тенденцию к снижению интеркорреляций между субтестами тестов интеллектуальных способностей с ростом уровня интеллекта, однако результаты заметно зависят от уровня методологической оценки исследований (репрезентативность выборок, число выделяемых групп, корректность выделения групп) — тенденция наиболее заметна в исследованиях со средними оценками.

Детекция и оценка эффекта Спирмена представляется достаточно важной и с точки зрения развития наших представлений о строении и развитии интеллектуальных способностей. В этом контексте отдельной важной задачей является исследование различных методов детекции эффекта SLODR и подобных ему, подразумевающих изменение структуры связей различных способностей в зависимости от уровня их развития. Для этого используются различные методы, такие как модерируемый конфирматорный факторный анализ (Molenaar et al., 2010), межгрупповой конфирматорный факторный анализ (multi-group confirmatory factor analysis — Reynolds, Keith, 2007), смешанные факторные модели (factor mixture modeling — Reynolds et al., 2010), локальное структурное моделирование (local structural equation models — Hildebrandt et al., 2016) и др. (краткий обзор методов можно найти во введении к работе: Hartung et al., 2018).

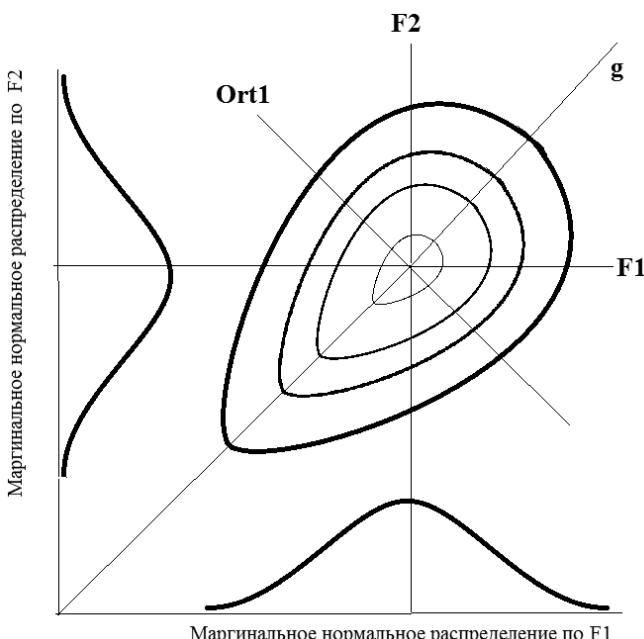
Противоречивые результаты, получаемые в различных исследованиях эффекта SLODR, могут свидетельствовать о том, что, во-первых, эффект Спирмена не слишком мощный, если не схватывается надежно очень большими выборками, а во-вторых, что работа с большими выборками сама может порождать проблемы, маскирующие эффект. В связи с этим вопросы метода кажутся нам не менее, а даже более важными, чем подтверждение закона Спирмена. Данная статья продолжает серию по разработке подходов к доступным нам данным с различными методами детекции эффекта SLODR (Корнеев и др., 2019; Korneev et al., 2021).

Ниже мы представляем распределение, удовлетворяющее гипотезе Спирмена геометрическим образом. В двумерном случае это представление изображено на рисунке 1, который иллюстрирует дальнейшее изложение. Координатные оси на рисунке соответствуют субтестовым переменным, а диагональ — фактору общего интеллекта (далее — фактор g). При этом выполняются следующие условия:

- 1) маргинальные распределения по осям одинаковые и нормальные;
- 2) маргинальное распределение вдоль главной диагонали, отображающей фактор g , имеет отрицательную асимметрию (справа вверху в выборочном распределении проекции точек на диагональ ложатся более плотно);

Рисунок 1

Линии уровня распределения двух переменных, демонстрирующих эффект SLODR
при нормальности маргинальных распределений

3) условные распределения при фиксированном значении фактора g вдоль направления, перпендикулярного главной диагонали, суть нормальные с дисперсией, зависящей от g и растущей по мере роста g .

До последнего десятилетия эффект детектировался способами, которые задним числом получили название традиционных. Выборку делили на две части, обычно по медиане распределения g (или иной переменной, коррелирующей с g , которая затем из анализа исключалась) (Molenaar et al., 2010). В пользу SLODR свидетельствовала меньшая средняя интеркорреляция между переменными в «верхней» подвыборке (с более высокими значениями g). Также в каждой подвыборке проводился факторный анализ методом главных компонент, первый фактор без вращения считался отображающим g . В этом случае в пользу SLODR свидетельствовали: меньшее собственное значение, соответствующее g в «верхней» подвыборке; меньшая дисперсия g в «верхней» подвыборке; меньшие факторные нагрузки переменных на фактор g в «верхней» подвыборке.

При обработке реальных данных распределения переменных не обязательно симметричные, тем более не обязательно нормальные. В этом случае фактор g может иметь асимметричное распределение даже в отсутствие SLODR и разделить два эффекта очень трудно. Некоторые авторы, имея дело с данными, распределение которых явно асимметрично, проводят нормализацию

(Сугоняев, Радченко, 2018), однако деформация шкал сама может как порождать ложный эффект, так и маскировать действительный.

Относительно недавно для детектирования SLODR стали использовать модерированный конфирматорный факторный анализ (MCFA) (Bauer, Husong, 2009; Hildebrandt et al., 2016).

Основную идею подхода MCFA можно описать следующим образом. В конфирматорном факторном анализе связь наблюдаемой переменной с фактором (латентной переменной) можно записать так:

$$y_{ij} = \lambda_j f_i + v_i + \epsilon'_{ij},$$

где y_{ij} — значение j -й переменной для i -го испытуемого, λ_j — факторная нагрузка, f_i — значение фактора для i -го испытуемого, v_i — свободный член или интерсепт для j -й переменной и ϵ'_{ij} — ошибка модели (или остаток) для j -й переменной и i -го испытуемого. Первая задача, которую решает конфирматорный факторный анализ, — это нахождение такого набора коэффициентов λ_j , при котором наилучшим образом воспроизводится структура корреляций между переменными.

В рамках модерируемого факторного анализа вводится дополнительное условие: параметр λ_j перестает быть константой и становится функцией (в нашей работе мы рассматриваем линейную функцию) от g . Вторая возможность — модерация дисперсии ошибки. В этом случае дисперсия полагается логистической функцией от g . Получается уравнение

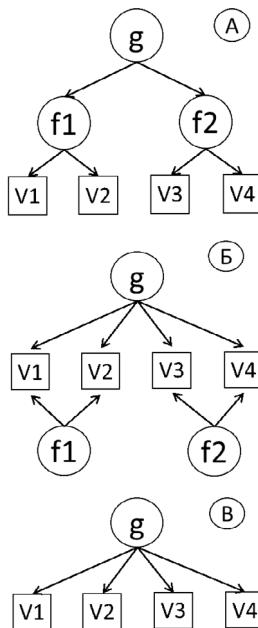
$$y_{ij} = \lambda_j(g) f_i + v_i + \epsilon'_{ij}.$$

Модерируемый конфирматорный факторный анализ сравнивает эти два уравнения по Байесовскому информационному критерию (BIC), а полученные коэффициенты модерации сравниваются со стандартными ошибками оценки. Если получено значительное превосходство модуля углового коэффициента модерации над стандартной ошибкой, это означает, что модерация «удалась». Что касается критерия BIC, то он, по-видимому, слишком жесткий в нашем случае. Мы приводим его значение только для информации.

Метод MCFA использовался в контексте исследований и сопоставлений двухуровневых моделей интеллекта с дополнительным или промежуточным уровнем факторов специальных способностей, которые группировали «пучки» субтестов (иерархическая и бифакторная модели — рисунки 2А и 2Б). После того как обсчитана первоначальная модель без модераций (так называемая baseline-модель), делается дополнительное предположение о том, что некоторые коэффициенты этой модели можно считать не постоянными, а линейно зависящими от выделенной модерирующей переменной. В качестве модератора можно взять коррелирующую с g переменную или саму величину g , как и в «традиционных» методах. Если для набора переменных имеет место эффект SLODR, то это может выразиться, во-первых, в увеличении дисперсий ошибок при росте g (угловой коэффициент модерации больше нуля) и, во-вторых, в уменьшении факторных нагрузок переменных на фактор g при росте g (угловой коэффициент модерации меньше нуля) (Molenaar et al., 2011). В случае иерархических моделей SLODR может быть локализован на одном из уровней или на обоих сразу.

Рисунок 2

Общие схемы моделей структуры интеллекта

Примечание. А — иерархическая модель (V_1 – V_4 — субтесты, f_1 – f_2 — промежуточные «специальные» способности, g — общий фактор интеллекта); Б — бифакторная модель (V_1 – V_4 — субтесты, f_1 – f_2 — «специальные» способности, g — общий фактор интеллекта); В — простая одноуровневая модель, использующаяся в данной работе.

С самого начала применения MCFA авторы использовали особую методологию, анализируя и сопоставляя модерированные модели параллельно на реальных данных и симулированных данных с аналогичным образом модерируемыми параметрами порождения, чтобы лучше понять, что именно может быть детектировано с помощью метода модераций. В работе Д. Моленара и соавт. (Molenaar et al., 2010), например, показано, что введение нелинейных изменений факторных нагрузок в иерархически организованных симуляциях только на одном уровне (верхнем либо нижнем) ошибочно детектируется методом MCFA на обоих уровнях сразу.

Есть работы, в которых порождение ложных эффектов связывают с асимметрией распределений (Molenaar et al., 2011; Murray et al., 2013). В последней работе указывается, что источником асимметрий могут быть неравная плотность легких и трудных заданий в тесте и отбор респондентов по каким-либо внешним критериям. В первой нашей работе (Корнеев и др., 2019), в которой тестирование SLODR проводилось традиционным методом, мы показали, что «в чистом виде» эти источники достаточно легко различимы с помощью традиционного анализа, однако их «смеси» могут выдавать ложный эффект даже при симметрии распределений переменных. В следующей статье мы тестировали

методы MCFA на бифакторных (рисунок 2Б) моделях (Korneev et al., 2021). Здесь мы продолжаем исследования, однако вместо тестирования иерархических моделей мы ограничиваемся простой одноуровневой моделью MCFA, для которой нам удалось сделать параметры распределений максимально контролируемыми. Как нам представляется, основные методологические проблемы в этом случае проявляются наиболее явно, общая схема модели изображена на рисунке 2В.

Суть дела состоит в том, что любые линейные методы исследования психологических данных получают ясный и однозначный смысл лишь в случае, если имеются основания считать используемую шкалу интервальной, причем психологическая цена условного балла на разных участках шкалы одинакова. Это требование нуждается в операционализации, и вопрос о психологической цене совсем не простой. Но, даже оставляя его в стороне, мы понимаем, что измеряющие одно качество две шкалы, связанные между собой нелинейным преобразованием, не могут одновременно считаться интервальными, поскольку единичные отрезки этих шкал не являются пропорциональными на разных участках шкал. Это значит, что линейные методы, примененные к таким шкалам, могут дать существенно разные результаты. Нелинейные методы, в том числе MCFA, измеряющие отклонения от линейности, также чувствительны к изменениям шкал. В работах последних лет это обстоятельство получило признание (Molenaar et al., 2017; Schwabe, 2016).

В классической психометрике приводится такой аргумент: распределение психологического качества в популяции должно быть нормальным, следовательно, интервальная шкала та, в которой распределение именно таково (Наследов, 2004, с. 51; Фер, Бакарак, 2010, с. 44). Простая операция нормализации тестовой шкалы по выборке стандартизации приводит распределение к требуемому состоянию.

Однако мы видим препятствия для использования этого аргумента. Во-первых, в случае эффекта SLODR нормализация субтестовых переменных приведет к результату, отличающемуся от полученного нормализацией фактора g, поскольку переменные, соответствующие субтестам, и переменная g в линейной модели не могут быть в этом случае одновременно нормально распределенными. Во-вторых, в разных культурных условиях распределение выраженности качества в популяциях может быть различным. Например, система образования может замедлять развитие одних качеств и ускорять развитие других¹, приводя к разным распределениям, что ставит под вопрос возможность выделения интервальной шкалы на основании нормализации сырых данных.

¹ И. Швабе в докладе, текст которого не опубликован, на конференции Intelligence-2018 привела результаты своего исследования, показывающего, что молодые граждане Нидерландов имеют в среднем тот же уровень результатов по тесту математических достижений, что и другие европейцы. Однако у нидерландцев заметно меньше выпускников школ с высокими достижениями по тесту, чем в среднем по Европе. Швабе связывает этот факт с особенностями голландской системы образования, которая оставляет без попечения способных школьников.

Методика

Исходя из высказанных выше соображений, мы продолжаем исследовать изменения выраженности эффекта SLODR при различных деформациях шкал и различных распределениях респондентов по уровню способностей и оценивать, в какой степени методы детекции эффекта SLODR могут различать реальный эффект и ложные эффекты, порожденные не относящимися к существу дела особенностями распределений тестовых результатов. В предыдущих работах мы использовали «традиционный» метод детекции эффекта SLODR в сочетании с оригинальным методом скользящей оценки дисперсии (Running Variance Estimate – RVE, его мы кратко опишем ниже) (Корнеев и др., 2019) и метод модераций факторных нагрузок, остатков и ошибок для бифакторных моделей (Korneev et al., 2021). В данной работе мы тестируем методы, использующие линейные модерации параметров простейшей модели конфирматорного факторного анализа с четырьмя субтестовыми переменными, корреляции между которыми все равные, а следовательно, равны и их факторные нагрузки на фактор g (см. рисунок 2В).

Для «правильного» SLODR в двумерном случае алгоритм получения выборки приведен (см. также рисунок 1) и в четырехмерном — в приложении 1². Объясним действие алгоритма в двумерном случае. Распределение вдоль g берется асимметричным (отрицательная асимметрия, параметры подбирались эмпирически). Для каждого «респондента» реализуется случайная величина, выбранная из данного распределения. Далее вычисляется реализация зависящей от выпавшего значения g случайной величины (нормально распределенной, имеющей растущую по мере увеличения g дисперсию), задающей ортогональную к g координату $Ort1$. Подбирая параметры, легко добиться неотличимых от нормальных маргинальных распределений вдоль $F1$ и $F2$. Первоначально симулируя выборки в системе координат (g , $Ort1$), мы затем пересчитываем результаты «респондентов» в систему координат $F1$ и $F2$, которые изображают тестовые показатели (условимся считать их оценками по субтестам), в то время как g представляет фактор общего интеллекта.

Для нашей простой не модерированной (будем называть ее baseline) модели с равными корреляциями между субтестовыми переменными оценка максимально правдоподобного факторного значения для данного испытуемого всегда пропорциональна среднему арифметическому значений субтестов. В случае среднего арифметического сумма ошибок по всем субтестовым переменным равна нулю и корреляции между ними отрицательны. В двумерном случае нашего примера (рисунок 1) две ошибки равны по модулю и имеют противоположные знаки. На этом основана наша симуляция SLODR: стартовое значение g при симуляции для данного индивида у нас совпадает³ с тем факторным значением, которое будет получено в baseline-модели методом максимального правдоподобия.

² Все приложения к статье доступны онлайн: http://mathpsy.com/mfca_appendix/

³ Точнее, пропорционально, коэффициент пропорциональности легко рассчитывается.

Основная цель нашего исследования — проверить гипотезу о том, что подходящее «перешкаливание» (т.е. монотонное, но не линейное преобразование координат, соответствующих субтестовым переменным) задает взаимные переходы между тремя типами симуляций распределений «респондентов»:

1) описанный выше «правильный» эффект SLODR, далее обозначаемый S0;

2) строго нормальное распределение респондентов по фактору g с остатками, дисперсия которых растет в направлении роста g (гетероскедастичность), далее обозначаемое Er0⁴ (скрипт для генерации таких данных приведен в приложении 1); симуляция ErN получена из Er0 нормализацией субтестовых переменных;

3) распределение «респондентов» по g , имеющее отрицательную асимметрию, с постоянной дисперсией остатков, не зависящей от g , далее обозначаемое G0; симуляция GN получена из G0 нормализацией субтестовых переменных (скрипт для генерации приведен в приложении 1).

При этом варианты S0 и Er0 по смыслу построения соответствуют реальному эффекту SLODR, в то время как вариант G0 — ложному, когда асимметрия распределения g может быть получена, например, неконтролируемым отбором относительно сильных респондентов (по тем или иным причинам) при исходно неискаженном многомерном нормальному распределении возможных результатов в пространстве субтестовых переменных. Проведенный отбор по g приводит к значительной асимметрии распределения по g (-0.509), но при этом (за счет перемешивания) асимметрии по субтестовым переменным оказываются значительно менее выраженным (-0.205), такая асимметрия в исследованиях реальных данных часто даже не принимается во внимание.

Дополнительно мы анализировали еще два набора данных:

4) симуляция большей плотности легких заданий в тестах, реализованная как деформации субтестовых шкал с помощью квадратичной функции, растягивающей левую часть шкалы и сжимающей правую, далее обозначаемая D.

Реальные данные. Использовались результаты тестирования абитуриентов факультетов высшего профессионального образования военных вузов (11 388 испытуемых) по специально сконструированной для их отбора тестовой батарее интеллектуальных способностей. Батарея состоит из 10 тестов по 30 заданий (см.: Сугоняев, Радченко, 2018). Мы выбрали четыре субтеста с простой структурой корреляций (никаких содержательных соображений за этим выбором не стоит): субтесты «Аналогии» (далее An), «Силлогизмы» (далее Sil), «Числовые ряды» (далее Ch) и «Исключение слова» (далее Is). Матрица приведена в таблице 1.

В случаях симуляций мы подбирали параметры так, чтобы корреляции между субтестовыми переменными были примерно равны 0.4.

⁴ Для удобства чтения подробное описание алгоритмов симуляций мы помещаем ниже, в описании результатов.

Таблица 1

Матрица корреляций между отобранными для анализа четырьмя субтестами

Субтесты	«Аналогии» (An)	«Числовые ряды» (Ch)	«Исключение слова» (Is)
«Силлогизмы» (Sil)	0.553	0.520	0.499
«Аналогии» (An)		0.487	0.539
«Числовые ряды» (Ch)			0.415

Результаты и обсуждение

Для всех симуляций и для реальных данных мы проводили следующие операции:

1. Рассчитывалась baseline-модель — однофакторная модель конфирматорного факторного анализа. Все показатели качества моделей для симуляций были достаточно высокими ($CFI > 0.990$, $RMSEA < 0.050$ во всех случаях). В случае реальных данных показатели качества подгонки таковы: $\chi^2(2) = 113.963$, $CFA = 0.991$, $RMSEA = 0.070$ для сырых данных и $\chi^2(2) = 106.596$, $CFA = 0.991$, $RMSEA = 0.068$ для нормализованных данных.

Для дальнейших сравнений в модерированных моделях использовался информационный показатель BIC: его уменьшение при добавлении модерации означает улучшение подгонки (но теперь уже на уровне факторных значений и исходных данных). Однако даже в отсутствие улучшения показателя BIC мы не отказываемся от интерпретации полученных результатов.

2. Рассчитывались по три модели (модерация только ошибки, модерация только факторной нагрузки, модерация и ошибки, и факторной нагрузки одновременно) с модерациями для каждой переменной по отдельности и модерацией по всем переменным вместе.

3. Для симулированных данных, поскольку все переменные внутри одной модели отличались только небольшими случайными вариациями, рассчитывалось среднее значение коэффициента модерации по четырем переменным. Стандартная ошибка оценки для четырех переменных оказывается практически одинаковой.

Резюмирующие результаты проведенных анализов при модерации одной факторной нагрузки и/или ошибки для симулированных данных приведены в таблице 2, результаты, полученные при модерации сразу четырех факторных нагрузок и/или ошибки, приведены в таблице П1 приложения 2.

Как видим по первой строке таблицы 2, для симуляции S0 модерации соответствуют ожиданиям.

Однако следующие строки вызывают вопросы. Второй набор симулированных данных Eg0 получен следующим образом⁵: сначала каждому респонденту

⁵ Для удобства соотнесения мы перенесли описание порождения данных в раздел их первичной интерпретации.

Таблица 2

Результаты модерации факторной нагрузки и дисперсии ошибки одной переменной в различных симуляциях

ΔBIC	Угловые коэффициенты модерации				Асимметрия факторных значений	
	При модерации по отдельности		При модерации вместе		Baseline	Модерации только нагрузок
	Фактические нагрузки	Ошибки	Фактические нагрузки	Ошибки		
Симуляция S0 («правильный» эффект SLODR, переменные нормально распределены, g имеет отрицательную асимметрию, ошибка растет вдоль g).						
40, 5, 55	-0.048 (0.007)	0.034 (0.009)	-0.078 (0.009)	0.089 (0.010)	-0.359	-0.379
Симуляция Er0 (g распределен нормально, дисперсии ошибок возрастают, переменные имеют правую асимметрию 0.327).						
-7, 379, 501	-0.014 (0.013)	0.250 (0.013)	-0.137 (0.012)	0.328 (0.014)	-0.043	-0.040
Симуляция ErN (переменные нормализуются, поэтому g получает отрицательную асимметрию, дисперсии ошибок растут медленнее).						
88, 8, 168	-0.047 (0.012)	0.133 (0.014)	-0.116 (0.012)	0.195 (0.015)	-0.286	-0.246
Симуляция G0 (отрицательная асимметрия g , дисперсия ошибок постоянна вдоль g , переменные имеют отрицательную асимметрию -0.205).						
-9, 11, 638	-0.094 (0.012)	0.005 (0.013)	-0.117 (0.013)	0.060 (0.015)	-0.509	-0.433
Симуляция GN (переменные нормализуются, поэтому асимметрия g уменьшается по модулю, оставаясь отрицательной, дисперсии ошибок приобретают рост вдоль g).						
38, 30, 136	-0.074 (0.013)	0.093 (0.013)	-0.135 (0.013)	0.163 (0.015)	-0.361	-0.310
Симуляция D0 (получается из многомерного нормального распределения деформацией переменных, придающей им отрицательную асимметрию, g получает отрицательную асимметрию, остатки убывают вдоль g).						
197, 13, 204	-0.033 (0.008)	-0.135 (0.009)	0.032 (0.009)	-0.161 (0.012)	0.237	-0.206

Примечание. Столбец ΔBIC содержит три числа, характеризующие изменение критерия BIC по трем вариантам модерации: только нагрузки, только ошибки, нагрузки и ошибки одновременно. Положительная разность означает, что введение модерирующего параметра существенно увеличивает правдоподобие результата при введении модерации.

Полужирным выделены коэффициенты, в два и больше раз превышающие стандартную ошибку.

присваивается случайный «уровень интеллекта» g , нормально распределенный по множеству «респондентов». Затем (с небольшим огрублением для простоты расчета — см. скрипт в приложении 1) строится система четырех нормально распределенных ошибок (среднеквадратическое отклонение которых линейно зависит от g), в сумме дающая ноль, с помощью этих ошибок «восстанавливаются» значения субтестовых переменных. Поскольку дисперсия ошибок растет по g , переменные имеют положительную асимметрию, а так как сумма ошибок равна нулю, вычисленные факторные значения baseline-модели с достаточной точностью совпадают с исходным значением g .

Для Er0 метод MCFA адекватно улавливает и рост дисперсии ошибок, и отсутствие отклонения от нормальности распределения g при модерации параметров по отдельности, однако при совокупной модерации обоих параметров происходит некое усиливающее перераспределение обнаруженного эффекта: более выражен эффект роста дисперсии ошибок, при этом нулевой коэффициент модерации для факторных нагрузок на g превращается в достаточно явный отрицательный коэффициент.

Похожую картину мы наблюдаем в симуляции G0, построенной аналогично Er0, в которой исходно постоянна дисперсия ошибок вдоль g , а распределение самого g имеет отрицательную асимметрию (см. приложение 1). В этом случае получены отрицательный коэффициент модерации нагрузки на g и нулевой коэффициент модерации дисперсии ошибки при модерации параметров по отдельности, а также наблюдается усиливающееся перераспределение эффекта при совместной модерации: более выраженный отрицательный коэффициент для факторных нагрузок и заметно отличающийся от нуля положительный коэффициент модерации дисперсии ошибок.

Симуляции ErN и GN получаются из соответствующих Er0 и G0 с помощью нормализации субтестовых переменных. В случае ErN устраняется положительная асимметрия, т.е. сжимается правая полуось и растягивается левая. В этом случае ошибки справа несколько уменьшаются, а слева — увеличиваются (но все-таки не уравниваются), а распределение g , наоборот, приобретает отрицательную асимметрию. В случае GN устраняется отрицательная асимметрия субтестовых переменных, сжимается левая полуось и растягивается правая, что приводит к увеличению ошибок справа и уменьшению слева. Отрицательная асимметрия g сглаживается, но не достигает нуля.

Фактически три симуляции S0, ErN и GN оказываются схожи, а модерации во всех случаях надежно детектируют отрицательный угловой коэффициент модерации для факторных нагрузок и положительный для дисперсии ошибок⁶.

Симуляция D0 была получена следующим образом: сначала были построены четыре стандартно нормально распределенные переменные с попарными корреляциями равными, 0.4, затем каждая переменная была подвергнута преобразованию, заданному функцией $F' = -0.06*F^2 + F - 0.06$. Полученные переменные

⁶ Три модели демонстрируют различия по соотношению этих коэффициентов, но вряд ли можно надеяться отличать таким способом «правильный» SLODR от «ложного».

имели асимметрию, в среднем равную -0.36 , распределение факторных значений в baseline-модели имело асимметрию -0.237 . При растяжении левой полуоси и сжатии правой дисперсии ошибок получали неравномерность, противоположную эффекту SLODR: дисперсия убывала при росте g . Метод MCFA дает здесь адекватные коэффициенты при модерации отдельно ошибок и нагрузок, отражающие отрицательную асимметрию распределения g и убывание дисперсии ошибок. Однако, как и в предыдущих случаях, совместная модерация двух параметров демонстрирует перераспределение: неравномерность ошибок усугубляется, «перетягивая» в положительную область также и коэффициент модерации факторных нагрузок. Если учесть совершенно прозрачный способ получения симулированных данных, то результаты такой модерации нельзя признать адекватными.

На наш взгляд, модерации всех четырех нагрузок одновременно выражают в случае симуляций (с четырьмя одинаково порожденными переменными) асимметрию факторных значений baseline-модели. Отметим, что, указывая на асимметрию распределений как на проблему MCFA, авторы публикаций (Mugrage et al., 2013; Molenaar et al., 2011) используют третий центральный момент распределений, но пока нет оснований (теоретических или эмпирических) считать, что он наилучшим образом отражает особенности распределений, важные для MCFA. Возможно, это не так. С асимметрией (в обыденном смысле слова) распределений связаны все нечетные центральные моменты. Отсутствие линейной связи между указанным в таблице третьим центральным моментом и коэффициентом модерации нагрузок может быть вызвано именно этим обстоятельством.

В таблице 3 приведены коэффициенты только при модерации всех переменных одновременно (в порядке возрастания асимметрий факторных значений) и коэффициенты квадратичной регрессии переменных к факторным значениям baseline- и модерированной моделей, а также факторных значений baseline-модели к модерированным. Этим мы проверяем нашу гипотезу, что модерация нагрузок приводит к «выпрямлению» распределения факторных значений, делая его больше похожим на симметричное (нормальное), и что этот эффект детектируется квадратичной регрессией⁷.

Прежде всего, отметим параллельность роста асимметрий и коэффициентов модерации нагрузок независимо от поведения ошибок. Мы видим, что «эффект SLODR» не детектируется квадратичной регрессией переменной к факторным значениям baseline-модели (практически нулевой результат во всех случаях), а проявляет себя в отношении модерированных факторных значений к факторным значениям baseline-модели (определенном соотношением асимметрий их распределений) и, вторично, в регрессии переменных к модерированным факторным значениям.

Таким образом, модерацию факторных нагрузок в наших симуляциях можно заменить анализом асимметрий распределений baseline-факторных

⁷ На связь модерации нагрузок и квадратичной регрессии наводит сам вид их уравнений: $V = L \times g + c$, причем $L = a \times g + b$, откуда следует $V = a \times g^2 + b \times g + c$.

Таблица 3

Усредненные угловые коэффициенты только при модерации всех переменных одновременно

Симуляции	GN	S0	ErN	D0	Er0
Асимметрия факторных значений baseline	-0.361	-0.359	-0.286	-0.237	-0.043
Коэффициент модерации нагрузок	-0.154	-0.100	-0.096	-0.064	-0.015
Коэффициент модерации ошибок	0.069	0.033	0.107	-0.132	0.250*
Асимметрия факторных значений (модерированных)	0.061	0.035	0.050	0.029	0.009
Квадратичная регрессия факторных значений baseline-модели к модерированным	-0.098	-0.083	-0.065	-0.054	-0.010
Квадратичная регрессия переменных к модерированным факторным значениям	-0.070	-0.071	-0.056	-0.040	-0.002
Квадратичная регрессия переменных к baseline-факторным значениям	0.008	0.004	0.002	0.006	0.005

* В данном случае посчитано среднее значение (выделено курсивом) по модерациям переменных по отдельности, поскольку требуемая модель не сходилась.

значений, причем ни тот, ни другой показатель не гарантирует наличия эффекта SLODR (симуляция D0 дает пример ложной детекции).

Аналогичным образом более прямолинейно можно оценивать и гетероскедастичность остатков. Метод скользящей оценки вариации (RVE) (Корнеев и др., 2019) позволяет оценить неравномерность остатков непосредственно. Для вычисления показателя RVE для каждой переменной и для каждого респондента вычисляется квадрат разности значения переменной и факторного значения (в качестве последнего в случае наших симуляций проще всего взять просто среднее арифметическое значений субтестовых переменных)⁸. Усредняя по испытуемым, мы получаем оценку ошибки для данной переменной. Разбивая диапазон изменения факторных значений (которые оценивают g) на сегменты, мы можем оценить средние значения RVE для данной переменной на разных участках диапазона значений g.

В качестве примера график средних квадратов остатков для симуляции D0 представлен на рисунке 3.

Основная масса значений в выборке находится между -2 и 2, вне этого интервала усреднение производится по небольшому количеству «респондентов» и поэтому подвержено значительным колебаниям, но это и не оказывает существенного влияния на результат регрессии. Стандартизованный коэффициент линейной регрессии RVE к факторному значению в этом случае равен -0.25, t = -25.9. В таблице 4 сопоставлены регрессионные коэффициенты

⁸ Поскольку факторные значения при применении разных методов масштабируются по-разному, исходя из разных соображений, то параметр масштаба надо отслеживать. Наиболее универсальный способ: вычислить линейную регрессию переменной по факторным значениям с сохранением остатка, затем этот остаток возвести в квадрат.

Рисунок 3

Средние скользящие оценки вариации (RVE) в группах «респондентов» с разным уровнем общего фактора для симуляции D0

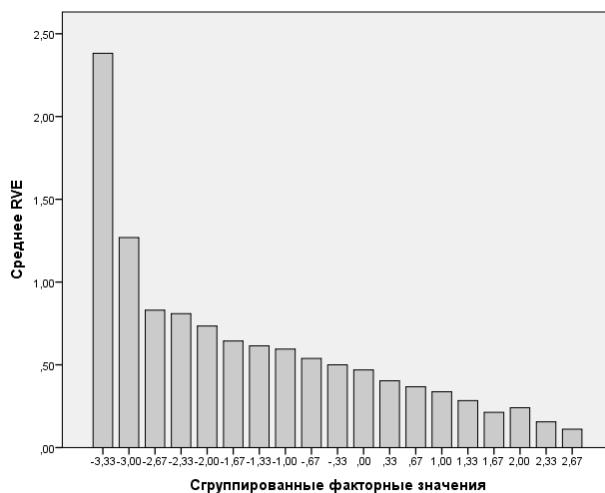

Таблица 4

Сравнение результатов, полученных регрессией RVE и модерацией ошибок на симуляциях

Симуляция	Коэффициенты линейной регрессии RVE к факторным значениям		Коэффициент модерации*	
	Нестандартизованные	Стандартизованные	По четырем переменным вместе	По каждой переменной отдельно**
S0	0.053	0.109	0.033 (0.009)	0.034 (0.009)
Er0	0.188	0.356	—	0.250 (0.013)
ErN	0.093	0.193	0.107 (0.010)	0.133 (0.014)
G0	0.008	0.017	−0.021 (0.012)	0.005 (0.013)
GN	0.073	0.153	0.069 (0.015)	0.093 (0.013)
D0	−0.132	−0.251	−0.132 (0.009)	−0.135 (0.009)

Примечание. Полужирным выделены коэффициенты, в два и больше раз превышающие стандартную ошибку;

* в скобках указаны стандартные ошибки;

** приведены усредненные коэффициенты.

RVE к факторным значениям и модерации дисперсии ошибок. Результаты, полученные двумя методами, в достаточной степени схожи.

Мы видим, что модерации по всем переменным вместе и модерации по переменным по отдельности дают схожие результаты при анализе дисперсии ошибок. Также похожие (пропорциональные) результаты дают стандартизованные и нестандартизованные регрессионные коэффициенты. Достаточно

большое сходство и между парами модераций/регрессий. Таким образом, в симуляциях взаимная заменимость модераций ошибок и регрессионного анализа RVE достаточно очевидна.

Теперь мы переходим к реальным данным. Основные результаты анализа приведены в таблице 5, полные данные – в таблице П2 приложения 2. Начнем с нормализованных данных, образующих более простую структуру. Отрицательная асимметрия факторных значений (фактор g) и отрицательные коэффициенты модерации нагрузок, с одной стороны, вместе с ростом дисперсии ошибок вдоль g, одинаково хорошо улавливаемым RVE и модерациями ошибок, с другой стороны, показывают, что данные ведут себя в согласии с гипотезой SLODR. Отметим менее выраженный эффект на нормализованной переменной An – не обязательно эффект SLODR должен быть выражен на всех переменных одинаково.

Сырые данные дают более сложную картину. Во-первых, наблюдаются левая асимметрия baseline-факторных значений и отрицательный коэффициент модерации для нагрузок, достаточно хорошо соответствующие асимметриям самих переменных. Однако, с другой стороны, анализ RVE и модераций ошибок показывает убывание дисперсии ошибок вдоль g, что выше было получено только в симуляции различной плотности заданий. Это значит, что отрицательные коэффициенты модерации нагрузок могут отражать ложный эффект, связанный с неравномерной плотностью заданий по сложности, и таким образом, наши сырье данные сами по себе не могут свидетельствовать в пользу наличия эффекта. Однако нормирование переменных в симуляции D0 приводит к полному исчезновению эффекта⁹, в то время как реальные дан-

Таблица 5

Оценка асимметрии данных, факторных нагрузок, сравнение результатов, полученных регрессией RVE и модерацией ошибок на реальных данных

Переменная	Асимметрия переменной	Асимметрия факторных значений	Коэффициент модерации нагрузки	Лин. регр. RVE к фактическим значениям	Коэффициент модерации ошибки
An	-0.309	-0.393	-0.104	-0.108	-0.121
Sil	-0.233	-0.393	-0.094	-0.060	-0.041
Ch	-0.092	-0.393	-0.078	-0.008	-0.004
Is	-0.710	-0.393	-0.183	-0.159	-0.194
Norm. An	-0.022	-0.145	-0.035	0.018	0.016
Norm. Sil	-0.002	-0.145	-0.030	0.046	0.036
Norm. Ch	-0.002	-0.145	-0.045	0.043	0.028
Norm. Is	-0.018	-0.145	-0.053	0.048	0.029

Примечание. Полужирным шрифтом выделены коэффициенты, в два и больше раз превышающие стандартную ошибку.

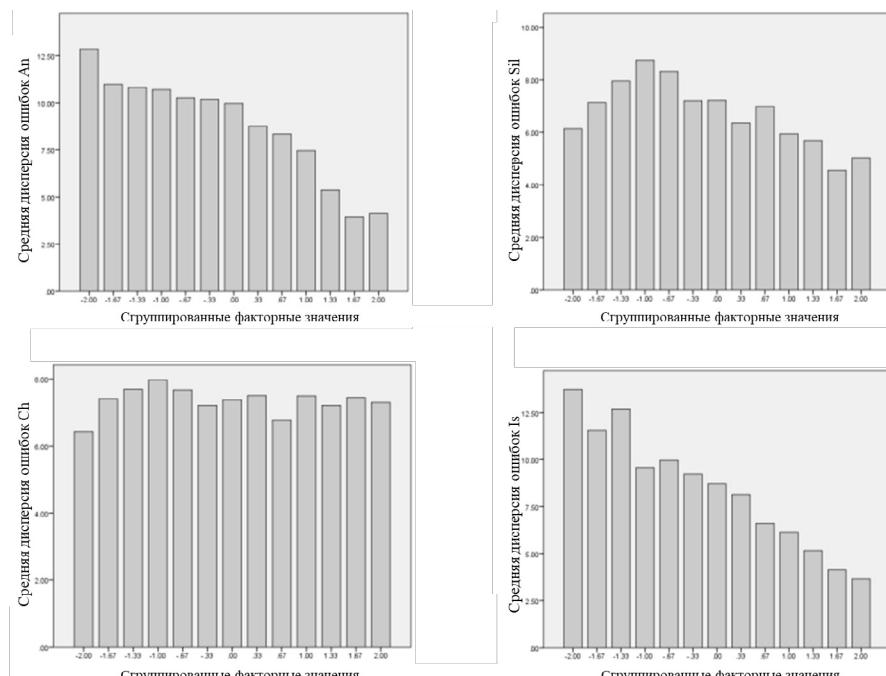
⁹ Мы не проводили эту операцию, поскольку она возвращает данным структуру многомерной нормальности, которая была у них до деформации переменных при построении симуляции.

ные после нормирования сохраняют эффект. Это, по-видимому, значит, что при наличии зашумляющего действия неравномерной сложности заданий полученный массив свидетельствует в пользу неразличимых между собой эффекта SLODR и результата возможного отбора респондентов, связанного с внешней ситуацией тестирования (например, особенностей абитуриентов, поступающих в тот или иной вуз).

Значительные различия в асимметриях переменных приводят к нелинейности зависимости дисперсии ошибок от g . Наложение на линейную тенденцию образует нетривиальные формы изменения дисперсий ошибок, которые можно анализировать с помощью RVE. Для наших сырых данных они изображены на рисунке 4.

В принципе такие искажения могут быть источником артефактов для модерации ошибок. Поскольку отбор респондентов в принципе может приводить к разным результатам для разных переменных, это еще более усложняет картину. Прояснить ситуацию может следующая серия симуляций, которую мы планируем реализовать и рассмотреть в дальнейшем.

Рисунок 4
Анализ поведения дисперсии ошибок с помощью RVE

Примечание. Последовательность переменных An, Sil, Ch, Is. По оси абсцисс сгруппированные факторные значения (g) в интервале от -2 до 2 . По оси ординат средние квадраты ошибки для данной переменной.

Выводы

Механизмы работы метода максимального правдоподобия при оценке параметров распределений в многомерном случае весьма трудно контролировать, поэтому тестирование работы этих механизмов на симуляциях с понятными свойствами является необходимым аспектом работы с ними. Мы показали в нашей работе следующее:

1. Одновременная модерация двух параметров модели MCFA – факторных нагрузок и дисперсии ошибок, с одной стороны, дает довольно устойчивый результат, структурно инвариантный относительно деформаций шкал в симуляциях Er0, ErN, G0 и GN. С другой стороны, в симуляции D0, в которой при раздельной модерации коэффициенты для факторных нагрузок и дисперсии существенно отрицательны, при совместной модерации коэффициент перераспределяется в пользу ошибки в случае модерации всех четырех переменных и даже меняет знак на противоположный при модерации по одной переменной, что совершенно не соответствует структуре данных. Мы видим здесь пример неконтролируемого перераспределения эффектов между модерируемыми параметрами модели, что ставит под вопрос саму возможность прямой интерпретации получаемых результатов. Мы можем предположить, что неконтролируемость вызвана смешением в модели модераций совершенно разнородных параметров – асимметрии переменных и дисперсии ошибок. Например, нисколько не менее логично было бы вместо дисперсии ошибок (Bauer, Hussong, 2009) взять для модерации стандартное отклонение; предполагаем, что в этом случае результаты получились бы другими при совместной модерации нагрузок и ошибок, но практически теми же при раздельной модерации.

2. Сопоставление симуляции Er0, ErN, G0 и GN показывает, что SLODR может выражаться любой комбинацией асимметрии распределения факторных значений и возрастания дисперсий ошибок вдоль главного фактора.

3. В рамках классической психометрики, в которой оценка интервальности шкал опирается на распределение показателей, различие реального эффекта SLODR и ложного, порожденного отбором респондентов, вероятно, невозможно. В симуляции Er0 мы смоделировали один из вариантов уменьшения интеркорреляций между переменными вдоль g, соответствующий SLODR. В симуляции G0 была смоделирована постоянная корреляция интеллектуальных функций вдоль g, но с вызванным отбором респондентов нарушением симметрии эмпирических распределений. После нормализации переменных данные приходят в вид ErN и GN, практически неотличимые между собой и вместе неотличимые от симуляции S0 «правильного» эффекта SLODR ни с помощью «традиционных» методов, ни с помощью MCFA. Косвенно наш вывод подтверждается тем, что работы, применяющие MCFA, в последние годы уступают место работам, базирующимся на Item-Response theory, представляющей некоторые теоретические основания для выделения интервальных шкал в тестировании интеллекта (Molenaar et al., 2017; Schwabe et al., 2019).

4. Хотя в работах (Murray et al., 2013; Molenaar et al., 2011) указывается на два главных источника асимметрии распределений в тестировании интеллекта — неравная плотность заданий разной трудности и отбор респондентов, — тот факт, что эти случаи дают различимые конфигурации данных, в публикациях не отмечен. Возможно, дело в том, что модерации факторных нагрузок в MCFA не различают источники асимметрий, а совместная модерация нагрузок и дисперсий остатков может просто запутать дело. Мы показываем, что в симуляциях два источника легко различаются, однако в реальных данных это сделать нелегко. В нашем примере три из четырех переменных имеют признак большей представленности легких заданий (отрицательная асимметрия факторных значений вместе с убыванием дисперсии ошибки вдоль g), но после нормализации появляются признаки наличия эффекта SLODR. По-видимому, можно утверждать, что имеет место также и присутствие эффекта SLODR и/или последствия отбора респондентов в этих трех субтестах.

5. Сам метод MCFA недостаточно прозрачен для прямых интерпретаций. Мы показали, что модерация дисперсии ошибки может быть заменена анализом регрессионных остатков, а интерпретация модераций факторных нагрузок выигрывает, если сопровождается анализом асимметрий распределений переменных и факторных значений.

Заключение

Основной вывод статьи — классическая теория тестирования не дает достаточных оснований для обсуждения наличия или отсутствия тонких нелинейных эффектов взаимодействия тестовых показателей, хотя сравнительный анализ выраженности нелинейных эффектов в разных ситуациях возможен. Применение метода MCFA задачу не решает, и без сопоставления результатов его применения с результатами, получаемыми другими методами, принимать решения в практических важных ситуациях кажется нам рискованным.

На наш взгляд, необходим обстоятельный анализ возможностей решения данной (SLODR) и аналогичных (например, генно-средового взаимодействия) проблем методом IRT, в частности с переходом на уровень тестовых заданий без интеграции в субтестовые шкалы (Molenaar et al., 2017).

Надо также иметь в виду, что некоторые методы с успехом используются в фундаментальной науке (эффективность которой измеряется современными отнюдь не безупречными методами оценки), но могут оказаться совершенно непригодными в прикладных областях. Возможно, именно таков MCFA.

Литература

- Корнеев, А. А., Кричевец, А. Н., Ушаков, Д. В. (2019). Закон убывающей отдачи Спирмена: виды асимметрий распределений и их роль в порождении артефактов. *Сибирский психологический журнал*, 71, 24–43. <https://doi.org/10.17223/17267080/71/2>
- Наследов, А. Д. (2004). *Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных*. СПб.: Речь.
- Сугоняев, К. В., Радченко, Ю. И. (2018). «Закон уменьшения отдачи» Спирмена: исследование на масштабных российских выборках. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 11(1), 5–21. <https://doi.org/10.14529/psy180101>
- Фер, М., Бакарак, В. (2010). Психометрика: введение. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Arden, R., & Plomin, R. (2007). Scant evidence for Spearman's law of diminishing returns in middle childhood. *Personality and Individual Differences*, 42(4), 743–753. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.08.010>
- Bauer, D. J., & Hussong, A. M. (2009). Psychometric approaches for developing commensurate measures across independent studies: Traditional and new models. *Psychological Methods*, 14(2), 101–125. <https://doi.org/10.1037/a0015583>
- Blum, D., & Holling, H. (2017). Spearman's law of diminishing returns. A meta-analysis. *Intelligence*, 65, 60–66. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.07.004>
- Breit, M., Brunner, M., & Preckel, F. (2020). General intelligence and specific cognitive abilities in adolescence: Tests of age differentiation, ability differentiation, and their interaction in two large samples. *Developmental Psychology*, 56, 364–384. <https://doi.org/10.1037/dev0000876>
- Dombrowski, S. C., Canivez, G. L., & Watkins, M. W. (2018). Factor structure of the 10 WISC-V primary subtests across four standardization age groups. *Contemporary School Psychology*, 22(1), 90–104. <https://doi.org/10.1007/s40688-017-0125-2>
- Furr, R. M., & Bacharach, V. R. (2010). *Psychometrics: An introduction*. Chelyabinsk: YuUrGU. (Original work published 2008)
- Hartung, J., Doebler, P., Schroeders, U., & Wilhelm, O. (2018). Dedifferentiation and differentiation of intelligence in adults across age and years of education. *Intelligence*, 69, 37–49. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2018.04.003>
- Hildebrandt, A., Lüdtke, O., Robitzsch, A., Sommer, C., & Wilhelm, O. (2016). Exploring Factor Model Parameters across Continuous Variables with Local Structural Equation Models. *Multivariate Behavioral Research*, 51(2–3), 257–258. <https://doi.org/10.1080/00273171.2016.1142856>
- Korneev, A. A., Krichevets, A. N., & Ushakov, D. V. (2019). Spearman's law of diminishing returns: the impact of the distribution asymmetry in artefact producing. *Sibirskii Psichologicheskii Zhurnal / Siberian Journal of Psychology*, 71, 24–43. <https://doi.org/10.17223/17267080/71/2> (in Russian)
- Korneev, A., Krichevets, A., Sugonyaev, K., Ushakov, D., Vinogradov, A., & Fomichev, A. (2021). Sources of artifacts in SLODR detection. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(1), 86–100. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0107>

- Molenaar, D., Dolan, C. V., & van der Maas, H. L. (2011). Modeling ability differentiation in the second-order factor model. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 18(4), 578–594. <https://doi.org/10.1080/10705511.2011.607095>
- Molenaar, D., Dolan, C. V., Wicherts, J. M., & van der Maas, H. L. (2010). Modeling differentiation of cognitive abilities within the higher-order factor model using moderated factor analysis. *Intelligence*, 38(6), 611–624. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2010.09.002>
- Molenaar, D., Kő, N., Rózsa, S., & Mészáros, A. (2017). Differentiation of cognitive abilities in the WAIS-IV at the item level. *Intelligence*, 65, 48–59. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.10.004>
- Murray, A. L., Dixon, H., & Johnson, W. (2013). Spearman's law of diminishing returns: A statistical artifact? *Intelligence*, 41(5), 439–451. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2013.06.007>
- Nasledov, A. D. (2004). *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya: analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research: analysis and interpretation of data]. Saint Petersburg: Rech'.
- Reynolds, M. R. (2013). Interpreting the g loadings of intelligence test composite scores in light of Spearman's law of diminishing returns. *School Psychology Quarterly*, 28(1), 63–76. <https://doi.org/10.1037/spq0000013>
- Reynolds, M. R., & Keith, T. Z. (2007). Spearman's law of diminishing returns in hierarchical models of intelligence for children and adolescents. *Intelligence*, 35(3), 267–281. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2006.08.002>
- Reynolds, M. R., Keith, T. Z., & Beretvas, S. N. (2010). Use of factor mixture modeling to capture Spearman's law of diminishing returns. *Intelligence*, 38(2), 231–241. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2010.01.002>
- Schwabe, I. (2016). *Nature, nurture, and item response theory: a psychometric approach to behaviour genetics*. Universiteit Twente. <https://doi.org/10.3990/1.9789036540735>
- Schwabe, I., Gu, Z., Tijmstra, J., Hatemi, P., & Pohl, S. (2019). Psychometric modelling of longitudinal genetically-informative twin data. *Frontiers in Genetics*, 10, 837. <https://doi.org/10.3389/fgene.2019.00837>
- Spearman, C. (1927). *The abilities of man*. New York, NY: Macmillan.
- Sugonyaev, K. V., & Radchenko, Yu. I. (2018). Spearman's law of diminishing returns: investigation on large-scales Russian samples. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 11(1), 5–21. <https://doi.org/10.14529/psy180101> (in Russian)

Приложение 1

Скрипт симуляции «правильного» SLODR в двумерном случае

```

set seed 1234.

***Заготовка файла доступна по адресу
http://mathpsy.com/mfca_appendix/20000_template.sav.
*** ID – номер кейса (от 1 до 20000).
*** Из равномерно распределенной выборки 20000 отбираются значения w
лежащие ниже прямой (ID/20000), остальные удаляются.

COMPUTE w=RV.Uniform(0,1).
EXECUTE.
FILTER OFF.
USE ALL.
SELECT IF (w <= ID / 20000).
EXECUTE.

```

*** Эмпирически подобранные коэффициенты

```
COMPUTE MLTPL = .6.  
COMPUTE MLT3=2.  
EXECUTE.
```

*** Задание фактора g

*** 1) Стандартизация ID

```
DESCRIPTIVES VARIABLES=ID  
/SAVE.
```

*** 2) Расчет g

```
COMPUTE GG=(ZID * MLTPL + RV.NORMAL(0,1) * SQR(1 - MLTPL**2)) *  
MLT3.  
EXECUTE.
```

*** Огрубление g для задания неравномерных остатков (GRnd всегда больше -15) и подбор параметров

```
COMPUTE GRnd=RND(GG / MLT3 + 0.5) - 0.5.  
EXECUTE.
```

*** Эмпирически подобранные коэффициенты для расчета ортогональной к g переменной

```
COMPUTE MLT1 = 1.8.  
COMPUTE MLT2 =3.5.  
EXECUTE.
```

*Расчет ортогональной к g переменной

```
IF (GRnd > - 15) ORT1=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
IF (GRnd > - 2) ORT1=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
IF (GRnd > - 1) ORT1=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
IF (GRnd > 0) ORT1=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
IF (GRnd > 1) ORT1=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
IF (GRnd > 2) ORT1=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.  
EXECUTE.
```

*** Расчет целевых переменных

```
COMPUTE F1 = (0.71 * GG + 0.71 * ORT1).  
EXECUTE.
```

```
COMPUTE F2 = (0.71 * GG - 0.71 * ORT1).  
EXECUTE.
```

*** Нормализация переменных

```
RANK VARIABLES=F1 F2 (A)  
/RANK  
/PRINT=YES  
/TIES=MEAN.
```

*** ВНИМАНИЕ - в дроби необходимо вставить полученную на первом шаге (SELECT IF (w <= ID / 20000)) длину массива, в зависимости от исходного числа для датчика случайных чисел она может меняться.

```
COMPUTE NF1=IDF.NORMAL((RF1-0.5)/10033,0,1).
```

```
COMPUTE NF2=IDF.NORMAL((RF2-0.5)/10033,0,1).
EXECUTE.
```

Скрипт симуляции «правильного» SLODR в четырехмерном случае

```
set seed 1235.
```

```
*****Заготовка файла доступна по адресу
http://mathpsy.com/mfca_appendix/30000_template.sav.
```

```
*** ID - номер кейса (от 1 до 30000).
*** Из равномерно распределенной выборки 30000 отбираются значения w
лежащие ниже прямой (параболы  $w = (ID/30000)^2$ ), остальные удаляются
(в среднем остается ~ 10000).
```

```
COMPUTE w=RV.Uniform(0,1).
EXECUTE.
FILTER OFF.
USE ALL.
SELECT IF (w <= (ID / 30000) ** 2).
EXECUTE.
```

***Эмпирически подобранные коэффициенты

```
COMPUTE MLTPL = .7.
COMPUTE MLT3=2.91.
EXECUTE.
```

*** Создание фактора g
*** 1) Стандартизация ID

```
DESCRIPTIVES VARIABLES=ID
/SAVE.
```

*** 2) Расчет g

```
COMPUTE GG=(ZID * MLTPL + RV.NORMAL(0,1) * SQR(1 - MLTPL**2)) *
MLT3.
EXECUTE.
```

*** Огрубление g для задания неравномерных остатков (GRnd всегда больше -15) и подбор параметров

```
COMPUTE GRnd=RND(GG / MLT3 + 0.5) - 0.5.
EXECUTE.
```

*** Эмпирически подобранные коэффициенты для расчета ортогональной к g переменной

```
COMPUTE MLT1 = 1.8.
COMPUTE MLT2 = 3.5.
EXECUTE.
```

*** Расчет ортогональных к g переменной

```
IF (GRnd > - 15) ORT1=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > - 2) ORT1=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > - 1) ORT1=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 0) ORT1=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 1) ORT1=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 2) ORT1=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
```

```

IF (GRnd > - 15) ORT2=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
EXECUTE.

IF (GRnd > - 2) ORT2=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > - 1) ORT2=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 0) ORT2=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 1) ORT2=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 2) ORT2=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
EXECUTE.

IF (GRnd > - 15) ORT3=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > - 2) ORT3=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > - 1) ORT3=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 0) ORT3=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 1) ORT3=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
IF (GRnd > 2) ORT3=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLT3.
EXECUTE.

*** Расчет целевых переменных

COMPUTE F1=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 + 0.71
* 1 * ORT3).
COMPUTE F2=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 - 0.71
* 1 * ORT3).
COMPUTE F3=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 - 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71
* 0 * ORT3).
COMPUTE F4=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71
* 0 * ORT3).
EXECUTE.

*** Нормализация переменных

RANK VARIABLES=F1 F2 F3 F4 (A)
/RANK
/PRINT=YES
/TIES=MEAN.

*** ВНИМАНИЕ - в дроби необходимо вставить полученную на первом шаге
(SELECT IF (w <= (ID / 30000) ** 2)) длину массива, в зависимости от
исходного числа для датчика случайных чисел она может меняться.

COMPUTE NF1=IDF.NORMAL((RF1-0.5)/9995,0,1).
COMPUTE NF2=IDF.NORMAL((RF2-0.5)/9995,0,1).
COMPUTE NF3=IDF.NORMAL((RF3-0.5)/9995,0,1).
COMPUTE NF4=IDF.NORMAL((RF4-0.5)/13273,0,1).
EXECUTE.

*** Расчет Running Variation Estimation (RVE)

COMPUTE MG=(NF1 + NF2 + NF3 + NF4) / 4.
COMPUTE RVE=((NF1 - MG) ** 2 + (NF2 - MG) ** 2 + (NF3 - MG) **
2 + (NF4 - MG) ** 2) / 4.
EXECUTE.

*** Расчет групп по MG

COMPUTE RMG=RND(MG * 3) / 3.
EXECUTE.

```

Скрипт симуляции Er (нормальное распределение респондентов по фактору g с остатками, дисперсия которых растет в направлении роста g)

```

set seed 1253.

*** Заготовка файла доступна по адресу
http://mathpsy.com/mfca_appendix/10000_template.sav.
*** ID - номер кейса (от 1 до 10000).

*** Коэффициент для подгонки корреляций

COMPUTE MLTPL = 1.62.
EXECUTE.

*** Задание g

COMPUTE GG=RV.NORMAL(0,1) * MLTPL.
EXECUTE.

*** Округление до целого стандартного отклонения

COMPUTE GRnd=RND(GG / MLTPL + 0.5) - 0.5.
EXECUTE.

*** Коэффициенты для подгонки асимметрий

COMPUTE MLT1 = 1.8.
COMPUTE MLT2 = 0.5.
EXECUTE.

*** Вычисление с переменными дисперсиями GRnd всегда больше -15

IF (GRnd > - 15) ORT1=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 2) ORT1=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 1) ORT1=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 0) ORT1=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 1) ORT1=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 2) ORT1=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
EXECUTE.

IF (GRnd > - 15) ORT2=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 2) ORT2=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 1) ORT2=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 0) ORT2=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 1) ORT2=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 2) ORT2=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
EXECUTE.

IF (GRnd > - 15) ORT3=RV.NORMAL(0,1/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 2) ORT3=RV.NORMAL(0,2/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > - 1) ORT3=RV.NORMAL(0,3/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 0) ORT3=RV.NORMAL(0,4/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 1) ORT3=RV.NORMAL(0,5/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
IF (GRnd > 2) ORT3=RV.NORMAL(0,6/8 * MLT1+MLT2) / MLTPL.
EXECUTE.

*** Ортогональное преобразование и вычисление целевых переменных

COMPUTE F1=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 + 0.71 *
1 * ORT3).

```

```
COMPUTE F2=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 - 0.71 *  
1 * ORT3).  
COMPUTE F3=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 - 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71 *  
0 * ORT3).  
COMPUTE F4=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71 *  
0 * ORT3).  
EXECUTE.  
  
*** Нормализация  
  
RANK VARIABLES=F1 F2 F3 F4 (A)  
/RANK  
/PRINT=YES  
/TIES=MEAN.  
  
COMPUTE NF1=IDF.NORMAL((RF1-0.5)/10000,0,1).  
COMPUTE NF2=IDF.NORMAL((RF2-0.5)/10000,0,1).  
COMPUTE NF3=IDF.NORMAL((RF3-0.5)/10000,0,1).  
COMPUTE NF4=IDF.NORMAL((RF4-0.5)/10000,0,1).  
EXECUTE.  
  
***Вычисление RVE  
  
COMPUTE MG=(NF1 + NF2 + NF3 + NF4) / 4.  
EXECUTE.  
  
COMPUTE RVE=((NF1 - MG) ** 2 + (NF2 - MG) ** 2 + (NF3 - MG) **  
2 + (NF4 - MG) ** 2) / 4.  
EXECUTE.  
  
*** Расчет групп по MG  
  
COMPUTE RMG=RND(MG * 3) / 3.  
EXECUTE.
```

Скрипт симуляции G (распределение «респондентов» по g, имеющее левую асимметрию, с постоянной дисперсией остатков, не зависящей от g)

```
set seed 1245.  
  
*** Заготовка файла доступна по адресу  
http://mathpsy.com/mfca_appendix/40000_template.sav.  
  
*** ID - номер кейса (от 1 до 40000).  
*** Из равномерно распределенной выборки 40000 отбираются значения w  
лежащие ниже прямой (параболы  $w = (ID/40000)^3$ ), остальные удаляются  
(в среднем - 10000).  
  
COMPUTE w=RV.Uniform(0,1).  
EXECUTE.  
FILTER OFF.  
USE ALL.  
SELECT IF (w <= (ID / 40000) ** 3).  
EXECUTE.  
  
*** Коэффициенты для регулирования интеркорреляций  
  
COMPUTE MLTPL = 0.79.  
COMPUTE MLT2=1.41.  
EXECUTE.
```

```
*** Задание фактора g
*** 1) Стандартизация ID

DESCRIPTIVES VARIABLES=ID
  /SAVE.

*** 2) Расчет g

COMPUTE GG=(ZID * MLTPL + RV.NORMAL(0,1) * SQR(1 - MLTPL**2)) *
MLT2.
EXECUTE.

COMPUTE ORT1=RV.NORMAL(0,1) / MLT2.
COMPUTE ORT2=RV.NORMAL(0,1) / MLT2.
COMPUTE ORT3=RV.NORMAL(0,1) / MLT2.
EXECUTE.

*** Ортогональное преобразование и вычисление целевых переменных

COMPUTE F1=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 + 0.71
* 1 * ORT3).
COMPUTE F2=(0.5 * GG + 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 0 * ORT2 - 0.71
* 1 * ORT3).
COMPUTE F3=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 - 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71
* 0 * ORT3).
COMPUTE F4=(0.5 * GG - 1 * 0.5 * ORT1 + 0.71 * 1 * ORT2 + 0.71
* 0 * ORT3).
EXECUTE.

*** Нормализация

RANK VARIABLES=F1 F2 F3 F4 (A)
  /RANK
  /PRINT=YES
  /TIES=MEAN.

*** ВНИМАНИЕ - в дроби необходимо вставить полученную на первом шаге
(SELECT IF (w <= (ID / 40000) ** 3)) длину массива, в зависимости от
исходного числа для датчика случайных чисел она может меняться.

COMPUTE NF1=IDF.NORMAL((RF1-0.5)/9954,0,1).
COMPUTE NF2=IDF.NORMAL((RF2-0.5)/9954,0,1).
COMPUTE NF3=IDF.NORMAL((RF3-0.5)/9954,0,1).
COMPUTE NF4=IDF.NORMAL((RF4-0.5)/9954,0,1).
EXECUTE.

*** Расчет Running Variation Estimation (RVE)

COMPUTE MG=(NF1 + NF2 + NF3 + NF4) / 4.
COMPUTE RVE=((NF1 - MG) ** 2 + (NF2 - MG) ** 2 + (NF3 - MG) **
2 + (NF4 - MG) ** 2) / 4.
EXECUTE.

*** Расчет групп по MG

COMPUTE RMG=RND(MG * 3) / 3.
EXECUTE.
```

Приложение 2

Таблица П1

Результаты одновременной модерации всех факторных нагрузок и ошибок в различных симуляциях

Тип симуляции	ΔBIC	Угловые коэффициенты модерации				Асимметрия факторных значений	
		При модерации по отдельности		При модерации вместе			
		Факт. нагрузок	Ошибок	Факт. нагрузок	Ошибок		
S0	18, 360, -	-0.100 (0.011)	0.033 (0.009)	-	-	0.035	
Er0	29, -, -	-0.015 (0.012)	-	-	-	0.009	
ErN	302, 196, -	-0.096 (0.012)	0.107 (0.010)	-	-	0.050	
G0	-, -24, -	-	-0.021 (0.012)	-	-	-	
GN	97, 420, -	-0.154 (0.015)	0.069 (0.012)	-	-	0.061	
D0	772, 138, 745	-0.064 (0.009)	-0.132 (0.009)	-0.016 (0.009)	-0.127 (0.011)	0.029	

Примечание. Столбец ΔBIC содержит три числа, характеризующие изменение критерия BIC по трем вариантам модерации: только нагрузки, только ошибки и нагрузки и ошибки одновременно. Положительная разность означает, что введение модерирующего параметра существенно увеличивает правдоподобие результата при введении модерации. Коэффициенты усреднены для четырех переменных. В скобках после углового коэффициента приведена стандартная ошибка оценки. Прочерки проставлены в случаях, когда модель не сходилась. Полужирным выделены коэффициенты, в два и больше раз превышающие стандартную ошибку.

Таблица П2

Результаты модерации факторных нагрузок и дисперсии ошибок на реальных данных

Число модерируемых переменных: одна (*) или четыре (***)	ΔBIC	При модерации по отдельности		При модерации вместе		Асимметрия ф. з. (модера- ция только нагрузок)
		Факт. нагрузки	Ошибки	Факт. нагрузки	Ошибки	
Не нормализованные данные. Асимметрия переменных: An — −0.309, Sil — −0.223, Ch — −0.092, Is — −0.710). Асимметрия факторных значений в baseline-модели −0.393.						
An*	11, 163, 153	−0.025 (0.005)	−0.121 (0.01)	0.002 (0.006)	−0.122 (0.012)	−0.352
An***	761, 776, 1126	−0.104 (0.007)	−0.103 (0.009)	−0.078 (0.007)	−0.105 (0.012)	0.111
Sil*	−4, 17, 8	−0.013 (0.005)	−0.041 (0.008)	−0.001 (0.006)	−0.041 (0.009)	−0.371
Sil***	761, 776, 1126	−0.094 (0.008)	−0.035 (0.008)	−0.084 (0.008)	−0.019 (0.01)	0.111
Ch*	−6, −9, −15	−0.012 (0.006)	−0.004 (0.009)	−0.013 (0.007)	0.005 (0.01)	−0.382
Ch***	761, 776, 1126	−0.078 (0.009)	−0.002 (0.009)	−0.081 (0.009)	0.015 (0.01)	0.111
Is*	469, 627, 726	−0.127 (0.006)	−0.194 (0.006)	−0.07 (0.008)	−0.147 (0.009)	−0.265
Is***	761, 776, 1126	−0.183 (0.008)	−0.187 (0.005)	−0.121 (0.009)	−0.137 (0.009)	0.111
Нормализованные данные. Асимметрия переменных равна нулю. Асимметрия факторных значений в baseline-модели −0.145.						
An*	−9, −3, −11	−0.005 (0.005)	0.016 (0.008)	−0.013 (0.006)	0.024 (0.009)	−0.137
An***	12, 57, 129	−0.031 (0.007)	0.011 (0.008)	−0.030 (0.008)	0.003 (0.010)	0.045
Sil*	5, −5, 15	−0.004 (0.006)	0.036 (0.007)	−0.024 (0.006)	0.051 (0.008)	−0.138
Sil***	12, 57, 129	−0.030 (0.007)	0.034 (0.007)	−0.047 (0.008)	0.044 (0.010)	0.045
Ch*	−3, 12, 31	−0.025 (0.006)	0.028 (0.008)	−0.042 (0.007)	0.055 (0.010)	−0.120
Ch***	12, 57, 129	−0.045 (0.007)	0.026 (0.009)	−0.058 (0.008)	0.044 (0.010)	0.045
Is*	−9, 73, 90	−0.034 (0.006)	0.029 (0.008)	−0.057 (0.007)	0.070 (0.010)	−0.110
Is***	12, 57, 129	−0.053 (0.007)	0.029 (0.008)	−0.076 (0.008)	0.064 (0.009)	0.045

МЕТОД РЕЛЯЦИОННО-СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

**С.Н. ЕНИКОЛОПОВ^a, Ю.М. КУЗНЕЦОВА^b, Г.С. ОСИПОВ^b,
И.В. СМИРНОВ^b, Н.В. ЧУДОВА^b**

^aФедеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научный центр психического здоровья», 115522, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 34

^bФедеральное государственное бюджетное научное учреждение ФИЦ «Информатика и управление» РАН, 117312, Россия, Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9

The Method of Relational-Situational Analysis of Text in Psychological Research

S.N. Enikolopov^a, Y.M. Kuznetsova^b, G. S. Osipov^b, I.V. Smirnov^b, N.V. Chudova^b

^aMental Health Research Center, 34 Kashirskoe shosse, Moscow, 115522, Russian Federation

^bFederal Research Center “Computer Science and Control” Russian Academy of Sciences, 9 60-letiya Oktyabrya Ave, Moscow, 117312, Russian Federation

Резюме

Разработка методов искусственного интеллекта, позволяющих получать достоверную информацию о психологических особенностях человека по его речи, является одним из направлений развития психодиагностического инструментария современного уровня. Создание подобных средств подразумевает взаимодействие психологов, лингвистов и представителей компьютерной науки, поэтому требует определенной методологической базы и организационных условий. В настоящей работе описан опыт разработки отечественного диагностического инструмента анализа письменных текстов, в том числе сетевых интеракций, осуществленной под руководством

Abstract

Some artificial intelligence methods for reliable identification of personality traits in speech can be useful for upgrade of psycho-diagnostics. Such tools should be developed by psychologists, linguists and computer scientists jointly, and therefore a preliminary special methodology and organization are required. The described in our paper original tool for analyzing written text was created at the Artificial Intelligence Research Institute of National Institute for Research in Computer Science and Control of RAS under the guidance of Dr. of Physical and Mathematical Sciences G.S. Osipov in collaboration with the members of Mental

Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2020-799.

The study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant No. 075-15-2020-799.

Г.С. Осипова в возглавляемом им Институте проблем искусственного интеллекта ФИЦ «Информатика и управление» РАН и при сотрудничестве с Научным центром психического здоровья, Институтом русского языка РАН и Пермским государственным университетом. В основе инструмента лежит предложенный Г.С. Осиповым метод реляционно-ситуационного анализа текста (PCA), учитывающий особенности коммуникативной грамматики русского языка Г.А. Золотовой. Извлекаемые с помощью инструмента «Машина РСА» данные позволяют представлять текст в виде совокупности предикатно-аргументных ролевых структур, отражающих особенности картины мира автора текста. Машина выделяет в тексте более ста семантических признаков и семантических ролей; привлечение ряда психолингвистических показателей и специально сформированных тематических групп слов расширяет перечень признаков, выявляемых «Машиной РСА», до 197. Проведенные эмпирические исследования позволили выявить специфику текста, связанную с психологическими особенностями (устанавливаемыми с помощью психодиагностических методик и экспертно), а также психиатрическим статусом (шизофрения и клиническая депрессия) испытуемых — авторов текстов, что открывает перспективы для диагностического и мониторингового применения полученных результатов. Возможность использовать данные, получаемые с помощью «Машины РСА», для машинного обучения делает инструмент адаптивным и развивающимся в соответствии с конкретными исследовательскими задачами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, анализ текста, реляционно-ситуационный анализ, психологические особенности, психодиагностика, сетевые интеракции.

Ениколов Сергей Николаевич – заведующий отделом, отдел медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология агрессии, психология юмора, клиническая психология.

Контакты: enikolopov@mail.ru

Health Research Center, the Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences and the Perm State University. G.S. Osipov proposed a method of relational-situational analysis of text (RSA) based on the ideas of the communicative grammar of the Russian language by G.A. Zolotova, and this approach is implemented in the tool. Analysis of the text using the tool “RSA Machine” turns it into a set of predicate-role structures that are associated with the specifics of the author's worldview. The RSA machine identifies 127 semantic features and semantic roles, and includes a set of psycholinguistic indicators and data of specially created groups of thematic lexis, extracts a total of 197 indicators from texts. The empirical studies have been conducted and have shown some singularities of texts written by people with certain psychological characteristics (according to psychodiagnostic methods and expert opinion), as well as with a psychiatric status (schizophrenia and clinical depression), and these results can be utilized for diagnosis and monitoring. By using the data that the RSA machine receives for further machine learning, it can adapt and develop according with specific research tasks.

Keywords: artificial intelligence, text mining, relational-situational analysis, psychological characteristics, psychodiagnostics.

Sergey N. Enikolopov – Associate Professor, Head of Department of Medical Psychology, Mental Health Research Centre, PhD in psychology.

Research area: psychology of aggression, medical psychology.

E-mail: enikolopov@mail.ru

Осипов Геннадий Семенович — директор института, Институт проблем искусственного интеллекта Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Сфера научных интересов: представление знаний, приобретение знаний интеллектуальными системами, динамические интеллектуальные системы, семантический поиск.
Контакты: gos@isa.ru

Кузнецова Юлия Михайловна — старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: картина мира, психосемантика, психолингвистика, психо-диагностика.

Контакты: kuzjum@yandex.ru

Смирнов Иван Валентинович — заведующий отделом, отдел «Интеллектуальный анализ информации» Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, кандидат физико-математических наук, доцент.

Сфера научных интересов: обработка естественного языка, интеллектуальный анализ информации.

Контакты: ivs@isa.ru

Чудова Наталья Владимировна — старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология агрессии, психология Интернета, картина мира.

Контакты: nchudova@gmail.com

Gennady S. Osipov — Head of Russian Artificial Intelligence Research Institute, Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences, PhD and DSc in Mathematics, Full Professor.

Research Area: knowledge representation and reasoning, knowledge acquisition, dynamic intelligent systems, semantic search.

E-mail: gos@isa.ru

Julia M. Kuznetsova — Senior Research Fellow, Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences, PhD in psychology.

Research Area: worldview, psychosemantics, psycholinguistics, psychodiagnostics.
E-mail: kuzjum@yandex.ru

Ivan V. Smirnov — Head of department “Intelligent Processing of Information”, Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences, PhD in Mathematics, assistant professor.

Research Area: natural language processing, text and data mining.

E-mail: ivs@isa.ru

Natalia V. Chudova — Senior Research Fellow, Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences, PhD in psychology.

Research Area: worldview, psychology of Internet, psychology of aggression.

E-mail: nchudova@gmail.com

*Посвящаем эту работу памяти нашего коллеги и руководителя
Геннадия Семеновича Осипова¹*

Введение

Методы искусственного интеллекта в последние полтора десятилетия все более активно используются для создания компьютерных систем в гуманитарных науках. Применение методов математического моделирования, обращение к цифровым базам данных и применение новых способов извлечения информации из текстов определяют интерес к специализированным интеллектуальным системам отечественных исследователей в области социологии (Михеенкова, 2012), политологии (Бурковская и др., 2004; Ясницкий, 2008), науковедении (Тихомиров и др., 2016), лингвистики (Роганов и др., 2007; Шелманов и др., 2016) и некоторых других гуманитарных наук.

Для психологии особый интерес представляют разрабатываемые в искусственном интеллекте методы обработки естественного языка и интеллектуального анализа текстов. К настоящему времени сформировалось направление междисциплинарных исследований, направленных на обнаружение связей между психологическими особенностями человека и характеристиками порождаемой им текстовой продукции. Особый интерес современных исследователей в качестве источника психодиагностической информации индивидуального, группового и популяционного уровней вызывают тексты сетевого общения (сетевых интеракций), которые становятся предметом международных проектов: SEMIOTIKS (Semantically-Enhanced Information Extraction for Improved Knowledge Superiority), MIMEX (Multivariate Information Management and Exploitation), ITA (International Technology Alliance in Network and Information Sciences), AKT (Advanced Knowledge Technologies), IEXTREME (Extremist Ideological Influences on Group Decision Making). Автоматическому выявлению маркеров личностных качеств и эмоционального состояния пользователей соцсетей посвящены систематически проводимые международные соревнования: INTERSPEECH Emotional Challenge, Speaker State Challenge, Speaker Trait Challenge, Computational Paralinguistic Challenge и др. Методам идентификации текстовых признаков психического неблагополучия посвящены соревнования CLEF и CLPsych.

В качестве базы подобных исследований выступают лингвистические ресурсы, позволяющие выявлять в текстах эмоционально маркированную

¹ Геннадий Семенович Осипов – крупнейший специалист в области искусственного интеллекта, президент Российской ассоциации Искусственного интеллекта (РАИИ) и постоянный член Европейского координационного комитета ИИ (ECCAI), бессменный руководитель Национальных конференций по ИИ в последние 20 лет. Долгие годы Г.С. Осипов поддерживал плодотворные научные контакты с психологами и ориентировал сообщество специалистов по ИИ на междисциплинарные фундаментальные исследования в области когнитивных наук. Он начал с нами готовить эту работу, под его идеяным руководством создан представленный в ней инструмент интеллектуального анализа текста, ориентированный на поддержку психоdiagностических и психолингвистических исследований.

лексику: WordNet, WordNet-Affect, SentiWordNet. Наиболее популярным в мировом масштабе средством, применяемым в целях текстовой психоdiagностики, является компьютерный инструмент LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count), направленный на определение частотности слов различной часторечной принадлежности, аффективной лексики и лексических маркеров тем, имеющих эмпирически подтверждаемую значимость для выявления психологических особенностей автора текста (Repenbaker et al., 2007). Таким образом, решение диагностической задачи основывается преимущественно на традиционных лексических (морфологических) и стилистических характеристиках текста, при этом более глубокие уровни языка не учитываются. К тому же эти подходы и лингвистические ресурсы не могут быть адаптированы прямым переводом к анализу русскоязычных текстов.

Перспективы развития автоматического текстового анализа связываются с созданием методов, ориентированных на семантический уровень текста. Однако автоматический семантический анализ как цель, декларируемая разработчиками имеющихся информационно-аналитических, поисковых и психоdiagностических систем, реализуется, как правило, в редуцированном виде, поскольку ограничивается учетом таких, по сути, косвенных данных, как семантические классы или статистические характеристики слов и их сочетаемости, что находится в противоречии с лингвистическими представлениями современности о неразрывной связи между семантикой высказывания и его синтаксисом. Авторский подход к изучению семантики языка образован на понятии значения в смысловом контексте высказывания. Реляционно-ситуационный анализ (РСА) текста (Осипов и др., 2008) представлен положениями коммуникативной грамматики русского языка (Золотова и др., 2004) и оперирует значениями синтаксем — минимальных синтаксических единиц, одновременно являющими носителями элементарных смыслов.

Реализация идей коммуникативной грамматики русского языка с помощью математического аппарата неоднородных семантических сетей в виде инструмента интеллектуального анализа текста позволяет расширить возможности психологического исследования текстовой продукции русскоязычных авторов. Описанию этого инструмента «Машина РСА» и первых результатов его использования психологами посвящена данная работа.

Положение дел в области автоматического анализа текста

Традиционно автоматический анализ текстов применяется для поиска документов, их классификации, поиска близких документов, извлечения из документов фактов. Цифровое представление текста и его обработка осуществляются в рамках статистического или лингвистического подходов. В рамках первого подхода текст представляется в виде упорядоченного множества последовательностей символов (слов), обработка которого заключается в выявлении статистики встречаемости слов. Второй подход представляется отображением текста в виде набора языковых структур морфологического, синтаксического и семантического уровня. К сожалению, большинство современных

исследований речевой продукции ограничивается морфологическим анализом, при котором устанавливается словарная форма слова (леммы) и его грамматических значений.

В общем виде синтаксический анализ имеет своей целью экспликацию синтаксической структуры текста (Смирнов, Шелманов, 2013) в зависимости от применяемой модели — грамматики непосредственно составляющих (Chomsky, 1957) или грамматики зависимостей (Tesnière, 1959). Грамматика непосредственно составляющих высказывание разделяется на непересекающиеся проективные группы (в пределе — на отдельные слова), где по итогу высказывание представляется в виде иерархии составляющих его синтаксических групп. Описанный формализм отвечает структурной организации высказываний в языках с фиксированным порядком слов. В контексте грамматики зависимостей совершенно иным образом представлено предложение — в виде дерева зависимостей, в котором слова связаны ориентированными дугами, обозначающими синтаксическое подчинение (Апресян, 1995; Hudson, 1984; Melcuk, 1988). Для языков с произвольным порядком слов подходит именно этот формализм. Таким образом, для представления высказываний на английском и на русском языках требуются разные формализмы. Как нетрудно догадаться, эффективное использование в работах с русскоязычными текстами лингвистических анализаторов, построенных для работы с англоязычными текстами, возможно лишь для некоторых типов задач; для получения же данных о психологических особенностях русскоязычных авторов необходимо пользоваться анализаторами, созданными с учетом специфики русского языка.

Технически синтаксический анализ может быть поверхностным (shallow parsing) и глубоким, полным (deep parsing) (Abney, 1991). При поверхностном синтаксическом анализе предложения разделяются на рекурсивно невложенные синтаксические группы (chunking), сегментируются (выделяются отдельные речевые обороты и простые предложения в составе сложного), отражаются в виде поверхностного синтаксического дерева. Т.е. процедура построения полного синтаксического дерева предложения с максимальной связанностью, выявлением дальних связей и определением функций отдельных слов представлена глубоким синтаксическим анализом.

Большинство ранее созданных анализаторов, имеющих функцию глубокого синтаксического анализа (к примеру, коммерческие системы ABBYY (Anisimovich et al., 2012), Xerox XLE (Kaplan et al., 2004) и исследовательский проект ЭТАП-3 (Iomdin et al., 2012)) основано на системе правил. Для более современных разработок характерно привлечение методов машинного обучения с использованием синтаксически размеченных корпусов. При этом эффективность машинного обучения продемонстрирована как для поверхностного, так и для глубокого синтаксического анализа, вытесняя или дополняя подходы, основанные на ручном построении правил и грамматик. По-степенно формируются специальные цифровые ресурсы, обеспечивающие исследователей размеченными под задачи синтаксического анализа корпусами текстов. На основе этих корпусов разрабатываются обучаемые синтаксические

анализаторы, которые достигают высоких показателей качества синтаксического разбора. В качестве примера можно указать на ресурс Universal Dependencies, содержащий размеченные тексты на многих языках, в том числе русском.

Семантический анализ по необходимости опирается на одну из теорий семантики естественного языка (см., например: Апресян, 1974). Наиболее интересной и понятной для психологов представляется предикатно-аргументная (ролевая) семантика, системно представленная в работах Ч. Филлмора (1981). В ее основе лежит понятие падежа, выражающего семантическое содержание аргумента при предикате, или роль. Разработанные в рамках данного подхода приемы установления семантических ролей (semantic role labeling) слов и словосочетаний определили развитие целого направления зарубежных исследований в области «понимания текста» (text understanding). В значительной теоретической работе (Gildea, Jurafsky, 2002) описана схема определения семантических ролей посредством семантического фрейма. В данном процессе устанавливаются либо абстрактные семантические роли «Агенс» и «Пациенс», либо роли, более специфичные для некоторой предметной области. Тем самым фрейм, описывающий коммуникацию, включает роли «Говорящий» (Speaker), «Тема» (Topic), «Средство» (Medium), приписываемые как отдельным словам, так и словосочетаниям. Подобному фрейму, к примеру, соответствует предложение: [_{Speaker} We] talked [_{Topic} about the proposal] [_{Medium} over the phone] — в квадратных скобках указаны аргумент и роль. Данный формализм позволяет рассматривать фрейм в качестве средства представления ситуации, включающей участников, их свойства и взаимосвязи, а роль оказывается частью (слотом) такого фрейма. На основе обучения статистических классификаторов с учетом лексических и синтаксических характеристик предложений можно получить вероятностные модели замещения определенным речевым аргументом той или иной позиции в фрейме (*Ibid.*).

В зарубежных исследованиях семантический анализ чаще всего проводится с применением методов автоматического обучения грамматик и различных классификаторов. Данный подход предназначен для выявления семантического значения синтаксической единицы; определения синтаксических и морфологических характеристик анализируемого предложения; проведения анализа данных о взаимном расположении элементов предложения, об их подчинении, о путях от одной лексической единицы до другой в синтаксическом дереве и типах выявляемых синтаксических групп. Для машинного обучения здесь чаще всего используется статистический, а не индуктивный (логический) метод анализа данных. Выявляемые в результате условные вероятности и их веса в линейной комбинации не подразумевают возможности содержательной интерпретации. Другой недостаток рассмотренных подходов заключается в том, что они задействуют преимущественно лексический уровень языка, что связывает результаты конкретного исследования со строго определенной предметной областью и принадлежащие к ней обучающие корпусы. В анализе русскоязычных текстов необходимо учитывать, что многие используемые в

зарубежных системах признаки (такие как позиция слова в предложении относительно предиката или залог глагола) применительно к русскому языку относительно менее информативны.

Реляционно-ситуационный анализ и «Машина РСА»

В настоящей работе мы представляем для психологов метод искусственного интеллекта, получивший название реляционно-ситуационного анализа (РСА). Он основан на теории коммуникативной грамматики русского языка, созданной в ИРЯ РАН, и на теории неоднородных семантических сетей, созданной в ФИЦ ИУ РАН. Метод широко применяется в задачах поиска релевантной информации, сравнения документов и классификации коллекций текстов (Шелманов и др., 2016; Осипов, Смирнов, 2016). В последние два года метод РСА, реализованный в программно-аппаратном комплексе «Машина РСА», стал применяться для выявления текстовых признаков психологических особенностей авторов (Ениколов и др., 2019б).

Метод РСА описан (Осипов и др., 2008). Не излагая математические и программистские идеи, реализованные в нашем инструменте, более подробно остановимся на лингвистических идеях, определивших особенности РСА.

Основной идеей коммуникативной грамматики русского языка является утверждение о связи синтаксиса и семантики. Предметом синтаксиса как науки выступают средства и способы построения связной речи и ее коммуникативных единиц — предложений. При этом важно учитывать, где в речи проходят границы синтаксиса и семантики: слово-лексема как единица словарного состава языка, не являясь структурным компонентом высказывания, не передает его смысла. К примеру, в локативных формах *в лесу, за лесом, над лесом, из леса, из-за леса, возле леса* актуализируется значение места, в творительном пути движения *лесом* — значение протяженности пространства, в объектных формах *губить лес, рубить лес, сажать лес, любоваться лесом* актуализируется предметное значение. Данные значения могут иметь различные синтаксические единицы от слова *лес*, создавая обобщенный тип, могут объединяться с синтаксическими единицами от других слов (*в саду, в комнате*). Рассмотренные примеры представлены минимальными синтаксическими единицами с обобщенными значениями (в первом случае локативным) — «в+предл. падеж» и «за+твр. падеж», во втором случае — со значением пути движения — «твр. падеж» и др. Данные синтаксические единицы получили название «синтаксема» — минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивная компонента более сложных синтаксических построений (Золотова, 1988).

Помимо морфологической формы слова, ключевой ролью в формировании высказывания выступает категориально-семантический класс, к которому принадлежит конкретная лексема. Определяемое этой принадлежностью категориальное значение лексемы задает ее синтаксические возможности и способы функционирования. Поэтому в предложении «*Мама мыла раму*» имя

мама невозможно заменить на любое другое (*белка, тарелка...*), поскольку при такой замене предложение перестанет иметь смысл.

Итак, единицей смысла в конкретном предложении выступает слово в составе синтаксемы. Смысл всего высказывания передается с помощью сложных конструкций, образуемых отдельными синтаксемами. Смысл всего текста с точки зрения описываемого подхода восстанавливается путем выделения в нем отдельных синтаксем, установления значений выделенных синтаксем и определения отношения на множестве установленных значений синтаксем. Можно прийти к заключению, что одно из центральных пониманий языкового опосредствования высших психических функций человека в рамках культурно-исторического подхода связано с синтаксемным подходом к анализу речи. Синтаксема, в отличие от значения отдельного слова, лишь указывающего на предмет, отражает ситуацию бытования предмета в культуре, представляет обстоятельства его использования в социуме, характеризует тот класс предметов, которые являются эквивалентными по значению для исполняемого действия. В качестве единицы речевого мышления выступает скорее значение, представленное в синтаксеме, нежели словарное значение слова. На синтаксемном уровне подвергается обобщению сам момент действования с предметом, и предмет предстает в типовой ситуации действования с предметом.

Основанный на коммуникативной грамматике метод РСА позволяет выявлять предикатно-аргументативную структуру высказываний на естественном языке, т.е. представить содержание высказывания в форме действия, события или ситуации, которые выражаются предикатами. Данная модель, не зависящая от предметной области, способна передать семантику почти любого высказывания на естественном языке. В лингвистическом анализаторе «Машины РСА» категориальная семантика глаголов и других предикатных слов отражается в словаре предикатных слов. Семантико-грамматическая классификация глаголов Г.А. Золотовой (1982) выступила теоретическим фундаментом построения такого словаря. Отметим важную для психологов особенность этого подхода. Лингвистический анализатор, проводящий реляционно-ситуационный анализ, опирается на психологически и лингвистически оправданное представление об особой роли глаголов в разворачивании мысли говорящего. О предикативности внутренней речи писал, как известно, Л.С. Выготский, роль предикативной организации высказывания анализировалась в работах А.Р. Лурии и его школы. Лингвисты также подчеркивают особую роль предикатных слов для русскоязычных текстов. Так, например, Г.П. Мельников считает, что «канон внутренней формы языков флексивного типа, наиболее последовательно выдерживаемый славянскими языками, а среди славянских — русским, заключается в наличии тенденции по возможности любое сообщение представлять через внешнюю форму канонического предложения, номинативный смысл которого вписывается в такой канон внутренний формы, как образ развивающегося события. Поэтому смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.д. — все это

обусловлено потребностью дать слушающему возможность без труда догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий» (Мельников, 2000, с. 263). Было обнаружено, что доля глаголов от общего числа слов в русском тексте значительно выше, а также «лидерство русского языка по уровню динамичности семантики за счет насыщенности текста глаголами предстает как функционально оправданное своеобразием внутренней формы».

Этап перехода от синтаксем к их значениям и от значений синтаксем к значению предложения предстает в качестве ключевой задачи РСА. С целью реализации данной задачи применяется неоднородная семантическая сеть с расширенным семейством отношений и строится отображение из множества синтаксем в вершине семантической сети. Снятие многозначности отображения нескольких синтаксем во множество их значений осуществляется за счет множества построенных контекстных правил. Ребра полученной сети — элементы отношений на множествах значений. В результате сопоставляются множество значений синтаксем и фрагмент семантической сети на множестве таких значений. Данная конструкция может быть названа семантическим образом предложения, благодаря которому выполняются различные формальные операции: обобщения, конкретизации, сравнения с образами других предложений, исследуются свойства отношений семантической сети и выполняются операции поиска релевантных структур с точки зрения семантического образа предложения и т.д.

Итак, работа нашего лингвистического анализатора состоит из следующих шагов:

Вход: текст на естественном языке.

Выход: неоднородная семантическая сеть.

Шаг 1. Морфологический анализ. Выделение в тексте предложений и слов. Установление для слов нормальных форм и морфологических признаков. Снятие омонимии.

Шаг 2. Синтаксический анализ. Выделение клауз. Установление синтаксических зависимостей между лексемами и выделение синтаксем.

Шаг 3. Реляционно-ситуационный анализ. Выявление значений синтаксем и семантических связей между ними. В результате предложение текста представляется в виде неоднородной семантической сети как совокупность именных групп, ролей и бинарных связей между ними в окрестности одного предикатного слова.

На рисунке 1 приведен пример результата работы анализатора для предложения «Доходы направлены на повышение производства». В узлах полученной сети находятся слова, в качестве ребер выступают синтаксические связи, ролевые связи между глаголом «направлены» и аргументами «доходы» и «повышение», а также семантическое отношение DES (дестинативная связь, один компонент которой обозначает назначение для другого компонента) между указанными аргументами.

В последние годы совершенствование метода происходило за счет разработок в области автоматического установления семантических ролей как наиболее

Рисунок 1

Пример неоднородной семантической сети

сложной и значимой задачи. Впервые для русского языка (Shelmanov, Smirnov, 2014) были разработаны методы установления семантических ролей на основе машинного обучения по размеченным данным с применением подходов самообучения (self-learning). При этом выполняется семантико-синтаксический анализ, когда установление ролей и синтаксический анализ выполняются в единой процедуре.

Далее, с целью установления семантических ролей для русского языка стали использоваться современные нейросетевые подходы (Shelmanov, Devyatkin, 2017), которые обучаются на различных наборах лингвистических признаков с помощью различных архитектур нейронных сетей. Особое внимание уделяется проблеме «неизвестных» предикатов, которые не представлены в обучающей выборке. Установление ролей для таких предикатов происходит с помощью векторных представлений слов (эмбеддингов).

При установлении семантических ролей применяются подходы машинного обучения без учителя (Larionov et al., 2019). Разработан конвейер (pipeline), решающий все подзадачи установления семантических ролей (выявление предикатов, аргументов и их ролей, оптимизация распределения ролей в предложении) с помощью машинного обучения. Для решения проблемы «неизвестных» предикатов используются предобученные языковые модели и эмбеддинги (word2vec, FastText, ELMo, BERT), при этом показано, что эмбеддинги, полученные из предобученных языковых моделей, позволяют получить наилучшее качество установления ролей как для «известных», так и «неизвестных» предикатов.

Указанные выше методы основаны на машинном обучении и требуют размеченных текстов, создание которых может быть трудоемко. В связи с этим нами разработан облегченный метод установления семантических ролей, основанный на правилах, генерируемых из словаря предикатных слов. Принцип работы алгоритма можно разделить на 5 этапов:

- 1) фильтрация: отбрасываются все тексты, которые не содержат ни одного предиката из имеющегося словаря;

- 2) анализируемый текст разделяется на предложения, а сами предложения разделяются на клаузы;
- 3) выделение предикатно-аргументных структур из полученных клауз;
- 4) обогащение текста морфологической информацией; установление семантических ролей путем применения правил;
- 5) применение набора ограничений для разрешения возникшей неоднозначности в установленных ролях.

Правила, используемые в алгоритме, представляют собой набор признаков, которые должны быть у анализируемых предиката и аргумента для того, чтобы установить некоторую семантическую роль. Для предиката такими признаками являются: Возвратность, Девербативность, Статус категории состояния. Также есть возможность задать конкретную словоформу для предиката. Для аргумента признаками являются: Одушевленность/Неодушевленность; Падеж аргумента; Наличие какого-либо конкретного предлога перед аргументом. Правила могут действовать как для всех предикатов в словаре, так и для отдельных настраиваемых подмножеств.

Машина РСА как исследовательский инструмент анализа текста, в том числе текстов сетевых интеракций, наряду с показателями частоты встречаемости семантических ролей и семантических связей содержит показатели частотности лексики определенного типа. Лексико-частотный анализ активно используется в системах обработки текста, в зарубежных и отечественных работах. Однако словари «Машины РСА» отличаются двумя особенностями.

Во-первых, лексемы в лексико-частотном модуле «Машины РСА» сгруппированы по принципу тематической принадлежности, т.е. образуют тематические группы слов (ТГС). В отличие от строго лингвистического подхода к созданию словарей метод ТГС предполагает достаточно свободную тактику отбора входящих в них единиц, в основе которой лежит группирование предметов и явлений в соответствии с экстраграмматическим принципом сопряженности с определенной темой. Т.е. при формировании ТГС ведущим критерием является содержательно-тематическая эквивалентность лексем, позволяющая игнорировать такие существенные формальные признаки, как, например, принадлежность лексемы к определенной части речи.

Вторая особенность лексического ресурса «Машины РСА» связана с основной функцией инструмента как средства социогуманитарных исследований. В соответствии с этой направленностью в лексике русского языка искались единицы с семантикой напряжения и психологического неблагополучия. В соответствии с данными, представленными в лингвистических исследованиях и посвященными проблеме языковых средств выражения фрустрации и эмоциональных состояний, были определены темы для ТГС. ТГС, используемые в «Машине РСА», сформированы методом сплошной выборки из материалов следующих словарей: Русский орфографический словарь Российской академии наук, Словарь русской браны (Мокиенко, Никитина), Большой словарь матов (Плуцер-Сарно), Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (Голев, Головачева), Словарь современного русского города (Гайдамак и др.), Большой словарь молодежного сленга (Левикова), Словарь молодежного

сленга (Никитина). На данный момент комплекс созданных ТГС представляет собой относительно полный перечень существующих в русском языке лексем — в ТГС психического напряжения входит приблизительно 47 тыс. лексических единиц. Кроме того, разработаны и используются ТГС (ок. 3000 ед.), тематика которых соответствует выделяемым социологами социально-экономическим причинам социального стресса. Таким образом, в лексико-частотном модуле «Машины РСА» задействовано более 50 тыс. лексических единиц.

Лингвистический анализатор «Машины РСА» определяет правильные изменяемые формы лексических единиц, внесенных в ТГС. Вероятностная идентификация применяется в случае форм, образованных с нарушениями правил русского языка или содержащих орфографические ошибки. Результаты анализа представляются количественными данными о частотности лексем из каждой ТГС. Психолингвистический модуль нашего инструмента позволяет вычислять так называемые психолингвистические показатели — преимущественно показатели, описанные в психолингвистических и лингвопсихиатрических исследованиях докомпьютерной эпохи: коэффициент опредмеченности действия (соотношение количества глаголов к количеству существительных), коэффициент Трейгера (отношение количества глаголов к количеству прилагательных), количество существительных и глаголов по сравнению с прилагательными и наречиями и др. Данные показатели в свое время не проверялись на больших корпусах текстов и возможности их использования при автоматическом анализе текстов в качестве маркеров эмоциональности нуждаются в изучении.

В настоящий момент данные «Машины РСА» представляют собой набор из 197 признаков: семантические роли — 92 признака, семантические связи — 35 признаков, словари психического напряжения — 20 признаков, словари социального стресса — 9 признаков, психолингвистические показатели — 27 признаков, части речи — 14 признаков.

Направления использования «Машины РСА» в психологии: примеры проведенных исследований и полученные результаты

Инструмент автоматического анализа текстов в социогуманитарных интересах «Машина РСА» был создан в 2018 г. и продолжает совершенствоваться. В его отладке и в получении с его помощью первых данных наряду с математиками и программистами ФИЦ ИУ РАН принимают участие психологи и лингвисты ФИЦ ИУ РАН, НЦПЗ РАН, ИРЯ РАН, ПермГУ. К настоящему моменту уже накоплен опыт использования в психологических исследованиях данных автоматического анализа текстов и появилась возможность выделить направления работы в данной области.

Поиск текстовых маркеров психологических особенностей

К настоящему моменту с помощью «Машины РСА» выделены текстовые признаки, коррелирующие с результатами психодиагностического исследования и экспертной оценки:

– Агрессивность как личностная черта (повышение частотности в текстах лексики социального разобщения (*вымогатель, бесправный, дразнить* и т.п.), прилагательных и др.); склонность к физической агрессии (высокая частота встречаемости семантической роли «деструктив», глаголов первого лица, лексики страдания — *беда, чахлый, стонать* и т.п.); склонность к гневу (высокая частотность лексики с семантикой отрицательной рациональной оценки — *путаный, абсурд, потерять* и т.п., большое количество знаков препинания, причастий, деепричастий, частиц и др.); высокая враждебность (лексика аффектации и напряжения — *хотеть, волевой, добиваться* и т.п.) (Ковалёв и др., 2019).

– Отсутствие эмпатии как компонент нарциссизма: высокая частотность безысключительной и усиливательной лексики, лексики отрицательной рациональной оценки, лексики социальной разобщенности; коэффициент опредмеченности действия; коэффициент Трейгера; высокая частотность всех местоимений и личных местоимений первого и третьего лица; частотность глаголов первого лица единственного числа в прошедшем времени; средняя длина слов (Девяткин, Кузнецова, 2018).

– Актуальное на момент написания текста состояние фрустрации: повышение количества местоимений первого лица, знаков препинания, словоформ, имеющих отрицательные приставки (*ненадежный, бесполково, нигде* и т.п.), слов с семантикой аффектации (*чудовищный, прекрасно, счастье, офигеть* и т.п.), инвектив (*подлецы, фрик, мерзкий, свинство* и т.п.), склонность строить высказывания, содержание которых связано с выявлением причин, указанием на объект реального или потенциального разрушения или ликвидации (синтаксемы: каузатив, ликвидатив, деструктив) (Ениколопов и др., 2019а).

– С помощью применения к данным «Машины РСА» алгоритма установления каузальных связей AQ-JSM выделено 16 лингвистических маркеров клинической депрессии у пациентов НЦПЗ и 27 маркеров депрессивности как личностной особенности, выявленной у здоровых людей с помощью шкалы Бека (Smirnov et al., 2020).

Статистика текстовых параметров как средство изучения психических процессов и состояний, содержание сознания и картины мира

Выявлены следующие факты:

– Предикатно-ролевые структуры отражают на вербальном уровне устройство компонентов или «участков» картины мира субъекта, обычно не становящиеся предметом наблюдения. Так, с помощью «Машины РСА» в текстах эссе «Я. Другие. Мир» выявлены тенденции, характеризующие влияние психического отклонения: частота употребления объекта Я в семантической роли «авторизатор» (субъект оценки, восприятия, речи-мысли) в текстах испытуемых из группы психически больных встречается вдвое реже, чем в текстах здоровых, а в роли «адресат» (лицо, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие) — в два раза чаще (Кузнецова и др., 2019).

– Выделены два типа текстовой объективации психологического барьера, характеризующего состояние фрустрации в сетевой интеракции: автор, относящийся к типу «деятеля», описывает преимущественно свои собственные действия, а автор, относящийся к типу «наблюдателя», склонен к описанию обстоятельств (Кузнецова и др., 2020).

– Социальный компонент регуляции, отражаемый в комплексе текстовых признаков, значим для пациентов с клинической депрессией и включен в систему их самооценок. К примеру, при шизофрении происходит распространение частно-индивидуального опыта на всех людей, при этом техника включения себя в общий опыт не свойственна; испытуемые данной группы не видят изменений на уровне внутреннего индивидуального опыта даже после видимых проявлений болезни (Ениколопов и др., 2019в).

– Параметром, различающим группы здоровых, больных шизофренией и больных депрессией, выступает морфологическая база обобщенно личного значения: для группы здоровых характерно использование всех трех местоимений «ты», «вы», «мы» и соответствующих форм глагола; для группы с диагнозом «депрессия» более характерны использование местоимения «мы» и возможность присоединить свой опыт к общему; в группе с диагнозом «шизофрения» обобщенное личное значение востребовано достоверно ниже, при этом обобщение если и происходит, то посредством подведения всех под свой собственный опыт (Никитина, Онипенко, 2019).

Проведение психолингвистических исследований и развитие методов сетевой психодиагностики

Помимо определения описанных выше признаков психологического (не)благополучия, отражающихся в сетевом контенте, данное направление работы «Машины РСА» может включать и специфические диагностические приемы. Так, с точки зрения организации широких мониторинговых мероприятий в соцсетях интерес может представлять поиск таких отдельных текстовых показателей, которые в силу количественных и качественных характеристик своих связей с психодиагностическими данными обладают повышенной информативностью. Например, было выявлено, что показатель «отношение числа инфинитивов к общему числу глаголов на текст» взаимосвязан со свойствами психологически благополучной личности: экстраверсия (общительность, раскованность, поиск впечатлений, привлечение внимания), эмоциональная устойчивость (беззаботность, расслабленность, эмоциональный комфорт), добросовестность, склонность к ощущению собственной уникальности, отсутствие социального негативизма и зависти (Кузнецова, 2019).

Другим примером может служить работа по созданию алгоритма распознавания реакций на фрустрацию, встречающихся в тестах пользователей социальных сетей. На первом этапе нами была решена задача создания алгоритма автоматической классификации ответов испытуемых при прохождении Теста фрустрационного реагирования Розенцвейга. В этой работе для каждой категории высказываний лингвистом-русистом были созданы лингвистические

описания, включающие от 3 до 12 правил. Эти описания были формализованы и в ходе машинного обучения использованы для построения выделяемого нашим лингвистическим анализатором признакового описания текстовых фрагментов. Полученные таким способом лингвистические правила формируют высокоуровневое признаковое описание фрагментов текста, позволяющее с высокой полнотой ($F > 0.8$) выявлять высказывания, относящиеся к различным типам реакций. Эти результаты дали основание полагать, что построенные лингвистические правила являются универсальными в отношении самих фрустрирующих ситуаций и что типологически схожие речевые реакции будут наблюдаться в любой ситуации фruстрации, в том числе и в тех ситуациях, которые встречаются в сетевой коммуникации. Однако в отличие от ответов в тесте Розенцвейга сообщения в социальных сетях часто содержат большое количество грамматических ошибок, эллипсов, ненормативной лексики и пр. Поэтому на втором шаге для анализа таких текстов было скомбинировано несколько типов лингвистических признаков, включая лексические, морфологические и высокоуровневые, полученные путем сопоставления текстов с лингвистическими шаблонами, векторные представления предложений, полученные с помощью языковых моделей типа BERT. Далее все эти признаки использовались для обучения простых, хорошо интерпретируемых моделей (ансамблей деревьев решений, ядерных классификаторов). Такой подход позволил создать инструмент для выявления реакций на фрустрацию в сетевых интеракциях, результаты обучения которого интерпретируются специалистами в области психодиагностики.

Таким образом, результаты эмпирических исследований позволяют выделить в качестве основных перспективных направлений применения «Машины РСА» в области психологических исследований индивидуальную и групповую диагностику психологических особенностей и психического неблагополучия, а также мониторинговые мероприятия, направленные на определение уровня представленности признаков неблагополучия в сетевом контенте и локализации «горячих точек» коммуникативного пространства. В силу статистической природы выявляемых с помощью «Машины РСА» признаков очевидно, что адекватность выводов обеспечивается объемом обрабатываемой текстовой информации, поэтому наилучшие результаты будут демонстрировать мониторинговые исследования. Однако эта связь не является строго линейной — как показывают наши данные, в экстремальных случаях (например, при клинически выраженных отклонениях) своеобразие отдельных текстов выражено настолько ярко, что может проявляться на диагностически значимом уровне.

Дальнейшее развитие «Машины РСА» в интересах психодиагностики предполагает три взаимосвязанных процесса. Собственно психологическая линия развития инструмента включает расширение перечня диагностируемых по текстам особенностей их авторов. В лингвистическом отношении требуется разработка адекватных психологическим категориям тематических групп слов (например, для диагностики клинических нарушений — групп морбидной лексики, метафоры замкнутого пространства), создание моделей

разорванности и синтаксического однообразия текста, синтаксиса повествования и рассуждения, способов выделения критериев энтропии сирконстантовых и детерминантов, формирование групп предикатов в соответствии с их семантическим содержанием и др. (Ениколопов, Мишланов, 2019; Кузнецова и др., 2019). Совершенствование программной составляющей «Машины РСА» осуществляется путем реализации ее модульной концепции, обеспечивающей адаптивность инструмента при решении различающихся по предмету исследовательских задач.

Результаты представленных в настоящей статье исследований и разработок применяются в TITANIS – новом инструменте для анализа текста из социальных сетей, предназначенному для изучения реакций общества на различные значимые события с точки зрения психоэмоционального анализа (Smirnov et al., 2021). Инструмент предлагает набор текстовых параметров и методов для обработки естественного языка, которые позволяют оценить психологические состояния авторов текстов в социальных сетях. Помимо широко используемых сегодня подходов к обработке текстов, таких как tf-idf и анализ тональности, TITANIS соеденяет психолингвистический, семантический, дискурсивный и другие виды анализа, позволяющие выявлять различия в текстах пользователей с разными психоэмоциональными состояниями. К настоящему моменту словарь предикатных слов в TITANIS значительно расширен за счет класса так называемых эмотивов; на основе установления семантических ролей при эмотивных предикатах TITANIS позволяет определить по тексту, *кто* [субъект] и *от чего* [причина] испытывает определенную эмоцию, например, *Мы* [субъект] *обрадовались подарку* [причина]. TITANIS представляет собой библиотеку на языке программирования Python и является промышленным решением с прикладным программным интерфейсом (API), обеспечивающим встраивание инструмента в сторонние системы или использование инструмента в научных исследованиях с минимальными затратами на развертывание. Пробная версия TITANIS с открытым кодом и ограниченной функциональностью доступна в Интернете (TITANIS, 2021).

Заключение

В рамках работ, ориентированных на создание методов автоматизации работы с текстом для специалистов социогуманитарного профиля, лингвистика играет роль медиатора между психологией (или другой дисциплиной социогуманитарной области) и математикой. Роль лингвистов состоит, прежде всего, в моделировании признаков речевой системности того или иного вида, возникающей при объективации в речи различных психических процессов и состояний. В свою очередь, специалисты по ИИ могут не только представить психологам готовые средства анализа текста, построенные на достижениях мировой и отечественной лингвистики, но и совместно с психологами решать задачи развития исследовательских методов, которые опираются на математические модели и программные средства, разработанные в области анализа неструктурированной информации.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. М.: Наука.
- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды: Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Бурковская, Ж. И., Михеенкова, М. А., Финн, В. К. (2004). Об интеллектуальной системе для анализа электорального поведения. В кн. *IX Национальная конференция с международным участием «Искусственный интеллект-2004». Тверь, сентябрь 8–11, 2004 г. Труды конференции* (т. 1, с. 120–128). М.: Физматлит.
- Девяткин, Д. А., Кузнецова, Ю. М. (2018). Психолингвистические и лексические маркеры нарциссизма. В кн. *Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г.* (с. 324–326). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Ениколопов, С. Н., Ковалёв, А. К., Кузнецова, Ю. М., Чудова, Н. В., Старостина, Е. В. (2019а). Признаки, характерные для текстов, написанных в состоянии фрустрации. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 66–85.
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Смирнов И. В., Станкевич М. А., Чудова Н. В. (2019б). Создание инструмента автоматического анализа текста в интересах социо-гуманитарных исследований. Ч. 1. Методические и методологические аспекты. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 2, 28–38.
- Ениколопов, С. Н., Медведева, Т. И., Воронцова, О. Ю. (2019в). Лингвистические особенности текстов людей с разным психическим статусом. *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*, 3, 119–128. <https://evestnik-mgu.ru/ru/Articles/Doc/965>
- Ениколопов, С. Н., Мишланов, В. А. (2019). Особенности речевой организации текстов, порождаемых людьми с психическими отклонениями (к проблеме автоматического выявления лингвистических маркеров психического неблагополучия). *Филология в XXI веке*, 1(3), 22–30.
- Золотова, Г. А. (1982). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М.: Наука.
- Золотова, Г. А. (1988). *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. М.: Наука.
- Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. (2004). *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова.
- Ковалёв, А. К., Кузнецова, Ю. М., Минин, А. Н., Пенкина, М. Ю., Смирнов, И. В., Станкевич, М. А., Чудова, Н. В. (2019). Методы выявления по тексту психологических характеристик автора (на примере агрессивности). *Вопросы кибербезопасности*, 4(32), 72–80.
- Кузнецова, Ю. М. (2019). Относительное количество инфинитивов как показатель текстовой диагностики личности. В кн. *Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 06–08 июня 2019 г.* (с. 117–118). М.: Изд-во «Канцлер».
- Кузнецова, Ю. М., Курузов, И. А., Смирнов, И. В., Станкевич, М. А., Старостина, Е. В., Чудова, Н. В. (2020). Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей. *Медиалингвистика*, 1, 4–16.
- Кузнецова, Ю. М., Смирнов, И. В., Станкевич, М. А., Чудова, Н. В. (2019). Создание инструмента автоматического анализа текста в интересах социо-гуманитарных исследований. Ч. 2. Машина РСА и опыт ее использования. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 3, 40–51.

- Мельников, Г. П. (2000). *Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной*. М.: Изд-во РУДН.
- Михеенкова, М. А. (2012). *Принципы и логические средства интеллектуального анализа социологических данных* [Докторская диссертация, Всероссийский институт научной и технической информации РАН (ВИНИТИ РАН)].
- Никитина, Е. Н., Онипенко, Н. К. (2019). Когнитивно-лингвистическая интерпретация результатов автоматического анализа текстов психически больных. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 3, 60–69.
- Осипов, Г. С., Смирнов, И. В. (2016). Семантический анализ научных текстов и их больших мас-сивов. *Системы высокой доступности*, 1, 41–44.
- Осипов, Г. С., Смирнов, И. В., Тихомиров, И. А. (2008). Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 2, 3–10.
- Роганов, В. Р., Роганова, С. М., Новосельцева, М. Е. (2007). *Методы искусственного интеллекта для машинного перевода текстов*. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета.
- Смирнов, И. В., Шелманов, А. О. (2013). Семантико-синтаксический анализ естественных языков. Часть I. Обзор методов синтаксического и семантического анализа текстов. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 1, 41–54.
- Тихомиров, И. А., Соченков, И. В., Швец, А. В. (2016). Наукометрия и полнотекстовая аналитика в российских реалиях. В кн. *Науковедческие исследования, 2016: Сборник научных трудов* (с. 197–212). М.: ИНИОН РАН.
- Филлмор, Ч. (1981). Дело о падеже (В. А. Звегинцев, пер. с англ.). В кн. *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. X. Лингвистическая семантика* (с. 369–495). М.: Прогресс.
- Шелманов, А. О., Каменская, М. А., Ананьева, М. И., Смирнов, И. В. (2016). Семантико-синтаксический анализ текстов в задачах вопросно-ответного поиска и извлечения определений. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 4, 47–61.
- Ясницкий, Л. Н. (2008). О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, 147–155.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Abney, S. P. (1991). Parsing by chunks. In R. C. Berwick, S. P. Abney, & C. Tenny (Eds.), *Studies in linguistics and philosophy: Vol. 44. Principle-based parsing: Computation and psycholinguistics* (pp. 257–278). Dordrecht: Kluwer Academic.
- Anisimovich, K. V., Druzhkin, K. Ju., Minlos F. R., Petrova M. A., Selegey V. P., & Zuev, K. A. (2012). Syntactic and semantic parser based on ABBYY Compreno linguistic technologies. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”* (2012): Vol. 2. *Papers from special sessions* (Iss. 11(18), pp. 91–104). Moscow: RGGU.
- Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: synonymous means of language]. Moscow: Nauka.
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy: T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works: Vol. 2. The integrated description of language and system lexicography]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”.

- Burkovskaya, Zh. I., Miheenkova, M.A., & Finn, V. K. (2004). Ob intellektual'noi sisteme dlya analiza elektoral'nogo povedeniya [Intellectual system for electoral behavior analysis]. In *IX Natsional'naya konferentsiya s mezdunarodnym uchastiem "Iskusstvennyj intellekt-2004". Tver', sentyabr' 8–10, 2004 g. Trudy konferentsii* [IX National Conference with International Participation "Artificial Intelligence-2004". Tver', 2004, September 8–11. Proceedings of the Conference] (Vol. 1, pp. 120–128). Moscow: Fizmatlit.
- Chomsky, N. (1957). *Syntactic structures*. The Hague: Mouton.
- Devyatkin, D. A., & Kuznetsova, Yu. M. (2018). Psiholingvisticheskie i leksicheskie markery narcisizma [Psycholinguistic and lexical markers of narcissism]. In *Vos'maya mezdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoj nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 18–21 oktyabrya 2018 g.* [The Eighth International Conference on Cognitive Science. 2018, October 18–21, Svetlogorsk, Russia. Abstracts] (pp. 324–326). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Enikolopov, S. N., & Mishlanov, V. A. (2019). Peculiarities of speech organization of the texts produced by people with mental deviations (to the problem of automatic detection of linguistic markers of mental distress). *Filologiya v XXI Veke*, 1(3), 22–30. (in Russian)
- Enikolopov, S. N., Kovalev, A. K., Kuznetsova, Yu. M., Chudova, N. V. & Starostina, E. V. (2019a). Features of texts written by a frustrated person. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 66–85. (in Russian)
- Enikolopov, S. N., Kuznetsova, Yu. M., Smirnov, I. V., Stankevich, M. A., & Chudova, N. V. (2019b). Creating a tool for automatic text analysis in the interests of socio-humanitarian research. Part 1: Methodical and Methodological Aspects. *Iskusstvennyj Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 7, 28–38. (in Russian)
- Enikolopov, S., Medvedeva, T., & Vorontsova, O. (2019c). Linguistic characteristics of texts of people with different mental status. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal)], 3, 119–128. <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/965> (in Russian)
- Fillmore, Ch. J. (1981). Delo o padezhe [The case of case]. In Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Iss. X. Lingvisticheskaya semantika [New in foreign linguistics: Iss. X. Linguistic semantics]. Moscow: Progress.
- Gildea, D., & Jurafsky, D. (2002). Automatic labeling of semantic roles. *Computational Linguistics*, 28(3), 245–288.
- Hudson, R. (1984). *Word grammar*. Oxford: Basil Blackwell.
- Iomdin, L., Petrochenkov, V., Sizov V., & Tsinman, L. (2012). ETAP parser: state of the art. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2012): Vol. 2. Papers from special sessions* (Iss. 11(18), pp. 119–131). Moscow: RGGU.
- Kaplan, R. M., Riezler, S., King, T. H., Maxwell, J. T., & Vasserman, A. (2004). Speed and accuracy in shallow and deep stochastic parsing. In *Proceedings of the Human Language Technology conference / North American chapter of the Association for Computational Linguistics annual meeting (HLT/NAACL04)* (pp. 97–104). <https://aclanthology.org/N04-1013.pdf>
- Kovalev, A. K., Kuznetsova Y. M., Minin, A. N., Penkina, M. Y., Smirnov, I. V., Stankevich, M. A., & Chudova, N. V. (2019). Text analysis approach for identifying psychological characteristics (with aggressiveness as an example). *Voprosy Kiberbezopasnosti*, 4(32), 72–80. (in Russian)
- Kuznetsova, Yu. M. (2019). Otnositel'noe kolichestvo infinitivov kak pokazatel' tekstovoi diagnostiki lichnosti [Relative number of infinitives as an indicator of textual personality diagnostics]. In *Teoriya rechevoi deyatel'nosti: vyzovy sovremennosti. Materialy XIX mezdunarodnogo simpoziuma po psicholinguistike i teorii kommunikatsii. Moscow, 06–08 iyunya 2019 g.* [Theory of speech activi-

- ty: challenges of modernity. Proceedings of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow, 2019, June 06–08] (pp. 117–118). Moscow: Kantsler.
- Kuznetsova, Yu. M., Kuruzov, I. A., Smirnov, I. V., Stankevich, M. A., Starostina, E. V., & Chudova, N. V. (2020). Textual manifestations of frustration of a user of social networks. *Medialingvistika [Media Linguistics Journal]*, 7(1), 4–16. (in Russian)
- Kuznetsova, Yu. M., Smirnov, I. V., Stankevich, M. A., & Chudova, N. V. (2019). Creating a text analysis tool for socio-humanitarian research. Part 2. RSA machine and the experience of using it. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 3, 40–51. (in Russian)
- Larionov, D., Shelmanov, A., Chistova, E., & Smirnov, I. (2019). Semantic role labeling with pretrained language models for known and unknown predicates. In *Proceedings of International Conference on Recent Advances of Natural Language Processing. Varna, Bulgaria, 2019, Sep 2–4* (pp. 619–628). Shoumen, Bulgaria: INCOMA Ltd. https://doi.org/10.26615/978-954-452-056-4_073
- Melcuk, I. (1988). *Dependency syntax: theory and practice*. Albany, NY: The SUNY Press.
- Melnikov, G. P. (2000). *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoi klassifikatsii yazykov so stadial'noi* [System typology of languages: Synthesis of morphological classification of languages with stadial one]. Moscow: RUDN University.
- Mikheenkova, M. A. (2012). *Printsypi i logicheskie sredstva intellektual'nogo analiza sotsiologicheskikh dannnyh* [Principles and logical means of intellectual analysis of sociological data] [Doctoral dissertation, Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences].
- Nikitina, E. N., & Onipenko, N. K. (2019). A cognitive linguistic interpretation of statistical analysis results based on texts by persons with mental disorder. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 3, 60–69. (in Russian)
- Osipov, G. S., & Smirnov, I. V. (2016). Semantic analysis of large-scale collections of scientific texts. *Sistemy Vysokoi Dostupnosti*, 1, 41–44. (in Russian)
- Osipov, G. S., Smirnov, I. V., & Tikhomirov, I. A. (2008). Relyatsionno-situatsionnyi metod poiska i analiza tekstov i ego prilozheniya [Relational-situational method of search and analysis of texts and its applications]. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 2, 3–10.
- Pennebaker, J. W., Chung, C. K., Ireland, M., Gonzales, A., & Booth, R. J. (2007). *The development and psychometric properties of LIWC2007*. Austin, TX: LIWC.net. https://www.researchgate.net/publication/228650445_The_Development_and_Psychometric_Properties_of_LIWC2007
- Roganov, V. R., Roganova, S. M., & Novosel'tseva, M. E. (2007). *Metody iskusstvennogo intellekta dlya mashinnogo perevoda tekstov* [Methods of artificial intelligence for machine translation of texts]. Penza: Izdatel'stvo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shelmanov, A. O., & Devyatkin, D. A. (2017). Semantic role labeling with neural networks for texts in Russian. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2017)* (Iss. 16, pp. 245–256). Moscow: RGGU.
- Shelmanov, A. O., Kamenskaya, M. A., Ananieva, M. I., & Smirnov, I. V. (2016). Cemantiko-sintaksicheskij analiz tekstov v zadachah voprosno-otvetnogo poiska i izvlecheniya opredelenij [Semantic-syntactic analysis for question answering and definition extraction]. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 4, 47–61.
- Shelmanov, A. O., & Smirnov, I. V. (2014). Methods for semantic role labeling of russian texts. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2014)* (Iss. 13(20), pp. 580–592). Moscow: RGGU.

- Smirnov, I. V., & Shelmanov, A. O. (2013). Semantic and syntactic analysis of natural languages. Part I. Review of methods for syntactic and semantic analysis of text. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, 1, 41–54. (in Russian)
- Smirnov, I., Stankevich, M., Kuznetsova, Y., Suvorova, M., Larionov, D., Nikitina, E., Savelov, M., & Grigoriev, O. (2021). TITANIS: A tool for intelligent text analysis in social media. In *Russian Conference on Artificial Intelligence. The Nineteenth Russian Conference on Artificial Intelligence RCAI-2021. Taganrog, Russia, 2021, October 11–16*. Cham: Springer.
- Smirnov, I. V., Ushakova, A. V., & Chudova, N. V. (2020). Method for detecting text markers of depression and depressiveness. In *Russian Conference on Artificial Intelligence* (pp. 325–337). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59535-7_24
- Tesnière, L. (1959). *Elements de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck.
- Tikhomirov, I. A., Sochenkov, I. B., & Shvets, A.V. (2016). Naukometriya i polnotekstovaya analitika v rossijskih realiyah [Scientometrics and full-text analytics in the Russian realias]. In *Naukovedcheskie issledovaniya, 2016: Sbornik nauchnyh trudov* [Science research, 2016: Scientific papers collection] (pp. 197–212). Moscow: INION RAN.
- TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media. (2021, September 15). URL: <https://github.com/tchewik/titanis-open>
- Yasnitsky, L. N. O vozmozhnostyah primeneniya metodov iskusstvennogo intellekta v politologii [The opportunities of application of artificial intelligence methods in political science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]*, 2, 147–155.
- Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnye aspeky russkogo sintaksisa* [The communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow: Nauka.
- Zolotova, G. A. (1988). *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntax dictionary: The repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Nauka.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Institut russkogo jazyka RAN im. V.V. Vinogradova.

Статьи

УСТАНОВКИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ МАСОЧНОМУ РЕЖИМУ РОССИЙСКИХ РЕСПОНДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

М.А. ПАДУН^a, С.С. БЕЛОВА^a, Т.А. НЕСТИК^a

^aФГБУН Институт психологии РАН, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Adherence Attitudes towards Mask Wearing Regulations in Russia during COVID-19 Pandemic

M.A. Padun^a, S.S. Belova^a, T.A. Nestik^a

^a Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Резюме

Статья представляет эмпирическое исследование установок российских респондентов в отношении масочного режима в начале второй волны пандемии COVID-19 (октябрь 2020 г.; N = 884). Представлен оригинальный опросник из 7 шкал установок приверженности, определяющих следование масочному режиму. Структура установок наилучшим образом описывалась иерархической моделью с общим фактором установки приверженности, тремя факторами установок второго порядка в отношении «дискомфорта в связи с масками», «угрозы COVID-19 для себя и других», «рациональной оценки пандемии COVID-19», 7 факторами частных

Abstract

The paper presents an empirical study of adherence attitudes to wearing face masks during the second wave of COVID-19 pandemic in Russia (October 2020, N=884). The new questionnaire on adherence attitudes to wearing face masks is presented. It consists of 7 scales of attitudes, which determine adherence to mask wearing regulations. The structure of attitudes was described by a hierarchical model with a general factor of adherence attitude, three second-order factors with respect to the “discomfort related to face coverings”, “perceived threat of COVID-19 for oneself and others”, “rational assessment of COVID-19

Статья подготовлена в соответствии с госзаданиями Министерства образования и науки РФ № 0138-2021-0005 (М.А. Падун); № 0138-2021-0009 (С.С. Белова); № 0138-2021-0010 (Т.А. Нестик).

The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (themes NN 0138-2021-0005 (M.A. Padun), 0138-2021-0009 (S.S. Belova), 0138-2021-0010 (T.A. Nestik)).

установок по опроснику. Их составили: 1) просоциальность; 2) толерантность к физическому дискомфорту; 3) страх за себя и близких; 4) антиконспирологическая установка в отношении COVID-19; 5) комфортность общения в маске; 6) принятие ограничений индивидуальной свободы; 7) устойчивость самооценки. Выявлено, что частные установки значимо дифференцировали группы респондентов, различавшихся соблюдением масочного режима и мотивами его неустойчивого соблюдения. Описаны социально-демографические различия в установках и приверженности масочному режиму. Показано, что на уровне установок мужчины менее ориентированы на соблюдение масочного режима: в сравнении с женщинами они менее просоциальны, ассоциируют ношение масок с проявлением слабости, приуменьшают угрозу COVID-19 для себя и близких, менее толерантны к физическому дискомфорту в связи с масками. В заключение обсуждается проблема одномерности самоотчетов об установках приверженности режиму ношения масок. Делается вывод о центральной роли просоциальности как установки на необходимость заботы о здоровье других людей. Обозначаются направления для разработки практических рекомендаций по поддержке приверженности ограничительным мерам при COVID-19 для отдельных групп респондентов.

Ключевые слова: COVID-19, масочный режим, установки, приверженность, ограничительные меры.

Падун Мария Анатольевна — старший научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: клиническая психология, регуляция эмоций, психология посттравматического стресса, биопсихосоциальные модели психических расстройств.

Контакты: padunma@ipran.ru

"pandemic", and 7 factors of specific attitudes according to the questionnaire. The latter were 1) prosociality, 2) tolerance to physical discomfort caused by masks, 3) fear for oneself and friends and relatives, 4) COVID-19 anti-conspiracy beliefs, 5) comfort of communication while wearing a mask, 6) acceptance of restrictions of individual freedom, 7) stability of self-esteem. The specific attitudes significantly differentiated groups of participants, which differed in their adherence to mask wearing regulations and in their motivation for inconsistent adherence. Socio-demographic differences in attitudes and adherence to mask wearing regulations are described. It was revealed that on the attitudinal level, men were less oriented towards adherence to mask regime. Compared to women, they expressed less prosociality and less tolerance to physical discomfort caused by masks, associated wearing masks with manifestation of weakness, underestimated COVID-19 threat for themselves and for their relatives and friends. In conclusion, the issue of unidimensionality of self-reports of adherence attitudes is discussed. We sum up that prosociality as an attitude towards necessity to care about health of other people plays the central role in the adherence attitudes structure. Directions for elaboration of practical guidelines to sustain adherence to restricting regulations during COVID-19 pandemic for different groups of participants are outlined.

Keywords: COVID-19, mask wearing regulations, attitudes, adherence, restrictive measures.

Maria A. Padun — Senior Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology.
Research Area: clinical psychology, emotion regulation, posttraumatic stress, biopsychosocial models of mental disorders.
E-mail: padunma@ipran.ru

Белова Софья Сергеевна — научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальное знание, приверженность лечению, психология способностей.

Контакты: belovass@ipran.ru

Нестик Тимофей Александрович — заведующий лабораторией, лаборатория социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», доктор психологических наук, профессор РАН.

Сфера научных интересов: психология глобальных рисков, отношение личности к новым технологиям, групповая рефлексивность, социальный оптимизм, социальная психология временной перспективы.

Контакты: nestikta@ipran.ru

Sofya S. Belova — Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology.

Research Area: social cognition, treatment adherence, psychology of abilities.

E-mail: belovass@ipran.ru

Timofei A. Nestik — Head of Laboratory, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, DSc in Psychology, Professor of the Russian Academy of Sciences.

Research Area: psychology of global risks, attitudes to new technologies, group reflexivity, social psychology of time perspective, social optimism.

E-mail: nestikta@ipran.ru

Введение

Данная статья представляет эмпирическое исследование, проведенное методом интернет-опроса в начале второй волны пандемии COVID-19 (октябрь 2020 г.), по изучению установок россиян в отношении соблюдения масочного режима.

Как показывают данные зарубежных опросов, даже при учете национальной специфики, доля людей, выражающих неприятие этой ограничительной меры в истории пандемии COVID-19, является сравнительно небольшой, но стабильной — порядка 15–20% (Taylor, Astmundson, 2021). Поляризация мнений ведет к росту психологической напряженности, что находит отражение в острых социальных и политизированных дискуссиях в СМИ, интернет-пространстве и на бытовом уровне (Scerri, Grech, 2020). При этом опыт моделирования динамики эпидемии COVID-19 свидетельствует о том, что отказ почти пятой части населения следовать данной ограничительной мере оказывает существенный негативный эффект на темп распространения инфекции (Eikenberry et al., 2020).

В юридической психологии следование ограничениям объясняется инструментальными и нормативными моделями (Tyler, 2006). Согласно инструментальным моделям, люди действуют рационально для максимизации персональной выгоды и минимизации потерь. Это означает, что они демонстрируют приверженность ограничительным мерам, стараясь избежать рисков, связанных с соответствующими санкциями органов власти, а также с опасностью заражения как такового. Вместе с тем показано, что санкции сами по себе не гарантируют приверженность (Pratt et al., 2008). Лишь в некоторой

степени соблюдение правил может быть усилено повышением вероятности «быть пойманным» (Nagin, 2013), что, однако, не всегда возможно на практике. Опасность же заражения может рассматриваться как ничтожная тема, кто не входит в группы риска.

Нормативные модели объясняют следование ограничениям интернационализованными нормами, т.е. убеждениями в том, что соблюдать законы — хорошо и правильно. Они являются предиктором приверженности даже при контроле представлений о риске наказания (Murphy et al., 2016) и в значительной мере связаны с доверием государственным структурам (Goldsmith, 2005). В период пандемии доверие органам власти в России было низким (Нестик и др., 2020), следовательно, анализ демографических и индивидуально-психологических факторов приверженности приобретает особое значение. В этой плоскости задана цель настоящей работы.

Известно, что в период пандемии респираторных вирусных инфекций женщины и пожилые люди в большей степени привержены выполнению рекомендаций по сохранению здоровья (Bish, Michie, 2010). Это объясняется более высоким уровнем воспринимаемой уязвимости у женщин, т.е. более высокой оценкой ими рисков заболевания; увеличением значимости проблемы здоровья с возрастом (Там же). Данные о связи уровня образования и приверженности не однозначны, хотя данные о позитивной связи скорее доминируют (Bish, Michie, 2010; Taylor, Asmundson, 2021). Это свидетельствует о важности учета дополнительных ситуационных переменных и индивидуально-психологических факторов. Среди последних мы предлагаем обратиться к установочным детерминантам поведения, которые определяются субъективным отношением к различным аспектам режима ношения масок. Насколько нам известно, дифференцированная картина подобных установок, описывающая их содержание и мерность, до сих пор не изучалась. Вместе с тем их вклад в приверженность ограничениям в условиях пандемии COVID-19 целесообразно изучить и описать для того, чтобы наметить пути поддержания ее оптимального уровня.

Исходная позиция нашего подхода заключается в том, что следование режиму ношения масок будет определяться индивидуальными установками, которые отражают субъективное переживание данного ограничения индивидом через призму его психологических потребностей. Современные взгляды на психологические потребности связывают потребности с мотивами и переживаниями, которые, в свою очередь, детерминируют поведение (Prentice et al., 2014). В целом психологические теории сходятся на выделении главных видов потребностей: в безопасности, получении удовольствия, близости с другими людьми, самоуважении, автономии, компетентности (Фрейд, 2018; Маслоу, 2008; Ryan, Deci, 2000).

Любые ограничительные меры создают ситуацию фрустрации потребностей, интенсивность которой зависит от того смысла, который люди в эти потребности вкладывают. Индивидуальное значение события (в данном случае — ограничительных мер) формирует представление (установку) в отношении самого события или отдельных его аспектов. Рассмотрим подробнее

установки, предположительно связанные с приверженностью режиму ношения масок.

Ситуация пандемии фрустрирует *базовые потребности в безопасности*. Страх заболевания и его рисков выступает базовым предиктором приверженности ношению масок. Показано, что на начальном этапе пандемии COVID-19 именно страх (но не политические и моральные убеждения) предсказывал приверженность ограничительным мерам (социальное дистанцирование, гигиена рук) (март 2020 г., Великобритания; Nagre et al., 2021). При этом искаженное представление об угрозе COVID-19 в виде конспирологических теорий подрывало соблюдение масочного режима, причем было предсказательным в долгосрочной перспективе — от марта к июню 2020 г. (данные США; Romer, Jamieson, 2020).

Потребность испытывать удовольствие также ущемляется при ношении масок. Особое место среди дискомфортных состояний занимает головная боль. Наиболее часто от нее страдают лица, которые носят одновременно маску и защитные очки более 4 часов в день, а также страдали головной болью ранее (Ong et al., 2020). Другие проблемы составляют угревая сыпь, рубцы на переносице, повышение температуры лица, зуд и раздражение кожи (Scheid et al., 2020). Вместе с тем, у относительно здоровых людей даже продолжительное ношение респираторов типа N95 не ведет к клинически значимым изменениям в концентрации кислорода и углекислого газа в крови, а также не влияет на объем и частоту дыхания (Roberge et al., 2010b). Тем не менее имеет место выраженное напряжение мышц, вовлеченных в процесс дыхания, связанное с увеличением сопротивления дыханию при ношении маски (Roberge et al., 2010a). Обсуждается, что одноразовые медицинские маски в этом отношении являются более щадящими (Scheid et al., 2020). На феноменологическом уровне происходит формирование установки толерантности к дискомфорту или же, наоборот, нетерпимости к нему.

Потребность быть связанным с другими людьми переживается через чувство принадлежности к группе, а также через процессы коммуникации. Так, просоциальная установка, связанная с переживанием ценности жизни и здоровья других, групповой солидарности, повышает приверженность режиму ношения масок. Известно, что в случае эпидемии COVID-19 ношение маски защищает других в гораздо большей степени, чем самого человека. Приверженность может усиливаться и идентификацией с группой тех или иных убеждений и взглядов. Например, на ранней стадии пандемии в США лица, поддерживающие демократов или республиканцев, в разной степени соблюдали масочный режим (поддерживающие демократов демонстрировали большую приверженность, чем поддерживающие республиканцев) (*Ibid.*). Известно, что групповая идентификация, сопереживание и представления о том, как будут вести себя другие люди, оказывают влияние на соблюдение санитарно-эпидемиологических норм (Martínez et al., 2021; Pfattheicher et al., 2020). С другой стороны, маски ограничивают возможности выражения и распознавания эмоций в общении, что может выступать препятствием приверженности их ношению.

Потребность в поддержании самоуважения также может быть фрустрирована масочным режимом. По опыту предыдущих эпидемий известно, что мужчины реже женщин носят маски (Lau et al., 2010; Tang, Wong, 2004). В частности, это связывается с их негативными чувствами по поводу того, что ношение масок постыдно и является проявлением слабости (Capraro, Barcelo, 2020).

Согласно теории самодетерминации (Ryan, Deci, 2000), люди имеют потребность в *автономии* и, соответственно, имеют низкую мотивацию к действиям, причина которых лежит вовне. Показано, что *психологическое сопротивление* как черта, выражаясь в склонности к чрезмерным негативным эмоциональным реакциям в ответ на внешние распорядки и правила, ограничивающие индивидуальную свободу (Rosenberg, Siegel, 2018), препятствует приверженности масочному режиму во время пандемии COVID-19 (Taylor, Asmundson, 2021). Феномен подобного сопротивления ущемлению гражданских свобод наблюдался и при пандемии испанского гриппа 1918–1920 гг. (Scerri, Grech, 2020). Вместе с тем люди различаются по выраженности сопротивления внешним ограничениям.

Потребность в компетентности при ношении масок проявляется в стремлении человека понимать обоснованность этой ограничительной меры, а именно быть осведомленным и доверять информации об эффективности масок для снижения распространения инфекции и быть убежденным в их безопасности для здоровья. В целом научные данные свидетельствуют о том, что риски, связанные с COVID-19, значительно превышают риски, связанные с ношением масок (Scheid et al., 2020; Roberge et al., 2010a; Roberge et al., 2010b). Ношение медицинских одноразовых масок и их аналогов, наряду с мерами социального дистанцирования и защиты глаз, связано с существенным снижением риска инфицирования вирусами SARS-CoV-2, SARS-CoV и MERS-CoV (Chu et al., 2020). Тем не менее субъективное доверие подобной информации вариативно, а очевидный дискомфорт при ношении масок способствует росту сомнений в их безопасности.

Таким образом, спектр психологических установок и их полюсов, потенциально связанных с приверженностью масочному режиму, широк. Мы поставили *исследовательский вопрос*: каково соотношение психологических установок, связанных со сферой данных потребностей, у лиц, демонстрирующих разную степень приверженности масочному режиму? Проверялась *гипотеза* о том, что данный набор установок, отражающих представления о самом себе, других людях, а также о пандемии COVID-19, будет дифференцировать лиц с устойчивой приверженностью, неустойчивой приверженностью и неприверженностью масочному режиму. При этом лица с неустойчивой приверженностью будут иметь различные установки в зависимости от мотивационных оснований, по которым они то носят, то не носят маски (гипотеза 2). Среди мотивационных оснований были выделены ориентации на ситуативную рациональность, конформизм, избегание санкций. Также были выдвинуты гипотезы о более выраженных установках приверженности у женщин, лиц пожилого возраста, лиц с высшим образованием.

Методика

Исследование проводилось методом анонимного интернет-опроса через систему «Анкетолог» 3–4 октября 2020 г.

Объем выборки составил 884 респондента. Средний возраст — 39.64 года (ст. откл. — 10.78, разброс — 18–73), 57.4% женщины. Образование высшее — 65.2%, незаконченное высшее — 6.6%, среднее специальное — 22.9%, среднее — 4.9%.

Большинство респондентов были жителями крупных городов: с населением более 1 млн. — 40.2%, с населением от 500 тыс. до 1 млн — 16%, от 250 тыс. до 500 тыс. — 14%, менее 250 тыс. — 24.4%. На вопрос «Перенесли ли вы заболевание COVID-19?» 64% респондентов ответили «нет», 2.8% — «да, бессимптомно», 5.2% — «да, с симптомами, лечился дома», 0.3% — «да, лечился в стационаре», 27.5% — «не знаю». Менее 1% респондентов сообщили о потере родных и близких людей из-за COVID-19.

Результаты

Приверженность масочному режиму при пандемии COVID-19

Более половины респондентов сообщили, что они всегда или почти всегда носят маски в общественных местах (57.5%), треть (31.2%) носят маски иногда, и десятая часть (11.3%) — никогда. Распределение респондентов по соблюдению масочного режима не связано с их возрастом и образованием (критерий хи-квадрат, $p = 0.326$, $p = 0.627$ соответственно). Женщины в сравнении с мужчинами чаще отвечают, что носят маски «всегда или почти всегда», и реже — что «иногда» и «никогда» (критерий хи-квадрат с поправкой на непрерывность, односторонний p -уровень для направленных гипотез 0.00, 0.01, 0.01 соответственно).

Структура опросника установок в отношении масочного режима при пандемии COVID-19

На основании приведенного выше теоретического анализа были выделены следующие значимые для приверженности ношению масок установки:

- (1) просоциальность (забота о здоровье других);
- (2) толерантность к физическому дискомфорту (представление о том, что неприятные физические ощущения от масок можно потерпеть);
- (3) страх за себя и близких;
- (4) конспирологическая установка — убеждение в искусственном происхождении COVID-19;
- (5) дискомфорт в общении (представления о неудобстве масок в коммуникации: сложности в понимании другого человека и в распознавании его эмоций);
- (6) ориентация на индивидуальную свободу (представление о том, что власти не имеют права ограничивать человека в его выборе);
- (7) дискомфорт в сфере самооценки.

Двумя первыми авторами статьи был разработан опросник из 26 пунктов, предположительно релевантных 7 субшкалам установок в отношении масочного режима. Соотношение пунктов с прямым и обратным ключом составило 7 к 19. К оценке качества формулировок и содержательной валидности пунктов были привлечены 4 внешних эксперта, кандидаты психологических наук, научные сотрудники ИП РАН. Предпринято редактирование формулировок с учетом замечаний экспертов.

Был проведен факторный анализ ответов на утверждения опросника (метод главных компонент с вращением Varimax; КМО = 0.949, значимость коэффициента сферичности Бартлетта меньше 0.001). При обработке баллы пунктов с обратным ключом были инвертированы; таким образом, высокие оценки по субшкалам соответствовали выраженным установкам приверженности. В связи с этим названия ряда субшкал были изменены на противоположные (в частности, «конспирологическая установка» изменена на «анти-конспирологическую установку», «ограничения индивидуальной свободы» — на «принятие ограничений индивидуальной свободы», «дискомфорт в общении» — на «комфортность общения», дискомфорт в сфере самооценки — на «устойчивость самооценки»).

Соответственно выделено 7 факторов с нагрузками утверждений выше или равными 0.5, объяснявшие 73.2% дисперсии: просоциальность ($\alpha = 0.853$), толерантность к физическому дискомфорту ($\alpha = 0.857$), страх за себя и близких ($\alpha = 0.851$), антиконспирологическая установка ($\alpha = 0.838$), комфортность общения ($\alpha = 0.864$), принятие ограничений индивидуальной свободы ($\alpha = 0.858$), устойчивость самооценки ($\alpha = 0.770$) (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Факторные нагрузки пунктов опросника установок в отношении масочного режима
при пандемии COVID-19 (7-факторное решение)**

Утверждения	Факторы						
	F1	F2	F3	F4	F5	F6	F7
Для защиты здоровья других я готов(а) носить маску	0.735	0.342	0.246	0.126	0.091	0.188	0.036
*Я не обязан(а) носить маску, чтобы заботиться о сохранении здоровья других людей	0.676	0.234	0.170	0.131	0.184	0.347	0.201
Я переживаю за людей, для которых коронавирус особенно опасен (люди преклонного возраста; с хроническими заболеваниями; работа которых связана с непосредственными контактами)	0.700	0.085	0.346	0.114	0.132	0.095	0.051
*Люди не обязаны беспокоиться о здоровье других и носить маски	0.657	0.187	0.164	0.165	0.128	0.218	0.201
*У меня есть право самостоятельно принимать решение о том, носить ли маску	0.165	0.073	0.141	0.178	0.114	0.831	0.080
*Органы власти не должны ограничивать мою свободу в принятии решения, носить ли маску	0.242	0.284	0.185	0.251	0.086	0.706	0.165

Таблица 1 (окончание)

Утверждения	Факторы						
	F1	F2	F3	F4	F5	F6	F7
*Решение о том, носить ли маску в общественном месте, — индивидуальное дело каждого	0.289	0.248	0.178	0.223	0.137	0.720	0.181
*Ношение маски вызывает у меня чувство неполноценности	0.340	0.421	0.037	0.237	0.300	0.083	0.481
*Я воспринимаю ношение маски как проявление трусости	0.492	0.177	0.243	0.102	0.142	0.207	0.566
*Мне кажется, что в маске меня воспринимают больным или заразным	0.134	0.208	0.035	0.186	0.236	0.206	0.755
*Маска затрудняет общение между людьми	0.160	0.376	0.104	0.156	0.705	0.134	0.252
*При общении с человеком в маске трудно понять, что выражает его лицо	0.094	0.147	0.077	0.162	0.839	0.129	0.145
*Маска затрудняет восприятие эмоций собеседника	0.163	0.190	0.099	0.093	0.860	0.056	0.050
Физический дискомфорт от ношения маски можно потерпеть	0.421	0.673	0.221	0.130	0.126	0.163	0.130
*Я не могу смириться с неприятными физическими ощущениями при ношении маски	0.155	0.685	0.143	0.173	0.310	0.227	0.252
К ношению маски можно привыкнуть	0.305	0.728	0.191	0.156	0.125	0.131	0.104
*Ощущение духоты при ношении маски нестерпимо	0.050	0.747	0.068	0.217	0.271	0.130	0.078
*У меня нет страха заразиться коронавирусом	0.107	0.146	0.735	0.158	0.173	0.235	0.244
Я боюсь, что я либо мои близкие заразятся коронавирусом	0.385	0.109	0.722	0.136	0.103	0.108	0.070
Я испытываю тревогу, когда смотрю новости о пандемии	0.062	0.136	0.791	0.104	-0.005	0.131	-0.116
Я испытываю/испытывал(а) бы тревогу за себя и своих близких, если узнаю/узнал(а) бы, что кто-то в моем окружении заболел COVID-19	0.451	0.020	0.643	0.053	0.076	0.044	0.037
*Ситуация с коронавирусом создана определенной группой людей в своих целях	0.224	0.185	0.067	0.783	0.037	0.100	0.131
*Паника вокруг коронавируса в СМИ намеренно раздута в интересах определенных кругов	0.118	0.176	0.236	0.756	0.156	0.284	0.143
*Кому-то выгодно, что ситуация с пандемией отвлекает общество от других важных проблем	0.104	0.172	0.090	0.822	0.237	0.146	0.006
*Даже для людей, не входящих в группы риска, последствия COVID-19 для здоровья могут быть серьезными	0.434	0.189	0.581	0.121	0.063	0.041	0.195
*Смертность от COVID-19 не выше, чем от сезонного гриппа	0.014	0.091	0.373	0.505	0.066	0.283	0.329

Примечание. Названия субшкал: F1 — просоциальность, F2 — толерантность к физическому дискомфорту, F3 — страх за себя и близких, F4 — антисанитарийская установка, F5 — комфортность общения, F6 — принятие ограничений индивидуальной свободы, F7 — устойчивость самооценки. * Звездочкой обозначены пункты с обратным ключом.

Выделенные факторы обнаружили высокие значимые положительные корреляции друг с другом (см. таблицу 2), в связи с чем была поставлена задача уточнить, какое описание внутренней структуры опросника будет оптимальным.

Был проведен факторный анализ субшкал опросника (метод главных компонент с вращением Varimax; КМО = 0.886, значимость коэффициента сферичности Бартлетта меньше 0.001). Выделено 3 фактора второго порядка с нагрузками шкал выше или равными 0.7, объяснявшие 79.8% дисперсии: F01 – установка в отношении дискомфорта (физический, коммуникативный дискомфорт и дискомфорт, связанный с самооценкой), F02 – установка в отношении угрозы COVID-19 (просоциальность и страх за себя и близких), F03 – установка рациональности в отношении пандемии (антиконспирологическая установка и принятие ограничений индивидуальной свободы) (см. таблицу 3).

Было выявлено, что факторы второго порядка также значимо положительно коррелируют между собой. При такой картине логично предположить существование фактора более высокого порядка. В этой связи была поставлена задача оценить, какой иерархической моделью эмпирические данные могут быть описаны наилучшим образом: с наличием общего фактора установки приверженности (F0), связанным с субшкалами установок (F1–F7) непосредственно или же с опосредованием факторами установок второго порядка (F01–F03). Показатели пригодности моделей, полученные с помощью конfirmаторного факторного анализа, представлены в таблице 4.

Вторая модель, в которой иерархия представлена общим фактором установки приверженности, факторами установок второго порядка и частными установками, обладала лучшими показателями соответствия (рисунок 1).

Высокие регрессионные коэффициенты показывают, что F0 как латентная переменная, отражающая общую установку приверженности масочному

Таблица 2

Матрица корреляций между субшкалами опросника установок в отношении масочного режима при пандемии COVID-19

	F0	F1	F2	F3	F4	F5	F6
F1 Просоциальность	0.813	1					
F2 Толерантность к физическому дискомфорту	0.829	0.636	1				
F3 Страх за себя и близких	0.702	0.648	0.483	1			
F4 Антиконспирологическая установка	0.751	0.49	0.539	0.476	1		
F5 Комфортность общения	0.714	0.449	0.595	0.34	0.432	1	
F6 Принятие ограничений индивидуальной свободы	0.793	0.61	0.571	0.495	0.593	0.407	1
F7 Устойчивость самооценки	0.824	0.645	0.665	0.457	0.543	0.584	0.58

Примечание. Все коэффициенты корреляции значимы на уровне < 0.001.

Таблица 3

Факторные нагрузки субшкал опросника установок в отношении масочного режима при пандемии COVID-19 (3-факторное решение)

	F01 – установка в отношении дискомфорта	F02 – установка в отношении угрозы COVID-19	F03 – установка рациональности в отношении пандемии
F1 Просоциальность	0.403	0.757	0.284
F2 Толерантность к физическому дискомфорту	0.685	0.383	0.355
F3 Страх за себя и близких	0.135	0.879	0.241
F4 Антиконспирологическая установка	0.261	0.188	0.863
F5 Комфортность общения	0.897	0.103	0.156
F6 Принятие ограничений индивидуальной свободы	0.263	0.388	0.731
F7 Устойчивость самооценки	0.675	0.353	0.393

Таблица 4

Показатели соответствия данным альтернативных моделей описания данных опросника установок в отношении масочного режима при пандемии COVID-19

Модель	CMIN/df	AGFI	RMSEA	SRMR
1. Общий фактор приверженности непосредственно связан с отдельными установками в отношении масочного режима	1.92	0.888	0.032	0.082
2. Общий фактор приверженности связан с отдельными установками в отношении масочного режима опосредованно, через 3 фактора второго порядка	1.92	0.944	0.032	0.032

режиму, объясняет значительную часть факторов второго порядка. Наиболее высокий регрессионный коэффициент ($\beta = 0.98$) относится к фактору F02 (установка в отношении угрозы COVID-19 для себя и других), который, в свою очередь, в наибольшей степени ($\beta = 0.96$) объясняет фактор F1 – просоциальность.

Различия в установках в отношении масочного режима при пандемии COVID-19

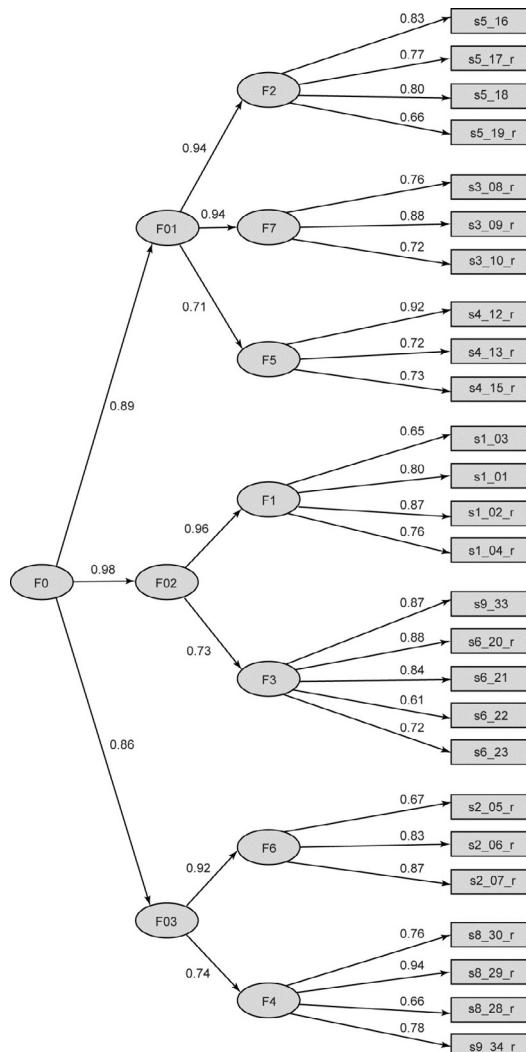
Социально-демографические различия

У женщин в сравнении с мужчинами более выражены просоциальная установка, толерантность к физическому дискомфорту и устойчивость самооценки, страх за себя и близких (критерий Манна–Уитни, во всех случаях $p \leq 0.01$).

У лиц старше 60 лет в сравнении с лицами 31–45 лет более выражено принятие ограничений индивидуальной свободы (критерий Манна–Уитни, $p = 0.007$).

Рисунок 1

Конфирматорная факторная модель опросника установок в отношении масочного режима при пандемии COVID-19

Примечание. F0 – общий фактор установки приверженности, F01–F03 – установки приверженности второго порядка (F01 – установка в отношении дискомфорта, F02 – установка в отношении угрозы COVID-19, F03 – установка рациональности в отношении пандемии); F1–F7 – частные установки приверженности: F1 – просоциальность, F2 – толерантность к физическому дискомфорту, F3 – страх за себя и близких, F4 – антиконспирологическая установка, F5 – комфортность общения, F6 – принятие ограничений индивидуальной свободы, F7 – устойчивость самооценки.

У лиц с высшим образованием в сравнении с лицами со среднеспециальным образованием более выражены принятие ограничений индивидуальной свободы и устойчивость самооценки (критерий Краскалла—Уоллеса, $p = 0.004$, $p = 0.017$ соответственно).

Различия в установках приверженности в группах с различным соблюдением масочного режима

Были выявлены значимые различия по всем шкалам установок между сравнившимися попарно группами респондентов, различавшихся приверженностью масочному режиму (критерий Манна—Уитни, различия по всем показателям достоверны на уровне $p \leq 0.05$ с учетом поправки Холма на множественные сравнения). Максимальная выраженност установок приверженности характерна для тех, кто соблюдает масочный режим всегда или почти всегда, минимальная — для тех, кто никогда не соблюдающих его. Среднее положение занимает группа тех, кто соблюдает режим иногда.

Группа с неустойчивой приверженностью была разбита по мотивационным основаниям на непересекающиеся подгруппы респондентов, указавших, что они носят маски в следующих случаях:

— подгруппа 2А «*Ситуативно-рациональная ориентация*» (критерий включения — наличие ответа «если я считаю, что в данном месте высока вероятность заражения» или «если наблюдается рост заболеваемости») ($N = 152$);

— подгруппа 2Б «*Ориентация на большинство*» (критерий включения — наличие ответа «если я вижу, что в данной ситуации/месте большинство людей в масках») ($N = 47$);

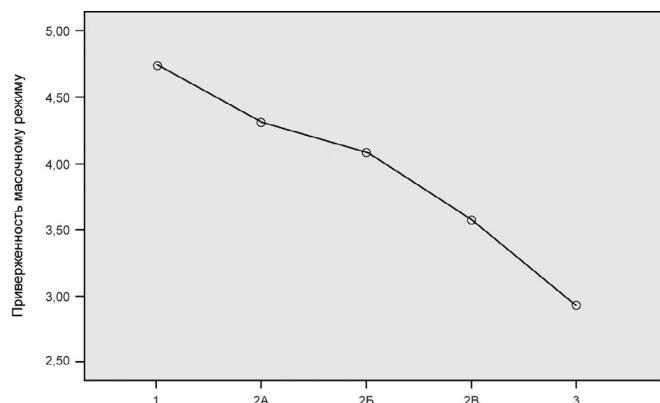
— подгруппа 2В «*Ориентация на санкции*» (критерий включения — единственный ответ «если я знаю, что меня оштрафуют или откажут в обслуживании») ($N = 77$).

В связи с тем что выбор мотивационных оснований был множественным, респонденты подгрупп 2А и 2Б могли указать, помимо главного основания, определявшего принадлежность к подгруппе, и другие основания. Так, в подгруппу «*Ориентация на большинство*» вошли те, кто также мог указать ориентацию на наказание; в подгруппу «*Ситуативно-рациональная ориентация*» — те, кто также мог указать ориентацию на наказание либо на большинство.

Мы предполагали, что данные мотивационные основания будут дифференцировать респондентов по их установкам приверженности. А именно наиболее выраженные установки будут характерны для ситуативно-рациональной ориентации, предлагающей рефлексию рисков заражения в конкретных обстоятельствах. Наименее сопряженной с установками приверженности представляется ориентация на санкции, т.е. внешняя мотивация возможностью наказания. Ориентация на большинство представляется занимающей промежуточное положение, поскольку предполагает следование норме исходя из более поверхностных, чем оценка рисков, конформистских соображений. Этим предположениям соответствует картина изменения общего показателя установок в выделенных подгруппах респондентов, приведенная на рисунке 2.

Рисунок 2

Общий показатель установок приверженности режиму ношения масок в группах/подгруппах респондентов, различающихся по соблюдению масочного режима и его мотивационным основаниям

Примечание. 1 – группа приверженных, 2А, 2В, 2В – подгруппы с неустойчивой приверженностью (2А – «Ситуативно-рациональная ориентация»; 2Б – «Ориентация на большинство», 2В – «Ориентация на санкции»), 3 – группа неприверженных.

Средние значения установок приверженности в группах и подгруппах приведены в таблице 5.

Таблица 5

Средние значения показателей установок в отношении масочного режима в группах/подгруппах респондентов

	Показатели	Группа/подгруппа респондентов					Всего
		1	2А	2Б	2В	3	
F1	Просоциальность	5.90	5.47	5.11	4.56	3.79	5.43
F2	Толерантность к физическому дискомфорту	4.62	4.18	3.85	3.31	2.72	4.17
F3	Страх за себя и близких	5.24	4.90	4.63	4.21	3.41	4.85
F4	Антиконспирологическая установка	3.84	3.45	3.24	2.76	2.34	3.48
F5	Комфортность общения	4.07	3.69	3.40	3.22	2.46	3.71
F6	Принятие ограничений индивидуальной свободы	4.37	3.70	3.89	2.79	2.19	3.84
F7	Устойчивость самооценки	5.52	5.14	4.72	4.39	3.78	5.12
F0	Общая установка приверженности масочному режиму	4.79	4.36	4.12	3.61	2.95	4.37
N	Численность группы	508	152	47	77	100	884

Примечание. 1 – группа приверженных; 2А – подгруппа «Ситуативно-рациональная ориентация»; 2Б – подгруппа «Ориентация на большинство», 2В – подгруппа «Ориентация на санкции»; 3 – группа неприверженных.

Для проверки гипотезы о различиях в установках в зависимости от мотивов соблюдения масочного режима было проведено попарное сравнение соседних подгрупп с применением поправки Холма на множественные сравнения. Были получены следующие результаты (см. таблицу 6):

1) группа 1 («Приверженные») имеет большую выраженность всех установок приверженности в сравнении с подгруппой 2А («Ситуативно-рациональная ориентация»);

2) подгруппа 2А («Ситуативно-рациональная ориентация») и подгруппа 2Б («Ориентация на большинство») не различаются в установках приверженности; подгруппа 2А отличается более высокой приверженностью по всем установкам от группы 2В («Ориентация на санкции»);

Таблица 6
Сравнение групповых средних рангов по критерию Манна–Уитни*

	Показатели	Сравниваемые подгруппы									
		1/2А		2А/2Б		2А/2В		2Б/2В		2В/3	
		U	p	U	p	U	p	U	p	U	p
F1	Просоциальность	28163	0.000	2736	0.015	3065	0.000	1261	0.005	2631	0.000
F2	Толерантность к физическому дискомфорту	30596	0.000	2973	0.082	3795	0.000	1347	0.017	2954	0.008
F3	Страх за себя и близких	30374	0.000	2947	0.070	3932	0.000	1460	0.071	2587	0.000
F4	Антиконспирологическая установка	31581	0.001	3209	0.291	3930	0.000	1389	0.030	3049	0.017
F5	Комфортность общения	32591	0.003	3137	0.206	4676	0.013	1644	0.391	2610	0.000
F6	Принятие ограничений индивидуальной свободы	27951	0.000	3174	0.247	3807	0.000	1016	0.000	2896	0.004
F7	Устойчивость самооценки	30852	0.000	2859	0.038	3879	0.000	1511	0.122	3027	0.015
F0	Общая установка приверженности масочному режиму	27345	0.000	3010	0.103	3194	0.000	1179	0.001	2550	0.000

Примечание. *U – величина критерия, p – асимптотическая значимость (двусторонняя). Показатели значимости, соответствующие требованию $p < 0.05$ после применения поправки Холма на множественную проверку гипотез, выделены жирным шрифтом.

3) подгруппа 2Б («*Ориентация на большинство*») отличается от подгруппы 2В («*Ориентация на санкции*») более выраженной просоциальностью и принятием ограничений индивидуальной свободы;

4) группа 3 («*Неприверженные*») отличается от подгруппы 2В («*Ориентация на санкции*») меньшей выраженностью всех установок приверженности масочному режиму.

Таким образом, можно говорить о плавном снижении установок приверженности в выделенных нами группах и подгруппах. Исключение составили те, кто носят маски по ситуации, и те, кто ориентируются на большинство: они не различаются между собой в установках приверженности.

Обсуждение

При оценке распределения российских респондентов по степени приверженности масочному режиму следует учитывать, что данное исследование было проведено в момент самого начала второй волны роста темпов заражения, пик которой пришелся на ноябрь и декабрь 2020 г. Именно в первую неделю октября недельное число выявленных случаев заражения COVID-19 в РФ впервые превысило 100 тысяч, а на второй неделе оказалось на 20% выше, чем на первой¹. При этом в сентябре 2020 г. отсутствовало ограничение передвижений, возобновилась очная работа образовательных учреждений, органы власти не анонсировали усиление ограничительных мер, подобных весеннему и летнему периоду пандемии 2020 г.

По-видимому, серьезность динамики заражения еще не была явной для большинства граждан, и этим можно объяснить сравнительно высокую долю респондентов с неустойчивой приверженностью (31.2%) и сравнительно невысокую — с высокой приверженностью (57.5%). Подобное соотношение, например, было характерно для июня 2020 г. в США, но на фоне ухудшения эпидемиологической ситуации оно скорректировалось до 80–85% высокой приверженности к августу и сохранялось таким вплоть до октября 2020 г. (Kramer, 2020; Whang, Elliot, 2020). Дополнительным фактором относительно большого разброса в соблюдении масочного режима, по-видимому, можно признать малую частоту непосредственного столкновения респондентов с COVID-19 и связанными с ним людскими потерями. Доля же противников масочного режима — 11.3% — сопоставима с данными стран Европы и Северной Америки; ее относительное постоянство и независимость от ситуативных факторов (темпов и масштаба заражения) подчеркивались в литературе (Taylor, Asmundson, 2021).

Связи социально-демографических факторов с уровнем приверженности российских респондентов масочному режиму сопоставимы с доступными нам данными опросов в США июля 2020 г. Женщины демонстрируют большую приверженность, чем мужчины; отсутствуют различия в связи с возрастом и образованием (Taylor, Asmundson, 2021; Kramer, 2020). Было засвидетельствовано (Capraro,

¹ Роспотребнадзор. Актуальная эпидемическая ситуация в России и в мире. <https://www.rosпотребnadzor.ru/region/koronavirus/epid.php> (Дата обращения: 21 апреля 2021 г.).

Barcelo, 2020), что на уровне установок мужчины менее ориентированы на соблюдение масочного режима: в сравнении с женщинами они менее просоциальны, ассоциируют ношение масок с проявлением слабости, приуменьшают угрозу COVID-19 для себя и близких, менее толерантны к физическому дискомфорту.

Отсутствие связи приверженности с образованием и возрастом, несмотря на небольшие различия в установках подгрупп респондентов, выделенных по этим основаниям, объясняется, по-видимому, тем, что их субъективная оценка угрозы и восприятие информационных воздействий об ограничительных мерах сходны. Вопреки предположениям ни более высокий уровень рациональности, ассоциированный с образованием, ни большая воспринимаемая уязвимость пожилых людей перед угрозой заболевания не обеспечили более выраженное следование масочному режиму. Это подводит к предположению о существенной универсальности феноменологического отражения угрозы COVID-19, которое далее было изучено нами на материале установок к масочному режиму.

Наиболее важным результатом исследования является описание иерархической системы установок приверженности масочному режиму на основе изучения психологических потребностей человека в ситуации применения этой ограничительной меры. Был разработан опросник 7 частных установок приверженности: просоциальность, толерантность к физическому дискомфорту, страх за себя и близких, антиспиритологическая установка, комфортность общения, принятие ограничений индивидуальной свободы, устойчивость самооценки. Наилучшее соответствие данным показала иерархическая модель с общим фактором установки приверженности в вершине, тремя факторами установок второго порядка и семью факторами частных установок, заложенными в опросник.

Установки второго порядка охватывают три направления. Так, «дискомфорт в связи с ношением масок» отражает представления о физиологической, социально-коммуникативной и психологической «цене», которую «платит» человек за ношение маски. «Угроза COVID-19 для себя и других» объединяет переживание COVID-19 как серьезной персональной и социальной проблемы. «Рациональная оценка пандемии COVID-19» включает антиспиритологическую позицию и готовность к ограничению индивидуальной свободы в борьбе с угрозой.

Высокие корреляции между установками всех уровней свидетельствуют в пользу выраженной одномерности системы установок приверженности масочному режиму, т.е. о ее функционировании по принципу общего отношения к ограничительной мере (позитивного или негативного). Одномерность является косвенным признаком отсутствия рефлексии отдельных потребностей как независимых от общей оценки ограничительной меры. Например, маловероятны «когнитивно-дифференцированные» ответы респондентов, одновременно признающие высокий дискомфорт в связи с ношением масок и необходимость их носить в связи с просоциальными соображениями или сочетающие конспирологические убеждения и выраженный страх заболева-

ния. Иначе говоря, субъективное отражение потребностей имеет результатом внутренне непротиворечивый сплав установок к соблюдению масочного режима, который в конечном итоге определяет поведение по принципу «сверху вниз» («top-down»). По-видимому, данный феномен можно рассматривать как проявление принципа необходимой когерентности в организации социальных представлений/установок. Например, сходное явление было выявлено при изучении представлений о морали А.В. Чистопольской: у религиозных участников в сравнении с атеистами первый фактор недифференцированной негативной оценки моральности поступков оказался более мощным (Чистопольская, 2010). При этом наши результаты свидетельствуют тем не менее о том, что все частные установки приверженности действительно дифференцируют респондентов по соблюдению масочного режима (3 уровня – соблюдение всегда, иногда, никогда).

Целесообразно обсудить относительное значение отдельных установок приверженности масочному режиму в их общей системе. Мы делаем заключение об особо важной роли установки просоциальности, которая определялась как признание необходимости заботиться о здоровье других людей. Именно она в наибольшей степени предсказывалась общей установкой.

Все остальные частные установки, по нашим данным, являлись «равными среди прочих», успешно дифференцируя выборку по трем основным уровням приверженности. Так, мы не нашли подтверждения исключительной роли психологического сопротивления (psychological reactance) в приверженности масочному режиму, продемонстрированной в выборках США и Канады (Taylor, Asmundson, 2020). В нашей работе ему по смыслу соответствовала установка «принятие ограничений индивидуальной свободы», которая, хоть и имела некоторую вариативность в связи с образованием и возрастом респондентов, не дифференцировала их приверженность. Аналогично, факторы конспирологии и страха, активно обсуждаемые в литературе (Harper et al., 2021; Romer, Jamieson, 2020), не выделялись существенно в своих эффектах.

Мы выявили, что мотивационные основания неустойчивой приверженности по-разному корреспондируют с установками. А именно ориентация на санкции в сравнении с конформизмом ассоциируется с меньшей просоциальностью и большей нетерпимостью к ограничению индивидуальной свободы, а в сравнении с оцениванием ситуативных рисков заражения отличается меньшей выраженнойностью всех установок приверженности. При этом две мотивационные ориентации – оценка рисков и конформизм – оказались близки (неразличимы) в установках приверженности. Таким образом, при неустойчивой приверженности наблюдается скорее поляризация, чем более дробная дифференциация установок.

Результаты исследования в целом дают основания для ряда заключений, которые могут быть положены в основу рекомендаций в отношении мероприятий по повышению приверженности масочному режиму.

Во-первых, иерархический характер системы установок и их тесная взаимосвязь между собой предполагает, что постановка вопроса о том, какие именно информационные сообщения будут более эффективны, как это делается в

некоторых исследованиях, не может иметь универсального ответа. Необходимо понимать, что любые убеждающие сообщения могут приводить к вариантам эффекта поляризации (Kuhn, Lao, 1996), т.е. к росту выраженности исходных убеждений, именно в связи с действием центростремительной силы организации установок в систему. Поэтому первична и оптимальна опора на принципы умеренности в экспрессии, разнообразия в содержании, систематичности в информационных воздействиях.

Во-вторых, наибольший интерес с точки зрения повышения приверженности представляют лица с неустойчивой приверженностью. Они не имеют столь поляризованных установок, как приверженные и неприверженные, и, вероятно, характеризуются большей гибкостью. Так как, по нашим данным, просоциальность в форме заботы о здоровье других в период пандемии в наибольшей степени отражает общую установку приверженности, информирование с опорой на просоциальность может быть наиболее эффективным. В рамках теории самодетерминации (Deci, Ryan, 2008) потребность в связи с другими людьми имеет два аспекта: ожидание от других понимания/заботы и потребность самому осуществлять заботу о других. Таким образом, в мотивирующих сообщениях (Martela et al., 2021) предлагается, с одной стороны, проявлять понимание и эмпатию в связи с переживанием трудностей и дискомфорта, с другой — делать акцент на общей идентичности и общей «беде» («мы все здесь в одной лодке»), апеллировать к потребности помогать другим людям.

В-третьих, у лиц с неустойчивым соблюдением масочного режима выявлены различия в установках приверженности в зависимости от мотивации к ношению масок. Наиболее конструктивный профиль имеют те, кто опирается на ситуативно-рациональные основания в решении, надевать ли маску. Вместе с тем эти люди все же отличаются по всем установкам от лиц с устойчивой приверженностью. Следует предположить, что индивиды с данным профилем рассматривают свое мнение о рисках как опору в принятии решений. В их адрес, вероятно, могут быть эффективны информационные послания, ориентированные на удовлетворение потребности в автономии: объяснение рациональности масочных ограничений и их научной обоснованности; подчеркивание значимости ответственности и индивидуального выбора, акцентирование на ценности масок в борьбе с COVID-19, а не на правилах.

В-четвертых, анализ установок приверженности индивидов из конформистской группы (ориентирующиеся на большинство либо на внешние санкции) показал, что они не отличаются от лиц с более рациональным поведением (ориентирующихся на ситуативный риск заражения). Таким образом, индивиды, ориентирующиеся на большинство, имеют относительно конструктивные установки приверженности. Они, вероятно, нечасто анализируют свое поведение в связи с масками, но и не являются противниками масок. Для этой аудитории будут эффективны информационные сообщения, исходящие от лиц, пользующихся популярностью и доверием большей части сообщества. Это позволит создать индивидам с конформистской установкой возможность для идентификации с человеком (людьми), которые привержены ограничениям.

В-пятых, мы получили данные о том, что респонденты, ориентирующиеся на внешние ограничения (санкции либо отказ в обслуживании), имеют все же более конструктивные установки приверженности по сравнению с не соблюдающими режим ношения масок. Это свидетельствует о том, что для определенной группы лиц контролирующие послания эффективны и могут быть рассмотрены наряду с просоциальными посланиями и посланиями, акцентирующими автономию в принятии решений.

Ограничения данного исследования связаны прежде всего с тем, что приверженность рассматривалась только через призму индивидуальных установок. В следующей публикации планируется расширить набор факторов, определяющих приверженность масочному режиму. Кроме того, в данной выборке вероятно завышение доли приверженных режиму ношения масок по сравнению с российской популяцией в целом. Это связано с тем, что исследование было анонимным и на него могли откликаться люди, персонально затронутые этой темой. Также стоит учитывать, что исследование было проведено в самом начале второй волны COVID-19 в России, когда уровень заболеваемости повысился по сравнению с летним уровнем, но был еще далек от пиковых значений.

Литература

- Маслоу, А. (2008). *Мотивация и личность*. СПб.: Питер.
- Нестик, Т. А., Дейнека, О. С., Максименко, А. А. (2020). Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(4), 87–104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>
- Фрейд, З. (2018). *По ту сторону принципа удовольствия*. Ижевск: ERGO.
- Чистопольская, А. В. (2010). Взаимосвязь представлений человека о морали и его принадлежности к религиозной группе. В кн. В. Ф. Спиридовон (ред.), *Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления: Сборник статей участников Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной памяти Карла Дункера* (с. 141–149). М.: РГГУ.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Bish, A., & Michie, S. (2010). Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: A review. *British Journal of Health Psychology*, 15, 797–824. <https://doi.org/10.1348/135910710X485826>
- Capraro, V., & Barcelo, H. (2020). The effect of messaging and gender on intentions to wear a mask covering to slow down COVID-19 transmission. *Journal of Behavioral Economics for Policy*, 4(COVID 19 Special Issue 2), 45–55. <https://sabeconomics.org/wordpress/wp-content/uploads/JBEP-4-S2-5.pdf>
- Chistopolskaya, A. V. (2010). Vzaimosvyaz' predstavlenii cheloveka o morali i ego prinadlezhnosti k religioznoi gruppe [The relationships between one's moral beliefs and their belonging to a religious group]. In V. F. Spiridonov (Ed.), *Teoreticheskie i prikladnye problemy psichologii myshleniya: Sbornik*

- statei uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi pamyati Karla Dunkera [Theoretical and applied issues of psychology of thinking: Papers from the All-Russian conference of young scientists in memory of Karl Duncker] (pp. 141–149). Moscow: RGGU.
- Chu, D. K., Akl, E. A., Duda, S., Solo, K., Yaacoub, S., Schünemann, H. J., & Urgent, C.-S. (2020). Physical distancing, face masks, and eye protection to prevent person-to-person transmission of SARS-CoV-2 and COVID-19: a systematic review and meta-analysis. *Lancet*, 395, 1973–1987. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31142-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31142-9)
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*, 49(3), 182–185. <https://doi.org/10.1037/a0012801>
- Eikenberry, S. E., Mancuso, M., Iboi, E., Phan, T., Eikenberry, K., Kuang, Y., Kostelich, E., & Gumel, A. B. (2020). To mask or not to mask: Modeling the potential for face mask use by the general public to curtail the COVID-19 pandemic. *Infectious Disease Modelling*, 5, 293–308. <https://doi.org/10.1016/j.idm.2020.04.001>
- Freud, S. (2018). *Po tu storonu principa udovol'stviya* [Beyond the pleasure principle]. Izhevsk: ERGO. (Original work published 1920 in German)
- Goldsmith, A. (2005). Police reform and the problem of trust. *Theoretical Criminology*, 9(4), 443–470. <https://doi.org/10.1177/1362480605057727>
- Harper, C. A., Satchell, L. P., Fido, D., & Latzman, R. D. (2021). Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 19, 1875–1888. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00281-5>
- Kramer, S. (2020, August 27). More Americans say they are regularly wearing masks in stores and other businesses. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/27/more-americans-say-they-are-regularly-wearing-masks-in-stores-and-other-businesses/>
- Kuhn, D., & Lao, J. (1996). Effects of evidence on attitudes: Is polarization the norm? *Psychological Science*, 7(2), 115–120. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1996.tb00340.x>
- Lau, J. T. F., Griffiths, S., Choi, K., & Lin, C. (2010). Prevalence of preventive behaviors and associated factors during early phase of the H1N1 influenza epidemic. *American Journal of Infection Control*, 38(5), 374–380. <https://doi.org/10.1016/j.ajic.2010.03.002>
- Martela, F., Hankonen, N., Ryan, R. M., & Vansteenkiste, M. (2021). Motivating voluntary compliance to behavioural restrictions: Self-determination theory-based checklist of principles for COVID-19 and other emergency communications. *European Review of Social Psychology*. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1857082>
- Martínez, D., Parilli, C., Scartascini, C., & Simpser, A. (2021). Let's (not) get together! The role of social norms on social distancing during COVID-19. *PLoS ONE*, 16(3), Article e0247454. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247454>
- Maslow, A. (2008). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1954)
- Murphy, K. (2016). Turning defiance into compliance with procedural justice: Understanding reactions to regulatory encounters through motivational posturing. *Regulation and Governance*, 10, 93–109. <https://doi.org/10.1111/rego.12073>
- Nagin, D. (2013). Deterrence in the twenty-first century. *Crime and Justice*, 42(1), 199–263. <https://doi.org/10.1086/670398>
- Nestik, T. A., Deyneka, O. S., & Maksimenko, A. A. (2020). Socio-psychological predictors of belief in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in social media. *Sotsial'naya*

- Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society], 11(4), 87–104.* <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407> (in Russian)
- Ong, J. J. Y., Bharatendu, C., Goh, Y., Tang, J. Z. Y., Sooi, K. W. X., Tan, Y. L., Tan, B. Y. Q., Teoh, H., Ong, S. T., Allen, D. M., & Sharma, V. K. (2020). Headaches associated with personal protective equipment — A cross-sectional study among frontline healthcare workers during COVID-19. *Headache. The Journal of Head and Face Pain, 60*(5), 864–877. <https://doi.org/10.1111/head.13811>
- Pfafftheicher, S., Nockur, L., Böhm, R., Sassenrath, C., & Petersen, M. B. (2020). The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic. *Psychological Science, 31*(11), 1363–1373. <https://doi.org/10.1177/0956797620964422>
- Pratt, T., Cullen, F., Blevins, K., Daigle, L., & Madensen, T. (2008). The empirical status of deterrence theory: A meta-analysis. In F. Cullen, J. Wright, & K. Blevins (Eds.), *Taking stock: The status of criminological theory* (pp. 367–396). Transaction Publishers.
- Prentice, M., Halusic, M., & Sheldon, K. M. (2014). Integrating theories of psychological needs-as-requirements and integrating theories of psychological needs-as-requirements and psychological needs-as-motives: A two process model. *Social and Personality Psychology, 8*(2), 73–85. <https://doi.org/10.1111/spc3.12088>
- Roberge, R. J., Bayer, E., Powell, J. B., Coca, A., Roberge, M. R., & Benson, S. M. (2010a). Effect of exhaled moisture on breathing resistance of N95 filtering facepiece respirators. *The Annals of Occupational Hygiene, 54*(6), 671–677. <https://doi.org/10.1093/annhyg/meq042>
- Roberge, R. J., Coca, A., Williams, W. J., Powell, J. B., & Palmiero, A. J. (2010b). Physiological impact of the N95 filtering facepiece respirator on healthcare workers. *Respiratory Care, 55*(5), 569–577.
- Romer, D., & Jamieson, K. H. (2020). Conspiracy theories as barriers to controlling the spread of COVID-19 in the U.S. *Social Science & Medicine, 263*, Article 113356. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113356>
- Rosenberg, B. D., & Siegel, J. T. (2018). A 50-year review of psychological reactance theory: Do not read this article. *Motivation Science, 4*(4), 281–300. <https://doi.org/10.1037/mot0000091>
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist, 55*(1), 68–78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>
- Scerri, M., & Grech, V. (2020). To wear or not to wear? Adherence to face mask use during the COVID-19 and Spanish influenza pandemics. *Early Human Development, Article 105253*. Withdrawn article in press. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2020.105253>
- Scheid, J. L., Lupien, S. P., Ford, G. S., & West, S. L. (2020). Commentary: Physiological and psychological impact of face mask usage during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 17*(18), Article 6655. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186655>
- Tang, C. S., & Wong, C., (2004). Factors influencing the wearing of facemasks to prevent the severe acute respiratory syndrome among adult Chinese in Hong Kong. *Preventive Medicine, 39*, 1187–1193. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2004.04.032>
- Taylor, S., & Asmundson, G. J. G. (2021). Negative attitudes about facemasks during the COVID-19 pandemic: The dual importance of perceived ineffectiveness and psychological reactance. *PLoS ONE, 16*(2), Article e0246317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246317>
- Tyler, T. (2006). *Why people obey the law*. Princeton University Press.
- Whang, O., & Elliott, K. (2020, October 5). Poll finds more Americans than ever think we should wear masks. *National Geographic*. <https://www.nationalgeographic.com/history/article/poll-increasing-bipartisan-majority-americans-support-mask-wearing>

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ОПОЗНАНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ДЕИКОНИЗАЦИИ

Л.О. ТКАЧЕВА^a, М.А. ФЛАКСМАН^b, Ю.Г. СЕДЕЛКИНА^a,
Ю.В. ЛАВИЦКАЯ^a, А.Д. НАСЛЕДОВ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9

^b СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. профессора Попова, д. 5

The Study of Visual Recognition of Russian Sound Imitative Words at Different Stages of De-Iconization

L.O. Tkacheva^a, M.A. Flaksman^b, Yu.G. Sedelkina^a, Yu.V. Lavitskaya^a, A.D. Nasledov^a

^a Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

^b SPbSEU "LETI", 5 Professora Popova Str., St Petersburg, 197022, Russian Federation

Резюме

В статье изложены результаты исследования особенностей визуального опознания русскоязычных звукоизобразительных (ЗИ) слов носителями языка ($N = 106$) с помощью метода «Методика принятия лексического решения». Каждому испытуемому было предъявлено 128 стимулов, из которых 64 являлись не-словами и 64 – целевыми стимулами. Целевые стимулы в равных частях были представлены нейтральными (не-ЗИ) словами и ЗИ словами (по 32 слова). ЗИ слова были распределены на 4 равные группы (по 8 слов) по принципу снижения степени иконичности, понимаемой как утрата звукоизобразительности в процессе эволюции языка, таким образом, что к 1-й группе относились наиболее явные ЗИ слова, а, соответственно, к 4-й – полностью деиконизирован-

Abstract

The article presents the results of research on visual recognition of Russian sound-imitative (SI) words by native speakers ($N = 106$) in a lexical decision task. Each subject was presented with 64 non-words and 64 target stimuli (a total of 128 stimuli). The target stimuli were equally represented by neutral (non-SI) words and SI words (32 words each). SI words were divided into 4 groups (8 words per group) according to the principle of reducing the degree of iconicity, understood as the loss of sound imitative properties in the process of language evolution, so that the most iconic (explicit) SI words were assigned to group 1, and completely de-iconized SI words were assigned to group 4. The target stimuli were monosyllabic low-frequency words (from 0.4 imp

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».

The reported study was funded by RFBR, project N 20013-00575 «Psychophysiological indicators of perception of sound-imitative words from native and foreign language».

ные ЗИ слова. Целевые стимулы представлены односложными низкочастотными словами (от 0.4 imp до 18.3 imp, M = 5.3 imp). В результате исследования были выявлены показатели скорости и точности опознания ЗИ стимулов в зависимости от стадии деиконизации (утраты ЗИ). Обнаружилось, что явные ЗИ слова опознаются медленнее всего и с большим количеством ошибок. Это, по-видимому, связано с тем, что они относятся к классу неизменяемых слов. При этом деиконизированные слова, характеризующиеся всеми признаками знаменательных частей речи, опознаются быстрее, чем не-ЗИ слова. Авторы предполагают, что взаимодействие ЗИ и частеречной принадлежности слова, воспринимаемого визуально, влияет на процесс когнитивной переработки. При этом опознание слова с выраженной ЗИ и сопутствующей «внесистемностью» требует больших когнитивных ресурсов, чем опознание «системного» и явного ЗИ слова.

Ключевые слова: психосемантика, звукоизобразительность, методика принятия лексического решения.

Ткачева Любовь Олеговна — старший преподаватель, кафедра педагогики и педагогической психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психосемантика, нейролингвистика, психофизиология.
Контакты: tkachewa.luba@gmail.com

Флаксман Мария Алексеевна — доцент, кафедра иностранных языков, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, германские языки, этимология, фоносемантика.
Контакты: maria.alexeevna@gmail.com

Седёлкина Юлия Георгиевна — доцент, кафедра иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат педагогических наук. Сфера научных интересов: лингводидактика, английский язык, фоносемантика, фоностилистика текста, психолингвистика.
Контакты: y.sedelkina@spbu.ru

to 18.3 imp, M = 5.3 imp). The results revealed speed and accuracy rates of SI words recognition depending on their deiconization stage (loss of iconicity). The findings show that explicit SI words were recognized most slowly and with the largest number of errors. We assume that this can be attributed to the fact that they belong to the class of immutable words. De-iconized words, however, having all the characteristics of notional parts of speech, were recognized faster than non-SI words. We suggest that the interaction of SI and the part of speech of a visually perceived word affects the process of cognitive processing. It is noteworthy that recognition of non-integrated imitative words requires more cognitive resources than recognition of words fully integrated into the language system.

Keywords: psychosemantics, sound symbolism, lexical decision task.

Liubov O. Tkacheva — Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint-Petersburg State University, PhD in Psychology.
Research Area: psychosemantics, neurolinguistics, psychophysiology.
E-mail: tkachewa.luba@gmail.com

Maria A. Flaksman — Associate Professor, Department of Foreign Languages, SPbSEU «LETI», PhD in Philology.
Research Area: Historical-comparative linguistics, Germanic languages, etymology, phonosemantics.
E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

Yulia G. Sedelkina — Assistant Professor, department of foreign languages and linguodidactics, Saint-Petersburg State University, PhD in Pedagogy.
Research Area: foreign language teaching, English, phonosemantics, phonostylistics, psycholinguistics.
E-mail: y.sedelkina@spbu.ru

Лавицкая Юлия Валерьевна — доцент, кафедра иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, PhD в лингвистике. Сфера научных интересов: фонология, фонетика, усвоение второго/иностранных языка, преподавание иностранных языков, прикладная лингвистика.

Контакты: y.lavitskaya@spbu.ru; yulia.lavitskaya@gmail.com

Наследов Андрей Дмитриевич — доцент, исполняющий обязанности заведующего, кафедра педагогики и педагогической психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: математические методы в психологии, дизайн психологического исследования.

Контакты: andrey.nasledov@gmail.com

Yulia V. Lavitskaya — Assistant Professor, department of foreign languages and linguodidactics, Saint Petersburg State University, PhD in Linguistics.

Research Area: phonology, phonetics, second language acquisition, foreign language acquisition, language teaching, applied Linguistics.

Email: y.lavitskaya@spbu.ru; yulia.lavitskaya@gmail.com

Andrey D. Nasledov — Associate Professor, Acting Head of the Department, Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Saint-Petersburg State University, PhD in Psychology.

Research Area: mathematical methods in psychology, design of psychological research.

E-mail: andrey.nasledov@gmail.com

Введение

Звукоизобразительность (далее ЗИ) — это проявление иконичности в языке. Знаки-иконы (icon), согласно Ч.С. Пирсу, — это знаки, в которых означаемое и означающее связаны между собой по подобию. Иконическая связь — это отношение подобия между означаемым и означающим. Подавляющее большинство слов человеческого языка — знаки-символы (т.е. знаки, в которых означаемое и означающее имеют конвенциональную, условную связь). Их форма не обусловлена значением, поэтому при освоении как родного, так и иностранного языка слова необходимо заучивать (ср., например: рус. *стол*, нем. *Tisch*, англ. *table*, исп. *mesa*, исл. *borp*). Однако некоторое число слов в языке являются конвенциональными лишь отчасти. ЗИ слова — звукоподражательные и зукоисимволические — характеризуются наличием непосредственной связи между «звучанием» (фонетическим обликом) и значением. ЗИ носит характер универсальности для различных языков (Dingemanse et al., 2015; Sidhu, Rexman, 2018; Воронин, 2006) (ср., например, обозначения мяукания кошки в упомянутых выше языках — рус. *мяу*, нем. *miau*, англ. *meow, miaul, mewl, mew*, исп. *miau*, исл. *þjálm*.

Есть мнение, что ЗИ является одним из этапов эволюции языка как знаково-символической системы (Perniss, Vigliocco, 2014). В соответствии с гипотезой кросс-модальности (Parise, 2016) как основы освоения языка предполагается, что в онтогенезе маленькие дети на стадии доречевого развития, проходят этап звукоподражаний и зукоисимволизмов, являющийся необходимой ступенью в овладении речью (Imai, Kita, 2014). Согласно данным отечественных авторов, этот этап начинается в возрасте 9 месяцев и характеризуется появлением имитативных псевдослов (Браудо и др., 2017; Крейдлин, 2002).

Есть данные, что ЗИ облегчает освоение и понимание языка (Perry et al., 2015; Lockwood, Tuomainen, 2015). В частности, в нейрофизиологическом исследовании было показано, что 11-месячные младенцы проявляют высокую избирательную чувствительность к звуковому символизму. Возможно, в основе этого лежит мультисенсорная интеграция языковой формы и сенсорных свойств референта (Asano et al., 2015). Эта гипотеза о позитивном влиянии ЗИ на освоение языка соотносится с идеей о перцептивно-моторных аналогиях, через которые ЗИ облегчает усвоение слов и коммуникацию (Dingemanse et al., 2015). Получены данные о том, что звукосимволизм способствует усвоению слов маленькими детьми (Imai et al., 2008; Laing, 2014). Кроме того, результаты исследований демонстрировали лингводидактический потенциал ЗИ в обучении иностранному языку (Lockwood et al., 2016; Седёлкина, 2006; Шестакова, 2019). На сегодняшний день было проведено множество психосемантических и нейролингвистических экспериментов, эмпирически подтвердивших более быстрое и точное восприятие ЗИ слов, предъявляемых аудиально. Было показано (Revill et al., 2014), что носители английского языка выбирали соответствующие значения незнакомых иностранных ЗИ слов. Носители японского языка ассоциировали размер предмета с качеством согласного: глухие согласные ассоциировались с маленькими, звонкие согласные с большими предметами (Itagaki et al., 2019). Схожие результаты показало исследование К. Синохары и С. Кавахары (Shinohara, Kawahara, 2010), в котором носители разных языков ассоциировали размер предмета с качеством согласных и гласных в не-словах. Результаты этих исследований подтверждают, что звукоизобразительность является языковой универсалией.

Исследования визуального восприятия ЗИ более редки (Monaghan, Fletcher, 2019). Однако были получены эмпирические данные о том, что английские ЗИ слова визуально воспринимаются быстрее и точнее, чем их не-ЗИ синонимы, даже при условии прочтения «про себя», а не вслух (Aryani, Jacobs, 2018). Тем не менее в нашем предшествующем психосемантическом эксперименте с использованием «Методики принятия лексического решения» были получены статистически достоверные результаты о том, что ЗИ слова, предъявляемые визуально, опознаются медленнее и с большим количеством ошибок по сравнению с не-ЗИ словами независимо от языка (русский, английский) (Tkacheva et al., 2019). Мы предположили, что выявленная задержка связана с когнитивной сложностью опознания ЗИ слов, с необходимостью обработки не только семантической, но и образной (иконической) информации, что действует дополнительные информационные и энергетические ресурсы. Однако необходимо отметить, что совершенно противоположные данные были получены в исследовании иконичности при распознавании английских слов с использованием «Методики принятия лексического решения». Авторы исследования предположили, что иконические слова имеют особые связи между фонологическими и семантическими признаками, которые облегчают их когнитивную обработку. Поэтому, возможно, распознавание таких слов происходит быстрее и точнее (Sidhu et al., 2020). Чтобы уточнить

полученные данные и яснее понять когнитивные механизмы, лежащие в основе визуального восприятия ЗИ, мы обратились к исследованию восприятия ЗИ слов, находящихся на различных стадиях деиконизации. Стадии деиконизации отражают закономерное историческое развитие любого ЗИ слова в любом языке. Уточним это понятие.

В ходе эволюции языка наблюдается процесс постепенной утраты иконической связи между звучанием ЗИ слова и его значением — деиконизация (Флаксман, 2015; Flaksman, 2013, 2019). Иконичность, как отмечалось выше, — это закономерная, основанная на подобии связь между формой ЗИ слова и его значением. Следовательно, историческое развитие как формы, так и значения ЗИ слова ведет к ослаблению, «стиранию» сходства между фонетическим обликом и денотатом. Фонетический облик слова (его «форма») постепенно изменяется под воздействием регулярных фонетических изменений или фонетических законов, действующих в языке. Процесс заимствования и фонетической адаптации также ускоряет изменение фонетического облика слова. Что касается значения слова, то оно меняется в результате развития полисемии. Метафора и метонимия ведут к значительным семантическим сдвигам, и изначальное значение ЗИ слова со временем «размывается» либо утрачивается совсем. Учет этих двух эволюционных процессов, идущих в языке параллельно, применительно к ЗИ позволяет выделить четыре стадии деиконизации.

Еще одним фактором, который следует учитывать при выделении стадий деиконизации ЗИ лексики, является фактор «системной интеграции», или сокращенно «системности». Исследователи звукоизобразительной лексики сходятся на том, что степень иконичности ЗИ слова (равно как и его универсальность) отрицательно коррелирует со степенью его системной интеграции (см., например: Dingemanse et al., 2015; Hinton et al., 1994; Nuckolls et al., 2016; Thompson, Do, 2019; Voeltz, Kilian-Hatz, 2001; Winter et al., 2017). Под «системностью» исследователи иконичности подразумевают соответствие фонотактическим нормам языка, отсутствие структурных девиаций (таких как редупликация, экспрессивный аблaut и геминация, метатеза и др.), оформленность словообразовательными аффиксами конкретного языка, а также наличие лексических и синтаксических связей с другими словами и членами предложения. Наибольшим числом внесистемных черт обладают звукоподражательные междометия и идеофоны, однако при переходе их в знаменательные части речи количество внесистемных черт резко сокращается (подробное описание процесса см.: Dingemanse et al., 2015). Это явление объясняют тем, что переход идеофонов и звукоподражательных междометий в другие части речи (глаголы, наречия, существительные), их лексикализация, происходящая часто с использованием морфологических средств языка, является переходом от языкового нарратива, от коммуникации внутри языкового коллектива к языку как таковому (по Соссюру). Отсутствие фиксированной формы, «гипервариативность» ЗИ слов является признаком еще несформированной лексической единицы языка (дискуссию по этому вопросу см.: McGregor, 2001; Voeltz, Kilian-Hatz, 2001; Воронин, 2006; Флаксман, 2015).

В таблице 1 представлена разработанная нами классификация ЗИ слов по стадиям их деиконизации в соответствии с параметрами (1) системности, наличия (2) фонетических изменений и (3) семантических сдвигов.

Таблица 1
Классификация ЗИ слов по стадиям деиконизации (Флаксман, 2015)

Параметр/Стадия деиконизации	СД-1	СД-2	СД-3а	СД-3б	СД-4
Системность	–	+	+	+	+
Фонетические изменения	–	–	+	–	+
Значимые семантические сдвиги	–	–	–	+	+

Приведем примеры слов, относящихся ко всем четырем стадиям деиконизации:

Слова на СД-1 — междометия, имеющие ряд внесистемных черт, не разрушенные регулярными фонетическими изменениями и не утратившие своего исходного значения (Флаксман, 2015) — например, рус. *вжух!*

Слова на СД-2 — полнозначные слова, не разрушенные регулярными фонетическими изменениями и сохраняющие «первоначальную» семантику (Там же, с. 126), т.е. не утратившие своего исходного, связанного со звуком значения, — например, рус. *хлопать*.

Слова на СД-3 — полнозначные слова, которые либо подверглись действию регулярных фонетических изменений, но сохранили «первоначальную» семантику (например, англ. *laugh* /la:f/,ср. др.-англ. *hlahhan* «хохотать, смеяться»); либо не были разрушены регулярными фонетическими изменениями, но утратили «первоначальную» семантику (Флаксман, 2015), — напр., рус. *суслик* связано с цслав. *сысати* «шипеть» (Фасмер, 2009). Фонетическая адаптация при заимствовании приравнивается нами к прохождению регулярного фонетического изменения.

Слова на СД-4 — полнозначные слова, подвергшиеся действию регулярных фонетических изменений и утратившие «первоначальную» семантику; их ЗИ происхождение восстанавливается только путем этимологического анализа (Флаксман, 2015). Примером такого слова является *пижон* (заимствование из французского, буквально «голубь»; название птицы во французском языке имеет звукоподражательное значение — см.: Фасмер, 2009).

Таким образом, на любом синхронном срезе параллельно существуют слова на всех четырех стадиях деиконизации — как явные звукоподражательные междометия (СД-1) с максимально выраженной иконической связью между формой и значением, так и слова, чье ЗИ происхождение возможно установить только путем этимологического анализа. Стадия деиконизации ЗИ слов в целом положительно коррелирует с их возрастом: чем «старше» ЗИ слово, тем более вероятно, что его стадия деиконизации будет выше (Флаксман, 2015). В целом исторически слова на СД-1 (как группа) являются наиболее «новыми» в языке, а слова на СД-4 — наиболее старыми. С точки

зрения фоносемантики (направления в лингвистике, изучающего ЗИ лексику) слова на СД-4 являются знаками-символами (по Пирсу и Соссюру) в синхронии, но знаками-иконами — в диахронии. Слова на СД-2 и СД-3 в синхронии — частичными иконами, слова на СД-1 — практически идеальными иконами.

В целом стадия деиконизации ЗИ слова, с нашей точки зрения, является важным параметром, который следует учитывать при проведении любых экспериментов с ЗИ лексикой. Если ЗИ слова являются в разной степени иконичными, использование ЗИ на разных стадиях деиконизации, например в экспериментах по восприятию или освоению ЗИ лексики, должно показать разные результаты, поскольку с точки зрения диахронии слова на разных стадиях деиконизации — это и слова на разных стадиях эволюционного процесса.

Для изучения визуального восприятия ЗИ слов русского языка с учетом стадий деиконизации мы выбрали традиционную для психосемантических исследований «Методику принятия лексического решения» (Lexical Decision Task, LDT), разработанную для определения скорости и точности опознания испытуемыми вербальных стимулов (слова или не-слова), предъявляемых визуально или аудиально в случайном порядке в условиях дефицита времени (Meyer, Schvaneveldt, 1971). В классической процедуре задача испытуемых — указать (обычно нажатием кнопки), является ли представленный стимул словом или нет. Важнейшими анализируемыми параметрами являются как время реакции на предъявленный стимул, так и количество ошибок и опозданий опознания. Время опознания не-слов значительно выше, чем время опознания слов (Ziegler et al., 2001), при этом оно зависит от ряда параметров, таких как количество букв, орфографических соседей, аффиксов и слогов, а также частота базового слова (Yap et al., 2015). На скорость и точность опознания слов также влияет множество показателей. Одним из них является частота слов: высокочастотные слова ($M = 325 \text{ imp}$) распознаются быстрее, чем низкочастотные ($M = 4.4 \text{ imp}$). При этом разница в частоте между этими двумя категориями слов исчисляется сотнями раз (Ratcliff et al., 2004). Кроме того, есть данные, что образность слова также влияет на скорость и точность его опознания (Balota et al., 2006).

Цель данного исследования состоит в уточнении противоречивых результатов предыдущих исследований о визуальном опознании ЗИ слов. Для этого учитывался фактор деиконизации. Основываясь на теоретических положениях, изложенных выше, мы выдвигаем следующие гипотезы:

- 1) ЗИ слова, находящиеся на разных стадиях деиконизации, различаются по точности, скорости и количеству ошибок опознания;
- 2) ЗИ слова воспринимаются иначе, чем не-ЗИ слова, в характеристиках скорости, точности и количества ошибок опознания;
- 3) между ЗИ словами на СД-1 и не-словами существует большее сходство в показателях точности, скорости и количестве ошибок опознания, чем между ЗИ словами на поздних стадиях деиконизации;
- 4) между ЗИ словами на СД-4 и не-ЗИ словами существует большее сходство в показателях точности, скорости и количестве ошибок опознания, чем между ЗИ словами на ранних стадиях деиконизации.

Материал и методы исследования

Первым этапом исследования стали отбор, создание и валидизация стимульного материала. ЗИ лексика отбиралась методом сплошной выборки из словарей и словников (Колева-Златева, 2008; Фасмер, 2009; Шляхова, 2004). В состав выборки вошли слова, относящиеся к основным группам ЗИ, а также слова, ЗИ статус которых был установлен методом фоносемантического анализа (Воронин, 1990). Таким образом были отобраны 1031 ЗИ слово, среди них звукоподражательные (*визг, шаркать, шлеп, писк*) и звукосимволические слова (*кхе-кхе, чмок, мялмить*). В состав выборки вошли исконные (*фыркать, свист, пищать, кулик*) и заимствованные ЗИ слова (*пижон, клише, помпа, варвар*). Из выборки исключались диалектные и вышедшие из употребления ЗИ слова. В результате на начальном этапе было отобрано 487 ЗИ слов. Затем методом диахронической оценки (Флаксман, 2015) отобранные ЗИ слова подразделялись на четыре группы в соответствии с их стадиями деиконизации.

Средняя частота целевых стимулов рассчитывалась с использованием показателя общей частоты, т.е. числа словоупотреблений на миллион слов Национального корпуса русского языка, по «Новому частотному словарю русской лексики» (НЧСРЛ), основанному на жанрово-сбалансированном подкорпусе Национального корпуса русского языка объемом в 92 млн графических слов (Ляшевская, Шаров, 2009). В список ЗИ стимулов вошли слова со следующими показателями: для СД-1 – от 0.4 imp до 11.1 imp, $M = 2.8$ imp; для СД-2 – от 0.6 imp до 16.0 imp, $M = 5.3$ imp; для СД-3 – от 0.8 imp до 11.7 imp, $M = 4.2$ imp; для СД-4 – от 0.5 imp до 13.6 imp, $M = 6.1$ imp. Таким образом, подавляющее большинство ЗИ слов являются редкими, по терминологии О.В. Блиновой (Блинова, 2019).

Отбор контрольных не-ЗИ стимулов производился с учетом принципа гомоморфности: отбирались только односложные слова, поскольку все ЗИ стимулы являются односложными. По частеречному признаку в число не-ЗИ стимулов вошли только существительные, так как большинство ЗИ стимулов являются существительными за исключением междометий в группе слов с явной ЗИ (СД-1). Междометия в корпусе не-ЗИ стимулов не включались, поскольку они являются языковыми знаками на ранней стадии их формирования и отличаются ЗИ и эмотивностью (Шкапенко, 2016). Кроме того, не-ЗИ слова для стимульного материала отбирались с учетом общей частоты. Как показал корпус экспериментального материала, частота слова обратно пропорциональна степени его ЗИ, т.е. не-ЗИ слова более частотны, чем ЗИ. Поэтому в корпусе контрольных стимулов мы старались исключить высокочастотные леммы и максимально приблизить средний показатель общей частоты не-ЗИ стимулов (от 0.4 imp до 18.3 imp, $M = 6.2$ imp, 75% с $\text{imp} < 7$ imp) к этому показателю для ЗИ стимулов (от 0.4 imp до 16.0 imp, $M = 4.6$ imp, 81% с $\text{imp} < 7$). Таким образом, корпус целевых стимулов состоит из редких слов с $M < 7$ imp (Laznicka, Janda, 2019).

Не-слова конструировались с опорой на принципы фонотактики русского языка, т.е. с учетом закономерностей дистрибуции фонем в различных позициях

в слове. Мы опирались на фонемный состав экспериментальных стимулов, в частности, мы принимали во внимание способ образования и глухость/звонкость согласных сегментов, например, экспериментальному звукоизобразительному стимулу «бах» (ЗИ1) соответствует не-слово «геш»: звонкий взрывной+гласный+щелевой. При составлении не-слов мы ориентировались на произношение, так как зрительное восприятие слова завершается его узнаванием и пониманием, для чего необходимо воссоздать слухо-моторный образ графического слова (Фоломкина, 1980). В орфографии использовались как звонкие, так и глухие согласные в конце слова. Таким образом, не-слова соответствуют экспериментальным ЗИ и не-ЗИ стимулам в отношении фонемной структуры и подразделяются на пять групп. Список всех целевых стимулов представлен в таблице 2, где ЗИ1, ..., ЗИ4 – типы ЗИ слов.

В психосемантическом эксперименте приняли участие 106 испытуемых, 35 мужчин, 71 женщина, в возрасте от 18 до 50 лет. Процедура исследования проходила по схеме классической «Методики принятия лексического решения». Испытуемому на экране монитора предъявлялись стимулы трех типов: ЗИ слова, распределенные на 4 группы в соответствии со стадиями деиконизации (32 слова – по 8 из каждой группы), не-ЗИ слова (32), не-слова (64) в случайном порядке. Задача испытуемого – опознать предъявленный стимул как слово или не-слово нажатием клавиши, соответствующей типу стимула. Время на опознание – до 1000 мс. Фиксируемые показатели: время опознания, количество ошибок опознания, количество опозданий. Экспериментальной сессии предшествовала тренировочная, во время которой предъявлялись 10 слов и 10 не-слов в случайном порядке.

Таблица 2
Список стимулов для психосемантического эксперимента

Тип ЗИ		Стимулы	
		слова	не-слова
Явные ЗИ-слова	ЗИ1	бах, цыц, трах, тьфу, фу, хлоп, чмок, ша	геш, чич, пруш, пфо, сы, флек, цнуц, щу
	ЗИ2	вой, гул, лязг, писк, тик, храп, чих, щелк	жей, дыл, ласп, кифт, пеб, фрат, чоф, шелт
Стертые ЗИ-слова	ЗИ3	жуκ, зуд, клест, мопс, пух, хряκ, чиж, шмель	зап, вут, тлиск, накс, пус, шрет, цуф, смуль
	ЗИ4	ланч, гусь, дрозд, клок, хрыч, поп, путч, пух	лонц, дась, граст, клут, фруч, кып, катч, каф
не-ЗИ слова		бег, вар, воск, галл, гад, грозь, даль, дерн, дубль, кал, жар, жезл, лом, лоск, люд, месть, мол, паз, рань, рать, рейд, рябь, сан, свод, сень, сук, сыпь, таз, трость, фавн, шест, шах	дег, зур, зеск, гил, дюб, друск, гыль, гирм, габль, тил, зер, вазл, лум, лефт, лупь, нусть, нел, тав, румь, ропь, райп, рить, шун, свеп, шинь, шуп, хапь, пыс, присть, хивн, шуск, сыв

Результаты

Анализ данных производился с использованием программы IBM SPSS Statistics 26. Каждому испытуемому было предъявлено 64 целевых слова-стимула, соответственно, всем испытуемым было предъявлено 6784 стимулов. Распределение количества предъявленных стимулов по типам представлено в таблице 3, где ЗИ1, ..., ЗИ4 – типы ЗИ слов.

В таблице 4 представлены распределения правильных реакций (верно) и ошибок/опозданий для ЗИ и не-ЗИ слов, а также для не-слов.

Различия в точности опознания между ЗИ и не-ЗИ стимулами статистически не достоверны ($\chi^2 = 3.539$; $df = 2$; $p = 0.170$). Эффект проверялся в отношении каждого из 4 типов ЗИ-стимулов. Для групп ЗИ1 ($\chi^2 = 26.001$; $df = 2$; $p < 0.001$) и ЗИ3 ($\chi^2 = 6.672$; $df = 2$; $p < 0.036$), эффект оказался статистически достоверным: точность для ЗИ слов ниже, чем для не-ЗИ слов. Для ЗИ2 результат тоже статистически достоверен ($\chi^2 = 28.953$; $df = 2$; $p < 0.0001$), но

Таблица 3
Распределение предъявленных целевых слов-стимулов по типам

Тип стимула	Не-ЗИ слово	ЗИ1	ЗИ2	ЗИ3	ЗИ4	Всего
Количество	3392	848	848	848	848	6784
Процент	50.0	12.5	12.5	12.5	12.5	100.0

Таблица 4
Таблица сопряженности «Стимул» × «Точность распознавания» × «Тип стимула»

Параметры опознания			Точность				
			опоздание	верно	ошибка		
Параметр	НЕ-ЗИ слово	Количество	83	2834	475	3392	
		%	2.4%	83.5%	14.0%	100.0%	
	НЕ-слово	Количество	157	6089	538	6784	
		%	2.3%	89.8%	7.9%	100.0%	
	ЗИ1	Количество	28	645	175	848	
		%	3.3%	76.1%	20.6%	100.0%	
	ЗИ2	Количество	11	771	66	848	
		%	1.3%	90.9%	7.8%	100.0%	
	ЗИ3	Количество	16	685	147	848	
		%	1.9%	80.8%	17.3%	100.0%	
	ЗИ4	Количество	22	685	141	848	
		%	2.6%	80.8%	16.6%	100.0%	
Всего		Количество	317	11709	1542	13568	
		%	2.3%	86.3%	11.4%	100.0%	

точность ЗИ2 выше. Для выборки ЗИ4 результат статистически недостоверен ($\chi^2 = 3.902$; $df = 2$; $p = 0.142$).

В целом ЗИ-стимулы различаются статистически достоверно по точности их опознания ($\chi^2 = 69.842$; $df = 6$; $p < 0.001$): наиболее точно опознаются ЗИ2 (90.9%), а наименее – ЗИ1 (76.1%). ЗИ3 и ЗИ4 опознаются одинаково точно (80.8%).

Дополнительно сравнивалась точность опознания не-слов с точностью опознания ЗИ и не-ЗИ слов. Точность опознания не-ЗИ слов ниже, чем не-слов ($\chi^2 = 93.883$; $df = 2$; $p < 0.001$). Точность опознания не-слов выше, чем слов ЗИ1 ($\chi^2 = 149.321$; $df = 2$; $p < 0.001$), слов ЗИ3 ($\chi^2 = 81.730$; $df = 2$; $p < 0.001$) и слов ЗИ4 ($\chi^2 = 71.179$; $df = 2$; $p < 0.001$), но статистически достоверно не отличается от точности опознания слов ЗИ2 ($\chi^2 = 3.677$; $df = 2$; $p = 0.159$).

Для сравнения времени реакции опознаний слов сначала для каждого испытуемого подсчитывалось среднее время реакции для ЗИ и не-ЗИ слов, которые были представлены как повторные измерения. При этом учитывались только правильные реакции. Сравнение производилось при помощи критерия t Стьюдента для зависимых выборок: различия статистически недостоверны ($t = 0.888$; $df = 105$; $p = 0.376$). Описательные статистики приведены в таблице 5.

Для проверки влияния типа ЗИ-стимула (Параметр) на время опознания слов проведен 1-факторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (фактор – Параметр, 5 уровней), с зависимой переменной Время (мс). Обнаружен статистически достоверный главный эффект фактора «Параметр» ($F(4; 102) = 10.401$; $p < 0.0001$). Таким образом, различие во времени опознания слов-стимулов статистически достоверно зависит от их типа. Величина эффекта велика, частная $\eta^2 = 0.290$, объясняя 29% дисперсии времени реакции. Средние значения времени опознания слов в зависимости от типа стимула (Параметр) представлены в таблице 6 и на рисунке 1.

Таблица 5
Описательные статистики для времени реакции на ЗИ и не-ЗИ слова

Статистика		Среднее	N	Стд. откл.
Параметр	Время_Не-ЗИ слово	654.5053	106	45.77049
	Время_ЗИ_ср	657.1229	106	49.17308

Таблица 6
Описательные статистики для времени опознания стимулов в зависимости от их типа

Параметр	Среднее	Стд. откл.	N
Не-слова	686.4456	44.77212	106
Не-ЗИ слова	654.5053	45.77049	106
ЗИ1	673.2957	61.05666	106
ЗИ2	652.2496	62.23622	106
ЗИ3	637.1666	57.51051	106
ЗИ4	665.7795	60.29209	106

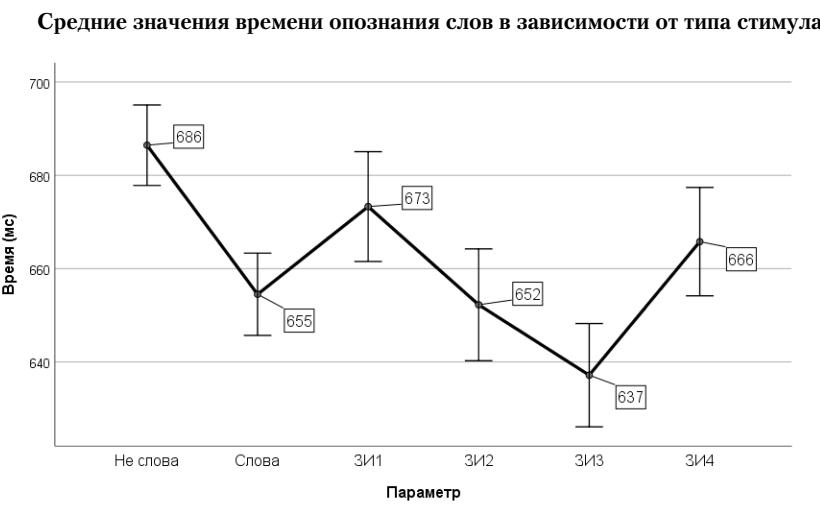
Для уточнения различий времени реакции на ЗИ и не-ЗИ стимулы применялся метод простых контрастов, сравнивающий первый уровень фактора Параметр (Слова) с каждым из последующих уровней. Результаты приведены в таблице 7.

Таким образом, время реакции на ЗИ1 и ЗИ4 статистически значимо выше, чем на не-ЗИ слова, время реакции на ЗИ3 статистически значимо меньше, чем на не-ЗИ слова, а время реакции на ЗИ2 статистически достоверно не отличается от реакции на не-ЗИ слова.

Проводилось сравнение времени реагирования на не-слова со временем реагирования на целевые стимулы. Для определения статистической значимости различий в рамках дисперсионного анализа с повторными измерениями применялся метод простых контрастов, сравнивающий первый уровень фактора (не-слова) с остальными уровнями (5 целевых стимулов). Результаты приведены в таблице 8.

Среднее время реакции на любой целевой стимул статистически достоверно меньше, чем на не-слова. Однако величина эффекта (частная η^2) существенно

Рисунок 1

Примечание. Параметр «Не слова» обозначает не-слова, а параметр «Слова» — не-ЗИ слова.

Таблица 7

Сравнение времени реакции на не-ЗИ стимулы (Слова) и ЗИ стимулы разных типов

Стимулы	SS типа III	df	MS	F	p	Частная η^2
ЗИ1 vs Не-ЗИ слова	38642.286	1	38642.286	14.793	0.000	0.125
ЗИ2 vs Не-ЗИ слова	349.015	1	349.015	0.204	0.653	0.002
ЗИ3 vs Не-ЗИ слова	30593.956	1	30593.956	15.821	0.000	0.132
ЗИ4 vs Не-ЗИ слова	12677.769	1	12677.769	5.425	0.022	0.050

различается: наибольшая величина эффекта — в отношении не-ЗИ слов, ЗИ3 и ЗИ2 (более 30% дисперсии), наименьшая — в отношении стимулов ЗИ1 (5% дисперсии) и ЗИ4 (11.6% дисперсии).

Дополнительно сравнивалось реагирование на ЗИ-слова «ланч», «путч», «пуф» (далее группа «Заимствованные») из группы ЗИ4 с реагированием на остальные слова этой группы (далее группа ЗИ4). Сравнивалась точность реагирования (таблица 9), различия статистически достоверны ($\chi^2 = 11.943$; $df = 2$; $p = 0.003$)

Точность реагирования на группу «Заимствованные» статистически достоверно ниже, чем на остальные слова группы ЗИ4, за счет большего количества ошибок. Сравнивалось среднее время реагирования на слова из группы «Заимствованные» и на остальные слова типа ЗИ4 с применением критерия t Стьюдента для независимых выборок (таблица 10): различия статистически

Таблица 8
Сравнение времени реакции на не-слова и целевые стимулы

Стимулы	SS типа III	df	MS	F	p	Частная η^2
Не-слова vs не-ЗИ слова	108139.124	1	108139.124	70.922	0.000	0.403
Не-слова vs ЗИ1	18329.416	1	18329.416	5.475	0.021	0.050
Не-слова vs ЗИ2	123952.707	1	123952.707	46.091	0.000	0.305
Не-слова vs ЗИ3	257412.860	1	257412.860	99.528	0.000	0.487
Не-слова vs ЗИ4	45271.328	1	45271.328	13.844	0.000	0.116

Таблица 9
Сравнение точности реагирования на группу «Заимствованные» и остальные слова ЗИ4

Параметры		Точность			Всего
		Опоздал	Верно	Ошибка	
ЗИ4	Количество	14	446	70	530
	%	2.6%	84.2%	13.2%	100.0%
Заимствованные	Количество	8	239	71	318
	%	2.5%	75.2%	22.3%	100.0%
Всего	Количество	22	685	141	848
	%	2.6%	80.8%	16.6%	100.0%

Таблица 10
Сравнение времени реагирования на группу «Заимствованные» и остальные слова ЗИ4

	N	Среднее	Стд. откл.
ЗИ4	446	655.88	107.244
Заимствованные	239	685.26	105.946

достоверны ($t = 3.431$; $df = 683$; $p = 0.001$). Время реагирования на стимулы группы «Заимствованные» статистически достоверно больше, чем на остальные стимулы из группы ЗИ4.

Дискуссия

В нашем предыдущем исследовании, проведенном также с помощью «Методики принятия лексического решения», были получены статистически достоверные данные, свидетельствующие о значимой временной задержке в визуальном опознании ЗИ слов по сравнению с не-ЗИ словами. Это предположительно связано с когнитивной сложностью одновременной обработки семантической и иконической информации (Tkacheva et al., 2019). Отбирая стимульный материал для первого исследования, мы не принимали во внимание стадии деиконизации ЗИ слов, что явилось вмешивающейся неконтролируемой переменной, повлиявшей на результаты исследования.

На нынешнем этапе исследования, учитывая влияние стадий деиконизации ЗИ слов на точность их визуального опознания в сравнении с не-ЗИ словами и не-словами (см. таблицу 4), оказалось, что наиболее точно и с наименьшим количеством ошибок опознавались ЗИ слова на СД-2 и не-слова, в то время как наименее точно и с наибольшим количеством ошибок опознавались ЗИ слова на СД-1. При этом наиболее быстро (см. рисунок 1) опознавались ЗИ слова на СД-3, затем не-ЗИ слова и ЗИ слова на СД-2, затем ЗИ слова на СД-4 и СД-1, медленнее всего опознавались не-слова. Данные результаты подтверждают гипотезы 1 и 2 о том, что ЗИ слова на разных стадиях деиконизации различаются по точности и скорости опознания и что деиконизированные слова воспринимаются иначе, чем не-ЗИ слова.

Полученные результаты также экспериментально подтверждают выводы М. Дингеманса (Dingemanse et al., 2015) о существенном разрыве «внесистемных» и «интегрированных» ЗИ слов. Напомним, что при проведении классификации по стадиям деиконизации параметр «системность» разделял ЗИ слова на СД-1 и ЗИ слова на более поздних стадиях деиконизации. «Внесистемные» слова (ЗИ на СД-1) (группа ЗИ1), которые отличаются наиболее «явной» ЗИ и обладают как повышенной экспрессивностью, так и ограниченной лексической и синтаксической сочетаемостью, значительно отличаются от остальных ЗИ, что сказывается на скорости и точности их восприятия испытуемыми. Изначально будучи (по параметру «системности») самой обособленной из изучаемых групп ЗИ слов, они и опознаются наименее точно и наиболее медленно. Скорость их опознания приближается к скорости опознания не-слов и статистически достоверно отличается от скорости опознания ЗИ слов на СД-2 и СД-3 и не-ЗИ слов.

ЗИ слова на СД-1 воспринимаются по-иному не только благодаря своей внесистемности. По-видимому, их неполное включение в систему языка сказывается и на неполном включении их в привычную знаково-символическую систему, автоматизируемую в процессе усвоения устного и письменного языка. Доказано, что успешность узнавания слов во многом зависит от лингвистического опыта

реципиента (Kazanina et al., 2006). Вероятно, являясь базовым, архаическим, механизм иконического словосоздания оказывается задействованным там, где у носителя языка этого нет. Имеются в виду такие ситуации, где наиболее активно происходит процесс нового языкового творчества — там, где требуется создание (или усвоение) принципиально нового лексического материала. Непосредственная имитация звука может быть необходима в экспрессивной речи (например, в сленге (Кузьмич, 1993), в комиксах (Taylor, 2007), в вымышленных языках (Davydova, 2016) или в некоторых жанрах поэзии, особенно адресованной к детям (Иванова, 1990). Новое, звукоизобразительное словотворчество отмечается также на ранних этапах развития речи ребенка (Imai, Kita, 2014; Mauger et al., 2006).

Процесс фиксации слов группы СД-1 в лексиконе только начинается, лишь небольшая доля ЗИ слов оказывается зафиксированной в академических словарях, тогда как специализированные словари ЗИ (см.: Havlik, 1981; Taylor, 2007) насчитывают тысячи ЗИ междометий, многие из которых могут со временем войти в словарный состав языка. Полученные данные подтверждают гипотезы 2 и 3 об их «пограничном» положении в знаково-символической системе языка, а также об их принципиальном отличии от остальных слов (см. рисунок 1). Таким образом, можно констатировать, что группа ЗИ1 включает наиболее «яркие» ЗИ слова, «инородные» элементы языковой системы.

Группы ЗИ2 и ЗИ3 опознавались значительно быстрее и с меньшим количеством ошибок, чем ЗИ1 (см. рисунок 1), что подтверждает нашу гипотезу 1 о том, что стадия деиконизации может влиять на параметры опознания. Следует подчеркнуть, что отчасти конвенциализированные ЗИ слова на СД-2 и СД-3 отличаются от неизменяемых слов на СД-1 тем, что имеют типичную для обычных (не-ЗИ) слов морфологическую оформленность, выявляемую при их функционировании в предложении. При снятии «системного» фильтра (который замедлял восприятие группы ЗИ1) возрастает не только частотность слов на СД-2 (и далее на СД-3), но и скорость их восприятия даже по сравнению со скоростью восприятия не-ЗИ слов и близких к ним слов на СД-4, полностью ассимилированных языком и утративших первоначальный мотив номинации (см. рисунок 1). Из всех целевых стимулов быстрее всего опознаются слова на СД-3, которые, сохранив образность семантики, уже прочно закрепились в языковой системе. Группа слов на СД-2 опознавалась испытуемыми наиболее точно. Вероятно, острое восприятие иконичности этих слов связано с кросс-модальностью их восприятия (Parise, 2016). В широком смысле это можно определить как существование связи между двумя или более признаками или измерениями из различных сенсорных модальностей (Spence, 2011), в нашем случае между морфологической структурой слова и его иконичностью. Однако следует с осторожностью проводить параллели между кросс-модальностью и визуальным восприятием ЗИ. Несмотря на то что ЗИ слова являются многомерными стимулами, звуковая символика, воспринимаемая визуально, должна рассматриваться как явление, отдельное от кросс-модальных соответствий, хотя и родственное им. Механизмы, используемые для

объяснения кросс-модальных соответствий, могут помочь в понимании когнитивных механизмов визуального восприятия ЗИ слов. Так, например, известно, что компонентные признаки фонем существуют с соответствующими стимулами в окружающей среде, это может использоваться для объяснения некоторых звуковых символических ассоциаций (Rabaglia et al., 2016).

Что касается слов на последней стадии деиконизации (группа ЗИ4), ожидалось, что, утратив иконическую связь между своим фонетическим обликом и значением, они будут восприниматься так же быстро и точно, как не-ЗИ слова, как сформулировано в гипотезе 4. Более того, поскольку средний показатель общей частоты для слов этой группы даже выше, чем для не-ЗИ слов, скорость и точность их восприятия могла бы стать рекордной среди всех целевых стимулов. Однако анализ средних значений времени опознания слов в зависимости от типа ЗИ стимула (см. рисунок 1) показал, что ЗИ слова на СД-4, которые обладают типичной фонетической и морфологической структурой, а также не ограничены синтаксически, опознавались почти столь же медленно, как и слова группы ЗИ1, и статистически медленнее, чем не-ЗИ слова. Поиск причин этого явления обнаружил, что из отобранных 8 слов-стимулов этой группы 3 (ланч, путч, пух — 37,5%) являются заимствованными из английского языка. Это, по-видимому, повлияло на то, что заимствованные слова опознавались значительно медленнее и с большим количеством ошибок, чем другие слова группы 4 (см. таблицы 9 и 10), что, в свою очередь, сказалось на средних показателях скорости и точности опознания всей группы СД-4.

Отдельного внимания заслуживают не-слова. Будучи сконструированы в полном соответствии как с правилами фонотактики русского языка, так и с фонемным составом целевых стимулов, они отличаются от слов только отсутствием значения. Это их сближает со словами на СД-1, которые также еще не принадлежат системе языка. Однако были получены весьма неожиданные результаты, противоречащие гипотезе 3. Оказалось, что, несмотря на самую медленную скорость опознания не-слов, они опознавались столь же точно, как и ЗИ слова на СД-2, при этом количество ошибок опознания было незначительным. Для интерпретации этих результатов необходимо обратиться к когнитивным моделям, объясняющим визуальное восприятие слов через узнавание букв (Sibley et al., 2008). В рамках этих моделей предполагается существование механизма орфографической детекции (Rao, Ballard, 1999), срабатывающего тогда, когда сенсорные сигналы, в нашем случае не-слова, нарушают лексические ожидания. Тогда сигнал ошибки предсказания генерируется и распространяется вверх по восходящим путям в иерархически высшие зоны коры головного мозга (Todorovic et al., 2011), где он используется для обновления модели предсказания и таким образом оптимизирует будущие прогнозы, влияя на точность предсказания. Также было показано, что ошибка орфографического предсказания срабатывает примерно через 200 мс после начала визуального предъявления слова в затылочной коре, что объясняет столь медленную скорость опознания не-слов (Gagl et al., 2020).

В нашем исследовании впервые изучалось визуальное восприятие ЗИ слов в зависимости от стадий деиконизации. Получен результат о том, что визуально ЗИ воспринимается медленнее, если слово принадлежит к СД-1 и его морфологическая структура нетипична, в то время как при типичной морфологии (слова на СД-2 и выше) ЗИ слова воспринимаются статистически значимо быстрее, чем не-ЗИ слова (которые так же, как и слова «поздних» стадий деиконизации, не обладают синтаксическими ограничениями). Это подтверждает идею о роли ЗИ в облегчении восприятия информации и, соответственно, перспективности использования ЗИ слов в технологиях развития речи.

Заключение

Получены эмпирические результаты, подтверждающие существование групп ЗИ слов, различающихся по стадиям деиконизации. Было обнаружено взаимовлияние степени деиконизации и морфологической структуры ЗИ слов на параметры скорости и точности их визуального опознания. Обнаружилось, что слова, обладающие явной ЗИ и нетипичной морфологической структурой, характеризующиеся отсутствием системы грамматических категорий, таких как число, род, падеж, опознаются медленнее и с большим количеством ошибок. В то время как слова, обладающие заметной ЗИ и типичной морфологической структурой, т.е. всеми признаками знаменательных частей речи, опознаются быстрее и точнее, чем другие слова. Полученные данные приближают нас к лучшему пониманию когнитивных механизмов восприятия ЗИ и места ЗИ в знаково-символической системе языка, а также свидетельствуют в пользу перспективности включения ЗИ слов в технологии развития речи и изучения языка. Следующим этапом исследования станет изучение нейронных механизмов восприятия ЗИ слов различной степени деиконизации с использованием ЭЭГ.

Литература

- Блинова, О. В. (2019). Низкочастотные слова в русском языке и подходы к моделированию общезыковой частотности. *Социо- и психолингвистические исследования*, 7, 7–13.
- Браудо, Т. Е., Бобылова, М. Ю., Казакова, М. В. (2017). Онтогенез речевого развития. *Русский журнал детской неврологии*, 12(1), 41–46. <https://doi.org/10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46>
- Воронин, С. В. (1990). О методе фоносемантического анализа. В кн. Р. Б. Лебедева, М. Н. Кострикин, И. Ф. Шамара (ред.), *Лингвометодические аспекты семантики и pragmatики текста* (с. 98–100). Курск: КГПУ.
- Воронин, С. В. (2006). *Основы фоносемантики*. М.: ЛЕНАНД.
- Иванова, М. В. (1990). *Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке* [Кандидатская диссертация, Ленинградский государственный университет].
- Колева-Златева, Ж. (2008). Славянская лексика звукосимволического происхождения: проблемы этимологизации. *Studia Slavica*, 53(2), 381–395. <https://doi.org/10.1556/SSlav.53.2008.2.12>

- Крейдлин, Г. Е. (2002). *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. М.: НЛО.
- Кузьмич, И. В. (1993). *Звукоизобразительная лексика американского сленга: фоносемантический анализ* [Кандидатская диссертация, Санкт-Петербургский государственный университет].
- Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник. <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Седелькина, Ю. Г. (2006). *Использование фоносемантических лексических комплексов в обучении иноязычной речи (на материале английского языка)* [Кандидатская диссертация, Санкт-Петербургский государственный университет].
- Фасмер, М. (2009). *Этимологический словарь русского языка*. М.: Астрель; АСТ.
- Флаксман, М. А. (2015). *Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка* [Кандидатская диссертация, Санкт-Петербургский государственный университет].
- Фоломкина, С. К. (1980). *Обучение чтению (текст лекций по курсу «Методика преподавания иностранных языков»)*. М.: МГПИИЯ.
- Шестакова, О. В. (2019). Этимологический фоносемантический анализ как способ усвоения иностранной лексики. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики*, 4, 132–140.
- Шкапенко, Т. М. (2016). К проблеме определения знакового статуса междометия. *Вестник Марийского государственного университета*, 10(4(24)), 107–111.
- Шляхова, С. С. (2004). *«Дребезги» языка: словарь русских фоносемантических аномалий*. Пермь: Изд-во Пермского государственного педагогического университета.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Aryani, A., & Jacobs, A. M. (2018). Affective congruence between sound and meaning of words facilitates semantic decision. *Behavioral Science*, 8, 56. <http://doi.org/10.3390/bs8060056>
- Asano, M., Imai, M., Kita, S., Kitajo, K., Okada, H., & Thierry, G. (2015). Sound symbolism scaffolds language development in preverbal infants. *Cortex*, 63, 196–205. <http://doi.org/10.1016/j.cortex.2014.08.025>
- Balota, D., Yap, M. J., & Cortese, M. J. (2006). Visual word recognition: The journey from features to meaning (A travel update). In M. Traxler & M. A. Gernsbacher (Eds.), *Handbook of psycholinguistics* (2nd ed., pp. 285–375). Amsterdam: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-369374-7.X5000-7>
- Blinova, O. V. (2019). Russian low-frequency words and approaches to modeling general language frequency. *Sotsio- i Psicholingvisticheskie Issledovaniya*, 7, 7–13. (in Russian)
- Braudo, T. E., Bobylova, M. Yu., & Kazakova, M. V. (2017). The ontogenesis of speech development. *Russkii Zhurnal Detskoj Nevrologii [Russian Journal of Child Neurology]*, 12(1), 41–46. <https://doi.org/10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46> (in Russian)
- Davydova, V. A. (2016). *Sound symbolism in invented languages* [Paper presentation]. In M. A. Flaksman & O. I. Brodovich (Eds.), *Anglistics of the XXI century: Vol. 2. Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary* (pp. 32–39). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Dingemanse, M., Blasi, D. E., Lupyan, G., Christiansen, M. H., & Monaghan, P. (2015). Arbitrariness, iconicity, and systematicity in language. *Trends in Cognitive Sciences*, 19(10), 603–615. <http://doi.org/10.1016/j.tics.2015.07.013>

- Fasmer, M. (2009). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow: Astrel'; AST.
- Flaksman, M. A. (2013). *Preservation of long vowels in onomatopoeic words denoting pure tones: phonosemantic inertia* [Paper presentation]. In *17th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky, Indo-European Linguistics and Classical Philology* (pp. 917–923). Saint Petersburg: Nauka.
- Flaksman, M. A. (2015). *Diakhronicheskoe razvitiye zvukoizobrazitel'noi leksiki angliiskogo yazyka* [Diachronic development of sound imitative vocabulary of English language] [PhD dissertation, Saint Petersburg State University].
- Flaksman, M. A. (2019). From IE *ue- to English *window*: on the number and age of imitative words in the language. In *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XXIII (readings in memory of I.M. Tronsky)* (Pt. 2, pp. 1066–1076). Saint Petersburg: Nauka. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152379>
- Folomkina, S. K. (1980). *Obuchenie chteniyu (tekst lektsii po kursu "Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov")* [Teaching to read (lecture from the course "Methods of teaching foreign languages")]. Moscow: MGPIYa.
- Gagl, B., Sassenhagen, J., Haan, S., Gregorova, K., Richlan, F., & Fiebach, C. J. (2020). Visual word recognition relies on an orthographic prediction error signal. *NeuroImage*, 214, 116727. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.116727>
- Havlik, E. (1981). *Lexicon der Onomatopoen. Die lautimitirenden Wörter im Comic* [Lexicon of onomatopoeia. Sound imitative words in comics]. Frankfurt am Main: Fricke.
- Hinton, L., Nichols, J., & Ohala, J. J. (1994). Introduction. In L. Hinton, J. Nichols & J. J. Ohala (Eds.), *Sound symbolism* (pp. 1–12). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751806>
- Imai, M., & Kita, S. (2014). The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution. *Philosophical Transactions of Royal Society B*, 369(1651), 20130298. <http://doi.org/10.1098/rstb.2013.0298>
- Imai, M., Kita, S., Nagumo, M., & Okada, H. (2008). Sound symbolism facilitates early verb learning. *Cognition*, 109(1), 54–65. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.07.015>
- Itagaki, S., Murai, S., & Kobayasi, K. I. (2019). Brain activity related to sound symbolism: Cross-modal effect of an aurally presented phoneme on judgment of size. *Scientific Reports*, 9, 7017. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-43457-3>
- Ivanova, M. V. (1990). *Zvukoizobrazitel'naya leksika v angloyazychnoi detskoj skazke* [Sound-imitative vocabulary in English children's fairy-tale] [PhD dissertation, Leningrad State University].
- Kazanina, N., Phillips, C., & Idsardi, W. (2006). The influence of meaning on the perception of speech sounds. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 103(30), 11381–11386. <https://doi.org/10.1073/pnas.0604821103>
- Koleva-Zlateva, Zh. (2008). Slavyanskaya leksika zvukosimvolicheskogo proiskhozhdeniya: problemy etimologizatsii [Slavic vocabulary of sound-symbolic origins: issues of etymologization]. *Studia Slavica*, 53(2), 381–395. <https://doi.org/10.1556/SSlav.53.2008.2.12>
- Kreidlin, G. E. (2002). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: NLO.
- Kuz'mich, I. V. (1993). *Zvukoizobrazitel'naya leksika amerikanskogo slenga: fonosemanticheskii analiz* [Sound imitative vocabulary of American slang: a phonosemantic analysis] [PhD dissertation, Saint Petersburg State University].
- Laing, C. E. (2014). A phonological analysis of onomatopoeia in early word production. *First Language*, 34(5), 387–405. <http://doi.org/10.1177/0142723714550110>

- Laznicka, M., & Janda, V. (2019, August 6–11). *Grammatical profiling of Czech nouns: What do cases tell us about nouns' meanings* [Paper presentation]. The 15th International Cognitive Linguistics Conference (ICLC-15), Kwansei Gakuin University, Nishinomiya, Japan. https://iclc2019.site/wp-content/uploads/abstracts/corpus/ICLC-15_paper_688.pdf
- Lockwood, G., Dingemanse, M., & Hagoort, P. (2016). Sound-Symbolism boosts novel word learning. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 42(8), 1274–1281. <https://doi.org/10.1037/xlm0000235>
- Lockwood, G., & Tuomainen, J. (2015). Ideophones in Japanese modulate the P2 and late positive complex responses. *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00933>
- Lyashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennoj russkoj yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The frequency dictionary of contemporary Russian language (on the basis of the National corpus of Russian language)]. Moscow: Azbukovnik. <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Maurer, D., Pathman T., & Mondloch, C. J. (2006). The shape of boubas: sound-shape correspondences in toddlers and adults. *Developmental Science*, 9, 316–322. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2006.00495.x>
- McGregor, W. (2001). Ideophones as the source of verbs in Northern Australian languages. In F. E. Voeltz & Ch. Kilian-Hatz (Eds.), *Ideophones: Vol. 44. Typological studies in language* (pp. 205–222). Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/tsl.44>
- Meyer, D. E., & Schvaneveldt, R. W. (1971). Facilitation in recognizing pairs of words: Evidence of a dependence between retrieval operations. *Journal of Experimental Psychology*, 90(2), 227–234. <https://doi.org/10.1037/h0031564>
- Monaghan, P., & Fletcher, M. (2019). Do sound symbolism effects for written words relate to individual phonemes or to phoneme features? *Language and Cognition*, 11(2), 235–255. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.20>
- Nuckolls, J. B., Stanley, J. A., Nielsen E., & Hopper, R. (2016). The systematic stretching and contracting of ideophonic phonology in Pastaza Quichua. *International Journal of American Linguistics*, 82(1), 95–116. <https://doi.org/10.1086/684425>
- Parise, C. V. (2016). Crossmodal correspondences: Standing issues and experimental guidelines. *Multisensory Research*, 29, 7–28. <https://doi.org/10.1163/22134808-00002502>
- Perniss, P., & Vigliocco, G. (2014). The bridge of iconicity: from a world of experience to the experience of language. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B. Biological sciences*, 369(1651), 20130300. <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0300>
- Perry, L. K., Perlman, M., & Lupyan, G. (2015). Iconicity in English and Spanish and its relation to lexical category and age of acquisition. *PLoS ONE*, 10(9). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0137147>
- Rabaglia, C. D., Maglio, S. J., Krehm, M., Seok, J. H., & Trope, Y. (2016). The sound of distance. *Cognition*, 152, 141–149. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2016.04.001>
- Rao, R. P. N., & Ballard, D. H. (1999). Predictive coding in the visual cortex: a functional interpretation of some extra-classical receptive-field effects. *Nature Neuroscience*, 2(1), 79–87. <https://doi.org/10.1038/4580>
- Ratcliff, R., Gomez, P., & McKoon, G. (2004). A diffusion model account of the lexical decision task. *Psychological Review*, 111(1), 159–182. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.111.1.159>
- Revill, K. P., Namy, L. L., DeFife, L. C., & Nygaard, L. C. (2014). Cross-linguistic sound symbolism and crossmodal correspondence: Evidence from fMRI and DTI. *Brain and Language*, 128(1), 18–24. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2013.11.002>
- Sedyolkina, Yu. G. (2006). *Ispolzovanie fonosemanticheskikh leksicheskikh kompleksov v obuchenii inoyazychnoi rechi (na materiale anglijskogo yazyka)* [Usage of phonosemantic lexical complexes in

- teaching a foreign language (on the material of English language)] [PhD dissertation, Saint Petersburg State University].
- Shestakova, O. V. (2019). Ethymological phonosemantic analysis as a method of learning foreign vocabulary. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznanija i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]*, 4, 132–140. (in Russian)
- Shinohara, K., & Kawahara, S. (2010). A cross-linguistic study of sound symbolism: The images of size. *Proceedings of the 36th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. <https://doi.org/10.3765/bls.v36i1.3926>
- Shkapenko, T. M. (2016). On the definition of interjection as linguistic sign. *Vestnik Mariiskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Vestnik of the Mari State University]*, 10(4(24)), 107–111. (in Russian)
- Shlyakhova, S. S. (2004). “*Drebezgi*” yazyka: slovar’ russkikh fonosemanticeskikh anomalii [“Shatters” of language: the dictionary of Russian phonosemantic anomalies]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.
- Sibley, D. E., Kello, C. T., Plaut, D. C., & Elman, J. L. (2008). Large-scale modeling of wordform learning and representation. *Cognitive Science*, 32(4), 741–754. <https://doi.org/10.1080/03640210802066964>
- Sidhu, D. M., & Pexman, P. M. (2018). Five mechanisms of sound symbolic association. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25, 1619–1643. <https://doi.org/10.3758/s13423-017-1361-1>
- Sidhu, D. M., Vigliocco, G., & Pexman, P. (2020). Effects of iconicity in lexical decision. *Language and Cognition*, 12(1), 164–181. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.36>
- Spence, C. (2011). Crossmodal correspondences: A tutorial review. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 73, 971–995. <https://doi.org/10.3758/s13414-010-0073-7>
- Taylor, K. J. (2007). *KA-BOOM! A dictionary of comic book words, symbols and onomatopoeia*. Surrey, BC: Mora Publications.
- Thompson, A. L., & Do, Y. (2019). Unconventional spoken iconicity follows a conventional structure: evidence from demonstrations. *Speech Communication*, 113, 36–46. <https://doi.org/10.1016/J.SPECOM.2019.08.002>
- Tkacheva, L. O., Sedelkina Yu. G., & Nasledov, A. D. (2019). Possible cognitive mechanisms for identifying visually-presented sound-symbolic words. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(1), 188–200. <https://doi.org/10.11621/pir.2019.0114>
- Todorovic, A., van Ede, F., Maris, E., & de Lange, F. P. (2011). Prior expectation mediates neural adaptation to repeated sounds in the auditory cortex: an MEG study. *Journal of Neuroscience*, 31(25), 9118–9123. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.1425-11.2011>
- Voeltz, F. E., & Kilian-Hatz, Ch. (Eds.). (2001). *Ideophones: Vol. 44. Typological studies in language*. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/tsl.44>
- Voronin, S. V. (1990). O metode fonosemanticeskogo analiza [On the method of phonosemantic analysis]. In R. B. Lebedeva, M. N. Kostrigin, & I. F. Shamara (Eds.), *Lingvometodicheskie aspekty semantiki i pragmatiki teksta* [The linguomethodic aspects of semantics and pragmatics of text] (pp. 98–100). Kursk: KGPU.
- Voronin, S. V. (2006). *Osnovy fonosemantiki* [Foundations of phonosemantics]. Moscow: LENAND.
- Winter, B., Perlman, M., Perry, L. K., & Lupyan, G. (2017). Which words are most iconic? Iconicity in English sensory words. *Interaction Studies*, 18(3), 443–464. <https://doi.org/10.1075/is.18.3.07win>
- Yap, M. J., Sibley, D. E., Balota, D. A., Ratcliff, R., & Rueckl, J. (2015). Responding to nonwords in the lexical decision task: Insights from the English Lexicon Project. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*, 41(3), 597–613. <https://doi.org/10.1037/xlm0000064>
- Ziegler, J. C., Jacobs, A. M., & Klüppel, D. (2001). Pseudohomophone effects in lexical decision: still a challenge for current word recognition models. *Journal of Experimental Psychology. Human Perception and Performance*, 27(3), 547–559. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.27.3.547>

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ-РАЗОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ С СОБОЙ ПОСРЕДСТВОМ ДРУГОГО: ПАРАДОКС САМОТОЖДЕСТВА Я

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО^a

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Identification and De-Identification with I Through Other: Paradox of Self-Identity

E.B. Starovoytenko^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

Проблемой данного исследования является обоснование достижения личностью самотождества Я на основе процессов отождествления и разотождествления с собой посредством значимого Другого, в рефлексивном диалоге с ним. При решении проблемы был применен персонологический подход, состоящий в последовательном построении и взаимном преломлении концептуальной, культурно-феноменологической и рефлексивно-диалогической моделей отождествления и разотождествления Я с собой в отношении к Другому. Исследование имеет междисциплинарный характер, основывается на отечественных и зарубежных источниках, релевантных изучению самотождества Я.

Abstract

The research is focused on the problem of personality reaching its self-identity through identification and de-identification with the Self through the significant Other during a reflexive dialog. Personological approach was used to solve this problem, based on consistent creation and mutual refraction of conceptual, cultural-phenomenological and reflexive-diagonal models of identification and de-identification of I with Self in relation to the Other. The research is interdisciplinary in nature, based on domestic and foreign sources relevant to the study of self-identity. The article presents the results of an empirical study conducted with the

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 20-01-010) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации 5-100.

The article was prepared within the framework (project number 18-013-01108) of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100' (2020–2021).

Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного методом рефлексивного интервью, посвященное изучению внутреннего диалога Я – Другой, предметом которого выступило качество респондентов «открытость опыта». Новизна исследования состоит, во-первых, в постановке вопроса о «самотождестве Я» в условиях парадоксально неразрывного единства отождествления-разотождествления с собой как противоположных «актов Я». Во-вторых, психологически осмысливается значение Другого в опосредовании актов отождествления и разотождествления Я с собой в рефлексивном диалоге Я – Другой. В-третьих, в существующее понимание генеза «диалогического Я» привносится идея «структуры измерений» внутреннего диалога Я – Другой, рассматриваемого как динамика отождествления-разотождествления Я с собой. В-четвертых, процессы отождествления и разотождествления с собой и достижение самотождества Я анализируются с точки зрения поиска и раскрытия Я-неизвестного. В-пятых, результатом проведенного эмпирического исследования является определение форм самотождества Я в аспекте качества «открытости опыта», зависящих от выраженности и динамики отождествления-разотождествления Я с собой посредством Другого. К этим формам относятся развивающееся, становящееся, противоречивое, ригидное и регрессирующее самотождество.

Ключевые слова: Я, самотождество Я, отождествление, разотождествление, Другой, диалог, открытость опыта, парадокс, рефлексия, модели, культура, герменевтика, персонология.

Старовойтенко Елена Борисовна – руководитель центра, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: методология психологии, теоретическая психология личности, персонология, психология жизненных отношений личности, культурная психология личности, психология рефлексии.

Контакты: helestas@yandex.ru

method of reflexive interviews and devoted to the research on internal dialogue between the Self and the Other; the subject of the study was the respondents' quality of "openness to experience." The novelty of the study consists, firstly, in raising the issue of self-identity in terms of paradoxically inseparable unity of identification and de-identification with the Self as opposite to self-actions. Secondly, the research offers psychological consideration of the importance of the Other in mediating the acts of identification and de-identification of I with Self during a reflexive dialog between I and the Other. Thirdly, the existing understanding of the genesis of the dialogical Self is enriched by the idea of the structure of dimensions of the internal dialog I – Other, considered as the dynamics of identification and de-identification of I with the Self. Fourthly, the processes of identification and de-identification with the Self and reaching self-identity are analyzed from the point of view of search and discovery of the unknown Self. Fifthly, empirical research resulted in defining of the forms of self-identity in the aspect of openness to experience, which depend on the level and dynamics of identification and de-identification of I with the Self through the Other. There are developing, maturing, controversial, rigid and regressing self-identity among those forms.

Keywords: I, Self, self-identity, identification, de-identification, Other, dialogue, openness to experience, paradox, reflection, models, culture, hermeneutics, personology.

Elena B. Starovoytenko – Professor, Head of the Centre for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology.

Research Area: methodology of psychology, theoretical psychology of personality, personology, psychology of life relationships of personality, cultural personality psychology, psychology of reflection.

E-mail: helestas@yandex.ru

Введение

Замысел данной работы составляет обоснование достижения личностью самотождества Я на основе процессов отождествления и разотождествления с собой посредством значимого Другого в рефлексивном диалоге с ним.

Мы придерживались персонологического формата исследования (Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2015), применяя методы герменевтики и теоретического моделирования, культурно-феноменологический метод и метод рефлексивного интервью. Источниками изучения самотождества Я и способов его достижения, поддержания, развития стали работы зарубежных и отечественных исследователей, посвященные проблемам Я, самоидентичности личности в соотношении с идентичностью, личностного построения Я-концепции, роли Другого в динамике обретения и утраты Я идентичности с собой, условиям становления диалогического Я.

Новизна исследования состоит в постановке вопроса о «самотождестве Я» и условиях его развития, что позволяет привлечь к *психологическому* изучению Я не только работы из данной области науки, касающиеся «самоидентичности», но и классические философские тексты, расширенно трактующие *самотождество* как чувство, осознание и рефлексию совпадения Я с самим собой, как относительную устойчивость свойств и качеств Я для себя, как относительное постоянство Я во времени, как единство, последовательность собственной внутренней истории, создаваемой Я, как усилия воссоздания и обретения целостности и уникальности Я для себя. Другим моментом новизны представляемого исследования является акцент на непрерывность смены отождествления и разотождествления Я с собой и *парадоксально* неразрывное единство этих противоположных «актов Я», придающих динамизм и стабильность Я в его целостном ощущении, образе, чувстве, концепции и рефлексивной картине (Старовойтенко, 2019, 2020; Starovoytenko, 2020). В новом аспекте осмысливается значение Другого с его опосредованием актов отождествления и разотождествления Я с собой в рефлексивном диалоге Я – Другой. Кроме того, в существующее понимание диалогичности Я привносится идея «структурь измерений» внутреннего диалога Я с Другим и с собой, которая уточняет концепцию генеза «диалогического Я», рассматривая его как результат отождествления-разотождествления Я со значимым другим, «включенным в Я», и достижения Я того или иного уровня самотождества на основе диалога. Новым является введение понятия «Я-неизвестное» (Старовойтенко, Щебетенко, 2020) в контекст анализа отождествления и разотождествления Я с собой как процессов поиска и выявления скрытых аспектов Я.

Обращаясь к процессам и эффектам достижения самотождества Я, мы обобщили ряд тенденций в близких к нашему замыслу областях современных психологических исследований.

В области изучения Я человека различаются *истинное Я* как представления Я о себе «в глубине души», «правда Я о себе», *актуальное Я* как осознание Я своих текущих действий и психических состояний, *желаемое Я* как сознание Я своих возможностей в перспективе реализации целей, *понимаемое Я*,

определенное как понятие о Я вообще, влияющее на знание личности об истинном, актуальном и желаемом Я, проявляющихся прежде всего в отношении близких других (Bem, 1972; Johnson et al., 2004; Schlegel et al., 2009; Anthony, McCabe, 2015; Strohminger et al., 2017). Развиваются положения об изменчивости Я и о множестве его форм в противовес идеи «*пунктуального Я*», упорно сохраняющего постоянство своих чувств, мыслей и поведения. *Изменчивое Я* рассматривается как подвижный эффект возможностей, порожденных действиями в интерсубъективном и транссубъективном пространствах (Ginev, 2019).

В исследованиях *самоидентичности* подчеркивается ее становление путем идентификаций и самоинтерпретаций человека в отношениях с социумом, культурой, работой, телом, практиками, конкретными личностями, с собой; самоидентичность включается в число факторов, способствующих развитию этих отношений и уникальности человека (Tomassini, 2015). Изучаются единство и противоречия между самоидентичностью и социальными идентификациями личности (Андреева, 2009; Леонтьев, 2009; Белинская, 2018; Mallett, Wapshott, 2012; Iversen, 2019). Акцентируется взаимозависимость самоидентичности и построения Я-концепции (Breen et al., 2013). В частности, обнаруживается, что многомерность самоидентичности основана на расширении Я-концепции в отношениях с другими и на развитии у личности множества ее форм (Anthony, McCabe, 2015). Раскрывается роль значимого другого в обретении Я новой самоидентичности, в частности, при кардинальных изменениях социальной и профессиональной идентичностей человека (Emery et al., 2015; Grimell, 2018). Выделяется феномен «*скучающего Я*» как результат нереализации собственных стремлений личности, отсутствия у нее чувства самоизменений и переживания застоя идентичностей (Costas, Кдгтепан, 2016). При изучении конфликтов идентичности и риска утраты самоидентичности обосновывается конструктивная роль инициативы и поддержки другого человека, а также роль самой личности, в создании Я-нarrатива, обновляющего Я-концепцию (Breen et al., 2013).

В исследованиях Я, самоидентичности и Я-концепции вводятся понятия «*Другой*» и «*отношения с Другим*» как способствующие раскрытию закономерностей, состоящих, например, в соотношении «концепции значимого Другого» и Я-концепции, во включении «Другого» в Я-концепцию, во влиянии тревоги и избегания близости в интерсубъективном пространстве на снижение ясности Я-концепции личности, на понижение уровня самораскрытия, а также доверия к оценке Другого. Или, например, в наложении, перекрытии Я-концепции и концепции «Другого» при вовлечении личностью близкого человека в построение своей самоидентичности. Или в расширении Я-концепции при росте числа диалогических Я-позиций личности в контексте романтических отношений с Другим (Aron et al., 1991; Aron, Aron, 1995; Gurung et al., 2001; Mashek et al., 2003).

Предлагаются новые «фокусы» изучения *диалогического Я* (Hermans, 2001), связывающие его генез с диалогичными отношениями Я не только к себе и к Другому, но и к множеству социальных и природных объектов

(Копорка et al., 2018). Развивается «топологический» подход к диалогическому Я с использованием метафор, определяющих его как «ландшафт» или «пространственно-временную матрицу» внешних и внутренних Я-позиций личности, направленных к Другому, к себе и к миру во множестве их реальных образующих (Brinkmann, 2008; Raggatt, 2014; Marková, Novaes, 2020).

При разработке *методологии* изучения человека, включая индивидуальное Я и становление его самоидентичности, обосновываются перспективы, ограничения, возможности синтеза герменевтического, феноменологического и рефлексивного подходов, отвечающих современным парадигмам понимания и интерпретации, экзистенциального постижения и самопознания личности (Ginev, 2009, 2012, 2013, 2014).

Следуя персонологическим установкам в построении исследования и придерживаясь новых эпистемологических парадигм в науках о личности, мы разработали ряд взаимно раскрывающих и уточняющих *моделей* самотождества Я, достигаемого на основе процессов отождествления и разотождествления с собой, опосредованных значимым Другим. Модели стали результатом применения метода герменевтики философско-психологических и художественных текстов, выбранных в связи с их наибольшей релевантностью замыслу работы.

Моделирование на основе герменевтики было нацелено, во-первых, на концептуальный синтез онтопсихологических идей о Я и его отношениях, представленных в размышлениях С.Л. Рубинштейна о бытии человека в мире (Рубинштейн, 1973), а также идей экзистенциального осмысления со-бытия личности с Другим Ж.-П. Сартра (Сартр, 2002). Соединение в *концептуальном подходе* взглядов этих, казалось бы, «несоединимых» исследователей — прием, позволяющий воссоздать и развить опыт выдающихся ученых в раскрытии феноменов, попавших в центр внимания современных психологов и требующих, с одной стороны, актуализации классической мысли, с другой — продвижения мысли в актуальном научном контексте.

Во-вторых, моделирование было сориентировано на *культурно-феноменологическую* конкретизацию концептуального подхода к изучению условий и парадоксов достижения самотождества Я в аспекте отождествления-разотождествления с собой. Решению этой задачи могла способствовать герменевтика художественного текста, созданного на основе уникального самопознания автором своей жизни с акцентами на историю Я-героя. Таким автором в нашем исследовании стал И. Бунин (2004). Взаимовложение результатов концептуального и феноменологического анализа и синтеза позволило разработать *рефлексивно-диалогическую* модель достижения самотождества путем отождествления-разотождествления Я с собой.

В-третьих, построение моделей послужило цели эмпирического изучения процессов отождествления-разотождествления с собой в рефлексивном движении к самотождеству, взятому в аспекте такого важнейшего для становления Я качества, как *открытость опыта*. Инструментом эмпирического исследования стало *рефлексивное интервью*, вопросы которого должны были конституировать внутренний диалог со значимым Другим и актуализацию процессов отождествления и разотождествления Я с собой как реальным или

потенциальным обладателем качества «открытости опыту» в составе Я-концепции. Прогноз результатов эмпирического исследования предполагал выявление индивидуальных конфигураций процессов *отождествления и разотождествления с собой* посредством значимого Другого и определение на основе обобщения данных конфигураций *форм самотождества Я*, характеризующихся разной степенью разрешения парадокса обретения и утраты тождества с собой.

Концептуальная модель отождествления-разотождествления Я с собой

Концептуальная модель построена как континuum положений, содержания которых раскрывают ведущие категории и способ реализации замысла исследования.

1. При изучении процессов достижения самотождества принципиальным является определение Я в качестве реального человека, конкретной личности, проживающей телесную, психическую и деятельность жизнь в мире. «Я — это не сознание, не психический субъект, а человек, обладающий сознанием, наделенный сознанием, точнее, человек как сознательное существо, осознающий мир, других людей, самого себя» (Рубинштейн, 1973, с. 335). Находясь и действуя в мире, Я противополагает себя вещам, к которым причастно, своим предметным действиям, другим людям, самому себе. «Я-в-мире» в каждый момент своей деятельности становится объектом для Я-субъекта.

Я выступает субъектом, имеющим предметом самого себя, обладает нераздельной *субъект-объектной* сущностью. Мир во множестве своих образующих является «проявителем» возможностей, присущих действующему телесно-психическому Я, заключает множество «обещаний» для субъекта. «Мир как коррелят возможностей, которыми я являюсь, появляется в момент моего возникновения как огромный эскиз моих возможных действий» (Сартр, 2002, с. 342).

Я — упорядоченность мира для самого себя; самосознание собственных жизненных возможностей в перспективе их реализации; неизвестность себя в прошлом, настоящем и будущем, ожидание и полагание себя «в потенциале»; единство себя во времени: присутствие по отношению к себе, вспоминание себя и ожидание себя; ощущение и чувство, понимание и интуиция своей самотождественности.

Субъект-объектное пребывание и активность Я во внешнем и внутреннем мире состоят в непрерывной смене и переходе процессов отождествления — разотождествления — нового отождествления с собой как динамичной связи в-себе (Я-субъекта) и для-себя (Я-объекта) в направлении единства «в-себе-для-себя» (Сартр, 2002). Указанная связь может устанавливаться в форме самосознания, отношения, деятельности, творчества, рефлексии и означает перевод Я себя к своим собственным возможностям. При этом лишь рефлексивное сознание Я имеет объектом себя непосредственно. Единство в-себе-для-себя определяет достижение *самотождества Я*.

2. «Человек и мир суть относительно существующие, и принципом их бытия является *отношение*» (Рубинштейн, 1973, с. 328). Отношение является

одним из ведущих способов человеческого существования в мире, входит в структуру человеческого бытия, составляет объективное свойство Я. Для Я «относиться» — это вовлечь другое в свое бытие, привести к собственным возможностям, актуализировать свои потенциалы, проектировать себя-в-будущем, воплотиться в другом. «Другое» вызывает и испытывает *отношение к себе*, становясь *значимостью* для Я. Появление значимости в жизни личности порождает активность ее переживания и самопознания, приводит в действие, по выражению Ж.-П. Сартра, «очарованную рефлексию». Любое развивающееся отношение, имея в структуре рефлексию, предполагает включение в себя самоотношения личности. По сути, встать в любое отношение — значит «противополагать себя себе самому» (Там же, с. 334), иметь интенцию к *разотождествлению* Я с собой, взаимодействующим с объектом отношения, быть готовым к преобразованию себя объектом и к самопреобразованию, а затем к *отождествлению* с собой на основе своих субъектных вкладов и отражений в объекте и самом себе.

Я во всех его осознанных изменениях конституируется в любых отношениях, особенно в отношении к значимому *другому человеку*, дающему Я новые пространства существования в своем внешнем и внутреннем бытии. Я «не может быть раскрыто только в отношении к самому себе, обособленно от отношения к другим людям (другим конкретным “я”)» (Там же, с. 337). Другой человек является необходимым условием существования Я, которое «обусловливает, детерминирует меня и имплицитно дано, наличествует во мне» (Там же, с. 360).

3. Другой человек, или «*Другой*», является в бытии личности таким же Я, как и она сама. «Мое Я — это “мое Я” каждого человека, каждого Я... “Я” — всеобщность, свойственная всем, отношение к которой определяется отношением каждого Я к другим людям» (Там же, с. 335). «*Другой*» является для Я реальным «синтетическим единством своих опытов»: выражения лица, мимики, жеста, действий, поступков, высказываний. Получая этот опыт в отношении к Другому, Я расширяет свое самотождество, приобретая возможность искать и обнаруживать Я-неизвестное, по-новому организовать свой собственный опыт, восполняя его приобретениями, полученными от Другого, и транслируя другому Я свой обновленный образ и активность.

Я в *отношении к Другому* является субъектом и испытывает действие субъектности другого Я, являясь объектом для этого Я и полагая его объектом для себя. «Мое отношение, отношение данного моего “я” к другому “я” опосредовано его отношением ко мне как объекту, то есть мое бытие как субъекта для меня самого опосредовано, обусловлено, имеет своей необходимой предпосылкой мое бытие как объекта для другого» (Там же). В смене субъект-объектных позиций Я и Другого Я оказывается воздействующим на Другого, представленным в нем, преобразованным в его внутреннем мире, внутренне встречающим Другого со своим присутствием в нем и в свою очередь проектирующим его преобразования. «Мы бесконечно отсылаемся от Другого-объекта к Другому-субъекту и обратно; ход никогда не останавливается, и именно этот ход, с его быстрыми изменениями направления, конституирует наше отношение к Другому» (Там же, с. 421). Этот ход, совершающий рефлексивно,

позволяет Я найти себя в Другом-субъекте, воссоздать собой субъектность Другого, реализовать собственную субъектность, овладевая Другим-объектом, и возвратиться к в-себе и в мир, становясь, благодаря сделанным рефлексивным шагам, *основанием самого себя*. Другой, таким образом, является возможностью Я, «неизбежным посредником, соединяющим меня с самим собой... Другой нужен, чтобы Я могло основать себя» (Там же, с. 246). Находя себя в реальном взаимодействии с Другим, обнаруживая себя в бытии Другого, открыв свои изменения, произведенные Другим, Я отрицает себя-наличного или *разотождествляется* с собой. Принимая свое другое Я, признавая его бытие в мире частью себя и вбирая в себя образы взаимной внутренней представленности с Другим, Я *отождествляется* с собой, продвигаясь в самотождестве и способности быть основой себя. Непрерывно разотождествляясь-отождествляясь с собой посредством значимого Другого, Я *парadoxально* продвигается в своем самотождестве.

4. Рефлексивная реализация отношения Я — Другой, или, иначе, *внутренний диалог Я с Другим*, имеет ряд «измерений». В этом диалоге рефлексия, соединяясь с переживанием и действием, осваивает пространства, конституирующие реальное взаимодействие Я и Другого (измерение между-Я-и-Другим), присутствие Я во внутреннем мире Другого (измерение Я-в-Другом), бытие Другого во внутреннем мире Я (измерение Другой-в-Я), относительно автономное существование Я-сам (измерение Я-в-себе) и позиционирование отношения «Я — Другой» в окружающем мире (измерение Я-в-мире-с-Другим). Широкий спектр измерений отношения «Я — Другой» и их структурная организация создают многие возможности для Я «укрепиться» в себе, познавать себя, встретиться с Я-неизвестным и открыться для преобразований в каждом из измерений и их структуре в целом.

Измерение Между-Я-и-Другим

Здесь отношение «Я — Другой» реализуется в конкретной *ситуации*, общей для обоих субъектов, где Другой проявляет себя в своей значимости для Я, совершает действия, актуализирующие возможности Я, и встречает ответную деятельность, раскрывающую его собственный потенциал. Бытие Я и Другого совершенно реально, это жизнь конкретных личностей, «бытие как условие моей самости напротив Другого и самости Другого напротив меня. Это мое внешнее-бытие: не бытие, переносимое вовнутрь, которое пришло бы извне, но нечто внешнее, взятое и признанное как мое внешнее» (Сартр, 2002, с. 307). В ситуации Я и Другой выступают в качестве фокусов, центров, вокруг которых организуются миры каждого из них.

Личность в отношении к Другому может создать условия для таких воздействий и вкладов Другого и для такой собственной активности, что ее знаемое для-себя путем отождествления с ним становится новым аспектом в-себе. Или же не становится, отрицаясь Я как случайное и чуждое ему. Возможно также расширение области Я-неизвестного, принимаемого или не принимающего Я в качестве части себя и потенциального предмета самопознания.

Движение к новому самотождеству Я в конкретной ситуации с участием Другого инициируется освоением вещей посредством совместных действий, реализацией телесных способностей Я и Другого, высказываниями обоих в диалоге, силой взаимных взглядов. Если, например, Я и другой человек смотрят друг на друга, «это значит, что Я внезапно затронуто в своем бытии и что существенные изменения появляются в его структуре, изменения, которые Я может постичь и концептуально фиксировать рефлексивным *cogito*» (Там же, с. 363).

Измерение Я-в-Другом

В данном измерении Я выступает одним из образных, эмоциональных и мыслительных содержаний внутреннего мира Другого. Другой конституирует Я «по новому типу бытия», благодаря чему Я приобретает свою новую объективность, новое для-себя, к которому может встать в отношение. Открыв этот тип бытия, Я оказывается сначала вне своего действия, отношения и познания, не знает, ни каким является, ни каково его место в мире Другого, ни какой стороной мир, где Я находится, обращен к Другому (Сартр, 2002). Далее неопределенное «в-Другом» рефлексивно превращается в для-себя, и Я в акте *разотождествления с собой* раскрывает, каким является для Другого и действительно ли это Я.

Разотождествляясь с собой, Я может признать, что представление Другого о нем истинно и открывает ему ранее неизвестные стороны себя, с которыми он может *отождествиться*. Этапы позитивной динамики самотождества, которые Я проходит, оказываясь в данном измерении, Ж.-П. Сартр определяет следующим образом: Я и Другой абстрактны, индивидуальны, противоположны друг другу; Я проживает абстрактный момент тождества с собой; Я обнаруживает свою индивидуальность в Другом как внешний чувственный и мыслимый объект; Я открывается себе как личное присутствие в Другом; рефлексивное когито бросает Я-в-Другом к в-себе, обеспечивая новый прорыв Я к самотождеству (Там же, с. 247). Вместе с тем рефлексивное отношение Я к своему бытию-в-Другом может вести к дальнейшему *разотождествлению с собой*, если в Другом представлен Я-объект с неизвестными свойствами и качествами или «иностранный», которого Я не желает брать, возвращаясь к в-себе. В направлении же к достижению нового самотождества «Другой, на точку зрения которого о себе Я встает, превращается в его собственную возможность; Я признает свое воспринимаемое Другим бытие для-себя и хочет отождествиться со свободой Другого как основывающей его бытие в-себе» (Там же, с. 379).

Измерение Другой-в-Я

Значимый Другой несет в себе потенциальную субъектность Я с первой встречи, так как, обращаясь к Я различными сторонами своей личности, вызывает его к актуализации разнообразных возможностей и к активному самовыражению. В пространстве внутренней, рефлексивной активности Я

«Другой» предстает объектом в открытости к непосредственному постижению Я-субъектом и в сокрытии многих тайн своего внутреннего мира, одной из которых является Я-объект-в-Другом с его незнаемыми свойствами и жизненным миром. В рефлексии «Другой дается мне как конкретное и очевидное присутствие, которое я ни в коем случае не могу извлечь из себя и которое вовсе не может быть поставлено под сомнение и стать объектом феноменологической редукции или всякого другого эпохе» (Сартр, 2002, с. 294).

Внутреннее бытие Я включает в себя отраженное бытие и свойства Другого, рефлексивные представления Я о влияниях и вкладах Другого и о его сущности, невидимой для многих других людей, так как Я имеет о Другом неповторимый опыт. Одновременно бытие Я включает осознание соотношения автономии Другого и его воплощенности в Я. Важная часть внутренней жизни Я является его бытием в отношении к Другому и в качестве «Другого», т.е. Я во взаимодействии с внутренним Другим, становясь для-себя и разотождествляясь с собой в пользу единения с Другим, может в результате последующего акта отождествления обогатить свое самотождество возможностями Другого.

Измерение Я-в-себе

Существование Я, включая рефлексивный план, выступает как внешняя и внутренняя причинность «Другого», в том числе значимого человека, к которому Я встает в отношение. Эта причинность предполагает переход Я в «другое» и обогащающий возврат к в-себе, а также «идеальное, интенциональное проектирование себя как характерное для существования, внутрь которого включено самосознание» (Рубинштейн, 1973, с. 357). Переживание и осознание Я-в-себе с содержащимся в его структуре «проектом себя» определяет установившееся самотождество Я с его тенденцией к изменению и развитию при реализации проекта и встрече личности с обновленным Я. «В-себе», становящееся в направлении к самотождеству, проходит, согласно концепции Сартра, ряд преобразований: возникновение «чистого тождества с самим собой» характерное для раннего периода жизни человека; разделение «в-себе» и для-себя, когда собственное существование выступает для Я независимым объектом; выражение Я в своем действительном, внешнем бытии, предстающим для Я очевидностью, подтверждающей, что «Я есть Я»; открытие себя как объекта для других Я; «признание Я себя в других самосознаниях тождественным с ними и с собой» (Сартр, 2002, с. 259), т.е. проходит процесс достижения самотождества посредством Другого.

Ставшее Я-в-себе имеет относительно автономное существование, рефлексивно обогатившись осознанием своей продуктивности и диалогичности в мире, своей возвращенной себе данностью и субъектностью в мире Другого, а также данностью и субъектностью Другого в собственном мире, осознанием своих открытых Я-неизвестного. Такое «исполненное Я» обладает зрелостью, силой и свободой в обращении с собой в плане освоения и приведения к своим возможностям раскрывшейся реальности и потенциальности мира, других, значимого другого, самого себя.

Особое значение приобретает для зрелого Я его позиционирование в мире в качестве имеющего уникальный опыт отношения к Другому. *Я-в-мире-с-Другим* стремится превратить себя в такой объект, к которому устремляются признание и интенции к идентичности многих людей, а фактичность взаимодействия Я и Другого становится объективным событием во множестве жизненных миров. Когда мир и другие способствуют личности в «овнутрении» объективных следов своего единства с Другим, она может совершить мощный прорыв в *самотождестве Я*.

5. В измерениях отношения Я к Другому с включенным в него отношением к себе реализуются акты разотождествления и отождествления с собой, динамика и организация которых определяет различные *формы самотождества Я*. Выделение данных форм, на наш взгляд, представляет интереснейший предмет теоретических и эмпирических исследований.

Основой процессов отождествления-разотождествления с собой являются субъект-объектная сущность Я и существование Я в ипостасях «в-себе» и «для себя». Отождествление и разотождествление Я с собой в отношении к Другому и в рефлексивном диалоге с Другим имеют *объектами* различные *асpekты Я*: его телесные свойства, личностные черты и качества, способности, действия, состояния, психические процессы, отношения и их различные измерения, пребывание в разных местах, положениях, временах. Уровень развития, ценностные характеристики, степень выраженности этих объектов в для себя, рефлексивно полагаемая и предполагаемая данность объектов Другому, а также частота, эффекты и соотношение актов отождествления и разотождествления с тем или иным аспектом Я, исходящих от в-себе, конституируют результаты достижения — недостижения самотождества Я.

Разотождествление-отождествление с собой может происходить, когда:

- Я обнаруживает свою телесную активность во внешнем мире;
- Я находит свою запечатленность в предметном мире;
- Я встает в отношение к себе и в отношение к Другому;
- Я видит и сознает себя взаимодействующим с Другим в мире;
- Я находит свою представленность и активность в-Другом;
- Я открывает себя как воплотившего Другого в образе, его влияниях и вкладах;
- Я улавливает «коллективный взгляд» в мире на свое со-бытие с Другим и на свое отношение к нему;
- Я осознает постоянство своих свойств и появление нового в самом себе;
- Я обнаруживает Я-неизвестное в себе, своих действиях и отношениях;
- Я создает проект себя, предназначенный для реализации в своей предстоящей жизни;
- Я открывает себя в перспективе завершения жизни.

В процессах отождествления и разотождествления с собой Я устанавливает совпадение — несовпадение с собой, знание — незнание себя, а также принимает — отрицает себя, испытывает согласие — несогласие с собой, приближает — отчуждает себя, утверждает тождество с собой — отличие от себя, постигает гармонию — противоречие с собой.

6. Рефлексия в контексте отношения и диалога «Я – Другой» может иметь несколько основных «фокусов» *Я-репрезентаций*: Я в каждом из измерений отношения; Я в различных измерениях отношения, данное самому себе, или *для-Я*; Я в различных измерениях отношения, выступающее в идентификации с Другим и рефлексивно данное *для-Другого*. Таким образом, Я как объект активности Я-субъекта приобретает в этой «рефлексии разных порядков» тот объем, который существенно расширяет основания самотождества Я в отношении к Другому и посредством Другого.

Концептуальное обоснование отождествления-разотождествления Я с собой посредством Другого может найти преломление, уточнение и конкретизацию при обращении к художественно-литературным текстам и герменевтической экспликации из них содержаний и смыслов, касающихся исследуемых феноменов.

Культурно-феноменологическая модель отождествления-разотождествления Я с собой

Материалом герменевтического анализа стало произведение И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», имеющее автобиографический характер (Бунин, 2004). Воспользовавшись системой идей концептуальной модели, мы разделили проинтерпретированные результаты рефлексии автора на категории, соответствующие феноменам самотождества Я, Я-неизвестного, а также феноменам отождествления и разотождествления с собой, обнаруженным в различных измерениях отношений Я к себе, другим, Другому.

Самотождество Я (в-себе-для-себя)

Я – одиночество в мире наедине с одинокой звездой; Я – привлекательное, нравящееся себе в зеркале лицо; Я – мой наилучший образ для себя в своей красоте, силе и ловкости; Я – обладающий отцовскими чертами, которые люблю у него; Я – навсегда захваченный любовью матери; Я – наследовавший впечатительность от предков из русского просвещенного общества; Я – имеющий таинственное сродство с далеким европейским рыцарским прошлым; Я – душевное слияние с православной церковной службой; Я – чувство кровного родства с Россией; Я – проблеск сладостного чувства любви; Я – мои встречи с музой и радость «всех впечатлений бытия»; Я – мое чувство кровной принадлежности к великим русским поэтам; Я – мой поэтический дар; Я – бедность с мечтой о своей полной блеска, совершенной жизни; Я – писательский успех и полнота себя в этом; Я – любовь ко всему в этом мире; Я – полнота своей осуществившейся мечты; Я – любовь к Лике во всех ее радостях и муках; Я – мои впечатления, видящий себя в них и сохраняющий их как новые части себя-писателя; Я – человек, взрослеющий в самосознании своего роста и развития, в своем взгляде «над» собой и окружением; Я – желание любить, сохраняя свободу и превосходство; Я – достойный в любви владеть жизнью другого; Я – мои тяжелые воспоминания, «навязчиво помнящий»; Я – чувство «гибельного одиночества».

Разотождествление Я с собой-в-себе

Я — иное Я, способное отрешиться от текущей жизни, взглянуть на все из «неземной дали»; Я — не тот, кто не может расстаться с собой и своей прошлой жизнью; Я — не то Я, которое желает помнить свою юность: «Был ли я на самом деле?»; Я — не тот автор, который может писать о том, чего сам не знал в своей жизни; Я — не тот, кто мирится со своими навязчивыми мыслями и воспоминаниями; Я — другое Я, чем то, что находится здесь, среди чужих людей, в чужом городе; Я — другой, устремляющийся к своим представлениям в представляемом мире.

Между-Я-и-Другим

Отождествление с собой: Я — мое превосходство над Ликой, мое право на ее свободу и самоотдачу мне; Я — достойный во взаимоотношениях с Ликой владеть ее жизнью; Я — чувство неблагополучия, потери близости во взаимоотношениях с Ликой.

Я-в-Другом

Отождествление с собой: Я — убеждение отца о моем призвании поэта; Я — представления отца о моих тонких чувствах и уязвимости, о моем «несвоевременном сердце», «прекрасной душе»; Я — нелестное мнение отца обо мне; Я — отцовское тревожное видение меня и моего будущего; Я — предчувствие Лики о неразрешимости противоречий во мне.

Разотождествление с собой: Я — не тот, кто существует в представлениях брата о моем будущем; Я — не такой, каким меня представляет Лика в моем отношении к ней; Я — не тот, кто дал повод Лике расстаться со мной из-за моей «нелюбви» к ней; Я — чужой себе в своих зеркальных отражениях в других людях.

Другой-в-Я

Отождествление с собой: Я — дорогой мне образ отца с его близкими мне качествами и противоречиями; Я — образ моей любимой матери и страдание за нее; Я — переживание неизвестности для меня моего отца, неразгаданности тайны его души; Я — любимый образ Лики, приходящий ко мне во сне; Я — чувство отчуждения Лики в нашей совместной жизни.

Разотождествление с собой: Я — не тот, кто может испытывать боль по поводу благополучия юности отца и его неспособности дать мне то же; Я — не тот, кто тяжело переживает закрытость отца; Я — иной, чем тот, кто может чувствовать ревность и стыд из-за поведения Лики.

Я-неизвестное

Я — забывший то о себе, что знал сразу после рождения и что незримо есть во мне; Я — плененный тем загадочным в сказках, что может мне рассказать

обо мне; Я — неизвестный себе в самой сути своей жизни и в ее перспективе; Я — стремящийся в неизвестные пространства жизни, где чувствуется мое отсутствие; Я — знающий свое незнание о своей жизни, согласный с Л. Толстым, что «ничего нет в жизни, кроме ничтожества всего понятного мне, и величия чего-то непонятного, но важнейшего для меня...»

Соединяя результаты культурно-феноменологического и концептуального моделирования (по сути, «идеи» тоже выступают культурными феноменами — Старовойтенко, 2019), сделаем «сборку» актов отождествления и разотождествления Я с собой, акцентируя при этом эмоциональные, образные, мыслительные, интуитивные, сигнификативные и основанные на психическом синтезе способы обращения Я с собой, включенные в процессы рефлексии.

Отождествление Я с собой

Означение Я себя знаком «Я»; знание Я-субъекта о своем совпадении с собой как живущим во внешнем и внутреннем мире; переживание Я уверенности в себе, аутентичности себе, принятия себя, ценности и целостности себя; ощущение устойчивости себя в границах ситуации, тела, души, действия; мысленное самоотделение Я от других и Другого в своих особенных телесных, психических и практических качествах; противопоставление своего Я другим Я; постижение своего жизненного предназначения; чувство принадлежности себе всего, что Я может, хочет, проживает, реализует, использует, создает; признание Я своих новых свойств, качеств, умений, особенностей поведения; узнавание Я себя в изображениях, зеркалах, отражении в-других, самонаблюдении; чувство совпадения Я с собой в автопортретах и Я-нarrативах; принятие Я образа себя, созданного и выраженного Другим; познание Я значимых для себя качеств, состояний, действий Другого; принятие Я собственного отсутствия или неизвестности себя во внутреннем мире Другого; создание идеала Я, или «наилучшего Я», побуждающего к отстаиванию и развитию себя; переживание Я своего сродства великим людям в их творческом самовыражении; запоминание Я собственных ощущений, представлений и мыслей о себе, поддерживающих его аутентичность; переживание Я уникальности себя, своей единственности среди других людей; знание себя в том, что создано Я в мире, что стало вкладом в жизнь других людей; обобщение в Я-концепцию множества своих знаемых качеств и отраженных образов себя, родившихся в сознании и артикулированных многими другими людьми; знание о существовании Я-неизвестного и включение этого аспекта себя в Я-концепцию; мысленное определение и принятие Я своих противоречий; создание Я рефлексивной истории своей жизни и себя в ее контексте; чувство непрерывности себя во временной транспективе; переживание Я бесконечности себя в бытии за границами личного существования; проектирование Я своих возможностей-невозможностей в обращении к будущему; чувство принадлежности Я самому себе.

Разотождествление Я с собой

Означение Я себя как «не-Я», «мое другое Я»; переживание Я как «чужого себе» при включении в чуждый мир, круг посторонних людей; отрицание Я

своих субъективно нежелательных состояний, качеств, способов действий; *чувство отчуждения Я от самого себя*; *мысленная постановка Я* задачи развития у себя новых качеств, способностей, деятельности, требующей ухода от себя; *чувство отторжения Я* своих слабостей, несостоятельности, неуспешности; *переживание Я* неразрешимости своих противоречий; *интуитивное «расставание» Я со своими устойчивыми представлениями о себе*; *неприятие Я* ощущения и идеи присутствия в себе Я-неизвестного; *переживание* несогласия с «собой», отраженным значимым Другим, отказ от свойств, «видимых» в Я другим человеком; *присвоение себе* свойств значимого Другого, субъективное движение к «новому Я»; *понимание Я* внутреннего присутствия «чужого Я», противоречия своего и несвоего в себе; *мысленное заимствование нового образа Я* из культуры и мира социальных образцов; *чувство потери* своей связи с Самостью; *интуиция «Абсолютного Я»* как ориентира самопреобразований в настоящем и будущем; *переживание тайны исчезновения себя* вместе с ушедшим из жизни Другим; *чувство «лживости зеркала»* как несовпадения образа Я в Другом с собственными представлениями о себе; *неузнавание Я* в себе того, кого видит в нем Другой; *отвержение Я* эмоций, вызываемых им у Другого; *чувство недовольства Я* собой в связи со своей представленностью в других людях; *отрицание Я* в себе ребенка, подростка, юноши как своих «отживших» сущностей; *сомнение Я* в собственном бытии в прошлом: «был ли я?», «это был я?»; *незнание Я* смысла своего существования при взгляде в будущее; *предчувствие себя-неизвестного* в своем отдаленном будущем; *забывание себя* в своей прошлой жизни; *переживание Я* собственного отсутствия в оставленных местах жизни; *интуиция Я* собственного отсутствия во внутреннем мире Другого; *сомнение Я* в своей принадлежности самому себе: «этот я — скорее для других, чем для себя»; *представление о себе*, направленное на Я, еще не существующее, иное, чем сейчас; *исключение Я* нежелательных воспоминаний или навязчивых мыслей о себе; *постижение Я* себя как незнакомца, постороннего, недоброжелателя, врага или, напротив, нового друга и помощника; *переживание Я* утраты себя при забывании его значимым Другим; *решение Я* об изменении тех или иных аспектов себя и своей жизни.

За концептуальным и культурно-феноменологическим моделированием последовала разработка *рефлексивно-диалогической модели отождествления-разотождествления Я с собой* как «руководства» для формулировки *вопросов интервью*, составивших содержание инструментария эмпирического исследования.

Рефлексивно-диалогическая модель отождествления-разотождествления с собой при достижении самотождества Я

В модели представлен ряд исследовательских позиций, позволивших разработать континuum вопросов интервью, актуализирующих рефлексию респондента в контексте внутреннего диалога со значимым Другим по поводу обладания интервьюируемым определенным *личностным качеством*.

Характер вопросов направляет рефлексию к отождествлению-разотождествлению Я с собой в различных измерениях отношения к Другому.

Позиции, ориентированные на эмпирическое исследование методом интервью, состоят в следующем.

1. Выделяются *рефлексивные измерения* отношения «Я – Другой», в которых возможны акты отождествления-разотождествления Я с собой: Между-Я-и-Другим-для-Я; Я-в-Другом-для-Я; Другой-в-Я-для-Я; Я-в-себе-для-Я; Я-в-мире-с-Другим-для-Я; Между-Я-и-Другим-для-Другого; Я-в-Другом-для-Другого; Другой-в-Я-для-Другого; Я-в-себе-для-Другого; Я-в-мире-с-Другим-для-Другого.

2. Рефлексия в различных измерениях отношения «Я – Другой» рассматривается как конституируемая *Я-репрезентациями* личности.

3. Личностным качеством как объектом рефлексии и предметом Я-репрезентаций субъекта выступает «*открытость опыта*», существенно определяющая активность взаимодействия Я с миром, с другими людьми, с собой. Под «*открытостью опыта*», в соответствии с существующими определениями, понимается в *познавательном* плане потребность в поиске знания и незнания, склонность к новизне, гибкость мышления, любознательность, живость воображения, открытость впечатлениям, несогласие с общепринятыми представлениями; в *эмоциональном* плане – глубина переживаний, познание своих чувств; в *культурном* плане – любовь к культуре, эстетическая чувствительность.

4. При *анализе* рефлексивного диалога по поводу качества открытости опыта учитываются: полнота рефлексивного охвата измерений диалога; содержания Я-репрезентаций в различных измерениях диалога; наличие-отсутствие Я-репрезентаций в разных измерениях; доступность-недоступность, активность-пассивность рефлексии в фокусах для-Я и для-Другого; сходство-различие-противоположность содержаний Я-репрезентаций в различных измерениях диалога; осознанность-неосознанность противоречий между Я-репрезентациями в разных измерениях; акценты на субъективно позитивные или негативные аспекты рефлексируемого качества в различных измерениях; соотношение в содержании Я-репрезентаций в разных измерениях осознанного знания-незнания о себе; выраженность или невыраженность интенции к синтезу Я-репрезентаций в целостное «Я, открытое опыту» или в Я, имеющеее самотождество в аспекте открытости опыта.

5. При интерпретации результатов рефлексии во внутреннем диалоге Я – Другой выделяются *акты отождествления и разотождествления* Я с собой в различных измерениях данного диалога в фокусах для-Я и для-Другого. Проясняется, происходит ли отождествление-разотождествение Я с открытостью опыта в реальном взаимодействии с Другим; отождествление-разотождествение с представлением Другого о наличии или отсутствии у Я данного качества; отождествление-разотождествение с «Другим» как обладающим или не обладающим данным качеством или стимулирующим либо не стимулирующим у Я его развитие; отождествление-разотождествение Я с собой как обладающим данным качеством и развивающим его у себя; отождествление-

разотождествление Я с собой как проявляющим данное качество во взаимодействии с Другим и меняющим, благодаря этому, что-то в мире и окружении; отождествление-разотождествление с Я-неизвестным, обнаруженным Я во внутреннем диалоге о своей открытости опыту.

6. Важным моментом интерпретации результатов рефлексивного диалога является определение динамичной конфигурации актов отождествления-разотождествления Я с собой посредством Другого в аспекте своей открытости опыту (ОО). Основными *параметрами* конфигурации выступают: содержания презентаций (указывающие на смысловое богатство-ограниченность освоения и реализации ОО); преобладание актов отождествления или разотождествления Я с собой в рефлексивном диалоге; полнота рефлексивного охвата измерений диалога; единство или противоречия Я-репрезентаций в различных измерениях диалога; обнаружение и принятие Я-неизвестного в рефлексивном диалоге. Та или иная конфигурация образует определенную *форму самотождества Я*, разрешающую или не разрешающую *парадокс* взаимной необходимости процессов отождествления и разотождествления с собой на пути достижении Я единства с собой как в целом, так и в своих отдельных образующих.

Методика рефлексивного интервью и результаты ее применения

Рефлексивно-диалогическая модель составила основу для разработки континуума вопросов интервью, направленных на самопознание личности в различных измерениях отношения «Я – Другой». Созданная рефлексивная методика была применена в эмпирическом исследовании, проведенном под нашим руководством магистром психологии А.В. Ерымовской на выборке 40 респондентов (студентов и лиц с высшим образованием). Приведем полученную форму интервью с *ответами* одного из респондентов и их *интерпретацией*, состоящей в выявлении актов отождествления и разотождествления Я с собой:

1. Респонденту сообщается, что ему предлагается возможность внутренне обратиться к себе и другому человеку по поводу личностного качества «открытость опыту».

Респондент: *O, это очень важное качество в людях для меня. (Идентификация Я с ОО как человеческим качеством.)*

2. Респондента знакомят с основными значениями понятия «открытость опыту». Респонденту также сообщается, что человеку может быть присуща открытость опыту как в совокупности ее образующих, так и в отдельных из них.

3. Респондента спрашивают, насколько значимо для него качество открытости опыту у других людей.

Респондент: *Очень значимо. Мне кажется важным новаторство, очень откликается. Мне кажется, у меня с этим есть проблема: в моей жизни мало людей, которые со мной в этом совпадают. Например, в отношениях с молодым человеком. У него нет тяги к переменам и новым впечатлениям. Да, мне кажется*

это важным и в работе, и в жизни. (Разотождествление Я с другими, не имеющими качества ОО.)

4. Респондента спрашивают, насколько значима для него открытость опыта как качество, которое может быть присуще ему самому.

Респондент: *Мне кажется важным, что у меня есть это качество, но местами оно усложняет жизнь. Например, потребность в новых впечатлениях. Ее довольно сложно вписать в стабильные отношения, если возникает ситуация, знаешь, полежать на диване и ничего не делать. Для большинства людей это ок, а меня начинает «клинить», начинаются конфликты. Еще, например, сейчас у меня не самый благополучный период в жизни, и я стараюсь экономить. И у меня есть чувство, что если я не увижу что-то новое, то лето упущенено. И я психую, что нет денег на отдых. Я понимаю, что это иррационально, но на эмоциональном уровне меня очень коробит, и так часто происходит. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО с указанием на противоречия отождествления.)*

5. Респонденту предлагается мысленно выбрать высокозначимого для него Другого и вступить во внутреннее общение с ним. Значимый Другой обозначается буквой N.

6. Респонденту сообщается, что ему предстоит подумать и высказаться о том, насколько ему свойственна открытость опыта, на взгляд другого человека.

Респондент: *Да, N замечает, что мне это качество свойственно. Думаю, адекватно оценивает. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО, в фокусе для Другого.)*

7. Затем респонденту ставится задача последовательно, развернуто ответить на следующие вопросы к себе:

— Присуща ли мне открытость опыту? В чем она более всего выражается?

Респондент: *Да, несомненно. В открытости к знаниям и взглядам. Хотя нет, второе спорно. Еще в терпимости к впечатлениям, и к плохим, и к хорошим. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО.)*

— Насколько я неизвестен себе в плане своей открытости опыту? Что, на мой взгляд, мне неизвестно?

Респондент: *Я думаю, не на 100 процентов себе известна. Процентов на 80. Я думаю, что многое о себе знаю, но в зависимости от ситуации, думаю, могла бы многое неожиданное о себе узнать. А еще есть вещи, к которым я нетерпима, но ради другого человека могу их принимать. Думаю, мне неизвестно, до какой степени я могу сдвигать рамки. Думаю, иногда только обстоятельства могут показать, на что ты способен. (Отождествление Я с собой в плане принятия незнания о своей ОО.)*

— Удается ли мне проявлять и развивать открытость опыту, когда я непосредственно общаюсь с N? Как это происходит?

Респондент: *Скорее нет, чем да. Происходит столкновение взглядов. Часто, когда я просто выражаю свое мнение, завязывается спор, вместо того чтобы обсудить и остаться даже, например, каждому при своем мнении. Иногда какую-то часть моих проявлений N не принимает. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Между-Я-и-Другим.)*

— Удается ли мне, по мнению N, проявлять открытость опыта в непосредственном общении с ним? Что конкретно он говорит об этом?

Респондент: *Средне. Ближе к нет, наверное. Некоторую часть моих таких проявлений не принимает. Но я думаю, что N считает, что я могу проявлять открытость опыта в общении с ним. Иногда говорит, что я любознательна и у меня разумные взгляды на жизнь. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Между-Я-и-Другим. Намечена перспектива отождествления.)*

— Являюсь ли я вообще в представлениях N человеком, открытым для опыта и активно приобретающим его? На чем я основываюсь в своем ответе?

Респондент: *Да, сто процентов. Этот человек по отношению ко мне часто выступает как ведомый и говорит, что от меня перенимает знания. Я что-то осваиваю первой, и у меня этот человек что-то перенимает. Это приятно. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Я-в-Другом.)*

— Важен ли я для N как человек, открытый для опыта и активно приобретающий его? Говорит ли он что-либо об этом?

Респондент: *Нет, не важна. Я думаю, что нет. Он ничего об этом не говорит, но я понимаю, что для этого человека важны другие качества. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, измерении Я-в-Другом, фокусе для-Другого.)*

— Является ли N для меня человеком, который побуждает и влияет на меня в плане развития и выражения моей открытости опыта? В чем именно состоят его влияния?

Респондент: *Я думаю, да. В плане какого-то уравновешивания и дозревания взглядов. Но именно что-то очень новое N для меня не открывает, зато позволяет сглаживать какие-то негативные проявления: что мне вечно надо куда-то бежать, что мне плохо, если за день ничего не произошло. Раньше, представь себе, я страдала, если я не сделала ни одной новой фотографии за день. Я переживала, что не смогу вспомнить этот день. Если я хотя бы один день просидела дома, даже если мне понравилось и я хорошо отдохнула, я начинаю переживать, что день упущен. И вот эта моя сторона благодаря N сглаживается. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Другой-в-Я.)*

— Знает ли N, что он важен для меня в плане развития открытости опыта? Как я могу об этом судить?

Респондент: *Нет, не знает. Хм, я сейчас поняла, что никогда об этом не думала и не говорила N. Только на негативную сторону обращала внимание. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Другой-в-Я, в фокусе для-Другого. Проблематизация своего разотождествления.)*

— Осознаю ли я себя человеком, стремящимся к открытости опыта и способным самостоятельно развивать ее? Что я делаю для этого?

Респондент: *Да, сто процентов. Общаюсь с очень разными людьми, которые много себе разрешают в плане отсутствия рамок. Ну знаешь, все эти установки: нельзя открывать бизнес сразу, нужно сначала поработать.... И мне интересно общаться с теми, кто стал успешен, возможно, вообще без образования. Я общаюсь с людьми, которые рамки разбивают, и это мне помогает. Еще я много учусь и путешествую. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО.)*

— Является ли моя открытость опыту, на взгляд N, результатом моих собственных усилий? В чем состоят, по его мнению, эти усилия?

Респондент: *Я думаю, да. В том же самом: учебе, путешествиях, общении. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО, в фокусе для-Другого.)*

— Замечаю ли я, что моя открытость опыту во взаимодействии с N что-то меняет в мире?

Респондент: *Нет, не думаю. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Я-в-мире-с-Другим.)*

— Замечает ли N, что моя открытость опыту во взаимодействии с ним что-то меняет в мире?

Респондент: *Не думала об этом. (Разотождествление Я с собой в аспекте ОО, в измерении Я-в-мире-с-Другим, в фокусе для-Другого.)*

— Сейчас, когда я поразмышлял о своей открытости опыту и ее отражении в N, чувствуя ли я какие-то изменения в себе? Произошло что-то в моем осознании и оценке этого свойства? Что именно?

Респондент: *Да, да! Правда, было очень полезно. Например, я ответила «нет» в вопросе «Знает ли N, что важен для меня в плане моего осмыслиения своей открытости опыту...» И я поняла, что никогда об этом не говорила ему и никак это не поощряла. Я только постоянно критикую его меньшую открытость, чем у меня, а можно было бы приободрить. (Отождествление Я с собой в аспекте ОО. Намечена перспектива расширения самотождества Я.)*

— Есть ли у меня трудности в связи с тем, что мне присущее свойство открытости опыту?

Респондент: *Да. К сожалению, у моих близких в основном нет этого качества. Мой молодой человек — вообще самый консервативный человек, которого я знаю. При этом, если человек более открытый, чем я, я от него устаю. Мне в семье комфортно с более консервативными людьми, а на дальнем общении — с открытыми. Я сейчас поняла, что у меня как будто есть что-то вроде адреналиновой зависимости от открытости к опыту и близкие меня тормозят. Я очень рада, что мы это проговорили.*

По если бы можно было выбрать одно интуитивно, то я бы выбрала открытых людей. (Коллизия разотождествления-отождествления Я с собой в аспекте ОО. Намечена перспектива ее разрешения.)

— Что буду делать дальше в отношении к своей открытости опыту?

Респондент: *Развивать. При осознании того, что не все обязаны со мной в этом совпадать. И, думаю, быть открытой людям, которые со мной в этом не совпадают. И думаю, что открытость опыту не должна зависеть от внешних факторов и поддержки других людей, я могу ее развивать сама. (Отождествление Я с собой с перспективой развития и расширения самотождества в аспекте ОО.)*

В результате анализа текстов интервью, проведенного с опорой на концептуальную, культурно-феноменологическую и рефлексивно-диалогическую модели, были выявлены формы самотождества, реализуемые в самопознании, сфокусированном на определенном личностном качестве как предмете отождествления-разотождествления Я с собой. Каждая форма конституируется,

как отмечалось, конфигурацией актов отождествления и разотождествления с собой посредством Другого, имеющей выделенные выше параметры. К выявленным формам самотождества Я относятся:

Развивающееся самотождество: смысловое богатство освоения и реализации ОО; преобладание актов отождествления Я с собой в рефлексивном диалоге; близкий к полноте рефлексивный охват измерений диалога; единство и вместе с тем осознанные противоречия Я-репрезентаций в разных измерениях диалога; готовность к разрешению противоречий; обнаружение и принятие Я-неизвестного в рефлексивном диалоге.

Становящееся самотождество: некоторая ограниченность смыслового освоения и реализации ОО; заметное преобладание актов отождествления Я с собой в рефлексивном диалоге; тенденция к достижению полноты рефлексивного охвата измерений диалога; осознанность сходства и противоречий Я-репрезентаций в различных измерениях диалога.

Противоречивое самотождество: некоторая ограниченность смыслового освоения и реализации ОО; выраженность и актов отождествления, и актов разотождествления Я с собой; «выпадение» в рефлексии ряда измерений диалога; осознанность противоречий Я-репрезентаций в различных измерениях диалога; обнаружение Я-неизвестного в рефлексивном диалоге.

Ригидное самотождество: ограниченность смыслового освоения и реализации ОО; акты отождествления Я с собой в аспекте ОО; «выпадение» в рефлексии ряда измерений диалога; неосознанность выраженных противоречий Я-репрезентаций в различных измерениях диалога; отрицание Я-неизвестного в рефлексивном диалоге.

Регрессирующее самотождество: низкий уровень смыслового освоения и реализации ОО; неосознанные противоречия актов отождествления и разотождествления Я с собой в аспекте ОО; «выпадение» большинства измерений рефлексивного диалога.

Невыраженное самотождество: отсутствие смыслового освоения и реализации ОО; невключение Я в рефлексивный диалог.

Участница исследования, интервью которой мы привели выше, обладает «развивающимся самотождеством», отличающимся готовностью личности к расширению и обновлению своего «бытия самим собой». Респонденты, обладающие данной формой, а также становящимся и противоречивым самотождеством, составили 62% выборки и продемонстрировали позитивный опыт Я в разрешении парадокса отождествления-разотождествления Я с собой на пути достижения самотождественности посредством Другого.

Литература

- Андреева, Г. М. (2009). Личность в поисках идентичности в глобальном мире. В кн. *Социальная психология сегодня: поиски и размышления* (с. 123–125). М.: Изд-во МПСИ.

- Белинская, Е. П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Бунин, И. А. (2004). *Жизнь Арсеньева*. СПб.: Азбука-классика.
- Леонтьев, Д. А. (2009). Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. *Философские науки*, 10, 5–10.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Просвещение.
- Сартр, Ж.-П. (2002). *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2019). Самотождество Я во внутреннем диалоге. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(3), 434–456. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-434-456>
- Старовойтенко, Е. Б. (2020). Парадоксы достижения самотождества Я: герменевтическая модель. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 102(2), 118–134.
- Старовойтенко, Е. Б., Щебетенко, С. А. (2020). Я-Неизвестное в достижении самотождества и самопреобразовании личности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 757–778. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-757-778>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Andreeva, G. M. (2009). Lichnost' v poiskakh identichnosti v global'nom mire [Personality in the search of identity in the global world]. In *Sotsial'naya psikhologiya segodnya: poiski i razmyshleniya* [Social psychology today: search and thoughts] (pp. 123–125). Moscow: MPSI.
- Anthony, A. K., & McCabe, J. (2015). Friendship talk as identity work defining the self through friend relationships. *Symbolic Interaction*, 38(1), 64–82. <https://doi.org/10.1007/s10804-013-9156-8>
- Aron, A., & Aron, E. N. (1995). Falling in love: Prospective studies of self-concept change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(6), 1102–1112. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.6.1102>
- Aron, A., Aron, E. N., Tudor, M., & Nelson, G. (1991). Close relationships as including other in the self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60(2), 241–253. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.60.2.241>
- Belinskaya, E. P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psichologiya i Pedagogika*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101> (in Russian)
- Bem, D. J. (1972). *Self-perception theory. Experimental social psychology*. New York, NY; London, England: Academic Press.
- Breen, A. V., Lewis, S. P., & Sutherland, O. (2013). Brief report: Non-suicidal self-injury in the context of self and identity development. *Journal of Adult Development*, 20(1), 57–62. <https://doi.org/10.1007/s10804-013-9156-8>
- Brinkmann, S. (2008). Identity as self-interpretation. *Theory & Psychology*, 18(3), 404–422.
- Bunin, I. A. (2004). *Zhizn' Arsen'eva* [The life of Arseniev]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Costas, J., & Kärreman, D. (2016). The bored self in knowledge work. *Human Relations*, 69(1), 61–83. <https://doi.org/10.1177/0018726715579736>

- Emery, L. F., Walsh, C., & Slotter, E. B. (2015). Knowing who you are and adding to it: Reduced self-concept clarity predicts reduced self-expansion. *Social Psychological and Personality Science*, 6(3), 259–266. <https://doi.org/10.1177/1948550614555029>
- Ginev, D. (2009). From existential conception of science to hermeneutic phenomenology of scientific research. *Journal of Philosophical Research*, 34, 365–389. https://doi.org/10.5840/jpr_2009_21
- Ginev, D. (2012). Two accounts of the hermeneutic fore-structure of scientific research. *International Studies in the Philosophy of Science*, 26(4), 423–445. <https://doi.org/10.1080/02698595.2012.748498>
- Ginev, D. (2013). Ethnomethodological and hermeneutic-phenomenological perspectives on scientific practices. *Human Studies*, 36(2), 277–305. <https://doi.org/10.1007/s10746-013-9264-2>
- Ginev, D. (2014). Radical reflexivity and hermeneutic pre-normativity. *Philosophy and Social Criticism*, 40(7), 683–703. <https://doi.org/10.1177/0191453714536432>
- Ginev, D. (2019). The dialogical self from the viewpoint of hermeneutic phenomenology. *Culture and Psychology*, 25(3), 275–301. <https://doi.org/10.1177/1354067X17738982>
- Grimell, J. (2018). Advancing an understanding of selves in transition: I-positions as an analytical tool. *Culture and Psychology*, 24(2), 190–211. <https://doi.org/10.1177/1354067X17707451>
- Gurung, R. A., Sarason, B. R., & Sarason, I. G. (2001). Predicting relationship quality and emotional reactions to stress from significant-other-concept clarity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27 (10), 1267–1276. <https://doi.org/10.1177/01461672012710003>
- Hermans, H. J. M. (2001). The dialogical Self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology*, 7(3), 243–281.
- Iversen, A. (2019). Reflexive positioning in identity work: When the shoe does not fit... *Scandinavian Psychologist*, 6. <https://doi.org/10.15714/scandpsychol.6.e8>
- Johnson, J. T., Robinson, M. D., & Mitchell, E. B. (2004). Inferences about the authentic self: When do actions say more than mental states? *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(5), 615–630. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.5.615>
- Konopka, A., Neimeyer, R. A., & Jacobs-Lentz, J. (2018). Composing the self: Toward the dialogical reconstruction of self-identity. *Journal of Constructivist Psychology*, 31(3), 308–320. <https://doi.org/10.1080/10720537.2017.1350609>
- Leontiev, D. A. (2009). Labirint identichnostei: ne chelovek dlya identichnosti, a identichnost' dlya cheloveka [Identities' labyrinth: not a man for identity, but identity for a man]. *Filosofskie Nauki*, 10, 5–10.
- Lichtenberg, J. D. (2017). Narrative contributions to the core sense of self, identity, and individuality. In J. D. Lichtenberg et al. (Eds.), *Narrative and meaning: The foundation of mind, creativity, and the psychoanalytic dialogue* (pp. 229–240). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315205212>
- Mallett, O., & Wapshott, R. (2012). Mediating ambiguity: Narrative identity and knowledge workers. *Scandinavian Journal of Management*, 28(1), 16–26. <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2011.12.001>
- Marková, I., & Novaes, A. (2020). Chronotopes. *Culture & Psychology*, 26(1), 117–138. <https://doi.org/10.1177/1354067X19888189>
- Mashek, D., Aron, A., & Boncimino, M. (2003). Confusions of self with close others. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(3), 382–392.
- Petrovsky, V. A., Starovoitenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(1), 21–39. (in Russian)
- Raggatt, P. T. F. (2014). The dialogical self as a time–space matrix: Personal chronotopes and ambiguous signifiers. *New Ideas in Psychology*, 32, 107–114.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii* [Issues of general psychology]. Moscow: Prosveshchenie.

- Sartre, J.-P. (2002). *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness. An essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika. (Original work published 1943 in French)
- Schlegel, R. J., Hicks, J. A., Arndt, J., & King, L. A. (2009). Thine own self: True selfconcept accessibility and meaning in life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(2), 473–490. <https://doi.org/10.1037/a0014060>
- Starovoitenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: the life of personality in culture]. M.: Akademicheskii proekt.
- Starovoitenko, E. B. (2019). Self-identity of the I in internal dialog. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16(3), 434–456. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-434-456> (in Russian)
- Starovoitenko, E. B. (2020). Paradoxes of achieving self-identity: hermeneutical model. *Mir Psikhologii*, 102(2), 118–134. (in Russian)
- Starovoitenko, E. B., Shchebetenko, S. A. (2020). Unknown self in reaching self-identity and self-transformation. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(4), 757–778. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-757-778> (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2020). *Models of the dialogical achievement of the I's self-identity*. Psychology. PSY. Higher School of Economics. No. WP BRP 117/PSY. <https://publications.hse.ru/preprints/374625477>
- Strohminger, N., Knobe, J., & Newman, G. (2017). The true self: A psychological concept distinct from the self. *Perspectives on Psychological Science*, 12(4), 551–560. <https://doi.org/10.1177/1745691616689495>
- Tomassini, M. (2015). Reflexivity, self-identity and resilience in career development: Hints from a qualitative research study in Italy. *British Journal of Guidance and Counselling*, 43(3), 263–277. <https://doi.org/10.1080/03069885.2015.1028890>

Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 4. С. 837–857.
Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. N 4. P. 837–857.
DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-837-857

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА: ОТ ИДЕИ К ПРАКТИКЕ

В.Б. ШУМСКИЙ^a, Е.М. УКОЛОВА^a

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Background and Basis of Personalistic Anthropology of Modern Existential Analysis: From Idea to Practice

V.B. Shumskiy^a, E.M. Ukolova^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

Современный экзистенциальный анализ как направление психологической науки и практики развивается благодаря диалогу с философией, академической психологией, теоретическими моделями и практическими методами различных школ психотерапии. Именно такой диалог в последнее десятилетие привел к существенному развитию представлений о духовном измерении человека, составляющих базис экзистенциально-аналитической антропологии — дифференциации феноменальных проявлений духовного измерения на Я и личность и соответствующей понятийной концептуализации. В настоящей статье впервые систематизированы развивающиеся в последних работах А. Лэнгле представления о духовном Я как центре самосознания, принятий решений, волевой активности человека и духовной личности как центре ориентации в пространстве сущности бытия. Прослеживается преемственность линии развития идеи личности от философской антропологии М. Шелера и психологии поиска смысла В. Франкла к современному экзистенциальному анализу

Abstract

Modern existential analysis, as a school of psychological science and practice, is developing through dialogue with philosophy, academic psychology, theoretical models and practical methods of various approaches in psychotherapy. In the last decade this dialogue has led to a significant development of ideas about the spiritual dimension of a human being, which form the basis of existential-analytical anthropology — the differentiation of phenomenal manifestations of the spiritual dimension into the Self and the Person and the corresponding conceptualization. This article systematizes the ideas developed in the recent works of A. Länge regarding the spiritual Self as a center of self-consciousness, decision-making and volitional activity of an individual, and the spiritual Person as the center of orientation in the field of the essence of being. We trace the continuity of the development of the idea of the Person, starting from the philosophical anthropology of M. Scheler through V. Frankl's psychology of the search for meaning to the modern existential analysis

А. Лэнгле. Концепты «духовное Я» и «духовная личность» рассмотрены как феномены человеческого бытия и как теоретические конструкты. Подробно проанализировано теоретико-методологическое значение различия Я и личности для понимания проблемы аутентичности и генеза индивидуальных различий, преодоления абсолютизации психоноэтического антагонизма концепции В. Франкла, раскрытия важности внутреннего диалога в динамике самоотношения и самоосуществления. Обосновано понимание развития человека как становление его духовного Я и способности предоставлять личности пространство возможностей в человеческом бытии, а также понимание психического здоровья, психических расстройств и релевантный подход к разработке стратегии и методики психотерапии. Показаны философско-методологическая и культурно-историческая перспективы развития идеи личности в современном экзистенциальном анализе.

Ключевые слова: культурогенез идеи личности, персоналистическая антропология, экзистенциальная психология, экзистенциальный анализ, духовная личность, духовное Я, взаимодействие Я и личности, внутренний диалог, интегральная модель психотерапии.

Шумский Владимир Борисович — доцент, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: методология и история психологии, экзистенциальная философия и психология, психология личности, психология внутреннего диалога, психологическое консультирование, психотерапия.

Контакты: vshymsk@hse.ru

Уколова Елена Михайловна — старший преподаватель, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

of A. Längle. The concepts of “spiritual Self” and “spiritual Person” are considered as the phenomena of human existence as well as theoretical constructs. The theoretical and methodological significance of the distinction between the Self and the Person for understanding the problem of authenticity and the genesis of individual differences, overcoming the absolutization of psychonoetic antagonism of V. Frankl's theory, revealing the importance of inner dialogue in the dynamics of relation to oneself and self-realization is analyzed in detail. We substantiated the understanding of human development as the establishment of his spiritual Self and the ability to provide the Person with a space of opportunities in human existence, as well as the understanding of mental health and mental disorders and the corresponding approach to development of a strategy and methods of psychotherapy. The philosophical-methodological and cultural-historical prospects of the development of the idea of the Person in modern existential analysis are shown.

Keywords: cultural genesis of the person, personalistic anthropology, existential psychology, existential analysis, spiritual person, spiritual self, interaction between self and the person, inner dialogue, integral model of psychotherapy.

Vladimir B. Shumskiy — Associate Professor, Department for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: methodology and history of psychology, personality psychology, existential philosophy and psychology, psychology of inner dialogue, psychological counselling, psychotherapy.

E-mail: vshymsk@hse.ru

Elena M. Ukolova — Senior Lecturer, Department for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: personality psychology, existential psychology and psychotherapy,

Сфера научных интересов: психология личности, методология преподавания психологии, психология межличностных отношений, экзистенциальная психология и психотерапия, психология развития, психологическое консультирование, детская и подростковая психология и психотерапия.

Контакты: eukolova@hse.ru

developmental psychology, relational psychology, child and adolescent psychology and psychotherapy, psychological counselling.

E-mail: eukolova@hse.ru

Введение

Альфрид Лэнгле, ученик и коллега Виктора Франкла, один из ведущих современных экзистенциальных психологов и психотерапевтов, работает в НИУ ВШЭ с 2005 г. В этом году он отмечает 70-летний юбилей.

А. Лэнгле внес существенный вклад в развитие теории и практики экзистенциальной психологии и психотерапии: достаточно хорошо известны концепция фундаментальных экзистенциальных мотиваций (Лэнгле, 2005, 2019, 2020а), теория эмоций (Лэнгле, 2006, 2007), базовый метод экзистенциально-аналитической психотерапии «персональный экзистенциальный анализ» (Лэнгле, 2009; Лэнгле и др., 2014). Благодаря его трудам экзистенциальная психотерапия из «дополнения» к другим школам психотерапии стала самостоятельным современным психотерапевтическим направлением, построенным на оригинальном теоретическом базисе экзистенциальной философии и психологии (Шумский, 2020).

Сотрудничая с профессором Лэнгле в департаменте психологии НИУ ВШЭ, авторы настоящей статьи могли наблюдать, как он в ходе диалогов с коллегами или отвечая на вопросы магистрантов дополняет и уточняет положения своей концепции. В последнее время в его статьях и лекциях оформляется существенная, с нашей точки зрения, понятийная дифференциация, касающаяся ядра теоретической концепции экзистенциального анализа — представлений о духовном (ноэтическом) измерении человека.

В статье раскрываются и систематизируются основные положения, характеризующие развитие антропологической модели современного экзистенциального анализа и рассматривается их методологическое значение для экзистенциальной психологии и психотерапии.

Идея личности как краеугольный камень экзистенциального анализа: ретроспектива

Антропологическая модель экзистенциального анализа базируется на одной из основных интуиций европейской культуры о сущности человека — идее человека как существа, способного совершать свободный выбор, принимать самостоятельные решения. Начиная с поздней Античности и распространения христианства такое понимание человека было представлено в религиозно-философском концепте «личность» (Мосс, 2011; Розин, 2021).

В начале XX в. немецкий философ М. Шелер преобразовал религиозную идею личности в философско-антропологическую категорию, раскрыл специфику личностного бытия по отношению к природному и социальному бытию человека. Именно представления М. Шелера о личности, на которых мы коротко остановимся, стали основанием логотерапии В. Франкла и современного экзистенциального анализа А. Лэнгле.

Понимание личности в философской антропологии М. Шелера

Сущностным признаком, отличающим человека от животного, М. Шелер полагает дух как внеприродный принцип, противостоящий сфере психовитального и телесного, которая роднит человека с животным миром. Центр духовного бытия человека — «деятельный центр, в котором дух является внутри конечных сфер бытия» — М. Шелер называет «личностью» (Шелер, 1988, с. 53). Реконструируя представления немецкого философа о личности, мы выделили следующие основные положения (Уколова, Шумский, 2016):

1. Человеческое существо представляет собой диалектическое единство жизни и духа. «Жизнь» связана с психофизическим организмом человека, «дух» — со сверхвitalьным началом, не выводимым из жизни и не сводимым к ней. «Личность» выступает как «действующий агент» духовного бытия человека, который инициирует и осуществляет духовные акты.

2. Бытие личности характеризуется динамическим взаимодействием с психофизическим организмом человека: сублимацией «энергии жизни» в «духовную энергию», координацией и перенаправлением витальных импульсов на деятельность по воплощению ценностей. Но если человек оказывается во власти влечений и сиюминутных импульсов, он может утрачивать бытие личностью и вести существование, целиком пребывая во власти своих чувственных порывов.

3. Личность не субстанциональна и не пространственна; бытие личности не обладает временной непрерывностью. Как «деятельный агент», личность существует — или появляется и проявляется — в самоустановлении, самоосознании и самоосуществлении.

4. Личность проявляется себя в следующих духовных актах:

- мышлении в идеях;
- постижении сущностных форм устройства мира;
- восприятии и переживании ценностей;
- принятии решений;
- волевой активности, направляемой идеями и ценностями;
- переживании высших эмоциональных состояний, таких как любовь агапэ (*agapē*), доброта, прощение, сострадание, почитание, раскаяние, стыдливость и др.

5. Личность обладает «бытийной самостоятельностью», которая выражается в свободе, независимости от принуждения и давления со стороны как внешних обстоятельств, так и внутренних условий. Личность принципиально не обусловлена физическими, психическими или социологическими законами, но эти законы задают личности границы ее свободы.

6. Личность обладает способностью к феноменологическому восприятию — «сущностному видению» структуры мира и иерархии ценностей, предлагающей человеку основания для оценок, осуществления выбора и поступков.

7. Человек не может объективировать собственное бытие личностью, однако способен почувствовать себя личностью благодаря переживанию самого себя центром духовных актов. Также и другие люди как личности не могут быть объективированы. Возможно только соучастствовать с другой личностью в ее бытии посредством собственных переживаний и размышлений и понять другого человека как личность, идентифицируя себя с ним.

8. Личность, с одной стороны, в содержательном и ценностном аспектах неразрывно связана с окружающим миром, а с другой стороны, отделена от мира и противопоставлена миру — как внешнему, так и собственному психофизическому организму. Как личность, человек обладает способностью к духовному дистанцированию от самого себя и от мира и, как следствие, к объективации собственного психофизического бытия и окружающего мира.

9. Человек духовно «открыт миру» в его содержательной и ценностной сущности вследствие способности личности освобождаться от давления и принуждения со стороны психофизического бытия.

10. Ценности есть онтологические феномены, существующие объективно и независимо от человека и обладающие априорной иерархической структурой. Личность принадлежит к наивысшей ступени априорной иерархии ценностей.

11. Каждое человеческое сообщество и каждый отдельный человек имеют собственную, исторически изменчивую структуру восприятия и переживания ценностей, которая задает личности правила предпочтения ценностей и определяет мировоззрение человека. «Индивидуально-действенные ценности», являющиеся мотивами поступков конкретного человека как личности, распознаются им благодаря совести.

12. Актуализируя свое личностное начало, человек обретает свободу и ответственность формировать самого себя и свою жизнь посредством усилий собственного духа.

Личность: от философско-антропологического к психологическому дискурсу

В. Франкл писал: «Вспомним определение Макса Шелера, которое он дает личности: он называет ее исполнителем и центром духовных актов» (2000б, с. 228). Понимание личности, представленное в философской антропологии М. Шелера, он использовал в теории и практике логотерапии, показав его психологический потенциал и психотерапевтическую релевантность (Франкл, 2015, 2020). Обозначим те аспекты концепции В. Франкла, которые развивают персоналистические идеи М. Шелера (Уколова, Шумский, 2016):

1. Промежуточной ступенью от философско-антропологического дискурса к психологическому — к описанию и пониманию индивидуального человеческого бытия — в концепции В. Франкла выступает экзистенциальная философия.

В его работах осуществлен синтез персоналистической антропологии и экзистенциальной онтологии, тем самым идея духовной личности была привнесена в экзистенциальную психологию и психотерапию.

2. Тезис о стремлении личности к смыслу становится центральным.

3. Традиционная для европейской культуры «трехчленная» модель человека (тело — психика — дух) представлена в концепции В. Франкла в виде трех ортогональных измерений («дименциональная антропология и онтология»). В этой модели предложено оригинальное для психологических подходов разделение нематериальной человеческой реальности на психическую и духовную. В основе динамики психического измерения человека — стремление к удовольствию, в основе духовной динамики («ноодинамики») — стремление к смыслу¹.

4. Предложено различие сознательного и бессознательного в духовном бытии человека: «Духовная личность в принципе может быть как сознательной, так и бессознательной; мы можем сказать, что духовная глубинная личность обязательно бессознательна... дух по своему происхождению есть дух бессознательный» (Франкл, 2000б, с. 232). Важной задачей сознательного духовного Я является осознание бессознательных духовных содержаний и воплощение их в поступках.

5. Идея личности как «действующего агента», как духовного начала человеческого бытия, направленного на воплощение смысла, является у В. Франкла базисом для построения теории и практики логотерапии. Философские положения о личности, сформулированные М. Шелером в самом общем виде, В. Франкл сделал практически применимыми к пониманию индивидуальной жизни и помощи конкретному человеку в его страдании.

Можно выделить следующие проблемные аспекты представлений В. Франкла, которые также представляют собой «точки роста» для становления идеи духовной личности в качестве психологической категории:

- религиозные представления о генезе личности (Франкл, 2000б; Frankl, 1951, 1997);
- абсолютизация «психоноэтического антагонизма» как принципа взаимодействия телесно-психического и духовного начал человека;
- поставлена, но не получила развернутого решения проблема взаимодействия «сознательного духовного Я» и «бессознательной глубинной личности»;
- отсутствуют представления об индивидуальных различиях в способности проживать личностное начало и представления о процессе становления человека личностью в онтогенезе.

Дальнейший шаг в развитии психологических представлений о духовной личности осуществлен в экзистенциальном анализе А. Лэнгле.

¹ Категория «личность» в учении В. Франкла относится к духовному измерению человеческого бытия. В. Франкл последовательно стремился отграничиться от религиозных коннотаций в понимании духовности, подчеркивая, что «духовное измерение» в его концепции «является антропологическим, а не теологическим» (Франкл, 2000а, с. 229). В рамках настоящей статьи мы также будем использовать термин «личность», или «духовная личность», применительно к духовному измерению человеческого бытия.

Развитие идеи личности в экзистенциальном анализе А. Лэнгле

Если в концепции В. Франкла идея личности находится скорее на заднем плане проблематики поиска смысла, то А. Лэнгле поставил категорию «личность» и основания для актуализации бытия человека личностью в центр теории и практики экзистенциального анализа: «В экзистенциальном анализе мы видим сущность человека в его бытии-личностью» (Längle, 2013, S. 49). В соответствии с этим «специфическая точка приложения сил в экзистенциально-аналитической работе состоит в том, чтобы сделать возможной реализацию сущности человека в рамках тех требований и той проблемы, которые существуют в его мире» (Лэнгле, 2020б, с. 24).

Методологические посылки

А. Лэнгле основывается на постулируемой М. Шелером способности духовной личности к феноменологическому восприятию, к постижению сущностной структуры мира и человеческого бытия.

Задача феноменологии в самом общем виде может быть сформулирована как экспликация непосредственного, метанarrативного доверbalьного опыта человека с целью выявления его инвариантных оснований. В свою очередь, результаты феноменологического познания описываются с использованием того или иного уровня обобщения, с выделением структуры, связей и закономерностей познаваемой реальности.

В первой трети XX в. такую задачу, как известно, поставил перед собой М. Хайдеггер, который на основе феноменологии создал «фундаментальную онтологию» человеческого бытия. Предлагая альтернативу традиционной «кантично-христианской антропологии», он разработал для описания человеческой реальности особый язык и особую систему понятий-экзистенциалов (Хайдеггер, 2001, 2003). Однако язык экзистенциалов является философским, не предназначенный для решения задач конкретных наук, таких как психология и психотерапия. Кроме того, с нашей точки зрения, при использовании особого языка М. Хайдеггера для описания человеческой реальности происходит определенное рассогласование с предшествующей историко-культурной традицией понимания человека.

В отличие от этого в концепции А. Лэнгле обобщение результатов феноменологического познания бытия осуществляется с использованием слов, в которых человек понимает самого себя и свой повседневный субъективный опыт: согласие, справедливость, опора, пространство, защищенность, доверие, надежда и т.п. — одновременно с использованием существующего категориального аппарата психологии и психотерапии (Лэнгле, 2005, 2006, 2019, 2020а).

Можно сказать, что такой методологический подход соответствует сформулированной в начале XXI в. позиции метамодернизма, которая предлагает интеграцию модернизма и постмодерна — возврат к общим концепциям и универсальным истинам с одновременным признанием релятивизма, изменчивости и множественности человеческого существования (Vermeulen, van den Akker, 2010).

Концептуальная дифференциация проявлений духовного измерения человека

Развитие научного знания происходит в значительной степени благодаря дифференциации предметной области конкретной науки. Это позволяет выделять в познаваемой реальности существенные компоненты, более детально изучать как сами компоненты, так и их взаимодействие. Различие глубинной бессознательной духовной личности и сознательного духовного Я, как упоминалось выше, было намечено В. Франклом. Однако основатель логотерапии только указал на возможность подобной дифференциации.

В работах А. Лэнгле до 2014 г. категория «личность» (Person) относилась ко всему духовному измерению человека: «Личность — центральное понятие экзистенциального анализа, используемое для описания духовного измерения человека и его способности к экзистенции» (Längle, 2008, S. 35). В книгах и статьях присутствовало разделение на духовную личность и духовное Я человека, однако это различие не было ясно концептуализировано. В статье 2014 г. «Die Aktualisierung der Person. Existenzanalytische Beiträge zur Personierung der Existenz» (Längle, 2014a) проведено последовательное различение: ряд феноменов духовного измерения человека концептуализируется как «личность», тогда как другие феномены духовного измерения концептуализируются как проявление человеческого Я.

Можно сказать, что в самом общем виде задачей духовного Я человека является принятие решений и осуществление этих решений в направляемых волей поступках. Назначение духовной личности как сущности человека состоит в том, чтобы устанавливать существенные отношения со всем, с чем человек соотнесен, и предлагать человеку такие способы поведения, отношения к самому себе и к окружающему миру, в которых он в наибольшей степени соответствовал сущности бытия и мог быть самим собой.

Разграничение духовной личности и духовного Я имеет, с нашей точки зрения, важное значение для развития теории и разработки методов консультирования и психотерапии в современном экзистенциальном анализе. Покажем, как представлено в концепции А. Лэнгле описание духовной личности, духовного Я и их взаимодействия.

Духовная личность как феномен человеческого бытия

Работы А. Лэнгле позволяют выделить ряд основных аспектов проявления духовной личности во внутреннем мире человека (Лэнгле, 2005; Längle, 2013, 2014a, 2014b):

1. Постоянно присущее в человеке чувство согласованности/несогласованности, соответствия/несоответствия, согласия/несогласия, гармонии/дисгармонии с тем, где он находится и чем занят в данный момент. Это фоновое оценочное чувство, всегда сопровождающее человека, субъективно может переживаться как: «Это мне походит, соответствует; я с этим согласен».

2. Ощущение резонанса, которое появляется у человека рядом с тем, что в особенной степени переживается как соответствующее ему: «Это мое!»; «Вот здесь я — на своем месте!» Появляется переживание, что я на своем месте — в этом городе, рядом с этим человеком или рядом с этими людьми в этой профессиональной деятельности. Сюда же можно отнести персональную любовь как резонанс между сущностью Я и сущностью Ты, как восприятие другого человека в его глубине и потенциалах развития.

3. Некий «внутренний голос», или внутренний импульс, стремящийся обратить внимание человека на существенное, которое он пока не замечает: «Вот это — на самом деле твоё», «Тебе — сюда!», «Посмотри, как красив этот заход солнца, как хороша эта музыка, как прекрасен этот мир!»

4. Творческие импульсы, а также озарения и инсайты, которые приходят к человеку относительно его самого и его собственного поведения или понимания того, как устроен окружающий мир.

5. Голос совести, который советует, предостерегает, одобряет в ситуации выбора и принятия человеком решений. Голос совести также предъявляет человеку результаты оценивания на основе глубинного интуитивного чутья: являются ли правильными или неправильными действия, планируемые и совершенные самим человеком или другими людьми.

6. Речь собеседника во внутреннем диалоге человека с самим собой.

Со стороны внешнего наблюдателя проявления личностного начала в другом человеке можно увидеть и почувствовать:

1. В особенном блеске глаз, отражающем полную включенность в происходящее; в звучании голоса, идущего словно из самой глубины человека; в плавности и соразмерности движений, в ощущении спокойствия, внутренней прочности, уверенности, целостности, которое словно бы излучается таким человеком.

2. В диалогической Встрече, когда с откровенностью, взаимопониманием и эмпатией происходит глубокое внутреннее общение с собеседником и словно бы открывается возможность прикоснуться к самой сокровенной его сердцевине.

Духовная личность как теоретический конструкт

А. Лэнгле отмечает, что опирается на представления М. Шелера о личности (Лэнгле, 2009), и часто ссылается на работы М. Шелера (Лэнгле, 2005, 2019, 2020а; Längle, 2014а, 2014б). Вместе с тем мы можем сказать, что концепция духовной личности в современном экзистенциальном анализе является существенным развитием понимания личности, представленного в трудах немецкого философа. Выделим основные, на наш взгляд, положения А. Лэнгле о духовной личности:

1. Личность есть сущность человека, его подлинное, «аутентичное Я»; экзистенция — это осуществление бытия личностью.

2. Личность не имеет субстанции; личность — это уникальное, автономное, свободное духовное бытие.

3. Личность существует в постоянной соотнесенности с внутренним и внешним миром человека, однако в этой соотнесенности она сохраняет свою

самостоятельность. Иными словами, соотнесенность личности характеризуется «неслияностью и нераздельностью»: одновременной ограниченностью от Иного и связанностью с Иным.

4. Личность существует только в настоящем, в каждый момент времени соотносясь с вновь изменяющимися реалиями внутреннего мира человека и внешнего мира, в котором он находится.

5. Соотнесение духовной личности с внешним и внутренним миром характеризуется диалогом; диалог понимается как способ бытия личности.

6. В диалогическом взаимодействии личности можно выделить три этапа: восприятие, интеграция, занятие позиции. Благодаря способности к феноменологическому видению личность воспринимает и распознает существенное и устанавливает сущностные отношения с тем, где человек сейчас находится, с чем он соотнесен, и тем, что происходит в его внутреннем мире. Далее личность интегрирует установленные сущностные взаимосвязи и соотносит их с собой. За интеграцией следует занятие личностью позиции по отношению к тому, чем человек занимается и где он находится в настоящий момент.

7. Личность стремится к присутствию в мире — стремится к тому, чтобы ее позиция была «услышанной»: во внутренней беседе с духовным Я или во внешнем мире, во Встрече с другим человеком как личностью.

8. Во внутреннем мире личность обращается к Я человека, и в этом обращении личность является «говорящей» — посредством чувств или внутренней речи.

9. Устанавливая сущностные отношения с внутренним и внешним миром и занимая позицию, личность предлагает Я человека ориентацию, следуя которой он может быть самим собой и одновременно соответствовать сущности бытия в контексте конкретной жизненной ситуации.

10. Бытие личностью дано человеку как врожденная предрасположенность. Личность как постоянное ситуативное занятие позиций, выражающееся в адресуемом Я чувстве соответствия/несоответствия, присутствует в человеке всегда. Таким образом, бытие-личностью есть потенциальная возможность; однако будет ли эта возможность реализована, зависит от Я человека.

Можно увидеть, что А. Лэнгле внес в концепцию духовной личности два принципиальных изменения по сравнению с пониманием личности у М. Шелера — В. Франкла:

1. Положение о диалоге как о сущностной характеристики личности.

2. Личность в концепции А. Лэнгле не рассматривается в качестве «деятельного центра», как это было у М. Шелера, но в качестве «центра ориентации» — ориентирования в пространстве сути бытия. В качестве деятельного начала человеческого бытия, или активного агента духовного измерения, согласно А. Лэнгле, выступает Я человека.

Духовное Я как феномен человеческого бытия

Субъективное переживание собственного Я, или Я как феномен, является многогранным: человек переживает себя как Я благодаря своему телу, благодаря своим чувствам, благодаря своей способности мыслить и познавать мир,

благодаря своим действиям, а также благодаря способности распознавать то, что является «правильным» (Лэнгле, 2005; Längle, 2014a). Переживание своего Я содержит как идентификацию, так и разотождествление: «Я есть мое тело» и «У меня есть тело»; «Я есть мои чувства» и «У меня есть чувства». Исходя из того, как переживается человеком собственное Я, можно сказать, что Я представляет собой телесную, психическую и духовную величину, одновременно пассивно-воспринимающую и активно-деятельностную.

В субъективном опыте переживания Я распознаем существенный аспект, который далее мы будем обозначать как «духовное Я». Переживание этого духовного аспекта собственного Я, или базовое онтологическое переживание «я-есть», или «экзистенциальное пробуждение», является отправной точкой для теоретических построений экзистенциальной философии и психологии (Мэй, Ялом, 2008). Это переживание своего Я в его радикальной отделенности от других людей, окружающего мира и одновременно разотождествленности и дистанцированности от собственного тела, мыслей, чувств, жизненной истории, т.е. переживание некоторого неуничтожимого остатка, который человек ощущает в себе.

Переживание «я-есть», пришедшее к человеку впервые, может вызвать у него состояние, близкое к мировоззренческому шоку, и породить множество вопросов. Основатель экзистенциальной философии С. Кьеркегор в первой половине XIX в. формулировал их так: «Где я? Что такое мир? Что означает самое это слово? Кто обманом вовлек меня сюда и бросил на произвол судьбы? Кто я? Как я пришел в мир? Почему меня не спросили раньше, не познакомили со здешними нравами и обычаями, а прямо втиснули в шеренгу, словно рекрута, завербованного поставщиком душ?» (Кьеркегор, 1997, с. 89). Эти вопрошания удивительно перекликаются с тем, как во второй половине XX в. формулирует основные проблемы экзистенциальной психологии Дж. Бьюдженталь: «Кто я или что я? В своем последнем основании? Помимо званий, ролей, степеней и всех этих этикеток, наклеенных на меня? Помимо занятий и отношений, даже имени и личной истории? Кто я? Что я?» (Бьюдженталь, 1998, с. 33).

Именно благодаря переживанию духовного Я как своего «неуничтожимого остатка» человек может осознать себя «решающим бытием», «активным агентом», «действующим Я», т.е. самостоятельным, автономным существом, обладающим собственным топосом в иерархии мироздания.

Теоретическая рефлексия духовного Я человека

Согласно позднему варианту концепции А. Лэнгле, благодаря духовному Я человек способен осознанно формировать свою жизнь, управлять своей жизнью. Соотносясь с внешним и внутренним миром человека, Я как духовная инстанция согласовывает внутреннюю и внешнюю реальности: координирует способности человека с условиями и возможностями, предоставляемыми внешней ситуацией, выбирает, принимает решения и исполняет их. Для принятия и осуществления решений в распоряжении Я находятся психические

функции: ощущение, восприятие, память, мышление, речь. Духовному Я как центру рефлексии и самосознания человека также необходимо хорошее соотнесение с телом и чувствами.

Во внешнем мире Я соотнесено с содержаниями четырех фундаментальных экзистенциальных мотиваций и должно быть способно осуществлять деятельность по реализации этих мотиваций: выдерживать и принимать условия и обстоятельства жизни, в которых находится человек, эмоционально открываться ценностям, воспринимать Иное с уважением, занимать позицию, видеть взаимосвязи и контексты, в которые включен человек, смотреть в будущее, действовать с самоотдачей. Кроме того, Я необходима укорененность в базовых структурах экзистенциальных мотиваций: в фундаментальном доверии, ценности жизни, самоценности и чувствовании смысла (Längle, 2014b).

А. Лэнгле выделяет три вида внутренней деятельности человека в обхождении с самим собой, которые являются основой формирования внутреннего диалога и переживания силы духовного Я: восприятие самого себя, принятие всерьез своих чувств и вынесение суждения о себе. Предпосылками для осуществления этой внутренней деятельности является опыт, который человек получает в интерперсональном общении и в отношениях с другими людьми — опыт заинтересованного внимания и справедливого отношения к себе, а также признание собственной ценности со стороны других (Ibid.). Таким образом, А. Лэнгле подчеркивает, что Я человека изначально формируется в общении с другими людьми — в соответствии с тем, как это было сформулировано в персоналистической философии и философии диалога (Бубер, 1995; Мунье, 1999).

Я человека приобретает наибольшую силу, когда соотносится с духовной личностью. Если человек действует в согласии со своей совестью, то в таком поступке собственное Я переживается как наиболее реальное, сильное и прочное (Лэнгле, 2019).

Взаимоотношения Я и личности

В качестве следующего шага выделим основные методологические следствия дифференциации проявлений духовного измерения человека на Я (самосознание, принятие и осуществление решений) и личность (ориентация в пространстве сущности бытия).

Проблема принятия собственных решений

Что является основанием для решений, которые принимает Я человека? Я свободно в своем выборе. Принимая решения, Я как духовная инстанция может опираться на прошлый опыт, на привычные паттерны поведения, усвоенные в процессе воспитания и социального обучения, на мораль социальной группы, к которой человек чувствует принадлежность, на различные мировоззренческие концепции. Человек может временно утрачивать свое принимающее решения Я под натиском сиюминутных искушений, инстинктивных импульсов и овладевающих им эмоций.

Если человек действует автоматически, реагирует спонтанно, оказываясь отдаленным во власть возникающих в нем эмоций, тогда у него может появиться ощущение, что это действует словно бы не он сам, а нечто заставляет его вести себя тем или иным образом. С другой стороны, человек может принимать сознательное решение, не согласуясь с духовной личностью и даже не предполагая о ее существовании, и при этом у него может появиться ощущение, что решение принял он сам, его Я. Но действительно ли «он сам» принимал такое решение? З. Фрейд утверждал, что если человеку кажется, что решение принимает его Я, то это только иллюзия — решение за него принимает бессознательное, в котором властвуют сексуальный и агрессивный инстинкты (Фрейд, 2015). Постмодернистское мировоззрение, провозгласившее «смерть субъекта», также растворило Я, обосновывая тотальную детерминированность человека лингвистическими структурами и дискурсивными социальными практиками (Лиотар, 1998).

Координирующее внешнюю и внутреннюю реальности человека и принимающее решения Я не может быть основанием для самого себя. Это Я, данное как несомненное и достоверное переживание, есть некая необъективируемая «пустота в густоте бытия», «ничто» (Сартр, 2002). И поэтому Я нуждается в опоре на что-то внешнее, во внешних по отношению к себе основаниях для принятия решений.

Осознание собственного Я, своей уникальности и автономности может обернуться переживанием радикального одиночества и страха. В этой связи И. Ялом подчеркивает: «Чистое ощущение бытия, “я-есть”, чувство собственного бытия как истока вещей слишком пугает, погружая в изоляцию, поэтому человек отрицает самотворение» (Ялом, 2004, с. 424). От страха бытия собой человек бежит в социум, растворяя свое Я в социальных ролях и сценариях.

Противоположная возможность состоит в том, что человеку необходимо в самом себе искать прочные основания для решений и действий. Духовная личность ориентирует человека по направлению к «самой своей способности быть», если воспользоваться формулировкой М. Хайдеггера (2003, с. 316). Человек становится сущностным, когда его Я предоставляет духовной личности пространство, чтобы личность, благодаря Я, смогла проявиться в поведении человека и в его поступках. Если Я действует, не соотносясь с духовной личностью, тогда человек живет, не следя тому, о чем говорит ему его сущность, и поэтому не является целостным.

Когда человек проживает свое бытие личностью, он «является самим собой», «является собой подлинным, собой-настоящим», если описывать его переживания, или является аутентичным, если обозначать это переживание в психологическом дискурсе. Такой человек чувствует внутреннее спокойствие, свободу от мук противоположных устремлений, переживает себя целостным и является психически здоровым. В соответствии с этим цель экзистенциального анализа, как считает А. Лэнгле, состоит в том, чтобы помогать людям жить свободной и аутентичной жизнью (Längle, 2019b, p. 319).

*Преодоление абсолютизации психоноэтического антагонизма учения
В. Франкла*

В своей «дименциональной антропологии» В. Франкл подчеркивал фундаментальное различие свободного, недетерминированного духовного измерения и детерминированной плоскости психофизического, определяя его как «психоноэтический антагонизм». Этот антагонизм «дает человеку возможность утвердить себя в своей человечности наперекор телесно-психическим состояниям» (Франкл, 2000а, с. 111), вступая «в противостояние телесным и психическим феноменам» (Там же, с. 11). В. Франкл утверждал, что человек «может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания» (Там же, с. 30). Таким образом, в логотерапии имплицитно полагалось, что телесное и психическое измерения человеческого бытия представляют проблему для бытия человека духовной личностью и тем самым ограничивают человека в его возможностях находить и осуществлять смысл.

В отличие от этого в концепции А. Лэнгле утверждается, что свободная духовная личность, которую невозможно объять и зафиксировать, благодаря психическим способностям, находящимся в распоряжении духовного Я, взаимодействует со структурами психики и тела и тем самым проявляется в теле и психике человека. Установкой Я по отношению к собственной духовной личности является признание того, что сама эта личность может прийти в мир и воплотиться только благодаря Я. Иначе говоря, Я признает ответственность за актуализацию своей личности, за то, чтобы проживать собственное личностное начало. На основе этой установки и трем видам внутренней деятельности духовного Я как центра самосознания человека — заинтересованное внимание по отношению к себе, принятие себя всерьез и вынесение суждения о себе — духовная личность проявляется и в телесном, и в психическом, а не только выражает себя через телесное и психическое, как это представлено в учении В. Франкла. Тем самым обосновывается необходимость синergии духовного, телесного и психического в человеческом бытии (Längle, 2014b).

Внутренний диалог как основа взаимодействия Я и личности: от односторонности к равноправному партнерству

Представление о необходимости повиновения голосу совести как голосу Бога является традиционным для христианской культуры. Этот же посыл содержится и в учении В. Франкла (Франкл, 2000б). Речь идет об одностороннем взаимодействии Я и личности: задача Я состоит в том, чтобы быть внимательным в постоянной готовности расслышать и исполнить то, что «скажет» личность.

В отличие от этого в концепции А. Лэнгле обосновывается равноправие статусов духовного Я и духовной личности в человеческом бытии. Я и личность смотрят на мир с разных позиций: личность видит вещи с точки зрения их внутренней сущности, Я — с точки зрения практического использования;

личность соотносится с тем, что является «принципиально правильным», Я — с тем, что является «практически осуществимым». Эти перспективы в бытии человека должны быть согласованы, поэтому Я и личность изначально и неизбежно находятся в состоянии постоянного внутреннего диалога. Духовное Я и духовная личность обладают взаимодополняющими характеристиками: рациональное мышление и рефлексивность Я предлагают иной взгляд, чем интуитивное видение личности; изменение контекста и получение дополнительной информации о какой-либо ситуации или человеке, которое может предпринять сознательное Я, помогает избежать ошибок совести — все это делает восприятие себя и мира многограннее, объемнее. Личность говорит с Я — и в этой нескончаемой внутренней беседе двух визави человек одновременно и Я, и личность, которые обсуждают и проясняют, как поступить, как жить дальше. Личность и Я, таким образом, являются смыслителями, сотрудниками, сотворцами в формировании человеком своей жизни. Диалог сознательного Я с духовной личностью представляет собой источник и основание самодетерминации, благодаря этому диалогу человек становится обоснованным и укорененным в самом себе и тем самым истинным субъектом жизни как причиной самого себя.

С нашей точки зрения, представления о равноправном диалогическом общении Я и личности не оставляют места для религиозных коннотаций в понимании духовной личности. В диалогическом подходе к духовному измерению человека проявления духовной личности утрачивают свой мистический, метафизический диктаторский характер. При этом «этически правильное» становится переживанием человека, которое не навязывается ему извне — ни из социума, ни из потусторонности трансцендентности, — а появляется и созревает в процессе разговора с самим собой при принятии конкретного решения.

Развитие Я и его способности предоставлять личностному пространство в человеческом бытии

Вслед за персоналистической философской традицией А. Лэнгле полагает, что бытие личностью дано человеку как врожденная предрасположенность (Längle, 2014b). В то же время способность проживать бытие личностью приходит к человеку благодаря развитию Я и осознанию ответственности за актуализацию собственной личности. А. Лэнгле подчеркивает, что развитие духовного Я не ограничивается каким-либо возрастным периодом или этапом жизни, в противном случае были бы невозможны те изменения, которые происходят с человеком благодаря психотерапии (Лэнгле и др., 2014, с. 167). Чем более зрелым и структурированным является Я человека, тем более проявляется его способность обнаружить и расслышать голос личности, соотнести с ним, вступить с ним в диалог и проживать личностное начало в конкретике своей жизни.

Мы можем отметить, что в контексте психологии развития представления А. Лэнгле содержат два важных момента:

- развитие человека не ограничивается ранними возрастами — детством и юношеством; развитие человека в зрелом возрасте понимается и конкретизируется как становление способности Я проживать личностное начало;
- несмотря на то что развитие Я инициируется интерперсональным общением, решающая роль в развитии собственного Я и актуализации личности с определенного возраста принадлежит внутренней деятельности самого человека и характеризует его персональную зрелость.

Из перспективы духовного измерения человека индивидуальные различия можно соотнести с различиями в степени развития духовного Я, его способности вступать в соотнесение с личностью и создавать пространство для проявления личности в человеческом бытии. Отличия в том, насколько у Я сформированы способности к реализации той или иной фундаментальной экзистенциальной мотивации, становятся индивидуальным профилем, который характеризует специфические особенности во взаимоотношении Я и личности у конкретного человека. Эти особенности, исходя из экзистенциально-аналитической перспективы, и являются основой для описания и систематизации индивидуальных различий.

Экзистенциальный анализ как интегральная модель психотерапии

В основе психических нарушений с точки зрения экзистенциального анализа лежит отсутствие или ограниченность духовной способности Я актуализировать бытие личностью. Это может быть вызвано двумя основными факторами:

- дефицитами в реализации фундаментальных экзистенциальных мотиваций, что связано с недостаточностью «силы Я»;
- заблокированностью внутреннего диалога Я и личности (Лэнгле, 2020а).

Соответственно, для укрепления Я в структурах бытия необходима проработка дефицитов в темах отдельных фундаментальных экзистенциальных мотиваций. В экзистенциальном анализе А. Лэнгле разработаны специфические методы помощи пациентам, испытывающим конкретные проблемы или страдающим от определенных психических расстройств. Основной целью этих методов является укрепление «силы Я» (Längle, 2013).

Можно сказать, что каждое направление психотерапии центрируется на развитии того или иного аспекта сознательного духовного Я человека: психоанализ — на способности Я интегрировать психодинамические либидинозные и агрессивные импульсы, когнитивно-поведенческая терапия — на способности Я к обучению, психодрама — на способности Я к эмоциональной открытости и экспрессивности и т.д. В то же время в экзистенциально-аналитическом понимании Я, с точки зрения концепции фундаментальных экзистенциальных мотиваций и процесса взаимодействия Я и Личности, представлены все аспекты способностей Я.

В контексте различия духовного Я и духовной личности разработанный А. Лэнгле психотерапевтический метод «Персональный экзистенциальный анализ» (ПЭА) можно рассматривать как последовательную многоаспектную

процедуру реструктуризации диалогического общения Я и Личности (Längle, 2014b). В процессе ПЭА происходит поэтапная интеграция динамических сил телесной, психической и духовной природы, присутствующих в человеке. В сердцевине метода — нахождение согласованной с духовной личностью собственной позиции человека по отношению к конкретной жизненной ситуации. В переживании согласия с духовной личностью сознательное Я находит базис, на котором принимается аутентичное решение, реализуемое в ответственном поступке.

Если рассматривать ПЭА и происходящий в его рамках процесс согласования Я и личности с точки зрения содержаний и тем, лежащих в фокусе внимания основных направлений современной психотерапии, то можно утверждать, что в этом методе сочетаются:

- открытость по отношению к собственным чувствам, их осознание и принятие;
- понимание причин возникновения чувств и поведенческих реакций;
- интеграция чувств и реакций в актуальный и биографический контексты;
- прояснение и коррекция когнитивных и ценностных установок;
- обращение к глубинному чувствованию того, какое поведение является аутентичным в контексте данной жизненной ситуации;
- принятие решений и планирование деятельности по их осуществлению;
- тренировка новых способов поведения в проблемных ситуациях.

В ПЭА проводится комплексная и системная работа с темами и проблемными областями, характерными для психодинамических, когнитивно-поведенческих и экзистенциально-гуманистических подходов в психотерапии. Мы можем сказать, что выросший из экзистенциального анализа и логотерапии В. Франкла экзистенциальный анализ А. Лэнгле представляет собой, по сути, интегральную модель психотерапии.

Заключение

Развитие теории и практики современного экзистенциального анализа происходит благодаря многоплановому и разностороннему диалогу — с историей культуры и современным социокультурным контекстом, с академической психологией, с различными школами и направлениями психотерапии. В практике консультирования и психотерапии происходит диалог с пациентами, в образовательном процессе — диалог со студентами и коллегами. Без диалогического обмена, без постоянного переосмыслиния и проблематизации собственных концептов и принципов экзистенциальный анализ воспроизвоздил бы одно и то же знание, которое замыкалось само на себя в отрыве от современного развития методологии, теории и практики психологии и психотерапии.

В течение последнего десятилетия такой диалог привел к развитию представлений о духовной личности, лежащих в основе экзистенциально-аналитической антропологии — дифференциации феноменальных проявлений духовного измерения человека на Я и «личность» и соответствующей понятийной концептуализации. Благодаря этому, на первый взгляд, небольшому приращению

теории стала возможна более точная и глубокая рефлексия исходных оснований, теоретических представлений, а также целей и методов работы в практике экзистенциального анализа. Стали яснее видны содержательная близость и конкретные точки пересечения с другими школами экзистенциальной психологии и психотерапии. Мы можем надеяться, что уточнение исходных теоретических оснований экзистенциального анализа станет надежной основой для дальнейшего развития его теории и методов.

Если посмотреть из философско-методологической перспективы, то можно попытаться увидеть значение, которое имеет совершенствование антропологической модели современного экзистенциального анализа для развития идеи личности, лежащей в основе европейской культуры. Начиная с Античности центральным в идее личности было понимание человека как существа, способного принимать самостоятельные решения, существа сознательного, автономного, независимого, свободного, ответственного. В Античности категория «личность» имела также этический аспект, а значение метафизической сущности человека было добавлено к категории «личность» в Христианстве (Мосс, 2011).

Мы можем сказать, что в предложенном А. Лэнгле концептуальном различении феноменов духовного измерения человека на Я и личность были методически выделены отдельные аспекты идеи личности: духовное Я — сознательность, автономность, свобода, ответственность, социальная мораль; духовная личность — автономность, независимость, свобода и этика, соотнесененная с сущностью бытия. Одновременно с этим обосновывается необходимость постоянного внутреннего диалогического взаимодействия Я и личности. В целостном, психически здоровом человеке благодаря взаимодействию Я и личности все аспекты исходной «идеи личности» согласуются, приходят в равновесие, что, в конечном счете, позволяет человеку жить аутентично с внутренним согласием.

Культурно-историческое значение развития идеи личности, представленное А. Лэнгле, с нашей точки зрения, состоит в том, что он освободил идею личности от религиозных и метафизических коннотаций и предложил то, что может быть обозначено как «постхристианская антропология», отвечающая современным социокультурным реалиям и вызовам времени. При разработке оригинальной концепции экзистенциального анализа им был проделан путь от философско-антропологических оснований идеи личности к описанию духовной личности как психологической категории, раскрытой через систему понятий, операционализированных в методах консультирования и психотерапии.

Литература

- Бубер, М. (1995). *Два образа веры*. М.: Республика.
- Бьюдженталь, Д. (1998). *Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии*. М.: Класс.
- Кьеркегор, С. (1997). *Повторение. Опыт экспериментальной психологии*. М.: Лабиринт.

- Лиотар, Ж. Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя.
- Лэнгле, А. (2005). *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.
- Лэнгле, А. (2006). *Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций*. М.: Генезис.
- Лэнгле, А. (ред.). (2007). *Эмоции и экзистенция*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Лэнгле, А. (2009). *Персональный экзистенциальный анализ*. В кн. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадриков (ред.), *Психология индивидуальности: новые модели и концепции* (с. 356–382) М.: МПСИ.
- Лэнгле, А. (2019). *Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Лэнгле, А. (2020а). *Экзистенциальный анализ*. М.: Когито-Центр.
- Лэнгле, А. (2020б). Диалогика и Dasein. Как способствовать развитию психотерапевтического процесса в коммуникации и повседневной жизни. *Экзистенциальный анализ*, 12, 13–36.
- Лэнгле, А., Уколоева, Е. М., Шумский, В. Б. (2014). *Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования*. М.: Логос, 2014.
- Мосс, М. (2011). *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: КДУ.
- Мунье, Э. (1999). *Манифест персонализма*. М.: Республика.
- Мэй, Р., Ялом, И. (2008). Экзистенциальная психотерапия. *Журнал практической психологии и психоанализа*, 4, 101–144.
- Розин, В. М. (2021). *Личность и ее изучение*. М.: URSS.
- Сартр, Ж.-П. (2002). *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика.
- Уколоева, Е. М., Шумский, В. Б. (2016). *Идея личности в экзистенциальном анализе Виктора Франкла*. М.: Логос.
- Франкл, В. (2000а). *Воля к смыслу*. М.: ЭКСМО.
- Франкл, В. (2000б). *Основы логотерапии. Психотерапия и религия*. СПб.: Речь.
- Франкл, В. (2015). Десять тезисов о личности. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 1(26), 265–273.
- Франкл, В. (2020). *Логотерапия и экзистенциальный анализ: статьи и лекции*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Фрейд, З. (2015). «Я» и «Оно». СПб.: Азбука.
- Хайдеггер, М. (2001). *Основные проблемы феноменологии*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа.
- Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Харьков: Фолио.
- Шелер, М. (1988). *Положение человека в космосе*. В кн. П. С. Гуревич (ред.), *Проблема человека в западной философии. Сборник статей* (с. 31–95). М.: Прогресс.
- Шумский, В. Б. (2020). *Экзистенциальная психология и психотерапия*. М.: Юрайт.
- Ялом, И. (2004). *Экзистенциальная психотерапия*. М.: Класс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Buber, M. (1995). *Dva obrazza very* [Two types of faith]. Moscow: Respublika. (Original work published 1950)
- Bugental, J. (1998). *Nauka byt' zhivym: dialogi mezhdu terapeutom i patsientami v gumanisticheskoi terapii* [The search for existential identity: Patient-therapist dialogues in humanistic psychotherapy]. Moscow: Klass. (Original work published 1976)

- Frankl, V. E. (1951). *Logos und Existenz. Drei Vorträge* [Logos and existence. Three lectures]. Vienna: Amandus-Verlag.
- Frankl, V. E. (1997). *Man's search for ultimate meaning*. New York: Perseus Book Publishing.
- Frankl, V. E. (2000a). *Volya k smyslu* [The will to meaning]. Moscow: EKSMO. (Original work published 1969)
- Frankl, V. E. (2000b). *Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya* [Fundamentals of logotherapy. Psychotherapy and religion]. Saint Petersburg: Rech'. (Original work published 1948)
- Frankl, V. E. (2015). Desyat' tezisov o lichnosti [Ten theses on the human person]. *Ekzistencial'naya Traditsiya: Filosofiya, Psichologiya, Psikhoterapiya*, 1(26), 265–273.
- Frankl, V. E. (2020). *Logoterapiya i ekzistencial'nyj analiz: stat'i i lektsii* [Logotherapy and existential analysis: Articles and lectures]. Moscow: Alpina Non-fiction. (Original work published 1998)
- Freud, S. (2015). "Ya" i "Ono" [The Ego and the Id]. Saint Petersburg: Azbuka. (Original work published 1923)
- Heidegger, M. (2001). *Osnovnye problemy fenomenologii* [The basic problems of phenomenology]. Saint Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. (Original work published 1927)
- Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkiv, Ukraine: Folio. (Original work published 1927)
- Kierkegaard, S. (1997). *Povtorenie. Opyt eksperimental'noj psihologii* [Repetition. A venture in experimental psychology]. Moscow: Labirint. (Original work published 1843)
- Längle, A. (2005). *Person: Ekzistencial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [The Person: Existential-analytical theory of personality]. Moscow: Genezis.
- Längle, A. (2006). *Chto dvizhet chelovekom? Ekzistencial'no-analiticheskaya teoriya emotsiy* [What moves a human being? Existential-analytical theory of emotions]. Moscow: Genezis.
- Längle, A. (Ed.). (2007). *Emotsii i ekzistentsiya* [Emotions and existence]. Kharkiv, Ukraine: Gumanitarnyi tsentr. (Original work published 2003)
- Längle, A. (Ed.). (2008). *Lexikon der Existenzanalyse und Logotherapie* [Dictionary of existential analysis and logotherapy]. Vienna: GLE-Verlag.
- Längle, A. (2009). *Personal'nyj ekzistentsial'nyj analiz* [Personal existential analysis]. In E. B. Starovoytenko & V. D. Shadrikov (Eds.), *Psichologiya individual'nosti: novye modeli i kontseptsii* [Psychology of individuality: New models and concepts] (pp. 356–382). Moscow: MPSI.
- Längle, A. (2013). To sense what is right? On authenticity and conscience. *Existenzanalyse*, 30(2), 46–58. (in Deutsch)
- Längle, A. (2014a). The actualization of the person. Existential analytical contributions to the personification of existence. *Existenzanalyse*, 31(2), 16–26. (in Deutsch)
- Längle, A. (2014b). *Lernskriptum zur Existenzanalyse: Dritte Grundmotivation* [Educational materials on existential analysis: The third existential fundamental motivation]. Vienna: GLE-Werlag.
- Längle, A. (2019a). *Voploschennaya ekzistentsiya. Razvitiye, primenenie i kontsepty ekzistentsial'nogo analiza* [Fulfilled existence – development, application and concepts of existential analysis]. Kharkiv, Ukraine: Gumanitarnyi tsentr. (Original work published 2011)
- Längle, A. (2019b). *The history of logotherapy and existential analysis*. In E. Van Deurzen, E. Craig, A. Längle, K. J. Schneider, D. Tantam, & S. DuPlock (Eds.), *The Wiley world handbook of existential therapy* (pp. 309–323). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Längle, A. (2020a). *Ekzistentsial'nyj analiz* [Existential analysis]. Moscow: Kogito-Centr. (Original work published 2016)

- Längle, A. (2020b). Dialogue and Dasein. How to promote the development of the psychotherapeutic process in communication and everyday life. *Ekzistentsial'nyi Analiz*, 12, 13–36. (in Russian)
- Längle, A., Ukolova, E. M., & Shumskiy, V. B. (2014). *Sovremennyi ekzistentsial'nyi analiz: istoriya, teoriya, praktika, issledovaniya* [Modern existential analysis: History, theory, practice, researches]. Moscow: Logos.
- Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern condition]. Saint Petersburg: Aleteiya. (Original work published 1979)
- Mauss, M. (2011). *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. The Person. Works on social anthropology]. Moscow: KDU. (Original work published 1950)
- May, R., & Yalom, I. (2008). Existential psychotherapy. *Zhurnal Prakticheskoi Psichologii i Psikhoanaliza*, 4, 101–144. (in Russian)
- Mounier, E. (1999). *Manifest personalizma* [A personalist manifesto]. Moscow: Respublika. (Original work published 1938)
- Rozin, V. M. (2021). *Lichnost' i ee izuchenie* [The Person and its study]. Moscow: URSS.
- Sartre, J.-P. (2002). *Bytie i nicheto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika. (Original work published 1943)
- Scheler, M. (1988). *Polozhenie cheloveka v kosmose* [The human place in the Cosmos]. In P. S. Gurevich (Ed.), *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The problem of human being in Western philosophy] (pp. 31–95). Moscow: Progress. (Original work published 1928)
- Shumskii, V. B. (2020). *Ekzistentsial'naya psikhologiya i psikhoterapiya* [Existential psychology and psychotherapy]. Moscow: Urait.
- Ukolova, E. M., & Shumskiy, V. B. (2016). *Ideya lichnosti v ekzistentsial'nom analize Viktora Frankla* [The idea of the Person in the existential analysis of Viktor Frankl]. Moscow: Logos.
- Vermeulen, T., & van den Akker, R. (2010). Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2(1), 56–77. <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>
- Yalom, I. (2004). *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow: Klass. (Original work published 1980)

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ – ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В.Н. ШЛЯПНИКОВ^a

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», 121170, Россия, Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр.14

Specifics of Volitional Regulation of Young Users of Social Network Sites

V.N. Shlyapnikov^a

^aMoscow Institute of Psychoanalysis, 34-14 Kutuzovskii Ave, Moscow, 121170, Russian Federation

Резюме

Приведены результаты исследования, посвященного влиянию социальных сетей на особенности волевой регуляции у молодых людей. Сравнивались три группы пользователей социальной сети ВКонтакте, различающиеся по времени, проводимому на ресурсе, а также по характеру онлайн-активности («До 1 часа», «От 1 до 3 часов», «Более 3 часов»). Всего в исследовании приняло участие 450 пользователей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 22.5 года). Выборка состояла из 225 мужчин и 225 женщин, студентов вузов или молодых специалистов с высшим образованием, холостых или незамужних, бездетных, проживающих в крупных городах РФ. Использовались следующие методы: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова); формализованная модификация методики

Abstract

The article presents the results of the study exploring the influence of social networks on characteristics of volitional regulation in young people. Three groups of users of the social network VKontakte, differing in the time spent on the resource, as well as in the nature of online activity ("Up to 1 hour", "From 1 to 3 hours", "More than 3 hours") were compared. In total, 450 users aged 18 to 25 years old (average age 22.5 years) took part in the study. The sample consisted of 225 men and 225 women, university students or young professionals with higher education, single or unmarried, childless, living in large cities of the Russian Federation. The following methods were used: The Action Control Scale by J. Kuhl; the "Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior"; the technique for self-assessment of volitional qualities; the Purpose in Life Test. Users who spend less than 1 hour a day in social

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №18-013-01108.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project N 18-013-01108.

самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990); тест СЖО в адаптации Д.А. Леонтьева. Показано наличие значимых различий между сравниваемыми группами. Пользователи, проводящие в социальных сетях менее 1 часа в день, характеризуются более эффективным типом волевой регуляции, по Ю. Кулью, выраженной социальной и поведенческой самоконтроля, высокими самооценками волевых качеств, а также высокой осмысленностью жизни. Пользователи, проводящие в социальных сетях более 3 часов, напротив, характеризуются менее эффективным типом волевой регуляции, невысокой выраженной социальной и поведенческой самоконтроля, низкими самооценками волевых качеств, а также недостаточной осмысленностью жизни.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, социальные сети, Интернет, ИКТ, киберпсихология.

Шляпников Владимир Николаевич — заведующий кафедрой, кафедра психологии личности и дифференциальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология личности, психология волевой регуляции, культурно-историческая психология, киберпсихология.

Контакты: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

networks are characterized by a more effective type of volitional regulation, strength of social and behavioral self-control, high self-estimation of volitional qualities, as well as a high meaningfulness of life. Users who spend more than 3 hours in social networks, on the contrary, are characterized by a less effective type of volitional regulation, low manifestation of social and behavioral self-control, low self-estimation of volitional qualities, as well as insufficient meaningfulness of life.

Keywords: volition, will, volitional regulation, self-control, self-regulation, volitional qualities, social network sites, Internet, ICT, cyberpsychology.

Vladimir N. Shlyapnikov —Head of the Department, Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of personality, psychology of volitional regulation, cultural-historical psychology, cyberpsychology. E-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Введение

По данным ВЦИОМ, в 2021 г. доля интернет-пользователей в РФ составила более 80% (ВЦИОМ, 2021). Как показывают исследования, наиболее активными интернет-пользователями являются подростки и молодежь в возрасте до 30 лет: около 95% из них ежедневно пользуются Интернетом и в среднем проводят там около 3 часов в день, учясь, работая, общаясь, развлекаясь и т.д. (ВЦИОМ, 2021; Солдатова и др., 2013).

Интенсивное проникновение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в жизнь подрастающего поколения создает новые формы социального взаимодействия, коммуникации, познания, самопрезентации и т.д. (Белинская, Агадуллина, 2020; Крайнюков, 2019; Хорошилов, 2019). Это побуждает многих авторов обращаться к понятиям «цифровая социализация»

и «цифровое детство», отражающим особый характер отношений, складывающихся между человеком и миром в цифровом обществе (Войскунский, Солдатова, 2019; Солдатова, 2018). ИКТ одновременно становятся одним из основных средств взаимодействия и освоения общественно-исторического опыта и его неотъемлемой частью. В связи с этим неизбежно встает вопрос о влиянии ИКТ на психическое развитие подрастающего поколения.

Несмотря на то что исследования в данной области ведутся уже более двух десятилетий, их результаты носят неоднозначный и противоречивый характер. Как отмечает Н.В. Кочетков, большинство российских, да и зарубежных исследований в этой области сосредоточены на изучении негативного влияния ИКТ на психику человека (Кочетков, 2020). В частности, было показано отрицательное влияние чрезмерного использования ИКТ на психоэмоциональное состояние ребенка, развитие произвольного внимания, абстрактного мышления, креативности, самоконтроля и т.д. (Кочетков, 2020; Красило, 2020; Солдатова, Теславская, 2017). Наряду с этим в последнее время появляется все больше исследований, отмечающих позитивное влияние умеренного использования ИКТ на когнитивное и личностное развитие ребенка. Например, дети, умеренно использующие ИКТ, демонстрируют более высокие показатели когнитивного развития, академической успеваемости по естественным наукам и математике, определенных социальных навыков и т.д. (Солдатова, Вишнева, 2019; Солдатова, Теславская, 2017).

Исследования показывают, что влияние ИКТ на психическое развитие зависит не только от интенсивности, но и от характера использования ИКТ в процессе воспитания. В частности, Р.М. Айсина и А.А. Нестерова отмечают, что «позитивная киберсоциализация» в отличие от «негативной» позволяет успешно использовать опыт и навыки, усвоенные в виртуальном пространстве, для решения реальных жизненных задач при достаточно высоком уровне онлайн-активности. В соответствии с предложенной авторами моделью, «позитивная киберсоциализация» характеризуется, в первую очередь, высоким уровнем саморегуляции и самоконтроля при использовании ИКТ, тогда как «негативная киберсоциализация» связана с нарушением этих процессов (Айсина, Нестерова, 2019). Тем не менее сама связь особенностей психической саморегуляции и самоконтроля, в частности волевой регуляции, и использования ИКТ остается недостаточно изученной.

Согласно представлениям, сложившимся в современной науке, волевая регуляция представляет собой самостоятельный, высший уровень психической регуляции, обеспечивающий согласованную работу различных функциональных систем в процессе реализации намерений в действие. Развитая волевая регуляция позволяет субъекту: 1) оставаться сфокусированным на одном виде деятельности, не отвлекаясь на посторонние раздражители; 2) эффективно переключаться между различными видами деятельности; 3) противостоять сиюминутным побуждениям ради достижения долгосрочных целей (Иванников и др., 2014; Baumann et al., 2018). Можно предположить, что пользователи с более эффективным типом волевой регуляции будут лучше контролировать свою активность в Интернете и тратить на нее меньше времени, чем

пользователи с менее эффективным типом. В частности, это имеет отношение к социальным сетям как одному из наиболее популярных видов онлайн-ресурсов, использование которых не требует специальных знаний, подготовки, усилий и в большинстве случаев не оставляет после себя какого-либо ценного продукта деятельности.

Гипотеза: чем больше пользователи проводят времени в социальных сетях, тем ниже у них будут показатели состояния волевой регуляции.

Целью нашей работы было изучение особенностей волевой регуляции у молодых людей, проводящих время в социальных сетях.

Методы

Схема проведения исследования. Для проверки выдвинутой гипотезы сравнивались три группы пользователей социальной сети ВКонтакте¹, различающиеся по времени, проводимому на ресурсе, а также по характеру онлайн-активности. Исследование проводилось в индивидуальном порядке. После предварительного собеседования с исследователем респондент получал ссылку на онлайн-форму опроса.

Выборка исследования. Всего было обследовано 450 пользователей-добровольцев (возраст: 18–25 лет, средний возраст — 22.1 года). Выборка состояла из равного количества молодых мужчин и женщин, студентов вузов или молодых специалистов с высшим образованием, холостых или незамужних, бездетных, проживающих в крупных городах РФ.

На основании предварительного качественного анализа профилей (рассматривались только активные пользователи, оценивалось количество постов в неделю, друзей, подписчиков, сообществ, приложений и т.д.), собеседований и данных опроса пользователей о характере их активности в социальной сети выборка была разделена на три подгруппы:

Подгруппа № 1 «Низкая активность» ($n = 150$). Респонденты данной группы отмечали, что имеют профиль в ВКонтакте, но используют его только для общения с близкими друзьями и в среднем проводят в социальной сети не более 1 часа/день.

Подгруппа № 2 «Умеренная активность» ($n = 150$). Респонденты данной группы активно используют ВКонтакте для общения, поиска новых друзей, состоят в различных сообществах. В среднем они проводят в социальной сети от 1 до 3 часов/день.

Подгруппа № 3 «Высокая активность» ($n = 150$). По данным самоотчетов, пользователи данной группы в среднем проводят в социальной сети не менее 3 часов/день. Многие из них отмечали, что «сидят в ВКонтакте постоянно». Они используют социальную сеть не только для общения, но для поиска музыки, фильмов, игр и т.д.

Группы были сбалансированы по половозрастному составу.

¹ Наиболее популярной социальной сети в русскоязычном сегменте Интернета (Суханова, 2018).

Методы исследования. Для диагностики состояния волевой регуляции использовались методики: «Шкала контроля за действием» Ю. Кулля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997)²; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) (Ильин, 2000); формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990) (Иванников, Эйдман, 1990). Также оценивалось состояние мотивационно-смысловой сферы личности респондентов, что было обусловлено ключевой ролью смысловой сферы в волевой регуляции субъекта (Божович, 2001; Иванников и др., 2014; Смирнова, 2015). С этой целью использовался тест СЖО (Леонтьев, 2000).

Для статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v.23.

Результаты

Для проверки наличия различий между группами использовался непараметрический тест Крускала–Уоллиса³. Результаты анализа приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, группы сравнения значимо различаются по всем анализируемым показателям: чем больше времени пользователь проводит в социальной сети, тем ниже показатели состояния волевой регуляции. По всей видимости, эта зависимость носит линейный характер. Рассмотрим обнаруженные закономерности более подробно:

Шкала контроля за действием. Респонденты, проводящие разное время в социальных сетях, значимо различаются по показателям методики ШКД. Чем выше эффективность волевой регуляции пользователей по Ю. Куллю, тем меньше времени они проводят в социальных сетях, что хорошо согласуется с данными других исследований (Шляпников, 2018). В среднем у пользователей из группы с «низкой активностью» преобладает ориентация на действие, а у пользователей из группы с «высокой активностью» — ориентация на состояние (см. таблицу 1).

Выраженность самоконтроля. Аналогичная закономерность прослеживается и с показателями выраженности поведенческого и социального самоконтроля. Чем более выражена склонность к самоконтролю у респондентов, тем меньше времени они проводят в социальных сетях. У пользователей из группы с низкой активностью достаточно сильно выражена тенденция к самоконтролю, тогда как у пользователей из группы с высокой активностью она относительно невысока (см. таблицу 1). Наряду с этим значимых различий

² В исследовании использовалась только субшкала (контроль за действием при планировании), так как, согласно данным психометрических исследований, именно она обладает наибольшей внутренней согласованностью и прогностической валидностью (Diefendorff, 2000).

³ Обращение к непараметрической статистике было обусловлено тем, что для большинства переменных не выполнялись требования нормальности распределения и/или равенства дисперсий.

между группами по выраженности эмоционального самоконтроля обнаружено не было. Возможно, данный фактор не играет большой роли в регуляции онлайн-активности пользователей.

Таблица 1

**Сравнение среднегрупповых значений показателей волевой регуляции в группах пользователей с различным уровнем активности в социальных сетях
(непараметрический тест Крускала–Уоллиса)**

Показатель	Низкий уровень		Умеренный уровень		Высокий уровень		χ^2
	M	SD	M	SD	M	SD	
ШКД	5.96	3.39	5.37	3.07	4.36	3.09	17.28**
ЭСК	13.59	3.39	13.11	3.29	12.59	3.79	5.53
ПСК	17.77	4.10	15.87	4.69	14.48	5.39	33.6**
ССК	17.06	4.09	15.27	4.36	14.53	4.41	25.86**
СБВС	3.85	0.51	3.59	0.45	3.46	0.51	40.43**
BK1	4.28	0.77	4.14	0.87	3.79	0.85	28.57**
BK2	4.16	0.79	3.89	0.93	3.57	0.99	28.82**
BK3	3.97	0.81	3.69	0.86	3.61	0.90	15.08**
BK4	4.06	0.89	3.84	0.82	3.67	0.88	14.43**
BK5	4.11	0.84	3.87	0.87	3.63	0.82	23.64**
BK6	3.81	0.97	3.47	0.92	3.45	0.95	12.7**
BK7	3.63	0.98	3.28	0.95	3.38	0.96	10.65**
BK8	3.63	0.97	3.29	0.88	3.29	1.05	13.2**
BK9	3.39	0.97	3.19	1.05	3.11	1.14	4.75
BK10	3.55	0.95	3.37	1.04	3.25	1.02	5.96*
BK11	4.18	0.87	3.93	0.84	3.74	1.05	16.6**
BK12	3.93	0.95	3.72	0.91	3.54	0.99	12.03**
BK13	3.95	0.88	3.69	1.11	3.51	1.07	12.35**
BK14	4.01	0.86	3.88	0.83	3.65	0.85	13.01**
BK15	3.63	0.97	3.48	0.96	3.41	0.97	4.36
BK16	3.75	1.00	3.46	1.10	3.31	1.04	11.94**
BK17	3.21	0.97	2.97	1.03	2.93	1.02	5.08
BK18	3.79	0.88	3.46	0.95	3.50	0.91	13.08**
BK19	3.81	0.81	3.48	0.95	3.39	0.93	16.89**
BK20	4.07	0.81	3.63	0.94	3.55	0.99	26.92**
СЖО	110.47	19.50	104.45	20.86	96.95	21.97	28.62**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Примечание. Здесь и далее: ШКД – Шкала контроля за действием, ЭСК – Эмоциональный самоконтроль, ПСК – Поведенческий самоконтроль, ССК – Социальный самоконтроль, СБВС – Средний балл волевой самооценки, BK1 – Ответственный, BK2 – Дисциплинированный, BK3 – Целеустремленный, BK4 – Принципиальный, BK5 – Обязательный, BK6 – Настойчивый, BK7 – Решительный, BK8 – Волевой, BK9 – Инициативный, BK10 – Выдержаный, BK11 – Самостоятельный, BK12 – Энергичный, BK13 – Терпеливый, BK14 – Упорный, BK15 – Смелый, BK16 – Спокойный, BK17 – Деловитый, BK18 – Уверенный, BK19 – Организованный, BK20 – Внимательный, СЖО – Тест СЖО (по тексту).

Самооценка волевых качеств. Группы сравнения значимо различаются по самооценкам волевых качеств (см. таблицу 1). Чем больше времени пользователи проводят в социальных сетях, тем ниже они оценивают свои возможности как субъекта волевой регуляции. Наиболее высокие самооценки наблюдаются у пользователей из группы с низкой активностью, а наименьшие показатели наблюдаются у пользователей из группы с высокой активностью.

Тест СЖО. Сравниваемые группы также различаются по значениям теста СЖО (см. таблицу 1). Чем больше времени пользователи проводят в социальной сети, тем ниже они оценивают уровень осмыслинности своей текущей жизненной ситуации. У пользователей из группы с низкой активностью наблюдаются показатели выше среднего по российской популяции, у пользователей из группы с умеренной активностью — показатели на уровне среднего, а у пользователей из группы с высокой активностью — показатели ниже среднего (Леонтьев, 2000).

Обсуждение результатов

В целом полученные результаты не противоречат гипотезе исследования: группы сравнения различаются между собой по анализируемым показателям. Чем больше времени пользователи проводят в социальной сети, тем ниже показатели состояния волевой регуляции. Как же можно объяснить эти закономерности?

Высокая активность в социальной сети может приводить к снижению показателей состояния волевой регуляции в силу ряда особенностей данного ресурса.

Социальная сеть, как большинство сайтов, представляет собой гипертекстовый документ, у которого в принципе нет начала и конца, поэтому переходить по ссылкам от страницы к странице можно целую вечность. Лента новостей постоянно обновляется, и найти ее начало практически невозможно. В связи с этим активность в социальных сетях потенциально может носить бесконечный характер, что может вызывать у пользователей эффект незавершенного действия. Как показывают исследования Ю. Куля и его коллег, эффект незавершенного действия может приводить к формированию ориентации на состояние и, как следствие, к снижению эффективности волевой регуляции в целом (Baumann et al., 2018).

Еще одна особенность социальных сетей — это их многофункциональность. В сети ВКонтакте можно не только общаться, но и играть, слушать музыку, смотреть фильмы, учиться и т.д. В результате у пользователя социальной сети может возникать сразу несколько актуальных и достаточно интенсивных намерений, конкурирующих за ограниченный объем психических ресурсов. Поскольку социальная сеть по своей природе трансгранична, защитить одно намерение от других в онлайн-среде сложнее, чем в реальной жизни, где границы между различными видами деятельности выражены более четко. Соответственно, наличие большого количества постоянно действующих дистракторов, устранение которых физически затруднено, также

может приводить к формированию ориентации на состояние и снижению эффективности волевой регуляции (*Ibid.*).

Хотя современные социальные сети представляют уникальные возможности для развития и самореализации, например, создания и продвижения собственного онлайн-бизнеса, исследования показывают, что большинство пользователей предпочитают не создавать, а потреблять готовый контент, ставить лайки, а не участвовать в длинных дискуссиях (Солдатова и др., 2013; Суханова, 2018). В большинстве случаев активность в социальных сетях – это скорее имитация активности, которая лишена смысла и конечного продукта. Поскольку смысловые образования являются одним из главных средств волевой регуляции, бессмысленная имитация активности в социальной сети может приводить к обеднению смысловой сферы личности и, как следствие, снижению эффективности волевой регуляции (Божович, 2001; Иванников и др., 2014; Смирнова, 2015; Baumann et al., 2018).

Наконец, как показывает ряд исследований, у пользователей социальных сетей в силу эффекта социального сравнения могут наблюдаться снижение самооценки и рост депрессивных эмоций, что, в свою очередь, может негативно сказаться на состоянии как смысловой, так и волевой сферы, в особенности на представлениях пользователя о себе как о субъекте волевой регуляции (Кочетков, 2020).

Поскольку различные звенья волевой регуляции тесно связаны между собой, может наблюдаться синергический эффект: снижение уровня осмысленности может вызывать трудности с самоконтролем, ориентация на состояние может вести к снижению волевой самооценки, что в свою очередь также может влиять на все остальные звенья (Быков, Шульга, 1999).

Наряду с этим низкая эффективность волевой регуляции может стать одной из причин чрезмерно долгого пребывания в социальной сети.

Исследования Ю. Куля с соавт. показывают, что у людей, обладающих эффективным типом волевой регуляции, реже возникают ориентации на состояние, поэтому им проще реализовать свои намерения в действии. Они менее подвержены влиянию со стороны различных дистракторов, в том числе незавершенных действий (Baumann et al., 2018). Также люди с эффективным типом волевой регуляции обладают более стабильными смысловыми образованиями, менее подверженными влиянию со стороны негативного опыта (Иванников и др., 2019). Можно предположить, что эффективный тип волевой регуляции помогает пользователям преодолевать соблазны социальных сетей и лучше контролировать свое время в Интернете, а пользователей, предрасположенных к ориентации на состояние, социальные сети буквально затягивают в ловушки, расставленные разработчиками ресурса.

Согласно представлениям, сложившимся в современной науке, люди с развитой смысловой сферой обладают более эффективной волевой регуляцией: во-первых, в их жизни есть более или менее устойчивые цели и ценности, обладающие достаточной побудительной силой, во-вторых, они успешнееправляются с негативным опытом и неудачами, наконец, им легче преодолевать соблазн сиюминутных побуждений ради долгосрочных целей (Божович,

2001; Mischel et al., 2011). Есть вероятность, что развитая смысловая сфера также помогает пользователям эффективно организовывать свою деятельность в Интернете, тогда как люди, не имеющие четких целей и смысла жизни, будут склонны подолгу «зависать» в социальных сетях.

Волевой самоконтроль также вносит значительный вклад в эффективность организации деятельности и обеспечивает способность противостоять сиюминутным побуждениям (Baumeister, Vohs, 2016; Mischel et al., 2011). Можно предположить, что пользователи с выраженным самоконтролем эффективнее организуют свою онлайн-активность и лучше контролируют время пребывания в социальной сети, а проблемы с самоконтролем могут приводить к чрезмерно долгому пребыванию в Интернете.

Наконец, заниженная самооценка, неуверенность в своих силах, чувство беспомощности и отсутствие целей и смысла жизни сами по себе могут приводить к формированию эскапистских тенденций и становиться причиной длительного пребывания в Интернете (Войскунский, Солдатова, 2019; Кочетков, 2020).

Предложенные объяснения не являются взаимоисключающими. С одной стороны, деятельность в социальной сети зачастую бессмысленная и потенциально бесконечная, не требующая специальных знаний и усилий и не приносящая значимого морального или материального удовлетворения, может становиться причиной снижения эффективности волевой регуляции. С другой стороны, пользователи, обладающие эффективным типом волевой регуляции, успешнее справляются с непростой задачей организации онлайн-активности, тогда как пользователи, ориентированные на состояние, с низкой самооценкой и проблемами в самоконтроле могут испытывать проблемы при решении этой задачи.

К сожалению, характер проведенного нами исследования не позволяет получить более точные представления о структуре и направлении влияния исследуемых факторов. Во многом это связано со способом подбора групп сравнения, основанным на качественной оценке и данных самоотчетов. Вместе с этим полученные результаты позволяют наметить направления дальнейших исследований связи между особенностями волевой регуляции и количественными параметрами активности пользователей в социальных сетях.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют дать характеристику особенностей состояния волевой регуляции молодых людей, проводящих разное время в социальных сетях:

- среди пользователей, проводящих мало времени в социальных сетях (менее 1 часа/день), преобладают респонденты с более эффективным типом волевой регуляции, по Ю. Кулю, с большей выраженностью социального и поведенческого самоконтроля, с более высокими самооценками волевых качеств, а также высокой осмысленностью жизни;
- среди пользователей, проводящих много времени в социальных сетях (более 3 часов/день), напротив, преобладают респонденты с менее эффективным типом волевой регуляции, невысокой выраженностью социального и

поведенческого самоконтроля, низкими самооценками волевых качеств, а также недостаточной осмысленностью жизни.

Прослеживается отрицательная связь между временем, проводимым в социальных сетях, и показателями состояния волевой регуляции. В среднем чем больше пользователь проводит времени в социальных сетях, тем ниже показатели эффективности волевой регуляции. Эта закономерность позволяет предположить, что в силу своих функциональных особенностей (многофункциональность, трансграничность, «бесконечность» и т.д.) социальные сети скорее оказывают негативное влияние на состояние волевой регуляции субъекта. Вместе с этим нельзя отрицать, что неэффективная волевая регуляция может стать причиной потери контроля и чрезмерной увлеченности социальными сетями.

Таким образом, влияние Интернета и социальных сетей на состояние психики и личности человека имеет сложный и неоднородный характер. Безусловно, уровень активности пользователей социальных сетей может определяться различными факторами: интенсивностью и содержанием мотивации, динамическими особенностями психики, некоторыми патологическими состояниями, например зависимостью, и т.д. Результаты данного исследования показали, что чрезмерное пребывание в социальных сетях может быть связано, в частности, с особенностями волевой регуляции. Поэтому формирование эффективных стратегий волевой регуляции (поведенческих, мотивационных, аффективных, когнитивных) и самоорганизации деятельности может стать одним из путей профилактики чрезмерной увлеченности Интернетом и повышения цифровой компетентности у молодых людей.

Литература

- Айсина, Р. М., Нестерова, А. А. (2020). Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*, 10(4), 42–57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
- Белинская, Е. П., Агадуллина, Е. Р. (2020). Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации. *Социальная психология и общество*, 11(1), 92–106. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110106>
- Божович, Л. И. (2001). Развитие воли в онтогенезе. В кн. *Проблемы формирования личности* (с. 302–332). М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Быков, А. В., Шульга, Т. И. (1999). *Становление волевой регуляции в онтогенезе*. М.: Изд-во УРАО.
- Войскунский, А. Е., Солдатова, Г. У. (2019). Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хики-комори как культурно-психологический феномен. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 22–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>
- ВЦИОМ. (2021, 10 октября). *Интернет как сфера обитания российского человека*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-kak-sfera-obitanija-rossiiskogo-cheloveka>
- Иванников, В. А., Барабанов, Д. Д., Монроз, А. В., Шляпников, В. Н., Эйдман, Е. В. (2014). Место понятия «воля» в современной психологии. *Вопросы психологии*, 2, 15–23.
- Иванников, В. А., Гусев, А. Н., Барбанов, Д. Д. (2019). Связь осмысленности жизни и способа контроля за действием с самооценками студентами волевых качеств. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 27–44.

- Иванников, В. А., Эйдман, Е. В. (1990). Структура волевых качеств по данным самооценки. *Психологический журнал*, 11(3), 39–49.
- Ильин, Е. П. (2000). *Психология воли*. СПб.: Питер.
- Кочетков, Н. В. (2020). Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов. *Социальная психология и общество*, 11(1), 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
- Крайников, С. В. (2019). Влияние современных информационных технологий на картину мира человека. *Социальная психология и общество*, 10(4), 23–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100403>
- Красило, Т. А. (2020). Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников. *Социальная психология и общество*, 11(1), 144–158. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110109>
- Леонтьев, Д. А. (2000). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)* (2-е изд.). М.: Смысл.
- Смирнова, Е. О. (2015). К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 11(3), 9–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110302>
- Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменившийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Солдатова, Г. У., Вишнева, А. Е. (2019). Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 97–118. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>
- Солдатова, Г. У., Нестик, Т. А., Рассказова, Е. И., Зотова, Е. Ю. (2013). *Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования*. М.: Фонд развития интернет.
- Солдатова, Г. У., Теславская, О. И. (2017). Videogames, академическая успеваемость и внимание: опыт и итоги зарубежных эмпирических исследований детей и подростков. *Современная зарубежная психология*, 6(4), 21–28. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060402>
- Суханова, А. III. (2018). Сравнительный анализ популярных онлайн-сообществ молодежи: от общероссийского рейтинга к локальному рейтингу российских городов. *Муниципалитет: экономика и управление*, 2(23), 88–99.
- Хорошилов, Д. А. (2019). Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве. *Социальная психология и общество*, 10(4), 9–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100402>
- Шапкин, С. А. (1997). *Экспериментальное изучение волевых процессов*. М.: Смысл.
- Шляпников, В. Н. (2018). Влияние социальных сетей на волевую регуляцию у старшеклассников. *Нижегородское образование*, 1, 4–10.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Aysina, R. M., & Nesterova, A. A. (2020). Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 10(4), 42–57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404> (in Russian)
- Baumann, N., Kazén, M., Quirin, M., & Koole, S. L. (2018). *Why people do the things they do: Building on Julius Kuhl's contributions to the psychology of motivation and volition*. Hogrefe Publishing.

- Baumeister, R. F., & Vohs, K. D. (2016). Strength model of self-regulation as limited resource: Assessment, controversies, update. *Advances in Experimental Social Psychology*, 54, 67–127. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2016.04.001>
- Belinskaya, E. P., & Agadullina, E. R. (2020). Relative deprivation and an avoidance coping in network communication. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 11(1), 92–106. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110106> (in Russian)
- Bozhovich, L. I. (2001). *Razvitiye voli v ontogeneze* [Development of will in ontogenesis]. In *Problemy formirovaniya lichnosti* [Issues of personality formation] (pp. 302–332). Moscow: MPSI; Voronezh: NPO “MODEK”.
- Bykov, A. V., & Shul'ga, T. I. (1999). *Stanovlenie volevoi reguljatsii v ontogeneze* [Formation of volitional regulation in ontogenesis]. Moscow: URAO.
- Diefendorff, J. M., Hall, R. J., Lord, R. G., & Streat, M. L. (2000). Action-state orientation: Construct validity of a revised measure and its relationship to work-related variables. *Journal of Applied Psychology*, 85(2), 250–263. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.85.2.250>
- Il'in, E. P. (2000). *Psichologiya voli* [The psychology of will]. Saint Petersburg: Piter.
- Ivannikov, V. A., & Aidman, E. V. (1990). Struktura volevykh kachestv po dannym samootsenki [The structure of volitional qualities according to self-report data]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 11(3), 39–49.
- Ivannikov, V. A., Barabanov, D. D., Monroz, A. V., Shliapnikov, V. N., & Aidman, E. V. (2014). The role of the notion of will in contemporary psychology. *Voprosy Psichologii*, 2, 15–23. (in Russian)
- Ivannikov, V. A., Gusev, A. N., & Barabanov, D. D. (2019). The relation of volitional traits self-esteem with meaningfulness of life and action control in students. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 27–44. (in Russian)
- Khoroshilov, D. A. (2019). Digital mind: mediatization of social cognition in culture, science and art. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 10(4), 9–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100402> (in Russian)
- Kochetkov, N. V. (2020). Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 11(1), 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103> (in Russian)
- Krainyukov, S. V. (2019). Influence of modern information technologies on the worldview. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 10(4), 23–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100403> (in Russian)
- Krasilo, T. A. (2020). The relationship between the frequency of use of electronic gadgets, inclusion in game interaction and creativity among preschoolers. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 11(1), 144–158. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110109> (in Russian)
- Leontiev, D. A. (2000). *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Purpose in Life Test] (2nd ed.). Moscow: Smysl.
- Mischel, W., Ayduk, O., Berman, M. G., Casey, B. J., Gotlib, I. H., Jonides, J., Kross, E., Teslovich, T., Wilson, N. L., Zayas, V., & Shoda, Y. (2011). Willpower over the life span: decomposing self-regulation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 6(2), 252–256. <https://doi.org/10.1093/scan/nsq081>
- Shapkin, S. A. (1997). *Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov* [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Smysl.
- Shlyapnikov, V. N. (2018). Vliyanie sotsial'nykh setei na volevyyu reguljatsiyu u starsheklassnikov [Influence of social networks on the volitional regulation of high-school students]. *Nizhegorodskoe Obrazovanie*, 1, 4–10.

- Smirnova, E. O. (2015). On the problem of will and self-regulation in cultural-historical psychology. *Kul'turno-Istoricheskaya Psichologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 11(3), 9–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110302> (in Russian)
- Soldatova, G. U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308> (in Russian)
- Soldatova, G. U., & Teslavskaja, O. I. (2017). Videogames, academic performance and attention problems: practices and results of foreign empirical studies of children and adolescents. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psichologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 6(4), 21–28. <https://doi.org/10.17759/jmpf.2017060402> (in Russian)
- Soldatova, G. U., Nestik, T. A., Rasskazova, E. I., & Zotova, E. Yu. (2013). *Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditelei. Rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya* [Digital competence of adolescents and their parents. The results of an All-Russian study]. Moscow: Fond razvitiya internet.
- Soldatova, G. U., & Vishneva, A. E. (2019). Features of the development of the cognitive sphere in children with different online activities: Is there a golden mean? *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 27(3), 97–118. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307> (in Russian)
- Sukhanova, A. Sh. (2018). Comparative analysis, the popular youth online-communities: national rating and local rating for russian cities: Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Yekaterinburg. *Munitsipalitet: Ekonomika i Upravlenie*, 2(23), 88–99. (in Russian)
- Voiskounsky, A. E., & Soldatova, G. U. (2019). Epidemic of loneliness in a digital society: Hikikomori as a cultural and psychological phenomenon. *Konsul'tativnaya Psichologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 27(3), 22–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303> (in Russian)
- VTsIOM. (2021, October 10). *Internet kak sfера obitaniya rossiiskogo cheloveka* [Internet as a habitat of a Russian person]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-kak-sfera-obitanija-rossiiskogo-cheloveka>

THE PREVALENCE OF LONELINESS AMONG UNIVERSITY STUDENTS FROM FIVE EUROPEAN COUNTRIES DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A. SHPAKOU^a, L. KLIMATCKAIA^b, N. SKOBLINA^c, J. BAJ-KORPAK^d,
A. SKARBALIENÈ^e, O. FEDORCIV^f, T. KRESTYANINOVA^g,
A. ZNATNOVA^h, A. KUZNIATSOUⁱ, J. CHERKASOVA^b

^a Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno, 230023, Belarus

^b Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

^c Pirogov Russian National Research Medical University, 1 Ostrovitjanova Str., Moscow, 117997, Russian Federation

^d Pope John Paul II State School of Higher Education in Biala Podlaska, 95/97 Sidorska Str., Biala Podlaska, 21-500, Poland

^e Klaipeda University, 84 H. Manto Str., Klaipeda, 92294, Lithuania

^f Ivan Horbachevsky National Medical University of Ternopol, 1 Majdan Voli, Ternopil, 46001, Ukraine

^g Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 33 Moskovskiy Ave, Vitebsk, 210038, Belarus

^h Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, 18 Sovetskaya Str., Minsk, 220030, Belarus

ⁱ Grodno State Medical University, 80 Gorkogo Str., Grodno, 230015, Belarus

Распространенность переживания одиночества среди студентов университетов пяти европейских стран во время пандемии COVID-19

А.И. Шпаков^a, Л.Г. Климацкая^b, Н.А. Скоблина^c, Й. Бай-Корпак^d, А.Скарбалене^e,
О.Е. Федорцив^f, Т.Ю. Крестьянинова^g, Е.В. Знатнова^h, О.Е. Кузнецоваⁱ, Ю.А. Черкасова^b

^a Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230023, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, д. 22

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, 660049, Россия, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

^c Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, 117997, Россия, Москва, ул. Островитянова, д. 1

^d Государственная высшая школа имени Папы Иоанна Павла II в Бяла-Подляске, 21-500, Польша, Бяла Подляска, ул. Сидорска, д. 95/97

^e Клайпедский университет, 92294, Литва, Клайпеда, ул. Х. Манто, д. 84

^f Тернопольский национальный медицинский университет имени Ивана Горбачевского, 46001, Украина, Тернополь, Майдан Воли, д. 1

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project N 20-413-242905.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-413-242905.

^a Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 210038, Беларусь, Витебск, Московский пр., д. 33

^b Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 220030, Беларусь, Минск, ул. Советская, д. 18

^c Гродненский государственный медицинский университет, 230015, Беларусь, Гродно, ул. Горького, д. 80

Abstract

At universities for students, the COVID-19 pandemic and the introduced anti-pandemic measures turned out to be psycho-traumatic factors that increased the experience of loneliness. The purpose of the study was to investigate the prevalence of the phenomenon of loneliness among university students in five European countries, taking into account the variety of anti-COVID measures during the COVID-19 pandemic. Using the UCLA Loneliness Scale, questionnaires of 2316 students. In Russia, Poland and Ukraine a hard lockdown was introduced during the pandemic. Lithuania (in the first months) did not undertake severe restrictions, and for a long time the danger of the SARS-CoV-2 virus was not recognized in Belarus. The students in Lithuania and Belarus, 33 and 35 points. Students from Poland, Russia and Ukraine: 38, 37, 37 points, respectively. All respondents were classified according to three levels of loneliness experience. A low level (<40) was noted in 1,510 cases (65.2%), medium (40–60) – 740 people (32.0%), high (>60) experience of loneliness – 66 respondents (2.8%). Among the representatives of Lithuania and Belarus, a low level of subjective feeling of loneliness prevailed (about 70% of respondents), while in Ukraine, Russia and Poland the share of low indicators was significantly less, respectively, 65.2%, 59.8% and 57.8%. University students from five countries who participated in the study do not experience high levels of loneliness. Gradation of the prevalence of feelings of loneliness from minimum to maximum in comparison is as follows: LT – BY – RU – UA – PL. The severity of loneliness is associated with the levels of restrictions in the countries during the pandemic.

Резюме

Для студентов в университетах пандемия COVID-19 и введенные антипандемические меры оказались психотравмирующими факторами, усилившими переживание одиночества. Целью работы была сравнительная оценка распространенности феномена переживания одиночества у студентов университетов из пяти европейских стран с учетом разнообразия антиковидных стратегий во время пандемии COVID-19. При помощи шкалы одиночества UCLA проанализированы анкеты-опросники 2316 студентов из пяти европейских стран. В России, Польше и Украине во время пандемии вводился жесткий локдаун. Литва в первые месяцы не предпринимала жестких ограничений, а в Беларуси долгое время не признавалась опасность вируса SARS-CoV-2. Суммарный показатель одиночества всех опрошенных составил 36 баллов (медиана). У представителей студенчества Литвы и Беларуси он был минимальным (33 и 35 баллов). У студентов из Польши, России и Украины был достоверно выше: 38, 37, 37 баллов соответственно. Все респонденты были классифицированы с учетом трех уровней переживания одиночества. Низкий уровень (менее 40 баллов) отмечен в 1510 случаях (65,2%). Средний (40–60 баллов) – 740 человек (32,0%). Высокий (более 60) с максимальным переживанием одиночества выявлен у 66 респондентов (2,8%). У представителей Литвы и Беларуси низкий уровень субъективного ощущения одиночества превалировал (около 70% респондентов), в то время как среди представителей Украины и особенно России и Польши доля низких показателей достоверно была меньше, соответственно 65,2, 59,8 и 57,8%. Студенты университетов из пяти стран, принявшие участие в исследовании, не испытывали высокого уровня одиночества. Суммарный показатель соответствует низкому и среднему уровню. Градация распространенности переживаний одиночества от минимального до максимального в сравнении: LT – BY – RU – UA – PL. Выраженность одиночества связана с уровнем

ограничений, проводимых в странах во время пандемии.

Keywords: university students, loneliness, UCLA Loneliness Scale, pandemic, COVID-19.

Andrei I. Shpakou — Associate Professor, Department of Theory of Physical Culture and Sports Medicine, Yanka Kupala State University of Grodno, MD, PhD in Medicine.

Research Area: environmental psychology, hygienic and epidemiological studies, public health.

E-mail: shpakoff@tut.by

Liudmila G. Klimatckaia — Professor, Department of Social Pedagogy and Social Work, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, DSc in Medical Science.

Research Area: social pedagogy and pedagogical psychology, social work, hygienic and epidemiological studies.

E-mail: klimatskaya47@mail.ru

Natalia A. Skobrina — Professor, Department of Hygiene, Faculty of Pediatrics, Pirogov Russian National Research Medical University, DSc in Medical Science.

Research Area: cognitive psychology, human-computer interaction.

E-mail: skobrina_dom@mail.ru

Joanna Baj-Korpak — Head of the Department, Department of Physiotherapy, Faculty of Health Sciences, Pope John Paul II State School of Higher Education in Biala Podlaska, PhD in Health Sciences.

Research Area: lifestyle, social health, mental health, health behavior.

E-mail: j.baj-korpak@dydaktyka.pswbp.pl

Aelita Skarbalienė — Associate Professor, Vice Dean of the Faculty of Health Sciences, Klaipeda University, PhD in Social Sciences.

Research Area: social health, mental health, health behavior.

E-mail: aelita.skarbaliene@gmail.com

Ключевые слова: студенты, одиночество, шкала одиночества UCLA, пандемия, COVID-19.

Шпаков Андрей Иванович — доцент, кафедра теории физической культуры и спортивной медицины, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, кандидат медицинских наук.

Сфера научных интересов: экологическая психология, гигиенические и эпидемиологические исследования, общественное здоровье.

Контакты: shpakoff@tut.by

Климацкая Людмила Георгиевна — профессор, кафедра социальной педагогики и социальной работы, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, доктор медицинских наук.

Сфера научных интересов: социальная педагогика и педагогическая психология, социальная работа, гигиенические и эпидемиологические исследования.

Контакты: klimatskaya47@mail.ru

Скоблина Наталья Александровна — профессор, кафедра гигиены, педиатрический факультет, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, доктор медицинских наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, взаимодействие человека и компьютера.

Контакты: skobrina_dom@mail.ru

Бай-Корпак Йоанна — доцент, заведующий кафедрой, кафедра физиотерапии, факультет науки о здоровье, Государственная высшая школа имени Папы Иоанна Павла II в Бяла-Подляске, кандидат наук о здоровье.

Сфера научных интересов: образ жизни, социальное здоровье, психическое здоровье, поведение в сфере здоровья.

Контакты: j.baj-korpak@dydaktyka.pswbp.pl

Скарбалене Аэлита — доцент, заместитель декана факультета наук о здоровье, Клайпедский университет, кандидат социальных наук.

Сфера научных интересов: социальное здоровье, психическое здоровье, поведение в сфере здоровья.

Контакты: aelita.skarbaliene@gmail.com

Olga E. Fedortsiv — Professor, Department of Pediatrics with Pediatric Surgery, Ivan Horbachevsky National Medical University of Ternopol, Professor, DSc in Medical Sciences.

Research Area: psychosomatic diseases in children and adolescents, medical and social problems of childhood.

E-mail: fedortsivolga@gmail.com

Tatyana Yu. Krestyaninova — Associate Professor, Department of Psychology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, PhD in Biology.

Research Area: psychology of addictive behavior, medical psychology.

E-mail: auta@bk.ru

Alena V. Znatnova — Associate Professor, Department of Physical Education and Sports, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, PhD in Pedagogy.

Research Area: social health, mental health, health behavior.

E-mail: lena.znatnova2010@gmail.com

Aleh E. Kuzniatsou — Associate Professor, Department of Microbiology, Virology and Immunology, Grodno State Medical University, PhD in Medicine.

Research Area: physiology, immunology, biochemistry, molecular biology.

E-mail: olegkuznetsov@inbox.ru

Julia A. Cherkasova — Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Social Work, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, PhD in Psychology.

Research Area: social pedagogy and pedagogical psychology, social work.

E-mail: u6981@yandex.ru

Федорців Ольга Євгенівна — професор, кафедра підлітства з дитячою хірургією, Тернопільський національний медичинський університет імені Івана Горбачевського, доктор медичинських наук.

Сфера наукових інтересів: психосоматичні захворювання у дітей та підлітків, медико-соціальні проблеми дитячого віку.

Контакти: fedortsivolga@gmail.com

Крестьянінова Татьяна Юрьевна — доцент, кафедра психологии, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, кандидат биологических наук.

Сфера научных интересов: психология аддиктивного поведения, медицинская психология.

Контакты: auta@bk.ru

Знатнова Елена Вячеславовна — доцент, кафедра физического воспитания и спорта, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, кандидат педагогических наук.

Сфера научных интересов: образ жизни, социальное здоровье, психическое здоровье.

Контакты: lena.znatnova2010@gmail.com

Кузнецов Олег Евгеньевич — доцент, кафедра микробиологии, вирусологии и иммунологии, Гродненский государственный медицинский университет, кандидат биологических наук.

Сфера научных интересов: физиология, иммунология, биохимия, молекулярная биология.

Контакты: olegkuznetsov@inbox.ru

Черкасова Юлия Александровна — доцент, кафедра социальной педагогики и социальной работы, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная педагогика и педагогическая психология, социальная работа.

Контакты: u6981@yandex.ru

Author Contributions

AS, LK, JC, conceived of and designed the study; wrote the manuscript; AS, NS, JBK, ASk, OF, TK, AZ, collected data; AS, LK, AK, analyzed the data; AS, LK, AK, edited the final manuscript.

Introduction

The COVID-19 pandemic has brought about significant changes in education around the world. Most countries have closed educational institutions for at least some time, “creating the worst global disruption to education in history” (Stolberg, 2020; Ioseliani & Anisimov, 2021). The COVID-19 pandemic has highlighted a massive challenge in the form of loneliness. Social distancing has become the norm, the biting feeling of loneliness has been an unwelcome companion to far too many Europeans. This is not a new phenomenon, yet it is now revealed as never before and has significant social, economic and health implications that deserve our attention (Baarck et al., 2021).

Loneliness is a complex, multifaceted, and dynamic phenomenon determined by many factors of an unknown disease (Loades et al., 2020; Dossey, 2020). Loneliness can permeate the entire structure of the personality and spread to the cognitive, emotional-regulatory and active-volitional spheres (Skalski et al., 2020). The social isolation recommended during the pandemic has had a detrimental effect on mental and physical health as well as negative consequences for social cohesion and trust in society (Smith & Lim, 2020). In addition to the stress caused by fear of infection and the pressure of uncertainty about the prognosis of infection, restrictions worsened overall well-being and the quality of interpersonal relationships (Polskaya & Razvaliaeva, 2020). Changes in lifestyle and social activity exacerbated the stressful situation (Saltzman et al., 2020). During and after the isolation measures were applied, an increase in the number of people feeling lonely has been observed in many countries (Banerjee & Rai, 2020; Huang et al., 2020). A report from the European Commission’s Joint Research Center states that in the European Union, after the outbreak of COVID-19, the proportion of respondents who often felt lonely doubled (Banerjee & Rai, 2020). J. Baarck stated that the COVID-19 pandemic, and in particular the mobility restrictions and social distancing measures adopted to contain the spread of the virus, has made the need to tackle loneliness and social isolation even more pressing.

Young adults between the ages of 18–35 are often affected by the loneliness effect (Sinczuch, 2002), forming a high-risk group. Many researchers note that it is this demographic group that suffers most during a lockdown (Liu et al., 2020). Pre-pandemic research data also indicates a relatively high prevalence of the phenomenon among young people (Bu et al., 2020). Young people aged 15–24 years (21%) and 24–49 years (17%) feel lonely “often” or “sometimes” (Jose & Lim, 2014; Beam & Kim, 2020). A several-fold increase in the prevalence of loneliness compared to the pre-pandemic period has been noted in studies (Lee et al., 2020; Losada-Baltar et al., 2020).

All this indicates the relevance of studying the phenomenon of loneliness and the need to develop preventive measures during the COVID-19 pandemic. University students, as a high-risk group, not only experience loneliness during a pandemic, but could potentially have an even higher risk of the consequences of loneliness in the post-hoc period (Sharma, 2020; Bu et al., 2020). On the other

hand, students as a social community that quickly adapts to new conditions of life, are an interesting population for comparative research (Bertrand et al., 2021).

With the spread of the SARS-CoV-2 virus in the world, each country chooses its own path, going through a unique “natural experiment” initiated by the COVID-19 disease (Odintsova et al., 2021). In Russia, Poland, and later in Lithuania and Ukraine, like in most European countries, enhanced quarantine measures were introduced in the first wave of the pandemic to combat the spread of infection. Lockdown in Lithuania was introduced from March 16th to June 17th, 2020. It was shorter than in other countries. In Lithuania, strict quarantine was introduced on November 7, 2020. In contrast to these countries, at the beginning of the pandemic Belarus and Sweden did not adopt a similar anti-pandemic strategy. In these countries, the preservation of the previous organization of social life was demonstrated, without serious restrictions and panic moods (Baral et al., 2021). In Belarus, a regime of complete restriction of social contacts was not introduced, and the population was only informed about the need to comply with safety measures (Gubenko, 2020; Karáth, 2020). The effect of pandemic restrictions on the prevalence of loneliness can be seen by comparing this phenomenon in countries with different anti-epidemic strategies.

We rely on the term “loneliness” as used in (Baarck et al., 2021). The term “loneliness” defines three very distinctive forms of “being alone” for an individual: loneliness, social isolation, and solitude, even if the terms are sometimes used interchangeably in everyday language. In the literature, loneliness has a strong subjective nature. It is the perception of a discrepancy between a person’s desired and actual network of relationships. It is lived as a deeply negative experience. It is not only about having too few social contacts per se, but also about the perception that these relationships are not satisfying enough. In other words, loneliness does not mean being alone, but feeling alone. In this respect, loneliness is different from social isolation, which has an objective connotation defined by an absence of relationships with other people and/or a very small number of meaningful ties.

Solitude describes the act of being alone voluntarily, which once again involves the objective condition of being away from others but also the possibility of pleasant and positive feelings about this situation.

Based on the definitions, we used the method of assessment — the Loneliness Scale of the University of California, Los Angeles, UCLA (Russell, 1996; Yildirim & Kocabiyik, 2010) to determine all three forms of the phenomenon of loneliness.

Current Study

Research hypothesis: the prevalence of the levels of loneliness among university students has its own characteristics depending on the effect of anti-pandemic measures taken in each individual country.

Purpose of the work: to investigate the prevalence of the phenomenon of loneliness among university students in five European countries, taking into account the variety of anti-COVID measures during the pandemic.

Participants and Procedure

Participants

The study was carried out in September–October 2020 on the basis of universities in five European countries (2316 non-technical students were interviewed). In Belarus (Grodno, Vitebsk, Minsk) – 822 students, Russia (Moscow, Moscow region, Arkhangelsk, Krasnoyarsk) – 523 students, Poland (Bialystok, Suwalski, Byala Podlaska) – 632 students, Lithuania (Klaipeda, Kaunas) – 223 students, Ukraine (Ternopil) – 116 students.

Measures

The research was conducted on the Google Forms platform https://docs.google.com/forms/d/14vY2rAAjW_ENyr6dqGTszks9KgYW1dalVmm7DyiyxQ/edit. The created electronic file of questionnaires made it possible to form a database and perform statistical analysis. Tracking and analyzing the experience of loneliness was carried out using a generally recognized and widely used instrument, the Loneliness Scale of the University of California, Los Angeles, UCLA (Russell, 1996). This one-dimensional scaling method is a summary scores selected by developers based on a series of methodological experiments, as well as a correlation with a self-rating index for loneliness with a validation check (Russell et al., 1980). The third version of the UCLA Loneliness Scale is based on shared experience and measures the negative aspects of loneliness. There are 11 negative (“alone”) and 9 positive (“not alone”) statements used (Russell, 1996). For answers, a 4-point ordinal scale of Likert grades (Likert) is proposed. The result is in the form of the sum of points, taking into account the fact that in the part of the questionnaire statements the answer option “I often feel this way” is coded as “4”, and “I never feel this way” as “1”, and for Questions 1, 4–6, 9, 10, 15, 16, 19, 20, on the contrary, “I often feel this way” is “1”, and “I never feel this way” is “4” (Russell, 1996; Puzanova, 2009).

The overall result is estimated in the range of 20–80 points, and it can be interpreted as the severity of the state of forced isolation, desire or even the need for loneliness, as well as diagnose a construct with factors: lack of unity with the people around; lack of interpersonal contacts, isolation, alienation, isolation; dissatisfaction with the quality of relationships with others.

The Russian-language adaptation of this technique was performed earlier (Ishmuhametov, 2006). The obtained psychometric indicators correspond to the original English version. The Polish-language version also confirmed compliance with the original English-language version (Kwiatkowska et al., 2018). In addition, the results of the methods of checking for validity and correlations with the index of self-assignment to the category of loneliness were used. Cronbach's alpha of statements was 0.89, which confirmed the high internal consistency of the statements of the questionnaire (Puzanova, 2009).

Procedure

The data collection tools used in this research study were applied to volunteer participants. All study participants were informed about the purpose and objectives of the study, methodology, and anonymous and confidential nature. After the study was approved by the Ethics Committee of Yanka Kupala State University of Grodno, participants participated through an online questionnaire. Prior to participating, the researchers obtained consent from the participants. Access to the electronic questionnaire was provided only in the case of expressing consent to participate in the study.

Data analysis

The statistical software package Statistica 13 PL (StatSoft, USA) was used for statistical processing and for search for significant dependencies. Data processing was carried out with an assessment of the correspondence of the obtained values to the normal distribution of the variation series using the Shapiro-Vilk W-test. The final quantitative indicators for all scales and the sum had a distribution that differed from the norm, therefore, when processing and interpreting the results, non-parametric indicators were used. As a measure of the central tendency, the median, the minimum and maximum values, and the interquartile range of the IQR (the difference in the values of the upper 75th and lower 25th quartiles) were indicated. Additionally, the generally accepted indicators were used: the arithmetic mean (M) together with the standard deviation (\pm SD). To assess the significance of differences between the two groups of respondents, the Mann–Whitney U-test was used (differences were significant at $p < 0.05$). As a nonparametric alternative to one-dimensional (intergroup) analysis of variance. The Kruskal–Wallis test was used to compare the five groups with correction for multiple Bonferroni comparisons (Perneger, 1998). Spearman's rank correlation method is applied to determine the strength and direction of correlations between indicators.

Results

The age of the students in the groups was 21.0 ± 1.54 years. Distribution of respondents by gender: male, 24.0%, female, 76.0%. The relationship by age and gender is maintained in all five countries represented. The results of processing the data of the questionnaires with the determination of the total level of experience of loneliness according to the UCLA Scale are presented in Table 1.

The diagram (Figure 1) visualizes the final indicators of calculating the total level of loneliness of student youth in the country.

According to the data obtained using the UCLA Scale, respondents who showed three levels of loneliness experience were singled out in each of the groups. A low level (total score less than 40 points) was noted in 1,510 cases (65.2%). The medium level (40–60 points) was observed in 740 people (32.0%). A high level

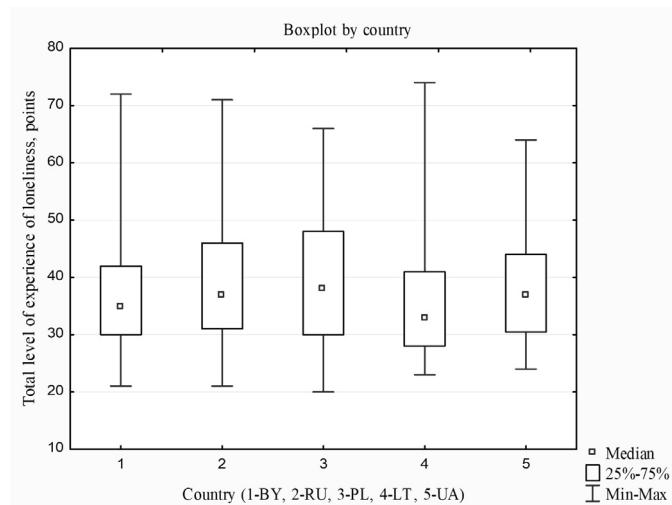
Table 1
Comparative Assessment of the Experience of Loneliness (by Representatives of University Students from Five European Countries)

Group of respondents	Median	Minimum–Maximum	IQR	$M \pm SD$	Mann–Whitney tests (Z) for 2 samples and Kruskal–Wallis tests (H) for 5 samples*
BY (N = 822)	35.0	21.0–72.0	30.0–42.0	36.7 ± 8.75	$Z = -4.5; P_{BY-RU} < .001$
RU (N = 523)	37.0	21.0–71.0	31.0–46.0	39.2 ± 9.71	$Z = -3.9; P_{BY-PL} < .001$
PL (N = 632)	38.0	20.0–66.0	30.0–48.0	39.2 ± 10.8	$Z = 4.8; P_{PL-LT} < .001$
LT (N = 223)	33.0	23.0–74.0	28.0–41.0	36.2 ± 8.69	$Z = 2.6; P_{BY-LT} < .01$
					$Z = 5.4; P_{RU-LT} < .001$
UA (N = 116)	37.0	24.0–64.0	30.5–44.0	38.5 ± 9.44	$Z = -3.1; P_{LT-UA} < .01$
Total (N=2316)	36.0	20.0–74.0	31.0–45.0	37.9 ± 9.68	$H = 45.0; P_{5\text{ country}} < .001$

Note. Hereinafter, the designation of the countries where the study was carried out: BY – Belarus, RU – Russia, PL – Poland, LT – Lithuania, UA – Ukraine.

* Bonferroni correction for multiple comparisons is applied.

Figure 1
The Severity of the Total Indicator of the Experience of Loneliness in the Five Studied Groups

(more than 60 points) with the maximum feeling of loneliness was revealed in 66 respondents (2.8%) (Table 2).

Thus, the first group includes students who are not inclined to experience loneliness. The second group was formed of respondents occupying an intermediate

Table 2

**Ranges of the Levels of Experience of Loneliness among Respondents in the Studied Groups
(Number, Percentage, 95% CI – Confidence Interval)**

Group	Level of experience of loneliness			Pearson χ^2 test
	Low (< 40 points)	Medium (40–60 points)	High (> 60 points)	
BY (N = 822)	592 (72.0) (69.0–75.1)	216 (26.3) (23.3–29.3)	14 (1.7) (0.8–2.6)	$\chi^2 = 21.6$ $P_{BY-RU} < .001$
RU (N = 523)	313 (59.8) (55.7–61.1)	196 (37.5) (33.3–41.6)	14 (2.7) (1.3–4.1)	$\chi^2 = 16.1$ $P_{RU-LT} < .001$
PL (N = 632)	365 (57.8) (53.9–61.6)	235 (37.2) (33.4–41.0)	32 (5.1) (3.4–6.8)	$\chi^2 = 37.5$ $P_{BY-PL} < .001$
LT (N = 223)	167 (74.9) (69.2–8.36)	54 (24.2) (18.6–29.8)	2 (0.9) (0.3–2.1)	$\chi^2 = 23.2$ $P_{PL-LT} < .001$
UA (N = 116)	73 (62.9) (54.1–71.7)	39 (33.6) (25.0–42.2)	4 (3.4) (0.1–6.8)	$\chi^2 = 6.8$ $P_{LT-UA} < .05$
Total (N = 2316)	1510 (65.2) (63.3–67.1)	740 (32.0) (30.1–33.9)	66 (2.8) (2.2–3.5)	$\chi^2 = 57.6$ $P_{5\text{ countries}} < .001$

position, whose answers are characterized by uncertainty. The most common answer in this group is “sometimes”. The third group with a high level of experience of loneliness is the smallest. The ranges of the levels of experience of loneliness among the respondents in the studied groups by country are presented in Table 3. The results obtained on the basis of basic statistics revealed a set of correlations between the indicators of respondents in the data set of the statements of the questionnaire, which are reduced to 17 questions out of 20, describing the division into groups for five countries. The Table shows data on all questions of the questionnaire, which can be considered as criteria that reliably distinguish between the studied groups according to the Kruskal–Wallis criterion (adjusted for multiple Bonferroni comparisons).

The total indicator of the experience of loneliness does not correlate with the gender and age of the study participants, although a tendency and a weak connection were noted according to most of the criteria of the UCLA Scale (Spearman's rank correlation coefficient for Questions 2, 6–8, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20 from $r = -0.04$ to $r = 0.11$, $p < 0.05$). For Questions 6–8, 10, 13, 16, 19 and 20, the degree of expressiveness of answers were higher for male participants, and for answers to Questions 2, 11, 14, 17, for female participants.

Discussion

In scientific research, loneliness is often interpreted as a pathological painful condition. Preference is given to studying this phenomenon at certain age periods (Lin & Chiao, 2020; Dumont et al., 1990) or in selected socio-demographic groups (Pitman et al., 2018). It is believed that a fairly large number of young people feel

Table 3

Distinctive Features of the Criteria for Loneliness According to the UCLA Scale, Taking into Account the Country of Residence

№	Contents of the question (Russell et al., 1980; Hughes et al., 2004)	Country of survey (median; IQR; M ± SD)					Total	Kruskal–Wallis test** H, P
		BY	RU	PL	LT	UA		
1*	I feel in tune with the people around me	1.0; 1–2; 1.3 ± 0.58	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.65	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.75	1.0; 1–1; 1.3 ± 0.5	1.0; 1–1; 1.3 ± 0.6	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.7	95.0; < .001
2	I lack companionship	3.0; 2–3; 2.9 ± 0.83	3.0; 2–3; 2.9 ± 0.82	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.84	3.0; 3–4; 3.1 ± 0.7	3.0; 2–4; 2.9 ± 0.9	3.0; 2–3; 2.8 ± 0.9	220.9; < .001
3	There is no one I can turn to	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.89	2.0; 1–2; 1.9 ± 0.92	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.89	1.0; 1–2; 1.9 ± 0.9	1.5; 1–2; 1.8 ± 0.9	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.9	> .05
4*	I do not feel alone	2.0; 1–3; 2.4 ± 1.15	2.0; 1–3; 2.2 ± 1.03	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.99	2.0; 2–3; 1.9 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.3 ± 1.2	2.0; 2–3; 2.3 ± 1.1	43.4; < .001
5*	I feel part of a group of friends	1.0; 1–2; 1.5 ± 0.74	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.85	2.0; 1–2; 1.7 ± 0.88	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.8	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.9	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.8	29.5; < .001
6*	I have a lot in common with the people around me	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.74	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.80	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.78	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.7	1.5; 1–2; 1.7 ± 0.8	2.0; 1–2; 1.7 ± 0.8	19.4; < .001
7	I am no longer close to anyone	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.86	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.96	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.96	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.8	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.9	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.9	> .05
8	My interests and ideas are not shared by those around me	2.0; 2–3; 2.2 ± 0.74	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.87	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.96	2.0; 2–3; 2.5 ± 0.8	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.9	23.6; < .001
9*	I am an outgoing person	1.0; 1–2; 1.5 ± 0.70	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.87	2.0; 1–2; 1.7 ± 0.78	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.7	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.9	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.8	62.6; < .001
10*	There are people I feel close to	1.0; 1–2; 1.3 ± 0.61	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.63	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.65	1.0; 1–1; 1.2 ± 0.5	1.0; 1–1; 1.3 ± 0.6	1.0; 1–2; 1.3 ± 0.6	> .05
11	I feel left out	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.87	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.89	2.0; 1–3; 2.0 ± 0.95	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.7	1.0; 1–2; 1.8 ± 0.8	1.0; 1–2; 1.8 ± 0.9	68.8; < .001
12	My social relationships are superficial	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.88	3.0; 2–3; 2.6 ± 0.92	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.89	2.0; 2–3; 2.2 ± 0.8	2.0; 2–3; 2.7 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.9	47.4; < .001
13	No one really knows me well	3.0; 2–3; 2.6 ± 0.97	3.0; 2–3; 2.6 ± 1.03	2.0; 2–3; 2.5 ± 1.03	2.0; 1–3; 2.1 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.7 ± 1.0	3.0; 2–3; 2.5 ± 1.0	53.8; < .001
14	I feel isolated from others	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.89	2.0; 1–3; 2.1 ± 0.98	2.0; 1–3; 2.1 ± 1.0	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.8	2.0; 1–3; 2.0 ± 0.9	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.9	89.6; < .001
15*	I can find companionship when I want it	2.0; 1–2; 1.9 ± 0.86	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.86	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.86	2.0; 1–2; 1.9 ± 0.9	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.9	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.8	23.0; < .001
16*	There are people who really understand me	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.75	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.75	2.0; 1–2; 1.8 ± 0.83	1.0; 1–2; 1.5 ± 0.7	1.0; 1–2; 1.7 ± 0.9	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.8	33.3; < .001
17	I am unhappy being so withdrawn	1.0; 1–2; 1.8 ± 0.93	2.0; 1–3; 2.0 ± 1.0	2.0; 1–3; 2.1 ± 1.03	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.9	1.0; 1–3; 1.8 ± 0.9	2.0; 1–3; 1.9 ± 0.9	73.3; < .001
18	People are around me but not with me	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.92	2.0; 2–3; 2.5 ± 0.95	2.0; 2–3; 2.4 ± 0.98	2.0; 1–3; 2.0 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.9	2.0; 2–3; 2.3 ± 0.9	40.3; < .001
19*	There are people I can talk to	1.0; 1–1; 1.3 ± 0.60	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.64	1.0; 1–2; 1.5 ± 0.74	1.0; 1–2; 1.3 ± 0.7	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.8	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.7	50.6; < .001
20*	There are people I can turn to	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.65	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.68	1.0; 1–2; 1.6 ± 0.78	1.0; 1–2; 1.3 ± 0.6	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.7	1.0; 1–2; 1.4 ± 0.7	42.5; < .001

Note. The total score is the sum of all 20 items.

* Item should be reversed (i.e., 1 = 4, 2 = 3, 3 = 2, 4 = 1) before scoring.

** Bonferroni correction for multiple comparisons is applied.

lonely, so they seek recognition and acceptance in a peer group. After the age of 40, the manifestations of loneliness decrease, but they again increase in the elderly. An estimated 15 to 30 percent of the population feels lonely at all times (Louise et al., 2018). According to our data, the prevalence of the experience of loneliness was less than results presented in the literature. These discrepancies, possibly, are associated with adaptation to the changed conditions of life and study of student youth. University students differ from other strata of the population in their activity, cheerfulness, and desire and need for communication. This is confirmed by studies conducted in the first months of the quarantine, when the COVID-19 pandemic was news, uncertainty, fear, alarm, especially among the young and elderly population (Burki, 2020), and consistent with results reported in the literature (Baarck et al., 2021). Communication restrictions during anti-pandemic measures alienate people from potential new social contacts. A study by American scientists (Luchetti et al., 2020) examined the change in the levels of loneliness in response to social restriction measures taken to combat the spread of coronavirus among 1,545 American adults. The assessment was carried out three times during the spring-summer of 2020. Contrary to expectations, it was concluded that there were minor changes in the levels of loneliness.

The respondents felt an increase in support from their inner circle. In our study, the severity of the respondents' loneliness corresponded to the low and medium levels of the severity of this state. Young adults tend to have a tendency to communicate with peers and to feel part of a group where social interaction skills are developed and tested; the ability to obey collective discipline; the ability to gain authority and occupy the desired status (Nowakowska, 2020). The restrictive measures caused by the COVID-19 pandemic, in our opinion, are a factor aggravating and provoking the levels of experience of loneliness, especially social loneliness. It should be borne in mind that young people often have not yet left their parental families and severe restrictive measures can exacerbate existing intra-family conflicts. Restricted live communication and attempts to compensate for it in a virtual environment, according to some authors, do not facilitate the experience of loneliness, but only exacerbate it (Samal & Stvolygin, 2020), which is indirectly confirmed by the results of our study.

The current situation and various strategies to counteract the spread of the phenomenon were an important trigger for the study of the problem of loneliness in student youth. Research findings over the past two years indicate a significant impact of the pandemic on emotional well-being, and an increase in anxiety, depression and feelings of loneliness among the younger generation. In a study loneliness is considered "... as a kind of social situation that generates a certain emotional state, the depth of which depends on the degree of isolation of a person from society..." (Bakaldin, 2008). Our research showed that the prevalence of loneliness among university students from five European countries during the COVID-19 pandemic was directly related to various anti-epidemic approaches proposed in these countries. Isolation of students in the face of the pandemic has limited the physical and spiritual needs of young people. According to the observations of authors (Elmer et al., 2020), a long-term lack of the opportunity to communicate

contributed to the development of mental disorders, anxiety and depression, and feelings of loneliness.

We assume that the young people who participated in the study had individually formed levels of experience of loneliness, and the COVID-19 pandemic and the anti-epidemic measures taken, provoked a kind of maladjustment and a stressful situation, when a person met with experiences that, in strength and duration, surpassed their psychological regulatory possibilities.

The applied method for assessing the subjective feeling of loneliness according to the UCLA Scale made it possible to compare the prevalence of the phenomenon during the period of various quarantine restrictions. Our data states that a high level (more than 60 points on the UCLA Scale) with the maximum feeling of loneliness was found in 66 respondents (2.8%). The main differences depending on the severity of the anti-epidemic measures taken are associated with the prevalence of a low level of feelings of loneliness. The softer the restrictions were (Belarus, Lithuania in the first months of the pandemic), the larger this group was. Respondents with medium and especially high levels of experience of loneliness, as one would expect, were significantly more frequent in countries with a severe lockdown. It was found that young adults from all countries represented generally showed medium levels of experience of loneliness. Among those surveyed in Belarus, the smallest group of young people with a high level of experience of loneliness (1.7%) was noted. The main criteria were "lack of friendly communication", "lack of like-minded people", "not feeling part of a group", and "lack of opportunity to open up" (Questions 1, 2, 5, 13). Recommendations on the organization of the learning process in educational institutions in the presence of COVID-19 infection in the country were mainly aimed at ensuring social distance. If necessary, the educational process of students was supplemented by the use of information and communication technologies. Isolation measures were applied mainly to patients and persons from contact of the first level. Young people with low levels of experience of loneliness in the group of students from Belarus accounted for 72%.

Students of Russian universities in 2.7% formed a group with high levels of experience of loneliness. The main distinguishing criteria were "lack of companionship", "lack of like-minded people", "lack of opportunity to open up", "lack of deep social connections", "lack of people to turn to" (Questions 2, 3, 12, 13, 20). In The period from March 30 to May 12, 2020, was declared as days off in Russia, and in the future, training was mainly conducted remotely. The group of young people with low levels of experience of loneliness was 59.8%.

Among students in Poland, there were the maximum number (5.1%) of students with high levels of experience of loneliness. Among the respondents with high levels of experience of loneliness, the leading criteria were "the absence of people for whom I have deep feelings", "the absence of people with whom I can talk", and "lack of people to turn to" (10, 19, 20). The country announced several stages of a tough national quarantine. Out of the total number students from Polish surveyed, 57.8% of the respondents presented low levels of experience of loneliness.

In the group of Lithuanian respondents, 0.9% of persons with high levels of experience of loneliness were identified and 74.9% with a minimum level. The main

distinguishing criteria were “lack of companionship”, “lack of people for whom I have deep feelings”, “lack of truly understanding people”, “lack of people to turn to” (2, 10, 16, 20). Restrictive measures (shorter than in other countries) were applied in the country since the beginning of the pandemic. The following strict quarantine has been introduced since November 2020.

Among the students of Ukraine, the group with high levels of feelings of loneliness was 3.4%, and with low levels, 62.9%. The main distinguishing criteria were “a feeling of being out of tune with the people around them”, “lack of friendly communication”, “not feeling part of a group”, “a difficult experience of distance from people”, “the absence of people for whom I have deep feelings”, “lack of people to whom I have deep feelings”, “lack of truly understanding people”, “lack of people with whom I can talk”, “lack of people to turn to” (Questions 1, 2, 5, 9, 10, 16, 19, 20). The country has repeatedly introduced quarantine.

Constraints of a study

Limitations of the study that should be taken into account when extrapolating the results obtained, are as follows. Firstly, a study conducted in the form of an online survey with instructions on exploring the characteristics of behavior during the period of self-isolation could attract the most concerned respondents acutely experiencing the pandemic; secondly, most of the research participants are female; third, the study used a limited list of anti-pandemic measures specific to five countries, while in practice there may be more. However, this is one of the studies that have tried to examine the experience of loneliness in a large group of students in five European countries, focusing on various strategies to counter the spread of COVID-19.

Conclusions

University students from five countries who participated in the study do not experience high levels of loneliness. The prevalence of loneliness is less than the results reported in previous studies. The levels of experience of loneliness correspond to the average, and the total indicator on the UCLA Scale can be characterized as neutral. The share of respondents with high levels of experience of loneliness did not exceed 3.0%. The prevalence of the experience of loneliness revealed a gradation in terms of the total indicator (from minimum to maximum): min LT – BY – RU – UA – PL max. In Lithuania and Belarus, where a hard lockdown was not introduced in the first wave of the pandemic, low levels of feelings of loneliness prevailed, while in Ukraine, Russia and Poland the share of low levels was significantly less. It is reasonable to assume that the severity of loneliness is associated with anti-epidemic measures that have been taken during the pandemic of COVID-19 infection. Therefore, the number of respondents with medium and high levels of experience of loneliness was more common in countries with “hard” isolation. The general ideas of young people about the causes of loneliness (the cognitive level of perception of loneliness), in most cases, are explained by the problems of young

people in the communicative sphere (difficulties in communicating with friends, changes in the usual way of life) and personal characteristics (isolation). The results of the study at the cognitive level are related to the country of residence and, accordingly, to the severity of anti-pandemic measures in each individual country.

Conflict of interest

The authors declare that the research was conducted in the absence of any commercial or financial relationship that could be construed as a potential conflict of interest.

References

- Baarck, J., Balahur, A., Cassio, L., d'Hombres, B., Pásztor, Z., & Tintori, G. (2021). *Loneliness in the EU. Insights from surveys and online media data* (JRC Science for Policy Report, EUR 30765 EN). Publications Office of the European Union, Luxembourg. <https://doi.org/10.2760/46553>
- Banerjee, D., & Rai, M. (2020). Social isolation in Covid-19: The impact of loneliness. *International Journal of Social Psychiatry*, 66(6), 525–527. <https://doi.org/10.1177/0020764020922269>
- Bakaldin, S. V. (2008). Emotsional'nye osobennosti perezhivaniya odinochestva [Emotional characteristics of the experience of loneliness]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta [The Bulletin of the Adygea State University]. Series "Pedagogy and Psychology"*, 3, 229–232. (in Russian)
- Baral, S., Chandler, R., Prieto, R. G., Gupta, S., Mishra, S., & Kulldorff, M. (2021). Leveraging epidemiological principles to evaluate Sweden's COVID-19 response. *Annals of Epidemiology*, 54, 21–26. <https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2020.11.005>
- Beam, C. R., & Kim, A. J. (2020). Psychological sequelae of social isolation and loneliness might be a larger problem in young adults than older adults. *Psychological Trauma*, 12(S1), S58–S60. <https://doi.org/10.1037/tra0000774>
- Bertrand, L., Shaw, K. A., Ko, J., Deprez, D., Chilibeck, P. D., & Zello, G. A. (2021). The impact of the coronavirus disease 2019 (COVID-19) pandemic on university students' dietary intake, physical activity, and sedentary behaviour. *Applied Physiology, Nutrition, and Metabolism*, 46(3), 265–272. <https://doi.org/10.1139/apnm-2020-0990>
- Bu, F., Steptoe, A., & Fancourt, D. (2020). Who is lonely in lockdown? Cross-cohort analyses of predictors of loneliness before and during the COVID-19 pandemic. *Public Health*, 186, 31–34. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2020.06.036>
- Burki, T. K. (2020). COVID-19: consequences for higher education. *The Lancet. Oncology*, 21(6), 758. [https://doi.org/10.1016/S1470-2045\(20\)30287-4](https://doi.org/10.1016/S1470-2045(20)30287-4)
- Dossey, L. (2020). Loneliness and health. *Explore*, 16(2), 75–78. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2019.12.005>
- Dumont, M., Blanchet, L., & Tremblay, P. H. (1990). La solitude chez les jeunes: recension des écrits [Loneliness among young people: collation of writings]. *Sante mentale au Quebec*, 15, 129–148.
- Elmer, T., Mepham, K., & Stadtfeld, C. (2020). Students under lockdown: Comparisons of students' social networks and mental health before and during the COVID-19 crisis in Switzerland. *PLoS ONE*, 15(7), Article e0236337. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236337>

- Gubenko, S. I. (2020). Epidemic COVID-19. Belarus, Sweden, Switzerland, Denmark. Analysis, comparisons and forecasts. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya [Science and Education Bulletin]*, 16, 50–68. (in Russian)
- Huang, Y. J., Wang, K. Y., & Chen, C. M. (2010). Loneliness: a concept analysis. *Hu Li Za Zhi*, 57(5), 96–101. (in Chinese)
- Hughes, M. E., Waite, L. J., Hawkley, L. C., & Cacioppo, J. T. (2004). A short scale for measuring loneliness in large surveys: Results from two population-based studies. *Research on Aging*, 26(6), 655–672. <https://doi.org/10.1177/0164027504268574>
- Hwang, T. J., Rabheru, K., Peisah, C., Reichman, W., & Ikeda, M. (2020). Loneliness and social isolation during the COVID-19 pandemic. *International Psychogeriatrics*, 32(10), 1217–1220. <https://doi.org/10.1017/S1041610220000988>
- Ioseliani, A. D., & Anisimov, E. S. (2021). Odinochestvo v pandemii COVID-19 [Loneliness during the COVID-19 Pandemic]. *Manuscript*, 14, 908–911.
- Ishmuhametov, I. N. (2006). Psichometricheskie kharakteristiki shkaly odinochestva UCLA (versiya 3): izuchenie studentov vuza [Psychometric characteristics of the UCLA Loneliness Scale (Version 3): a study of university students]. *Computer Modelling and New Technologies*, 10(3), 89–95. (in Russian)
- Jose, P. E., & Lim, B. T. (2014). Social connectedness predicts lower loneliness and depressive symptoms over time in adolescents. *Open Journal of Depression*, 3(4), 154–163. <https://doi.org/10.4236/ojd.2014.34019>
- Karáth, K. (2020). Covid-19: How does Belarus have one of the lowest death rates in Europe? *BMJ*, 370, Article m3543. <https://doi.org/10.1136/bmj.m3543>
- Kwiatkowska, M., Rogoza, R., & Kwiatkowska, K. (2018). Analysis of the psychometric properties of the Revised UCLA Loneliness Scale in a Polish adolescent sample. *Current Issues in Personality Psychology*, 6(2), 164–170. <https://doi.org/10.5114/cipp.2017.69681>
- Lee, C. M., Cadigan, J. M., & Rhew, I. C. (2020). Increases in loneliness among young adults during the COVID-19 pandemic and association with increases in mental health problems. *Journal of Adolescent Health*, 67(5), 714–717. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2020.08.009>
- Lin, W. H., & Chiao, C. (2020). Adverse adolescence experiences, feeling lonely across life stages and loneliness in adulthood. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 20(3), 243–252. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2020.07.006>
- Liu, C. H., Zhang, E., Wong, G. T. F., Hyun, S., & Hahm, H. C. (2020). Factors associated with depression, anxiety, and PTSD symptomatology during the COVID-19 pandemic: Clinical implications for U.S. young adult mental health. *Psychiatry Research*, 290, 113172. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113172>
- Loades, M. E., Chatburn, E., Higson-Sweeney, N., Reynolds, S., Shafran, R., Brigden, A., Linney, C., McManus, M. N., Borwick, C., & Crawley, E. (2020). Rapid systematic review: The impact of social isolation and loneliness on the mental health of children and adolescents in the context of COVID-19. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry's*, 59(11), 1218–1239. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2020.05.009>
- Losada-Baltar, A., Márquez-González, M., Jiménez-Gonzalo, L., Pedroso-Chaparro, M. D. S., Gallego-Alberto, L., & Fernandes-Pires, J. (2020). Diferencias en función de la edad y la autopercepción del envejecimiento en ansiedad, tristeza, soledad y sintomatología comórbida ansioso-depresiva durante el confinamiento por la COVID-19 [Differences in anxiety, sadness, loneliness and comorbid anxiety and sadness as a function of age and self-perceptions of aging during the lock-out period due to COVID-19]. *Revista Española de Geriatría y Gerontología*, 55(5), 272–278. <https://doi.org/10.1016/j.regg.2020.05.005>

- Luchetti, M., Lee, J.H., Aschwanden, D., Sesker, A., Strickhouser, J. E., Terracciano, A., & Sutin, A. R. (2020). The trajectory of loneliness in response to COVID-19. *American Psychologist*, 75(7), 897–908. <https://doi.org/10.1037/amp0000690>
- Nowakowska, I. (2020). Lonely and thinking about the past: the role of time perspectives, Big Five traits and perceived social support in loneliness of young adults during COVID-19 social distancing. *Current Issues in Personality Psychology*, 8(3), 175–184. <https://doi.org/10.5114/cipp.2020.97289>
- Odintsova, M. A., Radchikova, N. P., & Yanchuk, V. A. (2021). Assessment of the COVID-19 pandemic situation by residents of Russia and Belarus. *Sotsial'naya Psichologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(2), 56–77. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120204> (in Russian).
- Perneger, T. V. (1998). What's wrong with Bonferroni adjustments. *BMJ*, 316(7139), 1236–1238. <https://doi.org/10.1136/bmj.316.7139.1236>
- Pitman, A., Mann, F., & Johnson, S. (2018). Advancing our understanding of loneliness and mental health problems in young people. *Lancet Psychiatry*, 5(12), 955–956. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(18\)30436-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(18)30436-X)
- Polskaya, N. A., & Razvaliaeva, A. Yu. (2020). Interpersonal sensitivity in the period of self-isolation and its role in the choice of social distancing measures. *Psichologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 25(6), 63–76. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250606> (in Russian)
- Puzanova, Zh. V. (2009). Loneliness as a Subject of Empirical Sociological Studies. *Sotsiologiya: Metodologiya, Metody, Matematicheskoe Modelirovaniye [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]*, 29, 132–154. (in Russian)
- Russell, D. (1996). UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure. *Journal of Personality Assessment*, 66(1), 20–40.
- Russell, D., Peplau, L. A., & Cutrona, C. E. (1980). The Revised UCLA Loneliness Scale: Concurrent and discriminant validity evidence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39(3), 472–480. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.39.3.472>
- Saltzman, L. Y., Hansel, T. C., & Bordnick, P. S. (2020). Loneliness, isolation, and social support factors in post-COVID-19 mental health. *Psychological Trauma*, 12(S1), S55–S57. <https://doi.org/10.1037/tra0000703>
- Samal, E. V., & Stvolygin, K. V. (2020). Experience of loneliness by teenagers at the end of the 20th century and at present. *Psichologiya Cheloveka v Obrazovanii [Psychology in Education]*, 2(2), 166–173. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-2-166-173> (in Russian)
- Sharma, R. K. (2020). Who is lonely in lockdown? This cross-cohort analysis suggests students may be at risk. *Public Health*, 189, 5. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2020.09.011>
- Skalski, S., Uram, P., Dobrakowski, P., & Kwiatkowska, A. (2020). Thinking too much about the novel coronavirus. The link between persistent thinking about COVID-19, SARS-CoV-2 anxiety and trauma effects. *Current Issues in Personality Psychology*, 8(3), 169–174. <https://doi.org/10.5114/cipp.2020.100094>
- Sinczuch, M. (2002). *Wchodzenie w doros o warunkach zmiany społecznej* [Entering adulthood under conditions of social change]. Warszawa: Uniwersytet Warszawski.
- Smith, B.J., & Lim, M. H. (2020). How the COVID-19 pandemic is focusing attention on loneliness and social isolation. *Public Health Research and Practice*, 30(2), 3022008. <https://doi.org/10.17061/phrp3022008>
- Stolberg, R. L. (2020). COVID-19: Education and licensure disruption. *International Journal of Dental Hygiene*, 94(4), 4–5.
- Yildirim, Y., & Kocabiyik, S. (2010). The relationship between social support and loneliness in Turkish patients with cancer. *Journal of Clinical Nursing*, 19(5–6), 832–839. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2009.03066.x>

Обзоры и рецензии

ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ ВОСПИТАНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ: ОБЗОР РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.А. АСЛАМАЗОВА^{a,b}, Р.Ж. МУХАМЕДРАХИМОВ^b, К.Г. ТУМАНЬЯН^b

^a ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

^b ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

Disruption of Substitute Care: A Review of Russian and Foreign Studies

L.A. Aslamazova^{a,b}, R.J. Muhamedrahimov^b, K.G. Tumanyan^b

^a Adyge State University, Address: St. Pervomayskaya, 208, Maykop, Adygea Republic, 385000, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Резюме

Проявления замещающей семейной заботы о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, сопровождаются случаями преждевременного прерывания воспитания приемных детей, число которых увеличивается с усилением интенсивности устройства их в семье. Изучение причин преждевременного прерывания (отказа) от продолжения воспитания приемного ребенка со стороны замещающих родителей осуществляется в отечественных и зарубежных исследованиях, многочисленные результаты которых требуют проведения информационно-аналитического обзора. Цель работы состоит в анализе и обобщении результатов психологических исследований отказа от продолжения воспитания приемного ребенка. Результаты свидетельствуют о том, что основные направления исследований связаны с

Abstract

Substitute family care for orphaned children and children left without parental care is accompanied by cases of its disruption, the number of which increases with the intensity of placement of children in families. Studies of the causes of disruption were conducted in Russia and abroad, and their numerous results require an analytical review. The objective of the current work is to analyze results of psychological studies on disruption of substitute care. The review reveals that the research is focused mostly on characteristics of foster children and substitute families that increase the risk of the refusal to continue substituted upbringing, as well as on the specifics of the relations between a foster child and their relatives.

изучением влияющих на отказ от продолжения воспитания особенностей приемных детей, характеристик замещающих родителей и семей, а также особенностей возможного взаимодействия приемного ребенка с биологической семьей. Результаты работы и их обсуждение позволяют сделать выводы, что отказ от проживания приемного ребенка в семье представляет собой сложное явление, на которое оказывают влияние разнообразные факторы, связанные как с особенностями детей, так и с особенностями замещающих родителей, а также с влиянием биологической семьи на процессы, происходящие в замещающей семье. Опыт отказа, переживаемый приемным ребенком и замещающими родителями, имеет множественные негативные психологические последствия для обеих сторон, в том числе в виде переживания чувства утраты, изоляции, обесценивания отношений, психической травматизации. Обеспечение проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения биологических родителей, в стабильных и качественных условиях замещающей семьи предполагает повышение качества подготовки замещающих родителей, а также разработку и внедрение научно обоснованных профилактических программ сопровождения ребенка и замещающей семьи.

Ключевые слова: замещающая семья, приемные дети, факторы отказа от продолжения воспитания, научно обоснованные программы сопровождения.

Асламазова Лилия Артуровна — доцент, кафедра педагогической психологии, факультет педагогики и психологии, Адыгейский государственный университет; докторант, кафедра психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, доцент. Сфера научных интересов: психическое здоровье детей, взаимодействие ребенка и близкого взрослого, программы вмешательства для замещающих семей, психологическое консультирование детей и родителей.

Контакты: lily.aslamazova@gmail.com

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович — профессор, заведующий кафедрой психического

The discussion emphasizes that the disruption of substitute care is a complex phenomenon associated with characteristics of children and their substitute parents, as well as with the influence of child's relatives on the substitute family. The conclusion highlights the need to improve the quality of training of substitute parents and to implement the evidence-based intervention programs for children and parents in substitute families.

Keywords: substitute family, foster children, factors care disruption, evidence-based intervention programs.

Liliya A. Aslamazova — Associate Professor, Division of Pedagogical Psychology, Department of Pedagogy and Psychology, Adyghe State University; Doctoral Student, Division of Child & Parent Mental Health and Early Intervention, Department of Psychology, Saint-Petersburg State University, PhD in Psychology, Associate Professor. Research Area: child mental health, caregiver-child interaction, intervention programs for substitute families, psychological counseling for children and parents. E-mail: lily.aslamazova@gmail.com

Rifkat J. Muhamedrahimov — Professor, Chair of Division of Child & Parent

здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: психическое здоровье детей, взаимодействие и привязанность ребенка и близкого взрослого, раннее вмешательство для детей с особыми потребностями, воспитывающихся в семьях и учреждениях.

Контакты: rjm@list.ru

Туманян Карина Георгиевна – аспирант, кафедра психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Сфера научных интересов: психическое развитие детей раннего возраста, особенности взаимодействия матерей с детьми и формирование привязанности у детей в замещающих семьях, программы раннего вмешательства для замещающих семей.

Контакты: karinatumanyan@gmail.com

Mental Health and Early Intervention, Department of Psychology, Saint-Petersburg State University, DSc in Psychology, Professor.

Research Area: child mental health, caregiver-child interaction and attachment, early intervention for children with special needs in families and institutions.

E-mail: rjm@list.ru

Karina G. Tumanyan – Postgraduate, Division of Child & Parent Mental Health and Early Intervention, Department of Psychology, Saint-Petersburg State University.

Research Area: early child development, mother-child interaction, attachment in children in foster care, early intervention programs.

E-mail: karinatumanyan@gmail.com

Введение

Преждевременное прерывание воспитания приемных детей представляет собой глобальную проблему системы замещающей семейной заботы как в России, так и за рубежом. Интенсивное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью неизбежно ведет к увеличению случаев отказов от их проживания в семье. Согласно российским официальным данным, ежегодно отменяется порядка 1% всех решений о передаче детей на воспитание в семью (Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2016). При этом отказы зачастую носят латентный характер, нередко маскируются под переводы приемных детей из одной замещающей семьи в другую, что ведет к неточностям реального представления об их числе (Осипова, 2008). В 60–70% случаев инициаторами отказов выступают замещающие родители, еще 13–16% семей распадается в силу ненадлежащего выполнения воспитателями своих обязанностей (Бирюкова и др., 2014; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2016).

В российской литературе преждевременное прерывание воспитания приемных детей приравнивается ко вторичному сиротству (Осипова, 2008; Бирюкова и др., 2014; Цинченко, 2014), являющемуся частью социального сиротства, связанного с отказом родителей от воспитания детей (Осипова, 2008; Заяц, Кизим, 2014). Согласно авторам, корни данного феномена лежат в нестабильности института семьи, деформации семейных ролей и ценностей, включая снижение ответственности и качества выполнения родителями своих функций (Осипова, 2008). Отказ рассматривается не как отдельное событие в жизни приемного ребенка, а как сложный процесс, оказывающий

значительное влияние на опыт и личную историю ребенка (Khoo, Skoog, 2014; Harkin, Houston, 2016), и приравнивается к психологическому насилию (Рамих, 2018). Возвращенные дети переживают разрыв эмоциональных связей и отношений с приемными родителями, что приводит к активации механизмов психологической защиты (Куфтяк, 2012; Рамих, 2018) и снижению уровня доверия к взрослым, ухудшению контактности (Корзетова, 2016; Леонова, 2018). Без психологической реабилитации и сопровождения ребенка, пережившего психическую травму, дальнейшее размещение в новой семье малоэффективно и имеет высокую вероятность повторения отказа (Цыганова, 2015). В связи с большим числом случаев преждевременного прерывания воспитания приемных детей авторы отмечают уязвимость института замещающей семьи как программы вмешательства и сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей (Vanderfaellie et al., 2018a). При этом отказ от воспитания приемного ребенка имеет последствия для замещающих родителей, которые испытывают смешанные чувства (наряду с облегчением – опустошение, разочарование, несостоительность), переживают травму и нуждаются в психологической помощи (Selwyn et al., 2014; Корзетова, 2016).

Анализ немногочисленных работ отечественных авторов на тему отказов свидетельствует о том, что большинство из них носят выраженный прикладной характер с описанием практики сопровождения замещающих семей (Павлова, 2015; Семенова, 2015; Решетова, 2016; Беспалова, 2019) либо представляют собой краткие сообщения и тезисы (Шулятьева и др., 2016). В то же время вопросы, связанные с отказом от воспитания приемных детей в семье, тщательно изучались в зарубежных исследованиях, которые до настоящего времени в российской психологической литературе не проанализированы. Для полноты представлений о причинах преждевременного прерывания воспитания приемных детей в замещающих семьях, а также для повышения эффективности мер профилактики отказов мы осуществили обзор научных исследований в этой области.

Целью настоящей работы являются выявление, анализ, систематизация и обобщение научной информации, полученной в результате исследований отказа замещающих семей от воспитания приемных детей. Задачи исследования включают обзор научных работ, раскрывающих влияние на отказы особенностей приемного ребенка, замещающих родителей и семьи, а также биологической семьи. Методологическую основу исследования составляет системная теория развития ребенка во взаимодействии с близким взрослым (Stern, 1985) и формирования привязанности (Bowlby, 1969; Ainsworth et al., 1978; Плешкова, Мухамедрахимов, 2008), в рамках которой развитие детей на этапе институционализации до принятия на воспитание в замещающие семьи рассматривается как развитие со значительным нарушением потребности взаимодействия со стабильным и чувствительным близким взрослым (Мухамедрахимов, 1999). Метод исследования – выявление, анализ, обсуждение и обобщение результатов изучения проблемы преждевременного прерывания воспитания приемных детей в замещающих семьях, опубликованных в научных работах российских и зарубежных авторов.

Результаты

Преждевременное прерывание воспитания в связи с особенностями приемных детей

Согласно данным, полученным по результатам опроса родителей в российских замещающих семьях, причинами отказа от продолжения воспитания приемных детей могут быть комплексные проблемы развития, поведения, здоровья, неблагоприятный внешний вид воспитанника, а также негативное влияние приемного ребенка на биологических детей (Семья и др., 2009). В качестве дополнительных факторов риска рассматриваются переживание приемными детьми опыта возвратов, наличие у них сиблингов, совместное или раздельное размещение братьев и сестер в замещающих семьях (Махнач, 2016). Среди поводов для отказа семей от продолжения воспитания приемных детей отечественные авторы выделяют причины, связанные с поведенческими и эмоциональными нарушениями (Осипова, 2008; Семья и др., 2009; Ремизова, 2014; Фещенко, 2015; Корзетова, 2016; Махнач, 2016; Леонова, 2017; Беспалова, 2019), что может быть связано с опытом травматизации, пренебрежения и насилия как в родной семье (Thomas, 2005; Moyers et al., 2006), так и в учреждении (Muhamedrahimov et al., 2014).

Результаты крупных исследований, проведенных зарубежными авторами, свидетельствуют о множественности причин, связанных с особенностями приемных детей, приводящих к преждевременному прерыванию их воспитания в замещающей семье. Так, масштабный анализ показателей стабильности размещения детей в замещающих семьях США (23 760 детей и 66 585 случаев размещения) показал, что на преждевременное прерывание воспитания приемных детей в семьях влияют поведенческие трудности, делинквентность, психические проблемы и когнитивные нарушения, число предыдущих размещений (чем больше, тем выше риск возврата), отсутствие сиблингов у воспитанников (Font, Sattler, 2018). Авторы исследования выявили, что семьи чаще отказывались от продолжения воспитания мальчиков и детей из афроамериканских биологических семей. Изучение исходов размещения детей (14 171 ребенок в возрасте от рождения до 17 лет) в семьях неродственной опеки в Германии позволило определить, что факторами риска возвратов являются мужской пол воспитанников, старший возраст помещения в семью (от 6 до 15 лет), наличие опыта проживания в других замещающих семьях, а также антисоциальное поведение, ставшее причиной предыдущего возврата (Santen, 2015). В серии исследований, посвященных изучению распространенности возвратов и связанных с ними факторов в Нидерландах и Бельгии, было проанализировано 580 случаев долгосрочного семейного размещения приемных детей, 169 из которых окончились возвратом в течение шести лет после принятия их в семью. Авторы отмечают, что наибольший вклад в вероятность отказа от проживания ребенка в семье вносят поведенческие трудности у воспитанников, их принадлежность к группе детей старшего возраста, отвержение предлагаемой семьей заботы и наличие опыта сексуального насилия в прошлом (Vanderfaeillie et al., 2018a; Vanderfaeillie et al., 2018b).

Исследование восприятия замещающими родителями вторичных отказов, проведенное в Канаде с помощью опроса на выборке из 63 человек (50 семей), показало, что в качестве главных причин окончания воспитания приемного ребенка в семье родители выделяют его неспособность адаптироваться к условиям семейной жизни; трудности в том, чтобы справиться с его поведением; проявление ребенком действий, угрожающих семье, и наличие у него сложных медицинских проблем (Brown, Bednar, 2006). Изучение факторов, способствующих развитию ситуации возврата, проведенное в ЮАР с помощью полуструктурированного интервью переживших возврат подростков и их бывших замещающих родителей, показало, что к отказам приводят: возраст ребенка на момент поступления в семью (чем старше, тем выше риск возврата), деструктивное поведение воспитанника, включая злоупотребление психоактивными веществами, вовлеченность в культуры и секты, а также его неподобающее сексуальное поведение (Mnisi, Botha, 2016).

Обобщение результатов этих и других зарубежных исследований позволяет выделить среди причин преждевременного прерывания воспитания в замещающей семье такие связанные с особенностями приемных детей факторы, как экстернальное и антисоциальное поведение (Farmer et al., 2004; Sallnas et al., 2004; Sinclair et al., 2005; Oosterman et al., 2007; Selwyn et al., 2014; Santen, 2015; Harkin, Houston, 2016); неподобающее сексуальное поведение, в том числе связанное с опытом сексуального насилия (Vanderfaeillie et al., 2018a; Vanderfaeillie et al., 2018b); деструктивное поведение, включая злоупотребление психоактивными веществами, вовлеченность в культуры и секты (Mnisi, Botha, 2016); неспособность адаптироваться к условиям жизни в семье, неуправляемое и угрожающее семье поведение (Brown, Bednar, 2006). В качестве предикторов отказов авторы выделяют старший возраст принимаемого на воспитание ребенка (Farmer et al., 2004; Sinclair et al., 2005; Selwyn et al., 2014; Santen, 2015; Mnisi, Botha, 2016; Vanderfaeillie et al., 2018a; Vanderfaeillie et al., 2018b); его сложные медицинские потребности (Brown, Bednar, 2006); проживание в биологической семье до времени помещения в систему альтернативной заботы (Farmer et al., 2004); наличие эмоциональных (Egelund, Vitus, 2009) и психических проблем (злость, агрессия, проявление насилия в отношении замещающих родителей и членов семьи, низкая самооценка) (Sallnas et al., 2004; Stanley et al., 2005; Selwyn et al., 2014); нарушение способности устанавливать новые взаимоотношения и формировать привязанность к замещающим родителям (Sinclair et al., 2005; Coman, Devaney, 2011), ожидание приемным ребенком окончания срока размещения в семье, стремление сохранить свой негативный образ в глазах замещающих родителей, опыт эмоционального насилия (Sinclair et al., 2005); отвержение предлагаемой семьей заботы (Vanderfaeillie, Goemans et al., 2018; Vanderfaeillie, Van Holen et al., 2018).

Отдельно выделяется нестабильность размещения ребенка в системе замещающей заботы, приводящая к частой смене семей (от двух и более) (Selwyn et al., 2014), что резко уменьшает положительные результаты развития и не позволяет ребенку чувствовать себя любимым, полноценно раскрывать свой потенциал (Baginsky et al., 2017). Одновременно с данными о том, что замещающие

родители чаще отказываются от продолжения воспитания мальчиков младшего и среднего подросткового возраста, а также от девочек – старших подростков (Леонова, 2017), показано, что пол и этническая принадлежность ребенка не являются факторами риска отказа (исследование проведено с участием 70 семей-усыновителей из Великобритании с помощью метода интервью) (Selwyn et al., 2014).

Преждевременное прерывание воспитания в связи с особенностями замещающих родителей и семьи

Среди факторов отказа от продолжения воспитания приемных детей, связанных с особенностями замещающих родителей, выделяют низкий уровень готовности к приему ребенка (Осипова, 2008; Лёвшин, Данилова, 2014), недостаточность знаний о потребностях детей и понимания процесса замещающей заботы (Khoo, Skoog, 2014), отсутствие умений по управлению трудным поведением воспитанников, что приводит к нарастанию стресса, раздражению, повышению конфликтности, применению физического и эмоционального насилия, снижению доверия и неудачам в налаживании жизни семьи с приемным ребенком (Brown, Bednar, 2006; Maaskant, 2016; Mnisi, Botha, 2016; Лаврентьева, 2017). Вероятность отказа повышается при сложностях взаимодействия замещающих родителей с органами опеки и социальными службами (Brown, Bednar, 2006; Khoo, Skoog, 2014), биологическими родственниками приемного ребенка (Vanderfaellie et al., 2018a), при чувствительности к мнению окружающих и поиске внешних причин несостоятельности и, как следствие, нарастании эмоционального истощения и выгорания воспитателей (Лаврентьева, 2017). К негативным особенностям замещающей семьи относят дисфункциональность семейной структуры (Шулятьева и др., 2016), неэффективность внутрисемейной коммуникации, наличие в семье агрессии и истории психической травматизации, неумение конструктивно решать проблемы и управлять ресурсами, в том числе материальными (Махнач и др., 2015; Махнач, 2016).

Согласно данным литературы, риск отказа от продолжения воспитания приемного ребенка повышается при таких личностных характеристиках замещающих родителей, как склонность к аддикциям, агрессивность, низкий уровень жизнестойкости, наличие сексуальных проблем, психопатологических черт (у родителя или члена семьи) (Махнач, 2016); жесткость установок в отношении себя и семьи, избегание ответственности, незрелость (Шулятьева и др., 2016). Решение об отказе может наблюдаться при непринятии родителем физического облика и поведения воспитанника, нарушении ожиданий (в отношении ребенка, самого факта приема, возможностей решения с его помощью семейных проблем) и разочаровании в принятом ребенке, при обвинительной позиции родителя (Шулятьева и др., 2016; Лаврентьева, 2017). Среди фундаментальных факторов, приводящих в последующем к отказу семьи от сохранения ребенка, выделяют общую неустойчивость мотивации приема, обуславливающую необдуманность решений, преобладание стремления получить материальную выгоду, снижение альтруистической настроенности (Лёвшин, Данилова, 2014; Махнач, 2016; Шулятьева и др., 2016).

Преждевременное прерывание воспитания в связи с влиянием биологической семьи на жизнь приемного ребенка

Большинство приемных детей приходят в замещающую семью, имея не только воспоминания о своей биологической семье, но и время от времени поддерживаемые с ней связи. В работах отечественных и зарубежных авторов сохранение связи с биологическими родственниками рассматривается как фактор риска отказа от продолжения воспитания, особенно если кровные родители вмешиваются в жизнь замещающей семьи (Moyers et al., 2006; Осипова, 2008; Mnisi, Botha, 2016). Повторное выстраивание контакта с родственниками с воспроизведением дезадаптивной модели взаимодействия оказывает на приемных детей отрицательное воздействие (Thomas, 2005; Moyers et al., 2006), при этом поддержание связи с биологической семьей зачастую имеет для них жизненно важное значение (Sinclair et al., 2005).

Изучение ответов замещающих родителей, полученных с помощью полу-структурированного интервью и раскрывающих особенности восприятия ими поддержки, необходимой в процессе воспитания приемных детей, проведенное в Новой Зеландии, показало, что контакт приемных детей с биологической семьей оказывает негативное влияние на замещающих родителей (Murgay et al., 2011). Наличие такого контакта может представлять собой серьезный стрессовый фактор, вызванный необходимостью борьбы с трудным поведением воспитанников после родственных визитов, нередкими случаями жестокого обращения со стороны кровных родителей во время взаимодействия либо переживаниями детей в связи с непосещением их близкими или отказом контактировать с ними. Вместе с тем в научной литературе представлены исследования, которые не подтверждают наличия значимой связи между сохранением контакта приемного ребенка с его биологической семьей и отказом замещающих родителей от продолжения воспитания (Sinclair et al., 2005; Oosterman et al., 2007). В ряде работ показано, что взаимодействие между замещающими и биологическими родителями может рассматриваться как защитный фактор, способный предотвратить преждевременные возвраты и улучшающий интеграцию ребенка в приемную семью (Oosterman et al., 2007; Coman, Devaney, 2011; Harkin, Houston, 2016).

Обсуждение

В настоящей статье проведен обзор исследований преждевременного прерывания (отказа) от продолжения воспитания приемного ребенка со стороны замещающих родителей. Результаты свидетельствуют о том, что основные направления исследований в этой области связаны с изучением влияющих на отказ особенностей приемных детей, характеристик замещающих родителей и семей, а также особенностей возможного взаимодействия приемного ребенка с биологической семьей. В целом представленная информация остро выясняет проблему сохранения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, в замещающих семьях, их благополучия в системе замещающей заботы (Williams-Mbengue, 2016).

Отмечаемые у приемных детей поведенческие и эмоциональные трудности делают их пребывание в замещающих семьях хрупким и неустойчивым и тем самым повышают риск преждевременного прерывания воспитания (Leve et al., 2012; Lopez-Brock, Morales, 2016). Вместе с тем негативная симптоматика, наблюдалась у подавляющего большинства детей-сирот, помещаемых на воспитание в семью, обусловлена наличием опыта проживания в условиях депривации и отсутствием взаимодействия со стабильным и чувствительным заботящимся взрослым, что оказывает критическое влияние на самые разные области детского развития, включая когнитивное и социально-эмоциональное, а также на формирование отношений привязанности с близким человеком (Vorria et al., 2003; Плешкова, Мухамедрахимов, 2008; Rutter et al., 2009; Nelson et al., 2014).

Большая часть представленных в данной работе исследований направлена на изучение причин, влияющих на преждевременное прерывание воспитания приемных детей в замещающих семьях, и посвящена изучению характеристик приемных детей. В соответствии с данными литературы (Andersson, 2001) значительно меньше работ адресовано изучению влияния на прерывание воспитания приемных детей особенностей замещающих родителей. По результатам анализа литературы, отказ от продолжения воспитания приемного ребенка может быть обусловлен недостаточной готовностью замещающих родителей к долговременному воспитанию ребенка в семье, особенностями их мотивации и характеристик личности. Полученные нами данные соотносятся с информацией о существенном влиянии особенностей замещающих родителей (Selwyn et al., 2014; Корзетова, 2016) и имеющегося у них опыта, качества родительской заботы, а также наличия поддержки, в том числе и от неформальных источников (семья, друзья, соседи), на стабильность размещения приемных детей в замещающей семье (Crum, 2010; Konijn et al., 2019; Richardson et al., 2018; Leathers et al., 2019).

Полученные в результате изучения литературы данные о влиянии биологических родителей на жизнь приемного ребенка в замещающей семье отличаются противоречивостью, так как в одних работах подчеркивается негативный эффект от поддержания контактов с кровными родственниками, тогда как в других – позитивный. Данные исследований свидетельствуют о том, что контакты с биологической семьей могут как пагубно, так и благотворно влиять на психосоциальное функционирование приемного ребенка, его отношение к основным фигурам привязанности, а также на уровень стресса у замещающих родителей (Gobind, 2013; Boyle, 2015; Fossum et al., 2018). При этом негативный эффект наблюдался при контактах детей с биологическими родителями, жестоко обращавшимися с ними, тогда как положительный эффект отмечался при условии вовлеченности замещающих родителей во взаимодействие с биологическими (Boyle, 2015). Повышение такой вовлеченности наблюдалось при предварительной тренинговой подготовке и последующем сопровождении замещающих родителей (Sanchirico, Jablonka, 2000).

Согласно данным литературы, решение о поддержании контакта должно приниматься индивидуально в каждом отдельном случае и не может распространяться на всех детей, воспитывающихся в замещающих семьях (Gobind, 2013). Кроме того, отмечается, что такие факторы, как особенности психического здоровья воспитанников, возраст их помещения в семью, качество семейной заботы, включая наличие поддержки со стороны замещающих родителей, оказывают значительно большее влияние на отношения приемных детей в замещающей семье, чем эпизоды контактов с биологическими родственниками (*Ibid.*).

Преждевременное прерывание воспитания в семье имеет множественные негативные последствия как для психологического функционирования детей в виде переживания чувства утраты, изоляции, потери самоидентичности, обесценивания отношений, ухудшения адаптации и в целом психической травматизации (Tobin, 2013; Капилина (Пичугина), Панюшева, 2015; Lopez-Brock, Morales, 2016), так и для замещающих родителей (Selwyn et al., 2014; Корзетова, 2016). Анализ исследований свидетельствует о том, что в системе сопровождения особое место должен занимать этап подготовки потенциальных родителей к приему ребенка, а программы должны быть ориентированы на стабилизацию эмоционального состояния и снижение уровня стресса у членов семьи, преодоление ими травматического опыта и утрат, обучение навыкам управления трудным поведением воспитанников (Maaskant, 2016; Mnisi, Botha, 2016). Существенный вклад в профилактику патологического процесса, развивающегося в семье перед принятием решения об отказе от продолжения воспитания ребенка, вносят своевременность и индивидуальная направленность предоставляемого сопровождения (Khoo, Skoog, 2014). Показано, что эффективность семейной заботы напрямую связана с характеристиками взаимодействия между замещающим родителем и приемным ребенком, а не с их индивидуальными особенностями (Brown, Bednar, 2006). Поэтому для специалистов сопровождения представляется важным передавать замещающим родителям такое понимание ребенка, в котором трудности его поведения рассматриваются как проявления эмоциональных и социальных проблем, потребностей в стабильности ближайшего окружения и формировании семейного «терапевтического» микросоциума (Harkin, Houston, 2016).

Согласно данным исследований, службы сопровождения детей и родителей в замещающих семьях должны не только констатировать факт высокой потребности семей в помощи с предложением общих мер по организации и реализации этапов сопровождения (Попова, 2012; Серебрякова, 2014; Захарова, 2015; Колпакова, 2015), но и целенаправленно использовать программы вмешательства, показавшие эффективность с точки зрения стабильности размещения детей в замещающих семьях. Такие программы направлены на улучшение физического и психического здоровья приемных детей в долгосрочной перспективе (Fisher et al., 2009; Hambrick et al., 2016; Ichecku, Paris, 2018; Bergström et al., 2020) и должны включать сопровождение как процесса взаимодействия и формирования отношений приемного ребенка с родителями.

ми в замещающей семье, так и общения его и замещающих родителей с биологической семьей при учете потребностей воспитанника.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено выявлению, анализу, систематизации и обобщению научных данных, полученных при изучении причин, влияющих на отказ замещающих семей от продолжения воспитания приемных детей. Анализ российских и зарубежных исследований в этой области позволяет получить более отчетливое представление о факторах риска, повышающих вероятность преждевременного прерывания воспитания приемных детей в замещающих семьях. К таковым можно отнести особенности приемных детей, характеристики замещающих родителей и их семей, а также следствия возможных контактов воспитанников с биологической семьей. Вместе с тем только понимания факторов, влияющих на стабильность размещения приемных детей в замещающей семье, крайне недостаточно для того, чтобы выстраивать эффективную систему профилактики вторичных отказов. Значительно более существенную роль в сохранении детей в семье играют качество родительской заботы, которое напрямую связано с характеристиками взаимодействия ребенка и замещающего родителя, наличие у семьи разнообразной поддержки, своевременность и индивидуальная направленность сопровождения, предварительная тренинговая подготовка, ориентированная не только на предоставление информации, но и на работу с эмоциональным состоянием родителей и членов семьи, принимающей ребенка, помочь в преодолении травматического опыта и обучение навыкам взаимодействия, включая управление трудным поведением.

Полученные в работе результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Отказ от сохранения приемного ребенка в семье представляет собой сложное явление, на которое оказывают влияние разнообразные факторы, связанные с особенностями как детей, так и замещающих родителей, а также с влиянием биологической семьи на процессы, происходящие в замещающей семье.

2. Опыт отказа, переживаемый как приемным ребенком, так и замещающими родителями, имеет множественные негативные психологические последствия для обеих сторон, в том числе в виде переживания чувства утраты, изоляции, обесценивания отношений, психической травматизации.

3. Обеспечение проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения биологических родителей, в стабильных и качественных условиях замещающей семьи предполагает повышение качества подготовки замещающих родителей, а также разработку и внедрение научно обоснованных профилактических программ сопровождения ребенка и замещающей семьи.

Литература

- Беспалова, Н. Н. (2019). Профилактика вторичного сиротства на примере деятельности ГКУ «Детский дом (смешанный) № 13» Ставропольского края. *Мир науки, культуры, образования*, 3(76), 220–221.
- Бирюкова, С. С., Варламова, М. А., Синявская, О. В. (2014, 8–21 сентября). Сиротство в России. *Демоскоп Weekly*, 609–610. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/tema01.php>
- Захарова, Ж. А. (2015). Психолого-педагогическое сопровождение замещающей семьи, принялшей на воспитание ребенка из учреждения государственного попечения. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*, 21, 216–220.
- Заяц, О. В., Кизим, В. В. (2014). Профилактика вторичного социального сиротства в России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 12(2), 256–259.
- Капилина (Пичугина), М. В., Панюшева, Т. Д. (2015). *Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка*. М.: Никея.
- Колпакова, Н. В. (2015). Психолого-педагогическое сопровождение замещающих семей как условие благополучия приемных детей. *Мир науки, культуры, образования*, 3(52), 260–263.
- Корзетова, Е. А. (2016). Профилактика вторичных отказов. Пути решения проблемы вторичного сиротства. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*, 7, 172–177.
- Куфтяк, Е. В. (2012). Защитное поведение возвращенных детей-сирот. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Psychology. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 18(3), 209–212.
- Лаврентьева, З. И. (2017). Возврат детей из замещающих семей как социально-педагогический феномен. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Psychology развития*, 6(3(23)), 278–282. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-3-278-282>
- Леонова, Е. Е. (2017). Социально-педагогические проблемы возврата детей из замещающих семей. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Psychology развития*, 6(3(23)), 283–286. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-3-283-286>
- Леонова, Е. Е. (2018). Восстановление доверия к взрослым как одно из условий преодоления последствий возврата подростков из замещающих семей. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 102–110. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1804.12>
- Лёвшин, А. Н., Данилова, И. С. (2014). «Вторичное сиротство» и меры реагирования органов государственной власти на отказ приемных родителей от ребенка. *Власть*, 8, 159–163.
- Махнач, А. В. (2016). Диагностика жизнеспособности и ресурсности замещающих семей как условие профилактики отказов от приемных детей. *Организационная психология и психология труда*, 1(1), 228–256.
- Махнач, А. В., Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. (2015). (ред.). *Проблема сиротства в современной России: психологический аспект*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. (2016). *Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации*. <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/474>
- Мухамедрахимов, Р. Ж. (1999). *Мать и младенец: психологическое взаимодействие*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Осипова, И. И. (2008). Феномен вторичного сиротства в современной России. *Вестник Вятского государственного университета*, 4(4), 138–143.

- Павлова, Т. В. (2015). *Теория и практика работы со вторичным отказом от детей в принимающих семьях*. Ресурсный центр помощи приемным семьям с особыми детьми. <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/149-vy-rabotaete-s-prijomnoj-semjoj-s-osobym-rebjonkom/metodiki-raboty/868-teoriya-i-praktika-raboty-so-vtorichnym-otkazom-ot-detej-v-prinimayushchikh-semyakh>
- Плешкова, Н. Л., Мухамедрахимов, Р. Ж. (2008). Отношения привязанности у детей в семьях и домах ребенка. В кн. Р. Ж. Мухамедрахимов (ред.), *Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития* (с. 220–240). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Попова, И. Н. (2012). Актуальные проблемы профессионального сопровождения замещающей семейной заботы. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 26, 107–111.
- Рамих, А. А. (2018). Феномен «вторичное сиротство» как одна из форм психологического насилия над ребенком. *Социальная работа в области защиты детей в России и Германии: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции в рамках III Международного фестиваля науки* (с. 48–53). М.: МГОУ.
- Ремизова, Л. В. (2014). Несоциализированное расстройство поведения у подростка в приемной семье (клинический случай). *Прикладные информационные аспекты медицины*, 17(1), 152–155.
- Решетова, О. П. (2016). Комплексная технология профилактики вторичных возвратов детей из замещающих семей. В кн. *Приемная семья в диалоге с социумом: потребности, ответственность, ресурсы: Сборник материалов: региональный опыт, интересные практики, рассказы приемных родителей*. М.: БФ «Здесь и сейчас». <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/149-vy-rabotaete-s-prijomnoj-semjoj-s-osobym-rebjonkom/metodiki-raboty/1003-kompleksnaya-tehnologiya-profilaktiki-vtorichnykh-vozvratov-detej-iz-zameshchayushchikh-semej>
- Семенова, О. Е. (2015). Профилактика возвратов приемных детей из семей в учреждение. Из опыта работы консультативной службы специализированного дома ребенка № 9 для кандидатов в приемные родители. В кн. *Особый ребенок в приемной семье и в учреждении: социализация, интеграция, общественное мнение: Сборник материалов: региональный опыт, интересные практики, рассказы приемных родителей*. М.: БФ «Здесь и сейчас». <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/185-vy-rabotaete-v-sisteme/organizatsiya-raboty-po-semejnemu-ustrojstvu/793-profilaktika-vozvratov-priemnykh-detej-iz-semej-v-uchrezhdenie-iz-optya-raboty-konsultativnoj-sluzhby-spetsializirovannogo-domu-rebenka-no9-dlya-kandidatov-v-priemnye-roditeli>
- Семья, Г. В., Зайцев, Г. О., Зайцева, Н. Г. (2009). *Мониторинг положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и развитие семейных форм их устройства в ЦФО в 2008 г. (третий ежегодный доклад)*. М.: ООО «Вариант».
- Серебрякова, В. В. (2014). Основные этапы сопровождения замещающей семьи. *Наука и образование: новое время*, 2, 57–62.
- Фещенко, М. (2015). *Подростковый возраст как фактор риска возникновения угрозы возврата*. Благотворительный фонд помощи детям-сиротам «Здесь и сейчас». <http://www.hereandnow.ru/info/podrostkovyi-vozrast-kak-faktor-riska-vozniknoveniya-ugrozy-vozvrata>
- Цинченко, Г. М. (2014). Социальное сиротство как феномен современного детства. *Вестник СПбГУ*, 12(1), 207–213.
- Цыганова, Т. (2015). *Реабилитация детей, переживших вторичное сиротство, в учреждении и подготовка к жизни в замещающей семье*. Благотворительный фонд помощи детям-сиротам «Здесь и сейчас». <http://www.hereandnow.ru/info/reabilitsiya-detei-perezhivshikh-vtorichnoe-sirostvo-v-uchrezhdenii-i-podgotovka-k-zhizni-v-zameshchayushchei-seme>

Шулятьева, С. Б., Логинова, Е. А., Жерновкова, И. В., Калашникова, Е. В. (2016). Профилактика вторичного сиротства: разрешение трудных ситуаций, возникающих в замещающих семьях. *Образование: традиции и инновации: Материалы XII международной научно-практической конференции* (с. 370–372). Прага: WORLD PRESS s.r.o.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Ainsworth, M. D. S., Blehar, M., Waters, E., & Wall, S. (1978). *Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation*. Erlbaum.
- Andersson, G. (2001). The motives of foster parents, their family and work circumstances. *British Journal of Social Work*, 31(2), 235–248. <https://doi.org/10.1093/bjsw/31.2.235>
- Baginsky, M., Gorin, S., & Sands, C. (2017). *The fostering system in England: Evidence review. Research report: Executive summary*. King's College London and Quest Research and Evaluation Ltd. <https://www.gov.uk/government/publications/the-fostering-system-in-england-review>
- Bergström, M., Cederblad, M., Hekansson, K., Jonsson, A. K., Munthe, C., Vinnerljung, B., Wirtberg, I., Östlund, P., & Sundell, K. (2020). Interventions in foster family care: A systematic review. *Research on Social Work Practice*, 30(1), 3–18. <https://doi.org/10.1177/1049731519832101>
- Bespalova, N. N. (2019). Profilaktika vtorichnogo sirotstva na primere deyatel'nosti GKU "Detskii dom (smeshannyj) № 13" Stavropol'skogo kraya [Prevention of secondary orphanhood: a case study of activities of "Children's home (mixed type) No. 13" in Stavropol Territory]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 3(76), 220–221.
- Biryukova, S. S., Varlamova, M. A., & Sinyavskaya, O. V. (2014, September 8–21). Sirotstvo v Rossii [Orphanhood in Russia]. *Demoskop Weekly*, 609–610. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/tema01.php>
- Bowlby, J. (1969). *Attachment and loss: Vol. 1. Attachment*. Basic Books.
- Boyle, C. (2015). "What is the impact of birth family contact on children in adoption and long-term foster care?" A systematic review. *Child & Family Social Work*, 22(S1), 22–33. <https://doi.org/10.1111/cfs.12236>
- Brown, J. D., & Bednar, L. M. (2006). Foster parent perceptions of placement breakdown. *Children and Youth Services Review*, 28(12), 1497–1511. <https://doi.org/10.1016/j.chillyouth.2006.03.004>
- Coman, W., & Devaney, J. (2011). Reflecting on outcomes for looked-after children: An ecological perspective. *Child Care in Practice*, 17, 37–53.
- Crum, W. (2010). Foster parent parenting characteristics that lead to increased placement stability or disruption. *Children and Youth Services Review*, 32, 185–190. <https://doi.org/10.1016/j.chillyouth.2009.08.022>
- Egelund, T., & Vitus, K. (2009). Breakdown of care: the case of Danish teenage placements. *International Journal of Social Welfare*, 18, 45–56.
- Farmer, E., Lipscombe, J., & Moyers, S. (2004). *Fostering adolescents*. Jessica Kingsley Publishers.
- Feshchenko, M. (2015). *Podrostkovyi vozrast kak faktor riska vozniknoveniya ugrozy vozvrata* [Adolescence as a risk factor for the threat of return]. Blagotvoritel'nyi fond pomoshchi detyam-sirotam "Zdes' i seichas". <http://www.hereandnow.ru/info/podrostkovyi-vozrast-kak-faktor-riska-vozniknoveniya-ugrozy-vozvrata>

- Fisher, P. A., Chamberlain, P., & Leve, L. D. (2009). Improving the lives of foster children through evidenced-based interventions. *Vulnerable Children and Youth Studies*, 4(2), 122–127. <https://doi.org/10.1080/17450120902887368>
- Font, S., & Sattler, K. (2018). Measurement and correlates of foster care placement moves. *Children and Youth Services Review*, 91, 248–258. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.06.019>
- Fossum, S., Vis, S. A., & Holtan, A. (2018). Do frequency of visits with birth parents impact children's mental health and parental stress in stable foster care settings. *Cogent Psychology*, 5(1), Article 1429350. <https://doi.org/10.1080/23311908.2018.1429350>
- Gobind, T. (2013). *Birth family contact and placement outcomes for children in kinship and foster care* [Master's thesis, University of Canterbury, New Zealand]. University of Canterbury Research Repository. <https://ir.canterbury.ac.nz/handle/10092/8082>
- Hambrick, E. P., Oppenheim-Weller, S., N'zi, A. M., & Taussig, H. N. (2016). Mental health interventions for children in foster care: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 70, 65–77. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2016.09.002>
- Harkin, C., & Houston, S. (2016). Reviewing the literature on the breakdown of foster care placements for young people: complexity and the social work task. *Child Care in Practice*, 22(2), 98–112. <https://doi.org/10.1080/13575279.2015.1102124>
- Ichebu, V., & Paris, C. (2018). *Evidence based interventions to improve fostering relationships*. LAP LAMBERT Academic Publishing. <https://pdfs.semanticscholar.org/6e34/47b82aa391bf801e7b4db9dcde2cf37dd3a8.pdf>
- Kapilina (Pichugina), M. V., & Panyusheva, T. D. (2015). *Priemyi rebenok: zhiznennyi put', pomoshch' i podderzhka* [A foster child: life path, help and support]. Moscow: Nikeya.
- Khoo, E., & Skoog, V. (2014). The road to placement breakdown: Foster parents' experiences of the events surrounding the unexpected ending of a child's placement in their care. *Qualitative Social Work*, 13(2), 255–269. <https://doi.org/10.1177/1473325012474017>
- Kolpakova, N. V. (2015). Psichologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie zameshchayushchikh semei kak uslovie blagopoluchiya priemykh detei [Psychological and pedagogical support of foster families as a condition of well-being of foster children]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 3(52), 260–263.
- Konijn, C., Admiraal, S., Baart, J., Rooij, F., Stams, G., Colonnese, C., Lindauer, R., & Assink, M. (2019). Foster care placement instability: A meta-analytic review. *Children and Youth Services Review*, 96, 483–499. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.12.002>
- Korzetova, E. A. (2016). Profilaktika vtorichnykh otkazov. Puti resheniya problemy vtorichnogo sirotstva [Prevention of secondary refusals. Solutions to the problems of secondary orphanhood]. *Sotsial'noe Obsluzhivanie Semei i Detei*, 7, 172–177.
- Kuftyaak, E. V. (2012). Zashchitnoe povedenie vozvrashchennyh detej-sirot [Defensive behavior of returned orphaned children]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsial'naya Rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 18(3), 209–212.
- Lavrentyeva, Z. I. (2017). Return of children from substitute families as a socio-pedagogical phenomenon. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya Obrazovaniya. Psichologiya Razvitiya*, 6(3(23)), 278–282. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-3-278-282> (in Russian)
- Leathers, S., Spielfogel, J., Geiger, J., Barnett, J., & Voort, B. (2019). Placement disruption in foster care: Children's behavior, foster parent support, and parenting experiences. *Child Abuse & Neglect*, 91, 147–159. <https://doi.org/10.1016/j.chabu.2019.03.012>

- Leonova, E. E. (2017). Socio-pedagogical problems of children returned from substitute families. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya Akmeologiya Obrazovaniya. Psichologiya Razvitiya*, 6(3(23)), 283–286. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-3-283-286> (in Russian)
- Leonova, E. E. (2018). Restoring trust in adults as a factor of overcoming consequences of teenagers returned from substitute families. *Sibirskii Pedagogicheskii Zhurnal*, 4, 102–110. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1804.12> (in Russian)
- Leve, L. D., Harold, G. T., Chamberlain, P., Landsverk, J. A., Fisher, P. A., & Vostanis, P. (2012). Practitioner review: Children in foster care – vulnerabilities and evidence based interventions that promote resilience processes. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 53, 1197–1211. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2012.02594.x>
- Lopez-Brock, M. D., & Morales, C. F. (2016). *Social and psychological implications of placement instability among former foster youth* [Master's thesis, California State University, San Bernardino School of Social Work]. Electronic Theses, Projects, and Dissertations. <https://scholarworks.lib.csusb.edu/etd/378>
- Lyovushkin, A. N., & Danilova, I. S. (2014). "Vtorichnoe sirotstvo" i mery reagirovaniya organov gosudarstvennoi vlasti na otkaz priemnykh roditelei ot rebenka ["Secondary orphanhood" and response of state authorities to foster parents' refusal of a child]. *Vlast'*, 8, 159–163.
- Maaskant, A. M. (2016). *Placement breakdown in foster care: Reducing risks by a foster parent training program?* [PhD thesis, Universiteit van Amsterdam]. UvA-DARE (Digital Academic Repository). <https://hdl.handle.net/11245/1.539918>
- Makhnach, A. V. (2016). Resilience and resources' diagnostics of foster families as a condition for the prevention of renouncement of foster children. *Organizatsionnaya Psichologiya i Psichologiya Truda*, 1(1), 228–256. (in Russian)
- Makhnach, A. V., Prikhozhan, A. M., & Tolstykh, N. N. (2015). (Eds.). *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: psichologicheskiy aspekt* [The problem of orphanhood in modern Russia: a psychological aspect]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Ministerstvo truda i sotsialnoi zashchity Rossiiskoi Federatsii. (2016). *Gosudarstvennyi doklad o polozhenii detei i semei, imeyushchikh detei, v Rossiiskoi Federatsii* [State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation]. <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/474>
- Mnisi, R., & Botha, P. (2016). Factors contributing to the breakdown of foster care placements: the perspectives of foster parents and adolescents. *Social Work/Maatskaplike Werk*, 52(2), 227–244. <https://doi.org/10.15270/52-2-502>
- Moyers, S., Farmer, E., & Lipscombe, J. (2006). Contact with family members and its impact on adolescents and their foster placements. *British Journal of Social Work*, 36, 541–599.
- Muhamedrahimov, R. J. (1999). *Mat' i mladenets: psichologicheskoe vzaimodeistvie* [Mother and infant: a psychological interaction]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University Press.
- Muhamedrahimov, R. J., Agarkova, V. V., Vershnina, E., Palmov, O. I., Nikiforova, N. V., McCall, R. B., & Groark, C. J. (2014). Behavior problems in children transferred from a socioemotionally depriving institution to St. Petersburg (Russian Federation) families. *Infant Mental Health Journal*, 35(2), 111–122.
- Murray, L., Tarren-Sweeney, M., & France, K. (2011). Foster carer perceptions of support and training in the context of high burden of care. *Child and Family Social Work*, 16(2), 149–158.

- Nelson, Ch. A., Fox, N. A., & Zeanah, Ch. H. (2014). *Romania's abandoned children: Deprivation, brain development, and the struggle for recovery*. Harvard University Press.
- Oosterman, M., Shuengel, C., Wim Slot, N., Bullens, R., & Doreleijers, T. (2007). Disruptions in foster care: A review and meta-analysis. *Children and Youth Services Review*, 29, 53–76.
- Osipova, I. I. (2008). Fenomen vtorichnogo sirotstva v sovremennoi Rossii [The phenomenon of secondary orphanhood in modern Russia]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 4(4), 138–143.
- Pavlova, T. V. (2015). *Teoriya i praktika raboty so vtorichnym otkazom ot detei v prinimayushchikh sem'yakh* [Theory and practice of working with secondary abandonment of children in host families]. Resursnyi tsentr pomoshchi priemnym sem'jam s osobymi det'mi. <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/149-vy-rabotaete-s-prijomnoj-semjoj-s-osobym-rebjonkom/metodiki-raboty/868-teoriya-i-praktika-raboty-so-vtorichnym-otkazom-ot-detej-v-prinimayushchikh-semyakh>
- Pleshkova, N. L., & Muhamedrahimov, R. J. (2008). Otnosheniya privyazannosti u detei v sem'yakh i domakh rebenka [Attachment in children in families and institutions]. In R. J. Muhamedrahimov (Ed.), *Emotsii i otnosheniya cheloveka na rannikh etapakh razvitiya* [Emotions and relationships at the early stages of development] (pp. 220–240). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
- Popova, I. N. (2012). Aktual'nye problemy professional'nogo soprovozhdeniya zameshchayushchey semeinoi zaboty [Acute problems of professional support of substitute family care]. *Psichologiya i Pedagogika: Metodika i Problemy Prakticheskogo Primneniya*, 26, 107–111.
- Ramikh, A. A. (2018). Fenomen "vtorichnoe sirotstvo" kak odna iz form psihologicheskogo nasiliya nad rebenkom [The phenomenon of "secondary orphanhood" as a form of psychological abuse of a child.]. In *Sotsial'naya rabota v oblasti zashchity detei v Rossii i Germanii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh III Mezhdunarodnogo festivalya nauki* [Social work in the field of child protection in Russia and Germany: current state and prospects of development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference in the framework of the III International Festival of Science] (pp. 48–53). Moscow: MGOU.
- Remizova, L. V. (2014). Nesotsializirovannoe rasstroistvo povedeniya u podrostka v priemnoi sem'e (klinicheskii sluchai) [A clinical case of unsocialized behavior disorder in a teenager, observed in a foster family]. *Prikladnye Informatsionnye Aspekty Meditsiny*, 17(1), 152–155.
- Reshetova, O. P. (2016). Kompleksnaya tekhnologiya profilaktiki vtorichnykh vozvratov detei iz zameshchayushchikh semei [Complex technology for the prevention of secondary returns of children from foster families]. In *Priemnaya sem'ya v dialogue s sotsiumom: potrebnosti, otvetstvennost', resursy: sbornik materialov: regional'nyi opyt, interesnye praktiki, rasskazy priemnykh roditelei* [Foster family in dialogue with society: needs, responsibility, resources: Collection of materials: regional experience, interesting practices, stories of foster parents]. Moscow: BF "Zdes' i seichas". <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/149-vy-rabotaete-s-prijomnoj-semjoj-s-osobym-rebjonkom/metodiki-raboty/1003-kompleksnaya-tehnologiya-profilaktiki-vtorichnykh-vozvratov-detej-iz-zameshchayushchikh-semej>
- Richardson, E., Grogan, C., Richardson, Sh., & Small, Sh. (2018). Displacement, caregiving, and the ecological system of youth in foster care: a theoretical perspective. *Journal of Family Social Work*, 21(4–5), 348–364. <https://doi.org/10.1080/10522158.2018.1469561>

- Rutter, M., Beckett, C., Castle, J., Colvert, E., Kreppner, J., Mehta, M., Stevens, S., & Sonuga-Barke, E. (2009). Effects of profound early institutional deprivation: An overview of findings from a UK longitudinal study of Romanian adoptees. In G. Wrobel & B. Neil (Eds.), *International advances in adoption research for practice* (pp. 147–168). Wiley-Blackwell.
- Sallnas, M., Vinnerljung, B., & Kyhle Westermark, P. (2004). Breakdown of teenage placements in Swedish foster and resident care. *Child and Family Social Work*, 9, 141–152.
- Sanchirico, A., & Jablonka, K. (2000). Keeping foster children connected to their biological parents: The impact of foster parent training and support. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 17, 185–203. <https://doi.org/10.1023/A:1007583813448>
- Santen, E. (2015). Factors associated with placement breakdown initiated by foster parents – empirical findings from Germany. *Child and Family Social Work*, 20(2), 191–201.
- Selwyn, J., Wijedasa, D., & Meakings, S. (2014). *Beyond the Adoption Order: challenges, interventions and adoption disruption: Research report*. University of Bristol, School for Policy Studies, Hadley Centre for Adoption and Foster Care Studies. <https://www.gov.uk/government/publications/beyond-the-adoption-order-challenges-intervention-disruption>
- Semenova, O. E. (2015). Profilaktika vozvratov priemnykh detei iz semei v uchrezhdenie. Iz opyta raboty konsul'tativnoi sluzhby spetsializirovannogo doma rebenka № 9 dlya kandidatov v priemye roditelei [Prevention of the return of foster children from families to an institution. From the experience of counselling service in the Infant Orphanage No. 9 for candidates for foster parents]. In *Osobyi rebenok v priemnoi sem'e i v uchrezhdenii: sotsializaciya, integratsiya, obshchestvennoe mnenie: sbornik materialov: regional'nyi opyt, interesnye praktiki, rasskazy priemnykh roditelei* [A special child in a foster family and an institution: socialization, integration, public opinion: collection of materials: regional experience, interesting practices, stories of foster parents]. Moscow: BF "Zdes' i seichas". <http://www.detivokrug.org/spetsialistam/185-vy-rabotaete-v-sisteme/organizatsiya-raboty-po-semejnemu-ustrojstvu/793-profilaktika-vozvratov-priemnykh-detej-iz-semej-v-uchrezhdenie-iz-opyta-raboty-konsultativnoj-sluzhby-spetsializirovannogo-doma-rebenka-no9-dlya-kandidatov-v-priemnye-roditelei>
- Sem'ya, G. V., Zaitsev, G. O., & Zaitseva, N. G. (2009). *Monitoring polozheniya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i razvitiye semeinykh form ikh ustroistva v CFO v 2008 (tretii ezhegodnyi doklad)* [Monitoring the situation of orphans and children left without parental care and the development of family forms of their placement in the Central Federal District in 2008 (third annual report)]. Moscow: OOO "Variant".
- Serebryakova, V. V. (2014). Osnovnye etapy soprovozhdeniya zameshchayushchej sem'i [The main stages of substitute family support]. *Nauka i Obrazovanie: Novoe Vremya*, 2, 57–62.
- Shulyat'eva, S. B., Loginova, E. A., Zhernovkova, I. V., & Kalashnikova, E. V. (2016). Profilaktika vtorichnogo sirotstva: razreshenie trudnykh situatsii, voznikayushchikh v zameshchayushchikh sem'yakh [Prevention of secondary orphanhood: the resolution of difficult situations that arise in adoptive families]. In *Obrazovanie: traditsii i innovatsii: Materialy XII mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Education: Traditions and Innovations: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference] (pp. 370–372). Prague, CZ: WORLD PRESS s.r.o.
- Sinclair, I., Wilson, K., & Gibbs, I. (2005). *Foster placements: Why they succeed and why they fail*. Jessica Kingsley.
- Stanley, N., Riordan, D., & Alaszewski, H. (2005). The mental health of looked-after children: Matching response to need. *Health and Social Care in the Community*, 13, 239–248.

- Stern, D. N. (1985). *The interpersonal world of the infant. A view from psychoanalysis and developmental psychology*. Basic Books.
- Thomas, N. (2005). *Social work with young people in care: Looking after children in theory and practice*. Palgrave Macmillan.
- Tobin, S. (2013). *Young people's experiences of foster care placement breakdown*. [Master's thesis, Trinity College Dublin]. <https://www.tcd.ie/swsp/assets/pdf/M.Sc.%20in%20Applied%20Social%20Research%20Dissertations/Tobin,%20Sinead%20Marie.pdf>
- Tsinchenko, G. M. (2014). Social orphanage as a phenomenon of modern childhood. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 12(1), 207–213. (in Russian)
- Tsyganova, T. (2015). *Reabilitatsiya detei, perezhivshih vtorichnoe sirotstvo, v uchrezhdenii i podgotovka k zhizni v zameshchayushchei sem'e* [Institutional rehabilitation of children who have experienced secondary orphanhood and preparation for life in a foster family]. Blagotvoritel'nyi fond pomoshchi detyam-sirotam "Zdes' i seichas". <http://www.hereandnow.ru/info/reabilitatsiya-detei-perezhivshikh-vtorichnoe-sirotstvo-v-uchrezhdenii-i-podgotovka-k-zhizni-v-zameshchayushchei-seme>
- Vanderfaeillie, J., Goemans, A., Damen, H., Van Holen, F., & Pijnenburg, H. (2018a). Foster care placement breakdown in the Netherlands and Flanders: Prevalence, precursors, and associated factors. *Child & Family Social Work*, 23(3), 337–345. <https://doi.org/10.1111/cfs.12420>
- Vanderfaeillie, J., Van Holen, F., Carlier, E., & Fransen, H. (2018b). Breakdown of foster care placements in Flanders: incidence and associated factors. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 27(2), 209–220. <https://doi.org/10.1007/s00787-017-1034-7>
- Vorria, P., Papaligoura, Z., Dunn, J., van IJzendoorn, M. H., Steele, H., Kontopoulou, A., & Sarafidou, Y. (2003). Early experiences and attachment relationships of Greek infants raised in residential group care. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 44(8), 1208–1220. <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00202>
- Williams-Mbengue, N. (2016). *The social and emotional well-being of children in foster care*. Washington, National Conference of State Legislatures. <https://www.ncsl.org/research/human-services/the-social-and-emotional-well-being-of-children-in-foster-care.aspx>
- Zakharova, Zh. A. (2015). Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie zameshchayushchei sem'i, prinyavshiei na vospitanie rebenka iz uchrezhdeniya gosudarstvennogo popecheniya [Psychological and pedagogical support of a foster family, which accepted a child from a state care institution]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova*, 21, 216–220.
- Zayats, O. V., & Kizim, V. V. (2014). Profilaktika vtorichnogo sotsial'nogo sirotstva v Rossii [Prevention of secondary social orphanhood in Russia]. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 12(2), 256–259.

Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 4. С. 907–929.
Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. N 4. P. 907–929.
DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-907-929

ЭКСПЛИКАЦИЯ КРИТЕРИЕВ ИНСАЙТА И ОБЗОР МЕТОДОВ ИХ ИЗМЕРЕНИЯ

А.В. ЧИСТОПОЛЬСКАЯ^a, А.Д. САВИНОВА^{a,b}, Н.Ю. ЛАЗАРЕВА^a

^a Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, 150000, Россия, Ярославль,
ул. Советская, д. 14

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 84, стр. 3

The Explication of Insight Criteria and Overview of Their Measurement Methods

A.V. Chistopolskaya^a, A.D. Savinova^{a,b}, N.Yu. Lazareva^a

^a Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prospekt Vernadskogo 84, Building 3,
Moscow, 119571, Russian Federation

Резюме

В данной статье представлены обзор существующих подходов к исследованию феномена инсайта и экспликация его критериев. Авторами выделено два исследовательских подхода к инсайту: детекция инсайтности до решения и после решения мыслительных задач. Первый подход основан преимущественно на использовании формально инсайтных задач, включающих необходимость изменения репрезентации; всякое решение этих задач квалифицируется как инсайтное. Второй подход основан на использовании самоотчетов решателей при оценке решения различного типа задач, которые могут решаться инсайтно и неинсайтно (анаграмм, ребусов, пазлов, тестов отдаленных ассоциаций). Рассмотрены примеры исследований в рамках каждого подхода,

Abstract

The article provides an overview of the existing approaches of research on the phenomenon of insight and explication of its criteria. The authors identified two research approaches to insight: a detection of insight before a solution and after a solution of cognitive tasks. The first approach based on the usage of classical insight tasks, which include the need for representational change; any solution of these tasks classified as an insight. The second approach based on the solvers' self-reports when solvers evaluate solutions of various types of tasks; the tasks can be solved with an insight or without an insight (anagrams, rebuses, puzzles, Remote Associates Test, etc.). Examples

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 20-78-00048 «Экспликация критериив инсайтного решения».

This work was supported by the Russian Science Foundation, project number 20-78-00048 «The explication of criteria of insight problem solving».

проанализированы их преимущества и ограничения. Описаны объективные и субъективные параметры инсайта. Под субъективными параметрами понимаются различные формы самоотчетов решателей об их опыте инсайтного решения. Под объективными параметрами понимаются различные виды поведенческих и физиологических паттернов, сопровождающих инсайтное решение, но не зависящих от самоотчетов решателей. Было показано, что использование только одной группы параметров не позволяет однозначно квалифицировать инсайтность решения. На сегодняшний день в исследованиях чаще используются смешанные форматы, включающие объективные и субъективные параметры инсайта. В качестве перспектив исследования инсайта авторы предлагают подход самостоятельного формулирования критерии инсайта решателем; учет индивидуальных особенностей решателя как фактора детекции инсайтности решения; обучение испытуемых детекции инсайта и выработка у них генерализованных представлений об инсайтности решения вне зависимости от конкретной процедуры измерения.

Ключевые слова: инсайт, инсайтная задача, инсайтное решение, критерии, самоотчеты.

Чистопольская Александра Валерьевна – доцент, кафедра общей психологии, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: когнитивная психология, процессы решения мыслительных задач, инсайт, воплощенное познание.
Контакты: chistosasha@mail.ru

Савинова Анна Джумберовна – младший научный сотрудник, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; стажер, лаборатория когнитивных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: когнитивная психология, процессы решения мыслительных задач, инсайт.
Контакты: anuta1334@ya.ru

of research within each approach, their advantages and limitations are considered. Objective and subjective parameters of insight are described. Subjective parameters are understood as various forms of solvers' self-reports about their insight experience. Objective parameters are the various types of behavioral and physiological patterns that accompany the insight solution, but do not depend on self-reports of solvers. It was shown that using only one group of parameters does not allow us to uniquely classify the solution as an insight. This leads to the fact that today mixed formats used in research more often, i.e., objective and subjective insight parameters used together. As prospects for insight research, we consider the approaches, which allow self-formulation of insight criteria by a solver; take into account the individual characteristics of a solver as a factor in detecting the insight solution; teach participants to detect the insight solution and develop in participants generalized concepts about the insight solution regardless of the specific measurement procedure.

Keywords: insight, insight task, insight problem solving, criteria, self-reports.

Alexandra V. Chistopolskaya – Associate Professor of the general psychology department, P.G. Demidov Yaroslavl State University, PhD in Psychology.
Research Area: cognitive psychology, insight problem solving, insight, embodied cognition.
E-mail: chistosasha@mail.ru

Anna D. Savinova – Research Fellow, P.G. Demidov Yaroslavl State University; Intern, the laboratory of cognitive research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Psychology.
Research area: cognitive psychology, insight problem solving, insight.
E-mail: anuta1334@yandex.ru

Лазарева Наталья Юрьевна — младший научный сотрудник, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова. Сфера научных интересов: когнитивная психология, процессы решения мыслительных задач, инсайт, фиксированность. Контакты: lazareva_natalsha93@mail.ru

Natalia Yu. Lazareva — Research Fellow, P.G. Demidov Yaroslavl State University. Research area: cognitive psychology, insight problem solving, insight, mental set. E-mail: lazareva_natalsha93@mail.ru

Введение

Несмотря на наличие большого количества данных о феномене инсайта, они часто противоречивы, а научные теории, лежащие в их основе, достаточно локальны и несопоставимы между собой. Можно выделить фундаментальную проблему в исследовании инсайтного решения – экспликация его критериев различными методами. Дж. Куниус и М. Биман отмечают, что существует несколько возможных дефиниций инсайта в зависимости от того, какую комбинацию ключевых свойств выбрать. Авторы отмечают, что проблема определения инсайта — не педантизм. Когда инсайт понимается слишком широко, он включает в себя так много разнообразных, слабо связанных явлений, что исследователям становится практически невозможно сделать общие выводы. Напротив, узкое понимание инсайта может привести к упщению важных обобщений, которые выходят за рамки конкретных экспериментальных парадигм (Kounios, Beeman, 2014).

Проблема критериев инсайтного решения может быть сформулирована в виде вопросов: что такое инсайт и инсайтная задача? Каковы компоненты инсайтного решения? Обязательно ли наличие тупика или ага-переживания? Как соотносятся между собой субъективные и объективные измерения критериев инсайта, почему между их результатами возникает диссоциация? В ряде исследований было показано, что инсайтные задачи могут решаться с разной интенсивностью ага-переживания либо решаться неинсайтно (Danek et al., 2016), а неинсайтные задачи, наоборот, могут решаться инсайтно (Лазарева, Владимиров, 2019). Почему это происходит и как в таком случае мы можем говорить о специфике инсайтного решения? Подобные проблемы возникают по ряду причин. Во-первых, инсайт разрабатывается в разных исследовательских парадигмах, где в качестве модели инсайтного решения используется широкий спектр мыслительных заданий:

- анаграммы (Ellis, 2012; Валуева, Ушаков, 2017);
- задачи на удаленное ассоциирование (Jung-Beeman et al., 2004; Spiridonov et al., 2021; и мн. др.);
 - пазлы, ребусы и головоломки (MacGregor, Cunningham, 2008; Wong, 2009);
 - задачи в реальном плане выполнения (Thomas, Lieras, 2009);
 - классические инсайтные задачи, например, малые творческие задачи, разработанные К. Дункером (Litchfield, Ball, 2011; Дункер, 1965), зрительные задачи (Kershaw, Ohlsson, 2004; Чистопольская и др., 2017; Spiridonov et al., 2019; и мн. др.), вербальные задачи (Gilhooly, Fioratou, 2009; Владимиров и др., 2016);

- задачи со спичками (Knoblich et al., 2001; Fedor et al., 2015);
- фокусы (Danek, 2018);
- задачи на лексическую неоднозначность (Кутузова, Владимиров, 2017);
- задачи Лачинсов (Лазарева, Владимиров, 2019);
- шахматные задачи и этюды (Robbins et al., 1996).

Во-вторых, многообразие заданий вызывает вопросы о гомогенности класса инсайтных задач. Решение анаграмм значительно отличается от решения задачи «9 точек» (Cranford, Moss, 2012) или шахматного этюда как по структуре и динамике протекания процессов, так и, возможно, по механизмам решения. Для ответа на эти вопросы мы рассмотрим традиционные подходы экспериментального исследования инсайта. Наша цель – выделить критерии инсайта и определить возможные трудности, с которыми сталкиваются исследователи при работе с ними.

Традиционные подходы к экспериментальному исследованию инсайтного решения

Ввиду бурного роста исследовательских работ по теме инсайта, существуют различные попытки систематизации массива исследований (Davidson, 2003; Chronicle et al., 2004; Webb et al., 2018). Так или иначе все эти подходы основаны на сравнении инсайтных процессов с неинсайтными, поскольку направлены на решение вопроса о специфичности инсайтного решения. Поэтому методологически важным оказывается вопрос о детекции инсайтности. В экспериментальном исследовании инсайта можно выделить два крупных направления, принципиально по-разному детектирующих инсайтность решения: первое осуществляет детекцию до решения на основе формальной структуры решаемой задачи; во втором направлении детекция инсайтности осуществляется на основе ретроспективной оценки процесса решения различных задач. Стоит отметить, что это не единственный возможный вариант для выделения подходов к определению инсайтности решения. В частности, в обзоре Н.В. Морошкиной с соавт. (Морошкина и др., 2020) выделяются такие подходы к исследованию инсайта: 1) наиболее традиционный, но при этом наиболее критикуемый задачно-ориентированный подход, в котором инсайт рассматривается как специфический способ решения творческих и малых творческих задач; 2) процессно-ориентированный подход, в котором основной акцент инсайта – специфический процесс протекания данного типа решения, например, наличие первичной неверной презентации, этапа тупика, необходимость изменения презентации и т.п.; 3) субъектно-ориентированный подход, в котором инсайт рассматривается как решение задачи, сопровождаемое ага-реакцией. Данное деление в большей степени ориентировано на ключевые аспекты инсайтного решения с точки зрения различных авторских моделей. Предлагаемое нами деление в основном опирается на методические компоненты при определении инсайтности.

Детекция инсайтности до решения

В данном направлении акцент делается на структуре задач: инсайтное решение — это решение формально инсайтных задач. Предполагается, что всякое решение классической инсайтной задачи является инсайтным, поскольку в основе ее решения лежат изменения первичной репрезентации задачи, преодоление тупика, ага-переживание, т.е. те признаки, которые исследователи называют критериями инсайта (Ohlsson, 2011). Как следствие, подобные задачи будут решаться инсайтно статистически не случайно, с высокой долей вероятности. Традиционно в данном направлении используются такие мыслительные задачи, как малые творческие задачи К. Дункера, задача с двумя веревками Н. Майера, задача «9 точек», задачи со спичками Г. Кноблиха, задача «8 монет», задачи на симметрию. Стоит отметить, что класс формально инсайтных задач неоднороден. Например, выделяются типы задач в зависимости от источника трудности, лежащего в их основе: задачи на ослабление ограничений и задачи на декомпозицию перцептивного чанка (Knoblich et al., 1999), задачи с ограничением на решение в 2D-пространстве (Öllinger et al., 2013), задачи с неверным выбором локального оператора (MacGregor et al., 2001). В работе М. Вебб с соавт. инсайтные задачи делятся на классические и современные (Webb et al., 2018). Классические задачи, или виньетки, имеют сюжетность, ситуационность, целостность, и на их решение требуется не менее трех минут. Современные задачи — это те, которые разрабатывались и обсуждались преимущественно после 1995 г. К ним относятся такие задачи, как тест отдаленных ассоциаций (Jung-Beeman et al., 2004), анаграммы (Kounios et al., 2008), ребусы (MacGregor, Cunningham, 2008). Однако это деление представляется условным: достаточно сложная инсайтная задача-виньетка «5 квадратов» Дж. Катона, хотя и была разработана в 1940-х гг. (Katona, 1940), в научный оборот вошла относительно недавно и сегодня считается классической (Öllinger et al., 2014).

Р. Вайсберг отмечает, что прогрессу в понимании природы инсайта препятствуют два отчасти связанных недостатка исследовательской практики. Во-первых, нет однозначной классификации задач, во-вторых, для создания классификации необходимо согласованное определение инсайта и его критериев. Зачастую в качестве такого критерия выступает наличие инсайтной задачи в других исследованиях (Weisberg, 1995). Кроме того, традиционные инсайтные задачи выступают в качестве проверки внешней валидности при разработке новых задач. Например, Дж. Макгрегор и Дж. Канингем (MacGregor, Cunningham, 2008) оценивали инсайтность используемых ребусов, в частности, с помощью корреляции с тестами на отдаленные ассоциации (как прототип инсайтной задач) и заданиями на словесные аналогии (как прототип неинсайтной задачи). Может возникнуть методологический круг: новые задачи вводятся в исследовательскую практику за счет корреляции со старыми, распространенными задачами, что может вызвать ряд вопросов, так как в одной исследовательской традиции тест отдаленных ассоциаций — релевантная модель инсайта, а в другой — не релевантная. Это, в свою очередь, может отразиться на оценке полученных результатов.

P. Вайсберг предлагает таксономию задач, показывая, что инсайтные задачи не являются однородным классом. Для этого есть два основания: был ли процесс решения дискретным либо континуальным, а в случае дискретности решения вызвана ли она переструктурированием задачи. В результате автор выделяет неинсайтные задачи (решаемые континуально, последовательно), инсайтные задачи и гибридные инсайтные задачи. При этом он показывает, что большая часть задач, использовавшихся в исследованиях инсайта, реально решаются гибридно, т.е. как инсайтно, так и неинсайтно (Weisberg, 1995). Это приводит к необходимости анализировать каждый конкретный случай решения, а не саму задачу. Позднее (Weisberg, 2015) вводятся дополнительные варианты решения задач: решение через перенос, решение через эвристику, решение через переструктурирование и решение через инсайт. Однако только последний вариант рассматривается как истинно инсайтное решение.

Классические инсайтные задачи являются достаточно трудными, как правило, их решение не укладывается в отведенное в эксперименте время, и только очень немногие испытуемые способны решить эти задачи самостоятельно. Поэтому часто для решения этих задач используются различные подсказки (Kaplan, Simon, 1990; Chronicle et al., 2001). Так, Дж. Луо и Г. Кноблих отмечают, что решатель может осуществить переструктурирование задачи как самостоятельно, так и вследствие получения подсказки. Несмотря на аксиоматическое предположение многих исследователей о том, что подсказки вызывают аналогичные мыслительные процессы, что и непосредственный ход решения, встает вопрос об экологической валидности и однородности инсайтного решения, вызванного внутренними и внешними триггерами (Luo, Knoblich, 2007). Подобные сомнения высказывали Э. Боуден с соавт. (Bowden et al., 2005). Таким образом, стоит ли использовать классические задачи, решить которые можно только с подсказками, если встает вопрос о равнозначности процесса решения с подсказками и без них?

Еще одним основанием для критики подхода, основанного на применении формально инсайтных задач, является их ограниченный набор. И чаще всего этот набор задач повторяется из исследования в исследование. Э. Боуден с соавт. отмечают, что такая ограниченность количества задач в рамках экспериментальной сессии и их сложность существенно снижают надежность данных и разнообразие методов, которые могут быть применимы. В частности, методов нейровизуализации, возможность применения которых значительно ограничена вследствие множества побочных переменных, возникающих в ходе решения задачи, поэтому необходимо разрабатывать альтернативные варианты инсайтных задач, однако снова возникает вопрос, на какие критерии опираться при их создании.

Как отмечалось ранее, класс инсайтных задач достаточно разнороден и даже классические инсайтные задачи могут решаться с разной степенью выраженности ага-переживания, что было показано в исследовании А. Данек с соавт. (Danek et al., 2016). Авторы обнаружили, что только половина решений сопровождалась инсайтом, ставя под сомнение исследовательскую практику, в которой инсайт постулируется только вследствие того, что решается формально

инсайтная задача. Это согласуется с данными И.Ю. Владимира, О.В. Павлищак, согласно которым инсайтная задача одного типа может решаться неинсайтно вследствие предыдущего успешного опыта решения сходных задач (Владимиров, Павлищак, 2015). Кроме того, было показано, что большая часть творческих открытий совершалась без выраженного ага-переживания (Klein, Jarosz, 2011).

С другой стороны, существуют исследования, в которых показано, что неинсайтные задачи могут решаться инсайтно (Лазарева, Владимиров, 2019; Кутузова, Владимиров, 2017). Дополнительными аргументами являются данные исследований М. Вебб с соавт. (Webb et al., 2018), в которых оценивалась инсайтность решения классических, современных инсайтных и неинсайтных задач. Авторы подтвердили выводы А. Данек с соавт. (Danek et al., 2016) о том, что классические инсайтные задачи могут быть решены без инсайта, а решение формально неинсайтных задач может сопровождаться чувством озарения. Для устранения подобных искажений авторы настаивают на необходимости использования самоотчетов о процессе решения.

Детекция инсайтности после решения

Таковы аргументы в пользу альтернативного подхода к исследованию инсайта — исследованию инсайтности процесса решения задач. В таком случае оценка инсайтности решения происходит *post hoc*, после успешного решения задачи. А. Данек с соавт. (Danek et al., 2014) предлагают оценивать, было или не было ага-переживание в процессе каждого решения задачи, вместо априорной квалификации, т.е. опыт инсайтности должен устанавливать решатель, а не экспериментатор.

В данном случае для моделирования инсайтного решения используются самые разные задачи: анаграммы, разгадывание фокусов, тест отдаленных ассоциаций. Чаще всего применяются именно анаграммы, потому что они могут решаться как инсайтно, так и неинсайтно (Novick, Sherman, 2003). Парадигмальным примером может являться исследование Дж. Эллис (Ellis, 2012), в котором испытуемому необходимо решать анаграммы, оценивая каждую пробу по ряду шкал. Далее все пробы группируются на выскакивающие (pop-out) и не выскакивающие (non pop-out) решения. Таким образом, внезапность (pop-out) решения является демаркационным критерием инсайтности каждой анаграммы. С другой стороны, встает вопрос, являются ли анаграммы видом задач, моделирующим процесс инсайтного решения, поскольку их решение скорее комбинаторно и не включает изменение презентации, сводясь к поиску нужного слова в ментальном словаре (Webb et al., 2018). Аргументом в пользу изменения презентации при решении анаграмм могут служить данные о смешении решения анаграммы ложным визуальным праймингом. По всей видимости, анаграммы решаются не механическим перебором букв (Аммалайнен, Морошкина, 2019).

Оригинальная идея анализа реальных случаев переживания инсайта принадлежит Г. Кляйну и А. Ярош (Klein, Jarosz, 2011). Авторы отобрали 120 случаев,

описывающих различные открытия. Каждый случай оценивался по 14 шкалам (тупик, поиск, инкубация, внезапность против пошаговости и т.д.). Практические все случаи включали изменение презентации, но большинство не включали тупик, инкубацию и внезапность нахождения решения, несмотря на то что эти критерии распространены в описании инсайтного решения. Вероятно, результаты обусловлены тем, что чаще всего инсайт изучается в лабораторных условиях на материале «задач-головоломок», решение которых сопровождается тупиком и носит внезапный характер. Данная парадигма имеет преимущества для различных экспериментальных исследований и применения методов нейровизуализации, однако не исчерпывает весь спектр проявления инсайта. Г. Кляйн и А. Ярош отмечают, что в действительности внезапное ага-переживание может отличаться от переживания инсайта. Исследователи нейрофункциональных коррелятов инсайта Дж. Куниус и М. Биман также высказывают мнение о важности, но необязательности таких критериев инсайта, как наличие тупика, внезапности решения и ага-переживания (Kounios, Beeman, 2014).

С одной стороны, подход post hoc анализа процесса решения кажется более точным, поскольку позволяет оценивать каждый конкретный случай решения и опыт переживания инсайта. С другой стороны, при таком подходе дискуссионными оказываются те параметры, которые предлагаются испытуемому для анализа субъективного переживания инсайта, процесс решения зачастую может быть свернут, а модель инсайта оказывается весьма упрощена и существенно отличается от первоначально исследуемого типа формально инсайтных задач. На сегодняшний день в исследованиях чаще всего используются смешанные модели инсайта, включающие как формально инсайтные задачи на изменение презентации (детекция инсайтности до решения), так и различные методы фиксации объективных и субъективных паттернов инсайтного решения (детекция инсайтности после решения). Рассмотрим подробнее критерии, которые используются для детекции инсайтности после решения задач. Для этой цели мы поделили их на две группы: объективные и субъективные параметры. Под критериями инсайтного решения мы понимаем различные теоретические конструкты, по наличию или отсутствию которых решение задачи считается инсайтным или неинсайтным. Мы также используем понятие «параметры», применяемое для ситуаций операционализации теоретических критериев. Например, наличие ага-переживания — критерий инсайта, а его параметрами являются такие шкалы, как уверенность, удовольствие, внезапность и т. д. Один и тот же критерий может быть операционализирован через объективные и субъективные параметры.

Объективные параметры инсайтного решения

Под объективными параметрами мы понимаем различные виды поведенческих и физиологических паттернов, сопровождающих инсайтное решение, но не зависящих от самоотчетов испытуемых. Подобные параметры, с одной стороны, связаны с тем или иным критерием инсайтного решения, а с другой

стороны, сопряжены с определенным методом измерения. К таковым относятся:

– *Изменение нейронной активности головного мозга* (Bowden et al., 2005; Владимиров, Смирницкая, 2018). Данный параметр проявляется, к примеру, в том, что во время инсайтного решения управляющие функции активны в меньшей степени по сравнению с неинсайтным решением (Lavric et al., 2000), что связывают с таким критерием инсайта, как неосознаваемый характер поиска решения; инсайтное решение сопровождается активностью правой височной коры, ответственной за понимание далеких семантических отношений (Kounios, Beeman, 2014; Salvi et al., 2020), что свидетельствует о необходимости изменения представления и т.д.

– *Продукция мышления вслух* (Дункер, 1965; Ericsson, Simon, 1980). Несмотря на то что данный метод представлен в форме самоотчета, он в большей степени направлен на объективацию и фиксацию процесса решения задачи, позволяя экспериментатору выявлять представления испытуемого, строить дерево решений, анализировать конфликты. Содержательно данный метод не предполагает самооценку состояний и процесса решения задачи испытуемым. При этом связь мышления вслух и инсайтности решения неоднозначна, что во многом связано с противоречивыми данными о роли вербализации в инсайтном решении. С одной стороны, есть данные о негативном влиянии вербализации, проявляющемся в замедлении времени решения (Schooler et al., 1993). С другой стороны, есть исследования, свидетельствующие о положительной (Ball et al., 2015) или нейтральной роли вербализации (Cranford, Moss, 2012; Fleck, Weisberg, 2004). Подробный анализ различной роли вербализации в процессе решения задач, а также ее видов, сопутствующих решению верbalных и невербальных задач, приводится в статье М. Фокса, А. Эриксона и Р. Беста (Fox et al., 2011). Работа включает метаанализ 94 исследований, в которых сравнивается эффективность решения задач при наличии либо отсутствии вербализации, сопутствующей решению. Основной вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что одновременная вербализация мыслей вслух не влияет на успешность решения и, как следствие, не изменяет когнитивные процессы, опосредующие выполнение задачи. Однако было показано, что тип вербализации (спонтанная вокализация, либо объяснение мыслей) может по-разному влиять на успешность решения задач: объяснение мыслей в процессе решения задачи фасилитирует процесс ее решения. Таким образом, продукция мышления вслух является одним из самых первых, но туманных методов определения инсайтности решения и дает достаточно разнообразный эмпирический материал, подлежащий тщательному анализу.

– *Кожно-гальваническая реакция (КГР)* (Тихомиров, Виноградов, 2008), возрастающая до появления вербализованного ответа и сообщающая о наличии эмоционального возбуждения во время инсайтных и творческих решений. Соответственно рост КГР не наблюдается при неинсайтном решении.

– *Глазодвигательная активность и изменение ширины зрачка* (Knoblich et al., 2001; Ellis, 2012; Владимиров, Чистопольская, 2019) проявляется, например, в

том, что при инсайтном решении происходит расширение зрачка, свидетельствующее о большей включенности внимания (Wong, 2009).

– *Регистрация познавательной активности*: осознательная активность у слепых шахматистов (Тихомиров, 1969). Данные параметры познавательной активности слепых игроков рассматриваются в сопоставлении с анализом глазодвигательной активности зрячих шахматистов. На основе данных параметров можно определить, какое место в процессе решения занимает элемент задачи, соотнести его с объективным значением в актуальной ситуации и оценить адекватность и полноту презентации задачи.

– *Поведенческие паттерны в решении*: наличие улыбки, постукивание пальцами, почесывание головы (Филяева, Коровкин, 2015; Владимира, Бушманова, 2020), а также их более обобщенные варианты — количество совершаемых действий и времени, затрачиваемого на их выполнение (Spiridonov et al., 2019; Jones, 2003), — более характерны для инсайтного решения и связываются в зависимости от модели авторов с такими критериями, как наличие эмоций в процессе решения, нахождение в тупике и изменение презентации. Например, в работе А. Федор с соавт. (Fedor et al., 2015) многократное повторение одних и тех же действий в решении свидетельствует о нахождении в тупике. Такое повторение должно встречаться в инсайтном решении, но отсутствовать в алгоритмизированном.

– *Время реакции на вторичное задание-зонд* (Korovkin et al., 2018) соответствует степени осознанности поиска решения и загруженности сознательных систем обработки. Инсайтное решение характеризуется более низким временем реакции в сравнении с алгоритмизированным, что интерпретируется в пользу интуитивного, неосознаваемого поиска решения.

Как мы видим, предполагается, что изменение определенных параметров свидетельствует об изменении в когнитивных процессах, ответственных за реализацию инсайтного типа решения. Стоит отметить, что в таких исследованиях объективные параметры инсайтного решения достаточно строго операционализированы, не зависят от сознания и индивидуальных особенностей решателя и позволяют экспериментатору объективировать свернутый процесс решения. Кроме того, большая часть приведенных способов фиксации инсайта не вмешивается в процесс решения, параллельно фиксируя необходимые измерения. Одним из важнейших преимуществ является возможность фиксации микродинамических характеристик процесса решения задач большинством указанных методов.

Однако применение объективных параметров для анализа инсайтного решения вызывает ряд проблем. Во-первых, это жесткая привязка критерия к теоретической модели экспериментатора. Например, в ряде исследований одним из важных критериев инсайтного решения рассматривается наличие у решателя момента тупика. Объективный тупик вычисляется на основе показателя времени, превышающего среднее время хода + 2 SD (Fedor et al., 2015). Однако это происходит без учета ситуации онлайн-планирования (Spiridonov et al., 2019), в которой решатель может не манипулировать элементами задачи в объективном плане, просчитывая ходы мысленно, т.е. исследователь может

получить состояние тупика, которое не соответствует реальным мыслительным процессам.

Классическими в исследовании нейрофункциональных коррелятов инсайта являются работы М. Юнга-Бимана с соавт. (Jung-Beeman et al., 2004). Общая идея основана на методе вычитания, согласно которому активность в областях мозга, активных во время аналитического решения задач, используется в качестве базового уровня и вычитается из активности в областях мозга во время инсайтного решения. Это различие в активации признается нейрофункциональным коррелятом инсайтного решения, связанным с такими критериями, как изменение презентации и включение далеких семантических ассоциаций. Однако Р. Вайсберг выразил сомнение, поскольку такой подход предполагает, что аналитическое и инсайтное решение различаются только одной мыслительной операцией, в то время как в реальности различие включает гораздо больше операций (Weisberg, 2013). Поэтому установить точные корреляты инсайтного процесса в рамках модели М. Юнга-Бимана с соавт. не представляется возможным. Это пример расхождения теоретической модели авторов и эмпирической картины реального процесса решения.

Во-вторых, как правило, определенные объективные параметры разрабатываются для конкретного класса задач. Приведенный выше пример с фиксацией тупика разработан для сложной и визуальной задачи «5 квадратов». Не понятно, как его можно применить для более быстрых по времени решения вербальных задач, например анаграмм или теста отдаленных ассоциаций. В свою очередь, тесты отдаленных ассоциаций подходят для методов нейровизуализации и фиксации нейронной активности мозга, а длительные решения задачи – не подходят, поскольку вместе с ними регистрируется множество побочных переменных (Bowden et al., 2005). Все это создает проблему сопоставления данных, полученных на разном материале и разными способами, и трудность в поиске универсальных закономерностей инсайтного решения.

В-третьих, может наблюдаться диссоциация объективных и субъективных параметров инсайтного решения. Прежде всего, эта диссоциация носит временной характер. Так, в исследовании Дж. Эллис (Ellis, 2012) было показано, что решатели переставали смотреть на букву-дистрактор при решении анаграмм за 2 с до обнаружения ответа. Таким образом, наблюдается значимое опережение нахождения решения его осознанию и вербализации.

Субъективные параметры инсайтного решения

Под субъективными параметрами мы понимаем различные формы самоотчетов решателей об опыте инсайтного решения. Рассмотрим наиболее популярные самоотчетные методы и те трудности, с которыми сталкиваются исследователи при их применении.

В одном из классических исследований Ж. Меткалф и Д. Вибе было показано, что при субъективных оценках решателя динамика близости (теплоты) к решению в инсайтных задачах не наблюдается в отличие от решения неинсайтных задач (Metcalfe, Wiebe, 1987). В данном исследовании субъективный

параметр метакогнитивной оценки близости к решению является критерием инсайтности. С другой стороны, в исследовании И.Н. Макарова с соавт. (Владимиров и др., 2020) предполагалось, что для оценки субъективной динамики решения инсайтных задач необходимо использовать эмоциональную оценку переживаний взамен когнитивной оценки приближения к цели. Для этого испытуемые решали задачи инсайтного и неинсайтного типа и каждую минуту отвечали на вопросы, оценивающие уверенность в решении, приятность задачи, положительную или отрицательную оценку решения и ряд инсайтных отличительных особенностей, например чувство тупика. В результате была получена динамика в изменении оценок процесса решения инсайтных задач и различия в оценках при решении инсайтных и неинсайтных задач. Таким образом, различная метрика позволяет получать различные паттерны инсайтного решения.

Как было отмечено выше, традицию *post hoc* оценивания инсайтности решения закрепили Э. Боуден с соавт. (Bowden et al., 2005). В своих исследованиях авторы предварительно знакомили испытуемых с определением инсайта и приводили описание чувства озарения. Однако это описание достаточно синкретично и включает множество критерийов инсайтного решения, не позволяя их дифференцировать. А. Данек продолжает данное направление на основе систематизации феноменологического опыта инсайтного решения, разрабатывая конкретные параметры определения инсайтности решения, выделяя их в самостоятельные шкалы (Danek et al., 2014). Предлагается пять измерений ага-переживания: внезапность (suddenness), чувство удивления (surprise), счастье (happiness), тупик (impasse), уверенность/очевидность решения (certainty/obviousness of solution). В своих экспериментах авторы просили испытуемых разгадывать магические фокусы, описывая мысли и эмоции, которые возникали во время инсайтного решения, а также оценивать процесс разгадки каждого фокуса по пяти шкалам по степени выраженности каждого чувства. Предварительно давалось определение инсайтного решения из работы Э. Боудена с соавт. (2005). Было установлено, что большинство испытуемых в свободном описании инсайтного решения часто просто воспроизводили определение, предоставленное экспериментаторами. Кроме того, решатели чаще демонстрировали эмоциональные, нежели когнитивные, аспекты инсайтного решения, что также согласуется с данными о более чувствительной метрике эмоциональной динамики инсайтности решения по сравнению с когнитивной (Владимиров и др., 2020). Самым частотным ощущением, связанным с ага-переживанием, было ощущение счастья, а изменения по шкале тупика оказались незначимыми, что ставит под сомнение необходимость тупика для переживания инсайта, и в более поздних работах это измерение было исключено (Danek, Wiley, 2017). В работе Г. Кляйна и А. Ярош (Klein, Jarosz, 2011) тупик тоже не был обнаружен как необходимая составляющая творческого открытия. Хотя в ряде других работ наличие тупика является существенным критерием инсайтности решения (Ohlsson, 2011; Маркина и др., 2018; Fedor et al., 2015; Владимиров, Маркина, 2017).

На сегодняшний день опросник А. Данек – один из наиболее распространенных для оценки инсайтности. Ключевым критерием инсайтности решения здесь выступает многомерное ага-переживание, однако в более поздних работах А. Данек (Danek, Wiley, 2017) было показано, что ага-переживание может сопровождать и ложные инсайты. А. Данек и Дж. Вайли (Danek, Wiley, 2017) изменили опросник, оставив шкалы: Удовольствие (Pleasure), Неожиданность (Suddenness), Уверенность (Certainty), Облегчение (Relief), Удивление (Surprise), Драйв (Drive). Они обнаружили, что характеристики удовольствия, уверенности и неожиданности являются общими для ага-переживания вне зависимости от истинности инсайта. Однако правильные ответы ведут к более неожиданному, уверенному и приятному ага-переживанию и связаны с облегчением, тогда как неправильные ответы имеют связь лишь с удивлением. С.Ю. Коровкин с соавт. дополнили опросник А. Данек еще одной шкалой – изящности решения (Korovkin et al., 2021).

Создание другого опросника было показано в работе В. Шен с соавт. (Shen et al., 2016). Сначала испытуемые в свободной форме описывали эмоции и переживания, испытываемые в ходе решения. Затем эти эмоции классифицировались, образовав два измерения для описания всех эмоциональных переживаний инсайтного решения: психологическое (знание – эмоции) и мотивационное (достижение – избегание), т.е. ага-переживание – это многомерная психологическая структура, включающая когнитивные параметры, нацеленность на достижение и положительные эмоции. В опыте ага-переживания важны не только эмоциональные аспекты, но и когнитивные характеристики, особенно те, которые связаны с достижением знания, например, чувство легкости и уверенности. Далее авторы использовали уже не метод свободного самоотчета, а необходимость оценки решения по заданным параметрам, выявленным ранее. Они показали, что испытуемые чаще испытывали переживание счастья при ага-переживании и, напротив, ощущения потерянности, колебания, нервозности при решении без ага-переживания.

Еще одним распространенным способом post hoc оценки инсайтности решения является опросник Л. Новика, С. Шермана (Novick, Sherman, 2003). Опросник разработан для оценки инсайтности решения анаграмм, основным критерием выступает внезапность (pop-out) решения. Предлагается выбрать один из вариантов, в большей степени характеризующий процесс решения, при этом варианты варьируются от чистого поп-аут эффекта (инсайтное решение) до постепенного, пошагового (неинсайтное решение). Другой вариант опросника был предложен Т. Вонгом (Wong, 2009). Опросник содержит такие шкалы, как Настроение (фрустрированность, счастье, увлеченность, скука), Опыт решения задачи (осведомленность), Непрерывность, восприятие задачи (очевидность, внезапность).

Чаще всего субъективные параметры инсайтности решения представлены решателю вербально в виде описания шкал на основе феноменологии, выделенной исследователями. Однако есть ряд исследований, предпринимающих попытку уйти от вербализации. В качестве таковых вариантов использовались: воплощенная метафора инсайта как озарения в виде интенсивности

освещения лампочки (MacGregor, Cunningham, 2008), воплощение степени переживания инсайта в силе нажатия динамометра (Laukkonen, Tangen, 2018) либо визуализация паттернов решения, где теоретическими критериями выступали: ступенчатость и дискретность решения (Spiridonov et al., 2021). При этом решатель самостоятельно настраивает параметр в соответствии с силой субъективного переживания.

Таким образом, данные параметры чаще всего выделяются на основе представлений автора о ключевых аспектах инсайтного решения. Но анализ исследований показывает, что зачастую выделенные параметры и их теоретические критерии не играют ключевой роли в детекции решателем инсайтности. Так, ага-переживание может являться многомерным явлением и присутствовать как при верных, так и при ошибочных решениях (Danek, Wiley, 2017), а концептуальная значимость тупика не всегда отражается в феноменологии. Кроме того, некоторые параметры достаточно устойчивы и встречаются практически во всех постэкспериментальных опросниках, однако это обусловлено скорее традицией выделения новых шкал на основе анализа уже существующих.

Говоря о трудностях применения субъективных параметров инсайтного решения, стоит обратить внимание на следующие проблемы.

Во-первых, можно предположить, что оценки инсайтности решения могут в существенной степени варьироваться в зависимости от типа решаемых задач, т.е. могут быть чувствительными для оценки инсайтности сложных, развернутых во времени задач, но совершенно не чуткими к детекции инсайта при быстрых решениях.

Во-вторых, основываясь на феноменологических критериях инсайтности решения, мы можем получать контаминации параметров. К примеру, быстрые решения задачи могут оцениваться как внезапные, а следовательно, инсайтные. Таким образом, мы будем получать более высокую частотность субъективных оценок инсайтности решения на материале анаграмм, нежели в случае решения сложных задач, таких как «9 точек» или «5 квадратов Катона». При этом экспериментатор может исключать быстротечные решения из анализа данных ввиду отсутствия у решателя состояния тупика как ключевого этапа инсайтного решения (Маркина и др., 2018).

В-третьих, субъективные переживания инсайтности решения могут относиться как к процессу поиска решения, так и к найденному результату. Зачастую в рамках существующих методов субъективной оценки фактически невозможно развести данные показатели. Оценка инсайтности решения чаще всего является ретроспективной и не позволяет учитывать микродинамику мыслительного процесса.

В-четвертых, решатель может неверно понимать ключевые особенности стадий решения. К примеру, предварительные, неверные попытки решения, приводящие к тупику вследствие циклической структуры решения (Ohlsson, 2011; Fedor et al., 2015), могут рассматриваться решателем как последовательное, постепенное, не внезапное решение задачи, снижая частоту детекции инсайта. Также предполагается, что неоднократная демонстрация условий задачи может снижать оценку внезапности решения, так как подобная экспериментальная процедура не соответ-

ствует представлениям испытуемых о данной шкале (Danek, Wiley, 2020). Многие шкалы, часто используемые для детекции инсайтности решения, предлагаются экспериментаторами как бы «сверху», на основе их теоретической модели. Данные шкалы могут иметь различную мощность измерения в зависимости от понимания решателя и экспериментальных условий. Кроме того, наводящие вопросы могут трансформировать воспоминания о событии, провоцируя решателя оценивать опыт решения в соответствии с предлагаемыми шкалами (Loftus, 2003), однако переживания испытуемого могут выражаться совсем в иных категориях.

В-пятых, индивидуальные характеристики решателей могут повлиять на частотность детекции инсайта. К ним, прежде всего, относятся рефлексивность, склонность к вербализации и эмоциональный интеллект, поскольку большинство процедур для детекции инсайтности основано на вербальной экспликации чувственного опыта. В качестве примера можно привести исследование П.Н. Маркиной с соавт. (Маркина и др., 2018), в котором только 15% испытуемых отчитались о наличии у них состояния тупика в процессе решения инсайтных задач. Значит ли это, что у остальных 85% состояния тупика не было и, как следствие, они решали задачу алгоритмически? Или данный субъективный параметр не соответствует заложенному экспериментатором критерию инсайтности решения? Либо наличие тупика не является ключевым? А может, именно эти 15% обладают необходимыми индивидуальными характеристиками, позволяющими отрефлексировать и распознать субъективное переживание тупика? На частотность детекции инсайта могут влиять и мотивационные факторы. Например, испытуемые могут не сигнализировать о пребывании в тупике для избегания оценочных суждений относительно их умственных способностей со стороны экспериментатора. Также к индивидуальным характеристикам решателя, способным повлиять на оценку инсайтности решения, можно отнести их экспертность и успешность в решении (Novick, Sherman, 2003).

Большинство ученых сходятся на том, что изменение репрезентации задачи является ключевым критерием инсайта. Это находит прямое отражение в разработке инсайтных задач, но в субъективных параметрах фактически не отражается. Можно предположить, что изменение репрезентации косвенно представлено в таких шкалах, как удивление и внезапность. Однако напрямую мы этого критерия не находим. Ранее мы упоминали генеральную идею А. Данек о том, что именно решатель должен квалифицировать опыт решения задачи, а не экспериментатор. Но, кажется, в существующих сегодня подходах ведущая роль при определении типа решения все же остается за экспериментатором.

Несмотря на многообразие критериев инсайтного решения, отраженных в самоотчетах, выделяется ряд проблем, с которыми сталкиваются исследователи при их анализе:

- неоднозначность критериев и дискуссионность их необходимости в описании инсайта;
- зависимость получаемых данных от теоретической модели авторов, представленной в виде шкал для самоотчета;
- диссоциация между теоретическими моделями и реальными эмпирическими данными;

- ретроспективный характер самоотчетов;
- преобладание оценок аффективного компонента инсайтного решения;
- непредставленность ключевых когнитивных процессов инсайтного решения, например специфики загрузки систем рабочей памяти, изменения первичной репрезентации, использования эвристик в шкалах самоотчетов;
- направленность на оценку результата, а не процесса решения;
- отсутствие возможности фиксации микродинамики мыслительного процесса;
- влияние мотивационных и личностных факторов;
- разная чувствительность шкал опросников к различным типам задач;
- контаминация параметров;
- непонимание испытуемыми шкал опросников;
- влияние наводящих вопросов на оценку события.

Обозначим итоги и перспективы экспликации критериев инсайта. Выделение критериев инсайта и их операционализация необходимы, поскольку обуславливают теоретическое понимание инсайта и исследовательскую практику. Можно выделить два подхода к детекции инсайта: до (на основе формально инсайтных задач) и после решения (на основе случаев решения). Оба подхода имеют свои основания, и в настоящее время чаще используются смешанные подходы оценки инсайтности, включающие как объективные, так и субъективные параметры. К объективным параметрам относятся чаще всего поведенческие и физиологические паттерны, сопутствующие инсайтному решению. Они позволяют фиксировать микродинамику решения, регистрировать когнитивные, поведенческие и аффективные компоненты инсайта. Однако они разрабатываются в рамках локальных теоретических моделей и на материале достаточно узкого класса задач. Кроме того, объективные параметры инсайта фактически не дают качественных данных о переживаниях решателя.

Субъективные параметры, напротив, позволяют получить представления о феноменологии инсайта решателя, однако они подвержены большому количеству влияний, рассмотренных выше. Одной из ключевых проблем при работе с субъективными параметрами, на наш взгляд, являются неучтенность индивидуальных навыков решателя в детекции инсайтности решения и навязывание экспериментатором шкал для оценки опыта переживания инсайта.

Подобный подход напоминает метод построения семантических пространств Ч. Осгудом (Osgood, 1952), где человеку необходимо оценивать объекты по ряду готовых биполярных шкал. Таким образом, эти шкалы, как и в исследованиях с фиксацией субъективных параметров инсайта, заранее заданы, задача испытуемого – разместить «объект» в сконструированном экспериментатором пространстве. Альтернативным является метод репертуарных решеток Дж. Келли (Kelly, 1955), в котором человеку необходимо самому выделить шкалы для категоризации объектов. Шкалы для сравнения не задаются априорно на основе представлений экспериментатора, а формулируются субъектом самостоятельно. Такой идеографический подход самостоятельного формулирования критериев решателем нам кажется перспективным в контексте исследования инсайта, поскольку он позволяет повысить эколо-

гическую валидность исследований и сделать язык описания процесса инсайта понятным не только экспериментатору, но и испытуемому.

Вторым важным перспективным направлением является учет индивидуальных особенностей решателя как фактора детекции инсайтности решения. Необходимо эмпирически проверить, влияют ли такие показатели, как рефлексивность, склонность к вербализации и эмоциональный интеллект, на детекцию инсайтности решения.

Третьим важным направлением являются обучение испытуемых детекции инсайта и выработка у них генерализованных представлений об инсайтности решения вне зависимости от конкретной процедуры измерения. Возможным инструментом для такого обучения могут стать видеоролики, отражающие ключевые моменты инсайтного решения.

В качестве основной рекомендации по выбору критериев инсайта и регистрируемых параметров в исследовательской практике можно отметить использование разнообразных критериев и параметров инсайта. Так, например, такой общепринятый критерий инсайта, как изменение презентации, чаще всего задается формальной структурой задачи в качестве независимой переменной. Однако регистрация движения глаз в соответствующей зоне интереса также является объективным показателем работы решателя с актуальным пространством задачи и может служить параметром изменения презентации в качестве зависимой переменной исследования. Также при планировании методологической базы исследования стоит отталкиваться от предмета исследования. Использование самоотчетных методов в большей мере отражает эмоциональный компонент инсайтного решения, рассматриваемый как ага-переживание на феноменологическом уровне. В свою очередь, исследование глубинных механизмов (например, распределения ресурса в подсистемах рабочей памяти либо же микродинамики процесса инсайтного решения) недоступно при применении данных методов, поэтому в данном случае предпочтение стоит отдать регистрации объективных параметров. Выбор конкретных критериев и методов регистрации инсайта целиком определяется исследовательской задачей. Однако комплексное использование различных методов в соответствии со строгой теоретической и операциональной моделью автора позволит получать более точные и корректные данные, проливая свет на загадочную природу явления инсайта.

Литература

- Аммалайнен, А. В., Морошкина, Н. В. (2019). Когда ошибка ведет к уверенности: ложный инсайт и чувство знания при решении анаграмм. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(4), 774–783. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-774-783>
- Валуева, Е. А., Ушаков, Д. В. (2017). Инсайт и инкубация в мышлении: роль процессов осознавания. *Сибирский психологический журнал*, 63, 19–35. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/2>
- Владимиров, И. Ю., Бушманова, А. С. (2020). Детекция тупика при помощи поведенческих маркеров. В кн. *Творчество в современном мире: человек, общество, технологии* (с. 106–108). М.: Институт психологии РАН.

- Владимиров, И. Ю., Коровкин, С. Ю., Лебедь, А. А., Савинова, А. Д., Чистопольская, А. В. (2016). Управляющий контроль и интуиция на различных этапах творческого решения. *Психологический журнал*, 37(1), 48–60.
- Владимиров, И. Ю., Макаров, И. Н., Кузнецова, А. А. (2020). Динамика метакогнитивных оценок и эмоциональные предикторы стадий решения в процессе решения инсайтных задач. В кн. *Творчество в современном мире: человек, общество, технологии* (с. 104–106). М.: Институт психологии РАН.
- Владимиров, И. Ю., Маркина, П. Н. (2017). Объективный и субъективный тупик в процессе инсайтного решения. *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*, 3, 76–80. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2017-3-76-80>
- Владимиров, И. Ю., Павличак, О. В. (2015). Преодоление фиксированности как возможный механизм инсайтного решения. В кн. *Современные исследования интеллекта и творчества* (с. 48–64). М.: Институт психологии РАН.
- Владимиров, И. Ю., Смирницкая, А. В. (2018). Динамика и уровень загрузки управляющего контроля в процессе решения задач инсайтного типа: метод вызванных потенциалов. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 11(2), 19–33.
- Владимиров, И. Ю., Чистопольская, А. В. (2019). Регистрация движений глаз и когнитивный мониторинг как методы объективации процесса инсайтного решения. *Экспериментальная психология*, 12(1), 167–179. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120113>
- Дункер, К. (1965). Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления. В кн. А. М. Матюшкин (ред.), *Психология мышления* (с. 21–85). М.: Прогресс.
- Кутузова, А. Б., Владимиров, И. Ю. (2017). Разрешение лексической неоднозначности как механизм решения вербальной инсайтной задачи: особенности переноса функционального решения. В кн. *Психология – наука будущего* (с. 461–465). М.: Институт психологии РАН.
- Лазарева, Н. Ю., Владимиров, И. Ю. (2019). Влияние фиксированности на формирование неверной презентации задачи и возникновение инсайтного решения. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 18(4), 22–30. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2019-18-4-22-30>
- Маркина, П. Н., Макаров, И. Н., Владимиров, И. Ю. (2018). Особенности переработки информации на стадии тупика при решении инсайтной задачи. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 11(2), 34–43.
- Морошкина, Н. В., Аммалайнен, А. В., Савина, А. И. (2020). В погоне за инсайтом: современные подходы и методы измерения инсайта в когнитивной психологии. *Психологические исследования*, 13(74). <http://psystudy.ru>
- Тихомиров, О. К. (1969). Структура мыслительной деятельности человека: (Опыт теоретического и экспериментального исследования). М.: Изд-во Московского университета.
- Тихомиров, О. К., Виноградов, Ю. Е. (2008). Эмоции в функции эвристик. В кн. *Психология мышления* (с. 443–450). М.: АСТ: Астрель.
- Филиева, О. В., Коровкин, С. Ю. (2015). Поведенческие паттерны инсайта. В кн. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.), *Когнитивная наука в Москве: новые исследования* (с. 444–449). М.: ООО «Буки Веди», ИППиП.
- Чистопольская, А. В., Владимиров, И. Ю., Секурцева, Ю. Г. (2017). Изменение презентации в процессе решения визуальных инсайтных задач. *Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*, 1, 95–101.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Ammalainen, A., & Moroshkina, N. (2019). When an error leads to confidence: false insight and feeling of knowing in anagram solving. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16(4), 774–783. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-774-783> (in Russian)
- Ball, L. J., Marsh, J. E., Litchfield, D., Cook, R. L., & Booth, N. (2015). When distraction helps: evidence that concurrent articulation and irrelevant speech can facilitate insight problem solving. *Thinking & Reasoning*, 21(1), 76–96. <https://doi.org/10.1080/13546783.2014.934399>
- Bowden, E. M., Jung-Beeman, M., Fleck, J., & Kounios, J. (2005). New approaches to demystifying insight. *Trends in Cognitive Sciences*, 9(7), 322–328. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.05.012>
- Chistopolskaya, A. V., Vladimirov, I. Yu., & Sekurtseva, J. G. (2017). Change of representation in the process of visual insight problem-solving. *Vestnik Yaroslavskogo Gocudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 1, 95–101. (in Russian)
- Chronicle, E. P., MacGregor, J. N., & Ormerod, T. C. (2004). What makes an insight problem? The roles of heuristics, goal conception, and solution recoding in knowledge-lean problems. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 30(1), 14–27. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.30.1.14>
- Chronicle, E. P., Ormerod, T. C., & MacGregor, J. N. (2001). When insight just won't come: The failure of visual cues in the nine-dot problem. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology: Section A*, 54(3), 903–919. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.27.1.176>
- Cranford, E. A., & Moss, J. (2012). Is insight always the same? A protocol analysis of insight in compound remote associate problems. *The Journal of Problem Solving*, 4(2), Article 8. <https://doi.org/10.7771/1932-6246.1129>
- Danek, A. H. (2018). Magic tricks, sudden restructuring and the aha! experience. In F. Vallee-Tourangeau (Ed.), *Insight: On the origin of new ideas* (pp. 51–79). London, England: Routledge.
- Danek, A. H., & Wiley, J. (2017). What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately. *Frontiers in Psychology*, 7, 2077. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.02077>
- Danek, A. H., & Wiley, J. (2020). What causes the insight memory advantage? *Cognition*, 205, Article 104411. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2020.104411>
- Danek, A. H., Fraps, T., von Müller, A., Grothe, B., & Öllinger, M. (2014). It's a kind of magic—what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving. *Frontiers in Psychology*, 5, 1408. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01408>
- Danek, A. H., Wiley, J., & Öllinger, M. (2016). Solving classical insight problems without aha! experience: 9 dot, 8 coin, and matchstick arithmetic problems. *The Journal of Problem Solving*, 9(1), Article 4. <https://doi.org/10.7771/1932-6246.1183>
- Davidson, J. E. (2003). Insights about insightful problem solving. In J. E. Davidson (Ed.), *The psychology of problem solving* (pp. 149–175). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615771.006>
- Duncker, K. (1965). Kachestvennoe (eksperimental'noe i teoretycheskoe) issledovanie produktivnogo myshleniya [A qualitative (experimental and theoretical) study of a productive thinking]. In A. M. Matyushkin (Ed.), *Psichologiya myshleniya* [The psychology of thinking] (pp. 21–85). Moscow: Progress.
- Ellis, J. J. (2012). *Using eye movements to investigate insight problem solving*. University of Toronto.
- Ericsson, K. A., & Simon, H. A. (1980). Verbal reports as data. *Psychological Review*, 87(3), 215–251. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.87.3.215>

- Fedor, A., Szathmáry, E., & Öllinger, M. (2015). Problem solving stages in the five square problem. *Frontiers in Psychology*, 6, 1050. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01050>
- Filyaeva, O. V., & Korovkin, S. Yu. (2015). Povedencheskie patterny insaita [Behavioral patterns of an insight]. In E. V. Pechenkova & M. V. Falikman (Eds.), *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya* [Cognitive science in Moscow: new studies] (pp. 444–449). Moscow: Buki Vedi; IPPiP.
- Fleck, J. I., & Weisberg, R. W. (2004). The use of verbal protocols as data: An analysis of insight in the candle problem. *Memory & Cognition*, 32(6), 990–1006. <https://doi.org/10.3758/BF03196876>
- Fox, M. C., Ericsson, K. A., & Best, R. (2011). Do procedures for verbal reporting of thinking have to be reactive? A meta-analysis and recommendations for best reporting methods. *Psychological Bulletin*, 137(2), 316–344. <https://doi.org/10.1037/a0021663>
- Gilhooly, K. J., & Fioratou, E. (2009). Executive functions in insight versus non-insight problem solving: An individual differences approach. *Thinking & Reasoning*, 15(4), 355–376. <https://doi.org/10.1080/13546780903178615>
- Jones, G. (2003). Testing two cognitive theories of insight. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 29(5), 1017–1027. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.29.5.1017>
- Jung-Beeman, M., Bowden, E. M., Haberman, J., Frymiare, J. L., Arambel-Liu, S., Greenblatt, R., Reber, P. J., & Kounios, J. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2(4), Article e97. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097>
- Kaplan, C. A., & Simon, H. A. (1990). In search of insight. *Cognitive Psychology*, 22(3), 374–419. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(90\)90008-R](https://doi.org/10.1016/0010-0285(90)90008-R)
- Katona, G. (1940). *Organizing and memorizing: studies in the psychology of learning and teaching*. New York, NY: Columbia University Press.
- Kelly, G. A. (1955). *The psychology of personal constructs: Vol. 1. A theory of personality*. W.W. Norton and Co.
- Kershaw, T. C., & Ohlsson, S. (2004). Multiple causes of difficulty in insight: the case of the nine-dot problem. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 30(1), 3–13. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.30.1.3>
- Klein, G., & Jarosz, A. (2011). A naturalistic study of insight. *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*, 5(4), 335–351. <https://doi.org/10.1177/1555343411427013>
- Knoblich, G., Ohlsson, S., & Raney, G. E. (2001). An eye movement study of insight problem solving. *Memory & Cognition*, 29(7), 1000–1009. <https://doi.org/10.3758/BF03195762>
- Knoblich, G., Ohlsson, S., Haider, H., & Rhenius, D. (1999). Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 25(6), 1534–1555. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.6.1534>
- Korovkin, S., Savinova, A., Padalka, J., & Zhelezova, A. (2021). Beautiful mind: grouping of actions into mental schemes leads to a full insight Aha! experience. *Journal of Cognitive Psychology*, 33(6–7), 620–630. <https://doi.org/10.1080/20445911.2020.1847124>
- Korovkin, S., Vladimirov, I., Chistopolskaya, A., & Savinova, A. (2018). How working memory provides representational change during insight problem solving. *Frontiers in Psychology*, 9, 1864. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01864>
- Kounios, J., & Beeman, M. (2014). The cognitive neuroscience of insight. *Annual Review of Psychology*, 65, 71–93. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115154>
- Kounios, J., Fleck, J. I., Green, D. L., Payne, L., Stevenson, J. L., Bowden, E. M., & Jung-Beeman, M. (2008). The origins of insight in resting-state brain activity. *Neuropsychologia*, 46(1), 281–291. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2007.07.013>

- Kutuzova, A. B., & Vladimirov, I. Yu. (2017). Razreshenie leksicheskoi neodnoznachnosti kak mekhанизма решения вербальной инсайтной задачи: особенности переноса функционального решения [Solving the lexical ambiguity as a mechanism of solving a verbal insight task: the specifics of transferring the functional solution]. In *Psichologiya – nauka budushchego* [Psychology – the science of tomorrow] (pp. 461–465). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Laukkonen, R. E., & Tangen, J. M. (2018). How to detect insight moments in problem solving experiments. *Frontiers in Psychology*, 9, 282. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00282>
- Lavric, A., Forstmeier, S., & Rippon, G. (2000). Differences in working memory involvement in analytical and creative tasks: An ERP study. *NeuroReport*, 11(8), 1613–1618. <https://doi.org/10.1097/00001756-200006050-00004>
- Lazareva, N. Yu., & Vladimirov, I. Yu. (2019). The influence of fixedness on the formation problem incorrect representation and the emergence of insight solutions. *Uchenye Zapiski Rossiiskogo Gosudarstvennogo Sotsial'nogo Universiteta*, 18(4), 22–30. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2019-18-4-22-30> (in Russian)
- Litchfield, D., & Ball, L. J. (2011). Rapid communication: Using another's gaze as an explicit aid to insight problem solving. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 64(4), 649–656. <https://doi.org/10.1080/17470218.2011.558628>
- Loftus, E. F. (2003). Make-believe memories. *American Psychologist*, 58(11), 867–873. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.58.11.867>
- Luo, J., & Knoblich, G. (2007). Studying insight problem solving with neuroscientific methods. *Methods*, 42(1), 77–86. <https://doi.org/10.1016/jymeth.2006.12.005>
- MacGregor, J. N., & Cunningham, J. B. (2008). Rebus puzzles as insight problems. *Behavior Research Methods*, 40(1), 263–268. <https://doi.org/10.3758/BRM.40.1.263>
- MacGregor, J. N., Ormerod, T. C., & Chronicle, E. P. (2001). Information processing and insight: a process model of performance on the nine-dot and related problems. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 27(1), 176–201. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.27.1.176>
- Markina, P. N., Makarov, I. N., & Vladimirov, I. Yu. (2018). Information processing at the impasse stage when solving an insight problem. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psichologiya*, 11(2), 34–43. (in Russian)
- Metcalfe, J., & Wiebe, D. (1987). Intuition in insight and noninsight problem solving. *Memory & Cognition*, 15(3), 238–246. <https://doi.org/10.3758/BF03197722>
- Moroshkina, N. V., Ammalainen, A. V., & Savina, A. I. (2020). Catching up with insight: modern approaches and methods of measuring insight in cognitive psychology. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 13(74). (in Russian)
- Novick, L. R., & Sherman, S. J. (2003). On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*, 56(2), 351–382. <https://doi.org/10.1080/02724980244000288>
- Ohlsson, S. (2011). *Deep learning: How the mind overrides experience*. Cambridge University Press.
- Öllinger, M., Jones, G., Faber, A. H., & Knoblich, G. (2013). Cognitive mechanisms of insight: the role of heuristics and representational change in solving the eight-coin problem. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 39(3), 931–939. <https://doi.org/10.1037/a0029194>
- Öllinger, M., Jones, G., & Knoblich, G. (2014). Insight and search in Katona's Five-Square problem. *Experimental Psychology*, 61(4), 263–272. <https://doi.org/10.1027/1618-3169/a000245>

- Osgood, C. E. (1952). The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*, 49(3), 197–237. <https://doi.org/10.1037/h0055737>
- Robbins, T. W., Anderson, E. J., Barker, D. R., Bradley, A. C., Fearnighough, C., Henson, R., Hudson, S. R., & Baddeley, A. D. (1996). Working memory in chess. *Memory & Cognition*, 24(1), 83–93. <https://doi.org/10.3758/BF03197274>
- Salvi, C., Beeman, M., Bikson, M., McKinley, R., & Grafman, J. (2020). TDCS to the right anterior temporal lobe facilitates insight problem-solving. *Scientific Reports*, 10(1), 1–10. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-57724-1>
- Schooler, J. W., Ohlsson, S., & Brooks, K. (1993). Thoughts beyond words: When language overshadows insight. *Journal of Experimental Psychology: General*, 122(2), 166–183. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.122.2.166>
- Shen, W., Yuan, Y., Liu, C., & Luo, J. (2016). In search of the aha-experience: Elucidating the emotionality of insight problem solving. *British Journal of Psychology*, 107(2), 281–298. <https://doi.org/10.1111/bjop.12142>
- Spiridonov, V., Loginov, N., & Ardislamov, V. (2021). Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm. *Journal of Cognitive Psychology*, 33(6–7), 685–699. <https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1900198>
- Spiridonov, V., Loginov, N., Ivanchei, I., & Kurgansky, A. V. (2019). The role of motor activity in insight problem solving (the case of the nine-dot problem). *Frontiers in Psychology*, 10, 2. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00002>
- Thomas, L. E., & Lleras, A. (2009). Swinging into thought: Directed movement guides insight in problem solving. *Psychonomic Bulletin & Review*, 16(4), 719–723. <https://doi.org/10.3758/PBR.16.4.719>
- Tikhomirov, O. K. (1969). *Struktura myslitel'noi deyatel'nosti cheloveka: (Opyt teoretycheskogo i eksperimental'nogo issledovaniya)* [The structure of the human thinking activity (an attempt of theoretical and experimental research)]. Moscow: Moscow University Press.
- Tikhomirov, O. K., & Vinogradov, Yu. E. (2008). Emotsii v funktsii evristik [Emotions as a function of heuristics]. In *Psichologiya myshleniya* [The psychology of thinking] (pp. 443–450). Moscow: AST: Astrel'.
- Valueva, E. A., & Ushakov, D. V. (2017). Insight and incubation in thinking: the role of awareness processes. *Sibirskii Psichologicheskii Zhurnal / Siberian Journal of Psychology*, 63, 19–35. <https://doi.org/10.17223/17267080/63/2> (in Russian)
- Vladimirov, I. Yu., & Bushanova, A. S. (2020). Detektsiya tupika pri pomoshchi povedencheskikh markerov [Detection of a dead-end with the help of behavioral markers]. In *Tvorchestvo v sovremenном мире: человек, общество, технология* [Creativity in modern world: person, society, technology] (pp. 106–108). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Vladimirov, I. Yu., & Chistopolskaya, A. V. (2019). Eye-tracking and cognitive monitoring as the methods of insight process objectification. *Eksperimental'naya Psichologiya / Experimental Psychology*, 12(1), 167–179. <https://doi.org/10.17759/expsy.2019120113> (in Russian)
- Vladimirov, I. Yu., & Pavlishchak, O. V. (2015). Preodolenie fiksirovannosti kak vozmozhnyi mehanizm insaitnogo resheniya [Overcoming fixedness as a possible mechanism of the insight solution]. In *Sovremennye issledovaniya intellekta i tворчества* [Modern research on intelligence and creativity] (pp. 48–64). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Vladimirov, I. Yu., Korovkin, S. Yu., Lebed', A. A., Savinova, A. D., & Chistopol'skaya, A. V. (2016). Upravlyayushchii kontrol' i intuitsiya na razlichnykh etapakh tvorcheskogo resheniya [Executive control and intuition at different stages of creative solving]. *Psichologicheskii Zhurnal*, 37(1), 48–60.

- Vladimirov, I. Yu., Makarov, I. N., & Kuznetsova, A. A. (2020). Dinamika metakognitivnykh otsenok i emotSIONAL'nye prediktory stadii resheniya v protsesse resheniya insaitnykh zadach [The dynamics of metacognitive appraisals and emotional predictors of the solving stage in the process of solving insight tasks]. In *Tvorchestvo v sovremenном мире: человек, общество, технологии* [Creativity in the modern world: man, society, technologies] (pp. 104–106). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Vladimirov, I. Yu., & Markina, P. N. (2017). Objective and subjective impasse in insight problem solving. *Vestnik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 3, 76–80. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2017-3-76-80> (in Russian)
- Vladimirov, I. Yu., & Smirnitskaya, A. V. (2018). Dynamics and level of executive control loading while solving insight-type problems: evoked potentials method. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psichologiya*, 11(2), 19–33. (in Russian)
- Webb, M. E., Little, D. R., & Cropper, S. J. (2018). Once more with feeling: Normative data for the aha experience in insight and noninsight problems. *Behavior Research Methods*, 50(5), 2035–2056. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0972-9>
- Weisberg, R. W. (1995). Prolegomena to theories of insight in problem solving: A taxonomy of problems. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds), *The nature of insight* (pp. 157–196). The MIT Press.
- Weisberg, R. W. (2013). On the “demystification” of insight: A critique of neuroimaging studies of insight. *Creativity Research Journal*, 25(1), 1–14. <https://doi.org/10.1080/10400419.2013.752178>
- Weisberg, R. W. (2015). Toward an integrated theory of insight in problem solving. *Thinking & Reasoning*, 21(1), 5–39. <https://doi.org/10.1080/13546783.2014.886625>
- Wong, T. J. (2009). *Capturing ‘Aha!’ moments of puzzle problems using pupillary responses and blinks* [Doctoral dissertation, University of Pittsburgh].

CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS COGNITION IN PSYCHOSEMANTICS

V.F. PETRENKO^a, O.V. MITINA^a, A.P. SUPRUN^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

К проблеме сознания и бессознательного в психосемантике

В.Ф. Петренко^a, О.В. Митина^a, А.П. Супрун^a

^a*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

Abstract

This article examines the methodology of empirical research in psychology that was developed in Russia to study the structure and content of consciousness at different levels, individual or group, with varying degrees of accessibility for reflection. The psychosemantic method stems from studies implementing Charles Osgood's semantic differential and George Kelly's personal construct theory. The construction of a semantic space is different from measurement procedures in the natural sciences. Rather, a system of categorical structures and connotative meanings serves as a reference for empathy, immersion of oneself in an individual or collective mentality of the other (or, in the case of studying self-understanding and reflection, in one's own). From this perspective, psychosemantic methods are related to projective psychological tests but are more formalized, objective, and verifiable. This paper provides an account of the quantitative operational indicators applied in psychosemantics to conduct comparative studies. These indicators include the dimensionality of semantic space, (i.e., a number of generalized categories that

Резюме

В статье рассматривается методология эмпирических исследований в психологии, которая была разработана в России для изучения структуры и содержания сознания на разных уровнях — индивидуальном или групповом, с разной степенью доступности для рефлексии. В основе психосемантического подхода лежит методология семантического дифференциала Чарльза Огуда и теория личных конструктов Джорджа Келли. Построение семантического пространства отличается от процедур измерения в естественных науках. Скорее, система категориальных структур и коннотативных значений служит операциональной основой для эмпатии, понимания индивида или коллективного субъекта (погружения себя в сознание этого субъекта или, в случае изучения самопонимания и рефлексии, в свое собственное). С этой точки зрения психосемантические методы связаны с проективными психологическими тестами, но являются более формализованными, объективными и поддающимися проверке. В этой статье представлены количественные операционные индикаторы, применяемые в психосемантике для проведения сравнительных исследований. Эти показатели включают размерность

This research was funded by RSF, project N 21-18-00624.

Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 21-18-00624.

form this space, and their hierarchical and organizational structure), and the comparative measures of similarity between spaces. Examples of using the psychosemantic approach in studying the process of categorization and perception in altered states of consciousness under hypnosis, in developmental psychology, political psychology, and psychology of art, are presented. The article presents the research carried out by the authors over different years and does not set itself the task of describing the entirety of Russian psychology on the problem of consciousness and the unconscious.

Keywords: psychosemantics, semantic space, cognitive complexity, similarity, sign, category of perception, group consciousness.

Viktor F. Petrenko — Head of the Laboratory “Psychology of Communication”, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, DSc in Psychology, Member of the Russian Academy of Sciences, Professor.

Research Area: general psychology, psychosemantics, theory of consciousness and unconsciousness.

E-mail: victor-petrenko@mail.ru

Olga V. Mitina — Lead Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: psychosemantics, political psychology, general psychology, quantitative psychology, synergetics.

E-mail: omitina@inbox.ru

Anatoly P. Suprun — Senior Researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Ph. D. in Psychology. Research Area: psychosemantics, psycholinguistics, psychophonetics.

E-mail: anatoly.suprun@gmail.com

семантического пространства, т.е. количество обобщенных категорий, образующих это пространство, их иерархическую и организационную структуру, а также сравнительные меры сходства между пространствами. Приведены примеры использования психосемантического подхода при изучении процесса категоризации и восприятия измененных состояний сознания под гипнозом, в психологии развития, политической психологии, психологии искусства. В статье представлены исследования, проведенные авторами в разные годы, и не ставится задача описать всю российскую психологию по проблеме сознания и бессознательного.

Ключевые слова: психосемантика, семантическое пространство, когнитивная сложность, сходство, знак, категория восприятия, групповое сознание.

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией «Психология общения», факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, профессор МГУ. Сфера научных интересов: общая психология, психосемантика, теория сознания и бессознательного.

Контакты: victor-petrenko@mail.ru

Митина Ольга Валентиновна — ведущий научный сотрудник, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психосемантика, политическая психология, общая психология, количественная психология, синергетика.

Контакты: omitina@inbox.ru

Супрун Анатолий Петрович — старший научный сотрудник, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психосемантика, психолингвистика, психофонетика.

Контакты: anatoly.suprun@gmail.com

Different philosophers, linguists, and psychologists have pointed out a close connection between consciousness and language. For instance, Martin Heidegger (1962) stated: "Language is the house of being", while Ludwig Wittgenstein (1922) wrote that "The limits of my language mean the limits of my world." Alexander Luria (2007) discussed how language "doubles" the world. Here, "language" refers not only to natural human language, but to any system of meanings that describes physical reality, psychological images, and states, or prescribes some activity or behavior. One may speak of the language of facial expressions and gestures, dance and pantomime, the language of cinema and theatre, and the semiotics of ballet and architecture, road signs, and clothes (see Lotman, 1992). Various languages (primarily natural languages) help carry out the processes of thinking and communication, self-awareness and prognosis, reflection, and self-reflection. Through language consciousness, we can express "implicit models" of various domains of the subject, social or inner world of self-awareness. George Kelly (1955) regarded individual cognition as similar to how a scientist gains knowledge about the world. Based on individual or collective experience, he or she constructs hypothetical models of a fragment of reality. When we go shopping and spend money, we all function as naïve economists; when we vote for a certain party or candidate, we act as naïve political scientists; attending theatres or museums, we become spontaneous art critics; and building relationships with others we act as naïve psychologists, etc. However, without being an expert in a certain field, a person is typically unaware of these implicit models and their categorical structure.

It can be compared with differences between the concepts of "language performance" and "language competence". A little child perfectly speaks its native language ("language performance"), but is unaware of its rules of grammar and syntax, ("language competence"), whereas an adult starts learning a foreign language by acquiring formal rules ("language competence") and may never achieve fluency. Similarly, our implicit models of different fragments of reality can operate in a performance mode without being reflected.

At the same time, anyone is capable of using implicit knowledge to produce a variety of specific statements interconnected by the logic of implicit models. Empirical psychosemantics seeks to determine the inner content of these implicit models and describe their categorial structure. This method originated from Ch. Osgood's work on semantic differential (Osgood et al., 1957) and G. Kelley's personal construct psychology (repertory grid technique) (Kelly, 1955)).

In the early seventies V. Petrenko (1983), A. Shmelev (1983), and E. Artemyeva (1999) began to use these methods in the USSR. As the well-known American psychologist Michael Cole writes: "Petrenko uses techniques developed in the United States to address a classic problem in Russian psychology" (Cole, 1993). Indeed, psychosemantics derives its methodological foundations from the school of psychological thought founded by the Soviet psychologists Lev Vygotsky, Alexey Leontiev, and Alexander Luria. But unlike the theory of reflection, our methodological approach emphasizes the activity of an individual (in line with the principles of constructivism), with an individual constructing possible or sometimes alternative models of the reality he or she is exploring (Petrenko, 2002).

By applying various techniques of constructing semantic spaces as operational models of the categorical structure of consciousness, as well as developing new ones, we have significantly expanded their use, employing them in the study of consciousness (Petrenko, 1988, 2009; Petrenko, Mitina, 2014; Suprun et al., 2007), individual and collective mentality in cross-cultural psychology (Petrenko, 2009), developmental psychology (Petrenko, Mitina, 2018a), gender psychology (Mitina, Petrenko, 2010), psychology of art (Petrenko, 2014) and political psychology (Petrenko, Mitina, 2018b).

Parameters of a semantic space represent the cognitive organization of consciousness. For instance, a number of obtained factors show the individual's cognitive complexity regarding a given subject. Human consciousness is heterogeneous, and a person can have a high level of cognitive complexity (the number of factors), say, in the perception of football teams, but may demonstrate a low level in the perception of political parties; similarly, one's level of cognitive complexity can be high in economics, but low in art. Affects "flatten" semantic spaces, while spiritual insights can increase their complexity. The percentage of the variance of each factor (or the perceptual power of category) shows the subjective importance of a category and is closely related to an individual's motivation. For example, if an ambitious person is asked to evaluate others, the factor with the highest variance contribution rate will be associated with their social status. Changes in connotative meanings of a semantic space resulting from some manipulation (such as psychotherapy involving hypnosis, see Petrenko et al., 2006) occur in an orderly manner within the logic of affine transformation, rather than as a chaotic "Brownian motion".

Intercorrelations between factors represent the interrelations of categories in human consciousness. For example, at the dawn of Christianity wealth and virtue were negatively correlated: "It is easier for a camel (or "a rope" in a different translation of the Bible) to go through the eye of a needle than for a rich man to enter the kingdom of God" (The Holy Bible, n.d.). People voluntarily gave away their possessions and lived in virtuous poverty. Thus, the vectors of "virtue" and "wealth" pointed in opposite directions. A millennium after, in Protestant Christianity, the vector of "virtue" reversed its direction and now this quality was attributed to prosperous property owners, while beggars and vagrants in Victorian England were condemned to workhouses. Finally, the coordinates of the analyzed objects in a semantic space demonstrate the so-called connotative meanings (integral individual meaning combined with a personalized meaning) and characterize the individual's attitude to these objects.

The construction of a semantic space is different from measurement procedures in the natural sciences. Rather, a system of categorical structures and connotative meanings serves as a reference for empathy, immersion of oneself in the individual or collective mentality of the other (or, in the case of studying self-understanding and reflection, in one's own). From this perspective, psychosemantic methods are related to projective psychological tests but are more formalized, objective, and verifiable.

We have studied the interrelation between consciousness and language in a series of hypnosis experiments, in which a certain meaning was prohibited from

being activated. Hypnotic suggestion blocking a certain object (e.g., a cigarette) results in the loss of an entire subject domain semantically connected with the prohibited object (Petrenko, Kucherenko, 2007). The subject is “blind” not only to the blocked object, e.g., cigarettes, but also to an ashtray filled with cigarette butts, matches, and a lighter, that are related to the process of lighting a cigarette. Or he or she twirls an “unfamiliar object” (a lighter) in their hands, and calls it a medicine tube. I.e., hypnotic manipulation inhibits the object reference of the meaning “lighter”.

Our findings were instrumental in distinguishing between “seeing” something and “being aware” of it. Subjects do not stumble into the “invisible” object, i.e., they see it, but are not aware of it. In one of the experiments, after being told to experience a specific emotional state, the hypnotized subject had to fill in some questionnaires. The experiment was held in a room on a university campus, with each room occupied by two students, and the subject’s roommate asked permission to be present during the experiment.

The experimenters did not object, but, just as a precaution, they told the hypnotized subject not to see his roommate so that the subject could not be distracted. After being implanted in a particular emotional state, the subject started filling in questionnaires. (Each emotional state was thoroughly “cleaned out” after the experiment and the subject felt well and happy.)

Meanwhile, the “invisible” roommate decided to shave. The electric rattling sound disturbed the hypnotized subject. (The experimenters made the roommate invisible, but they forgot to make him inaudible.) The subject almost exhausted himself trying to identify the source of the buzzing sound. He got up from his chair and took a few steps towards the source of the weird sound. The roommate jumped up from his bed, frightened by the sight of the sleepwalker, but centimeters before reaching him the subject stopped and went into a deeper trance (Petrenko, Mitina, 2014).

We can note that in Zen Buddhism one method of entering altered states of consciousness is the use of logically paradoxical koans (Petrenko, Suprun, 2018). Construction of a paradox leads to altered states of consciousness and can help to expand and overcome what Buddhism calls “duality”, or the subject-object opposition. In any case, numerous examples demonstrate that the object of perception can be located right in front of a person without him/her being aware of it. In a scene from Leo Tolstoy’s classic novel “War and Peace”, the French retreating from Moscow shoot down an exhausted friend of Pierre Bezukhov and Pierre witnesses this tragedy without realizing it. Strong emotions and affects can block consciousness and cause its narrowing. Another way of narrowing consciousness, by blocking its verbal flow, is the repeated recitation of mantras in Hinduism and Buddhism, or the Jesus Prayer in Orthodox Hesychasm. Repeated recitation causes the verbal flow to reach saturation point, halts the stream of verbal consciousness, which then transforms into an intensive stream of visuals, akin to waking dreams. E. Shattock (1994) gives an example of dynamic meditation practiced in the Buddhist monasteries of Burma, which narrows consciousness and leads to a transition to dream-like states similar to prophetic visions. A practitioner, isolated from the world, day after day walks in a confined space, consciously aware of the dynamics of each step.

As a result of repetition and constant reflection, consciousness narrows, and sensory thresholds are lowered. From some point on, the stream of consciousness stops, and inner perception is translated into a stream of parable-like visual dreams that have personal meaning for the practitioner.

The method of constructing semantic spaces as operational analogs of categorial structures of consciousness has been extensively applied in our studies of cross-cultural and gender psychology (Petrenko, 2009; Petrenko, Aliyeva, 1987; Mitina, Petrenko, 2010; Petrenko, Mitina, 2018a). Our studies showed that everyday stereotypes are similar among men and women within one national culture but can be strikingly different from the mentality of other national cultures. We have studied the specifics of categorization and mentality by applying the method of constructing semantic spaces to Russian and Georgian idioms, as well as to several other languages.

The algorithms employed by ethnopsychology to identify the specifics of mentality have proven to be an efficient tool in political psychology (Petrenko, Mitina, 2018a). They can be used to study the values of political parties, as well as to analyze the dynamics of political mentality, types of political mentality, geopolitical images of foreign states and their political leaders, and representation of the life quality in various periods of Soviet and Russian history.

The collapse of the Soviet Union and global changes in the economic and political systems in Russia in the early 90s led to changes in the political mentality both at the levels of society and the individual. These processes and the changes associated with them required a psychological interpretation. To meet this demand, an almost new field of research emerged in Russian psychological science, namely, political psychology.

An important factor that allows answers to many questions about social and political mentality, values of society, and so on, is the reconstruction of the semantic spaces of political parties. Here we are not interested in their legal registration or the presence of a large number of members and supporters; instead, our interest is in the existence of common political views, common positions concerning the most pressing political issues, expressed in party documents as a result of their political activity. This means that we study all groups that exist de jure or de facto as political parties. Recalling Vygotsky's definition, "the meaning is an altered form of action", it is possible to say that the positions of political parties are the meanings in the psychosemantic space of the political consciousness.

Political parties, as unions of politically active individuals who pursue comparable political goals and maintain relatively similar political attitudes, act as collective carriers of particular ideologies. Psychologically, political parties may be seen as the groups that convert various interests of different social groups into the language of political demands and programs available for rational comprehension and contemplation. Furthermore, through the struggle of ideas, political parties can stimulate the creation of new cognitive constructs and new systems of meanings in individuals. Analyses of both individual and collective meanings of political parties can provide researchers with an opportunity to predict the dynamics of attitudes and their formation, and forecast some political development in society.

Several models can be used for the political parties' semantic spaces' construction and investigation (Petrenko, Mitina, 2018a).

Construction of the semantic spaces of political parties. To construct a semantic space, we evaluate the ideological unity of the parties, identify and interpret the bases for similarities and differences between political parties, and determine the dimensionality of the semantic space of political parties as an index of the diversity of political sphere in society and the cognitive complexity/simplicity of political consciousness. Determining the coordinates of parties in the semantic space provides for the awareness of how much a particular political aspect is expressed in a party's position, represented by the content of a factor, as well as similarities with other parties. In addition, clustering is performed, representing the groupings of parties based on the similarity of their political attitudes that enables the prediction of possible political alliances. The studies were done in 1991 (in the USSR, Kazakhstan), 1993 (in Russia).

Determining the coordinates of parties in the semantic space provides for the awareness of how much a particular political aspect is expressed in a party's position, represented by the content of a factor, as well as similarities with other parties.

Construction of the semantic space of political parties' images. In contrast to the previous task, here respondents are ordinary voters evaluating the parties' policies as "outside observers" according to multiple descriptor scales (e.g., "This party enjoys broad popular support", "This party represents the interests of small and medium-sized businesses", "This party is backed by the President", "This party represents left-wing ideology", etc.). With this procedure, the evaluation of parties is more subjective and dependent on political propaganda, mass media, and political advertising. In contrast to political parties' members who are a more homogeneous sample, parties' evaluation by the "people from the street" is more diverse, the variance is higher, and it seems reasonable for some specific tasks (for example, to assess the image of parties as perceived by different social groups) to construct semantic spaces of images for homogeneous groups of respondents. The study was conducted in Russia in 1995.

Evaluation of the electoral power of political parties. We assess the degree of support for a particular party by the population using the procedure of projection of voters' positions onto the semantic space of parties. Each respondent answers all the items of the questionnaire that representatives of political parties have already answered. As a result, it is possible to determine the coordinates of the political position of a given subject in the space of political parties and to calculate which party he/she is closer to in terms of political beliefs. This procedure allows researchers to build a sort of electoral cloud of citizens' political positions, and to determine around which parties the density of voters is the highest, as well as to build up their demographic profiles. In our studies, the electoral density of parties, as defined by the methods of psychosemantics, has demonstrated a high correlation with the actual data from parliamentary elections.

The political semantic space obtained from the analysis of group data represents the positions of people with different political views. Such a common group space

(constructed using the results of the studies of representative samples) allows us to make a heuristic parliamentary or presidential election forecast, however this can be as misleading as reporting the average group temperature of patients in a hospital. For a variety of socio-psychological and socio-political studies, it is important to pay attention to political ideas (ideologems), political constructs that circulate within society, rather than the average opinion. Here, the aim is to develop a political typology of the nation and define different types of political mentality. Analysis of the political mentality dynamics is necessary to predict the development of political processes taking place in society, ensuring informed choice of “a model of the desired future” from a variety of possible scenarios and conscious elimination of undesirable scenarios.

We solve the problem of establishing the genetic relationship of semantic spaces representing the mentality of society at different time stages, by establishing correction factor relationships of descriptors on the assumption of low variability of the ideology of a party (i.e., objects) over a fairly short time interval, and then describe the dynamics of the objects of the analysis themselves in the combined space of descriptors.

Analysis of people's perceptions about the quality of life. The quality of life depends on many components. Among them are the level of well-being, social freedoms, good ecology, the warm human contact in one's family, at work environment, and in society. It includes the absence of military threats and natural disasters, as well as belief in a happy future for yourself and your children, the opportunity to receive a good education and qualified medical care, etc. Thus, the quality of life is a multidimensional construct that includes various aspects of individual and social life. In our studies devoted to the perceptions of the Russian population about the quality of life in different periods of the country's history, we used images of governments (from Lenin's to Putin's) as role positions, and several dozen judgments about various aspects of the quality of life were used as descriptors. Respondents of different ages were asked to rate the quality of life of the population under a given government on a gradual scale.

The analysis has revealed that the numerous indicators of the quality of life can be reduced to three independent factors: “Political Freedoms”, “Material Well-being” and “Meaningfulness of Life”. The first two factors have proven to be quite stable across samples from different age groups and with various political affiliations. The first studies were conducted in 1992 and 1994 in Russia. Their dynamic trajectory was reproduced twice in the follow-up surveys conducted 10–15 years later. However, the situation is different for the perceived meaningfulness of life.

Local peaks and troughs for the older and younger generations are significantly different. Also of interest is a significant discrepancy among people of different ages in the indicators for the Meaningfulness of Life factor for the periods when Stalin and Yeltsin governed. The study shows that awareness of the history of one's own country, which is extremely necessary for the formation of the political position of a citizen, nevertheless, does not rigidly determine his/her attitudes to this history. There is some kind of age-related inbreeding of the spiritual atmosphere inherent in various historical stages, a certain spiritual tuning fork that adjusts the

passionarity of society (L. Gumilyov's term), relatively independent from the levels of material wealth and political freedoms.

Also, the dynamics of this factor were different in the follow-up measurements. It is noteworthy that respondents invariably positively evaluate the current period on this factor, while a retrospective look at the not-so-distant past tends to be rather critical.

Analysis of geopolitical perceptions allows us to see (and evaluate) national foreign policy through the eyes of Russian citizens. In this regard, it is interesting (as well as important for supporting foreign policy, to analyze the population's ideas about the geopolitical map of the world; analysis of images of different countries; an assessment of the degree of friendliness towards Russia and its citizens on the part of the governments and citizens of these countries and, finally, analysis of auto stereotypes, i.e., the images of Russia and its population as perceived by Russian citizens themselves. The task of studying the stereotypes of perception of countries that are subjects of international politics, as well as the study of the system of categories through the prism of which the perception and assessment of these countries are carried out is solved by constructing semantic spaces, where the objects of assessments by a set of descriptors (characterizing the level of development of the freedoms and democratic principles, the state of the armed forces, the religiosity of society, etc.) are the images of countries (their auto- and hetero-stereotypes).

Our research has revealed the existence of an invariant categorical structure underlying the perception of foreign countries by respondents from different countries. At the same time, perception of both closest regional neighbors and the world's most powerful nations is affected not only by cultural identification with the country (civic identity) but also by long-term residence in another country, even if the original civic identity is preserved. The multiple studies were performed on various samples from different countries between 1992 and 2019.

As with the images of political parties, the images of political leaders represent a variety of political and moral values in a semantic space, along with professional and personal characteristics that a performer on the political stage, consciously or unconsciously, conveys to ordinary citizens via mass media. Psychosemantic methods of multidimensional assessment of a political leader's image allow us to provide a differentiated picture of how a politician's personality is perceived. Respondents evaluate images of various political leaders according to a set of primary constructs that characterize politicians on personal, professional, and ideological levels. By applying multivariate analysis procedures (e.g., factor analysis, discriminant analysis, cluster analysis, structural equation modeling), the set of initial attributes can be compressed into a limited number of characteristics that can subsequently be used to analyze the similarities between political leaders, as well as their advantages over each other.

Normally a category emerges related to the assessment of a politician's public performance in terms of morality, and determination to improve the quality of life on a national or even global level. Another category is charisma, an essential professional quality in political leaders, along with professional skills that enable them to handle their job efficiently.

These two characteristics seem to be universal for all countries, although additional culturally specific qualities can be identified. For instance, in Russia in 2012–2015 such characteristics were approval of a strong-hand policy, as well as the attitude towards the West (the traditional philosophical dichotomy between pro-Westernism and Slavophilia). On the whole, multiple studies of image perception of political leaders were done using different samples from different countries between 1991 and 2018.

Within psychosemantics, we studied the ontogeny of child cognitions in the domain of interpersonal perception using the method of constructing semantic spaces on fairy-tale characters (Petrenko, 1988).

The Fairy-Tale Semantic Differential (FSD) was designed for children 4–10 years old (i.e. of preschool and primary school age) to reconstruct the semantic space of a child's interpersonal perception and to reveal categories of this semantic space (personal constructs), its content, and the number of these categories. The number of personal constructs correlates with the child's cognitive complexity. Also, the use of FSD enables the determination of the levels of self-evaluation and socialization. This method can be used in paper-pencil mode and computer mode (Petrenko et al., 2016).

During the survey session, which can be done personally by a specialist, the child shares with the interviewer his/her opinions about some fairy characters from a fixed list according to a formalized list of personal traits. The items corresponding to these traits are verbal expressions that can be easily understood by children of this age.

If the child agrees that a character possesses a certain trait, his/her response is coded as 1; disagreement is coded as -1. The question can also be evaded by choosing a "Somewhat so" answer. In this case, the response is coded as 0.

Along with fairy-tale characters, the child assesses himself/herself and can also additionally assess significant adults (parents, kindergarten, or school teachers) and peers.

Each child can determine significant correlations between traits and then reveal common correlations for different subgroups of children formed according to gender, ethnicity, social problems in the family, and so on. For example, boys use the variable "crybaby" most often as the opposite (negatively correlating) to "loyal friend" and "bold", while for girls "crybaby" can be the opposite of "evil" and "rude".

The individual protocol of fulfilling the FSD is a table that contains the number of rows equal to the number of evaluated characters and the number of columns equal to the number of personal traits. This data matrix can be processed using principal component analysis. Each extracted principal component corresponds to the personal construct of this individual. The set of traits that have the highest factor loadings on this component fosters understanding the content of the corresponding personal construct. The impact of each component in total variance shows their hierarchy. The child's semantic space is reconstructed based on results of answering the FSD. The fairy-tale characters' images, and images of self and (optionally) significant adults (parents, teachers) are presented by their coordinates in this space as dots. Such a graph helps the specialist (counselor, psychologist) to

reconstruct the child's worldview in the field of interpersonal communication and look at this world through the child's eyes and understand this child much better.

By analyzing the position of "Myself" in the semantic space and by comparing it with those of other characters we can determine the child's self-esteem.

Moreover, by analyzing the positions of additional personages and identifying the degree of their closeness to the positions of the fairy-tale characters the nature of the child's attitude to a certain adult can be determined.

The calculated indicators of cognitive complexity, socialization, and self-evaluation allow us to compare children with norms and determine the levels of their cognitive development. Cognitive complexity is defined as the dimensionality of the multidimensional space of primary variables, while socialization is seen as a measure of the similarity of the ratings that a child ascribes to characters with the ratings that are considered standard in the society in which his or her socialization is taking place.

The results obtained demonstrate that these indicators vary by age and gender and that the social situation of child's development determines their levels.

Psychosemantics has also gained wide application in the psychology of art, where it can be used to analyze a work of art, as well as its perception by the viewer. A series of studies were conducted to examine the perception of painting and cinema (Petrenko, 2014).

According to Yu. Lotman, a self-portrait explicates an inner dialogue of the artist within himself, and such a dialogue unfolds when translating the meaning of work from the language of painting into an ordinary verbal language. An empirical study of the artist's personality was carried out based on a psychosemantic analysis of his self-portraits. The psychosemantic analysis of the artist's comments about his 72 self-portraits, combined with the positions of the self-portraits in the semantic space built on their basis, makes it possible to identify a system of personal constructs, along the "channels" of which the process of self-awareness is carried out, to explicate a person's ideas concerning themselves. Thus, the methodology used has acted as a powerful means of self-knowledge and reflection of the artist's self (Petrenko, Mitina, 2016).

By studying the perception of films in terms of their psychological content and the audience's ability to discover the underlying deeper meanings we can get a more refined understanding of the translational characteristics of art in general and cinema art in particular in conveying various sociocultural meanings to an individual. The phenomenon of art is largely based on empathy or intuition: the viewer, capable of identification and empathy, can adopt the characters' perspectives or engage in an internal dialogue with them, either supporting or questioning their value systems. The work required to develop meaning and understand a work of art is carried out both in a dialogue with an external interlocutor and as a dialogue of introjects (images of significant others) inside one's mind and demands much more effort than common empathy. The psychosemantic methods used to analyze the process of perception include the multiple identification methods, when respondents are asked to evaluate characters according to a comprehensive set of characteristics (describing their personality, value system, etc.), and the attributive

motive scheme, in which respondents explain the characters' actions by various motives. The resulting individual motive spaces can act as a certain test of the viewer's internal motivation.

Consciousness is characterized by its intention and subject; it defines the world through causal links and functions within the categories of space and time. To study the content of individual and collective consciousness we construct multidimensional semantic spaces in a Cartesian coordinate system.

More often Euclidean distance is used to determine the similarity between evaluated objects, but it is also possible to use the Minkowski metric of any degree (Euclidean distance is a specific case of Minkowski for degree equals 2) (Mitina, Petrenko, 1999; Petrenko, 2013).

The research into the collective unconscious resonates with the principles of quantum physics, where synchronous resonant states that exist beyond time and space are dominant (Jung, 1952; Pauli, 1933; Lindorf, 2011; Petrenko, Suprun, 2017). Such states are defined in the language of a Hilbert space. A holographic model of brain function was developed based on the research on wave processes (Pribram, 1971).

Both Buddhist philosophers and modern physicists (Penrose, 1994; Bohm, 1957) define being as non-local, considering it to be a complex multidimensional system, where "everything is interconnected with everything" and the physical and mental worlds are inextricably linked. Creative ideas are formed in the unconscious or as a result of categorization (Bruner, 1973), and then reduced to a perceptual image or a rational scheme of thought. This process resembles the reduction of the wave function in quantum physics (von Neumann, 1932), and in psychology, it represents the process of translating a mental state into the language of an objective and conscious view of the world (Petrenko, Suprun, 2017).

Thus, psychosemantics is developed both in the research of individual consciousness and social mentality and in studies of the individual, collective, and even, possibly cosmic unconsciousness.

References

- Artemieva, E. Yu. (1999). *Sub'ektivnaya psikhosemantika* [Subjective psychosemantics]. Moscow: Smysl.
- Bohm, D. (1957). *Causality and chance in modern physics*. Harper.
- Bruner, G. (1973). *Going beyond the information given*. New York, NY: Norton.
- Cole, M. (1993). Editor's introduction. *Journal of Russian & East European Psychology*, 31, 3–4.
- Heidegger, M. (1962). *Being and Time* (trans. by J. Macquarrie and E. Robinson). London, England: SCM Press. (Original work published 1927 in German)
- Jung, C. (1952). *Synchronicity: A causal connecting principle*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kelly, G. (1955). *Theory of personality. The psychology of personal constructs*. New York, NY: Norton Company.
- Lindorf, D. (2011). *Pauli and Jung: The meeting of two great minds*. Quest Books.
- Lotman, Yu. (1992). *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis; Izdatel'skaya gruppa "Progress".

- Luria, A. (2007). *Lektsii po obshchey psikhologii* [General psychology lectures]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Mitina, O., & Petrenko, V. (1999). Topologiya i metrika v psikhosemanticheskikh modelyakh soznaniya [Topology and metrics in psychosemantic models of consciousness]. In *Metody issledovaniya psikhologicheskikh struktur i ikh dinamiki* [Research methods of psychological structures and their dynamics] (pp. 97–123). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Mitina, O., & Petrenko, V. (2010). Psychosemantic approach to studying gender role attitudes. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 350–411.
- Osgood, Ch., Suci, G., & Tannenbaum, P. (1957). *The measurement of meaning*. University of Illinois Press.
- Pauli, W. (1933). Die allgemeinen Prinzipien der Wellenmechanik [The general principles of wave mechanics]. In H. Geiger & K. Scheel (Hg.), *Handbuch der Physik* [The Physics handbook] (2. Auflage, Bd. 24, T. 1, SS. 83–272). Berlin: Springer.
- Penrose, R. (1994). *Shadows of the mind: A search for the missing science of consciousness*. New York, NY: Oxford University Press.
- Petrenko, V. F. (1983). *Vvedeniye v eksperimental'nyu psikhosemantiku* [Introduction to experimental psychosemantics]. Moscow: Moscow University Press.
- Petrenko, V. F. (1988). *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow: Moscow University Press.
- Petrenko, V. F. (2002). Constructivism paradigm in psychology. *Psikhologicheskiy Zhurnal*, 23(3), 113–121. (in Russian)
- Petrenko, V. F. (2009). *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics] (3rd ed.). Moscow: Eksmo.
- Petrenko, V. F. (2013). *Mnogomernoye soznaniye – psikhosemanticheskaya paradigma* [Multi-dimensional consciousness: the psychosemantic paradigm]. Moscow: Eksmo.
- Petrenko, V. F. (2014). *Psikhosemantika iskusstva* [Psychosemantics of art]. Moscow: MAKS Press.
- Petrenko, V., & Aliyeva, L. (1987). Issledovaniye etnicheskikh stereotipov s ispol'zovaniem metodiki "Mnozhestvennykh identifikatsii" [Study of ethnic stereotypes using the method of "Multiple identifications"]. *Psikhologicheskiy Zhurnal*, 8(6), 46–54.
- Petrenko, V. F., & Kucherenko, V. V. (2007). Meditatsiya kak neposredstvennoye poznaniye [Meditation as direct cognition]. *Metodologiya i Istochniki Psichologii* [Methodology and History of Psychology], 2(1), 164–189.
- Petrenko, V. F., Kucherenko, V. V., & Viyal'ba, Ju. (2006). Altered states of consciousness psychosemantics (on the alcoholism's hypnotherapy material). *Psikhologicheskiy Zhurnal*, 27(5), 16–27. (in Russian)
- Petrenko, V. F., & Mitina, O. V. (2014). A psychosemantic approach to the study of meanings. In S. Kreitler & T. Urbánek (Eds.), *Conception of meaning* (pp. 33–57). New York, NY: Nova Publisher.
- Petrenko, V. F., & Mitina, O. V. (2016). Self-portrait as a way of self-reflection and self-understanding. *Peterburgskii Psikhologicheskiy Zhurnal*, 17, 16–47. (in Russian)
- Petrenko, V. F., & Mitina, O. V. (2018a). *Politicheskaya psikhologiya: psikhosemanticheskii podkhod* [Political psychology: the psychosemantic approach]. Moscow: Sotsium.
- Petrenko, V. F., & Mitina, O. V. (2018b). Fairytale semantic differential technique: diagnostic possibilities. *Psychological Science and Education*, 23(6), 41–54. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230604>
- Petrenko, V. F., Mitina, O. V., Gambarian, M. P., & Menchuk, T. I. (2016). Fairy-tale semantic differential. *Voprosy Psichologii*, 4, 148–161. (in Russian)

- Petrenko, V., & Suprun, A. (2017). *Metodologicheskiye peresecheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki* [Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics]. Moscow: Nestor-Istoriya.
- Petrenko, V., & Suprun, A. (2018). Soznaniye i vremya (psikhologicheskiy i fizicheskiy aspekty) [Consciousness and time (psychological and physical aspects)]. *Mir Psichologii*, 94(2), 58–76. (in Russian)
- Pribram, K. (1971). *Languages of the brain. Empirical paradoxes and principles in neuropsychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.
- Shattock, E. H. (1960). *An experiment in mindfulness*. New York, NY: E.P. Dutton & Co., Inc.
- Shmelev, A. G. (1983). *Vvedenie v eksperimentalnuyu psikhosemantiku* [Introduction to experimental psychosemantics]. Moscow: Moscow University Press.
- Suprun, A., Yanova, N., & Nosov, K. (2007). *Metapsikhologiya: Relyativistskaya psikhologiya. Kvantovaya psikhologiya. Psikhologiya kreativnosti* [Metapsychology: Relativistic psychology. Quantum psychology. Psychology of creativity]. Moscow: URSS.
- Von Neumann, G. (1932). *Mathematische Grundlagen der Quantenmechanik* [Mathematical foundations of quantum mechanics]. Heidelberg: Springer.
- The Holy Bible. (n. d.). Mark, Chapter 10, verse 25. Retrieved October 19, 2021, from <https://www.obible.com/cgi-bin/ob.cgi?version=bbe&book=mak&chapter=10>
- Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus logico-philosophicus*. New York, NY: Harcourt, Brace, and Company.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 250 экз. Печ. л. 18